

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ-ПУШКИНСКИЙ ДОМ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ АРХИВ

МАТЕРИАЛЫ
ПО ИСТОРИИ ЛИТЕРАТУРЫ
И ОБЩЕСТВЕННОГО ДВИЖЕНИЯ

3

Под редакцией
М.П.АЛЕКСЕЕВА

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА - ЛЕНИНГРАД
1 9 5 1

ПРЕДИСЛОВИЕ

Настоящим выпуском «Литературного архива» Институт русской литературы Академии Наук СССР возобновляет издание серии сборников неопубликованных документов и материалов, извлеченных из богатейших собраний, хранящихся в Рукописном отделе Института.*

Научная разработка этих замечательных и ценнейших собраний, накопленных Институтом более чем за сорокалетний период (первые их поступления в Пушкинский Дом относятся к 1908 году) и заключающих в себе в настоящее время несколько сотен тысяч архивных документов, ведется непрерывно и в разных направлениях; однако публикация этих материалов, среди которых, между прочим, находится большое число еще мало изученных и вовсе не издававшихся ценнейших рукописей крупнейших русских писателей XVIII—XX вв., идет медленно, не имеет еще планомерного и систематического характера и поэтому нередко отстает от задач советской историко-литературной науки. Издаваемые Институтом русской литературы «Бюллетени Рукописного отдела» (вып. 1, 1947; вып. 2, 1950) преследуют прежде всего справочно-информационные цели — ознакомления широкой научной общественности с богатствами, хранящимися в его рукописных коллекциях; они играют роль путеводителей по рукописным собраниям Отдела в целом и по отдельным его фондам.

* Первый выпуск «Литературного архива», посвященный Пушкину (под ред. С. Д. Балухатого, Н. К. Пиксанова и О. В. Цехновицера), вышел в свет в 1938 г.; второй (под заглавием «Шестидесятые годы») — в 1940 г.; изданию «Литературного архива» предшествовали разнообразные сборники материалов, издававшиеся Пушкинским Домом с 1913 г.

Поэтому в «Бюллетенях» печатаются обзоры наиболее значительных и научно актуальных фондов и автографов отдельных писателей, систематические перечни новых поступлений, различного рода справочные указатели к отдельным коллекциям и т. д. Взять на себя задачу систематической публикации отдельных фондов или групп рукописных документов «Бюллетени» не могли по самому характеру издания. Многие из этих документов, доступ к которым широко открыт всем советским исследователям, ими интересующимся, нередко принуждены долгое время дожидаться своего обнародования в различных тематических сборниках, несмотря на то, что они заключают в себе весьма интересные и поучительные данные о нашем литературном прошлом; иные из них публикуются за пределами институтских изданий, иногда — в извлечениях, выборках, произвольных цитатах, печатаются неточно, с ошибками. Перед Институтом русской литературы и его Рукописным отделом стоит очевидная и неотложная задача: нисколько не ослабляя публикации своих архивных богатств в особых сборниках, например в изданиях, посвящаемых изучению отдельных писателей (Пушкина, Некрасова и т. д.), приступить к систематическому выпуску в свет очередных сборников «Литературного архива», в которых будет осуществляться постепенная публикация всех прочих документов, по тем или иным причинам еще не обнародованных, но имеющих значение для изучения всего богатства и многообразия явлений прошлой литературной жизни во всем ее идейном содержании и эстетической значимости.

В «Литературном архиве» будут печататься разнообразные рукописные материалы, относящиеся прежде всего к выдающимся русским писателям за последние два века: автографические рукописи художественных произведений, письма, дневники, воспоминания, критическая проза, цензурные документы и т. д., дающие новые данные о творчестве этих писателей, о их замыслах и труде, о той жизненной и творческой борьбе, которая сопровождала и определяла их деятельность. Предлагаемый вниманию читателей очередной выпуск «Литературного архива», как и подготавливаемые к печати последующие выпуски, составлен из

разнородных материалов, имеющих далеко не одинаковую историческую и литературную ценность: в издании, ставящем своей целью постепенное и планомерное опубликование всех рукописных документов, избежавших внимания исследователей, такая разнородность и пестрота материалов, публикуемых по мере их обнаружения в Рукописном отделе, составляет естественное и закономерное явление. Не приходится лишний раз подчеркивать, что публикация всех рукописных богатств Института русской литературы ведется уже не один десяток лет и что многие важнейшие рукописи фондов уже были опубликованы в свое время. Тем не менее только систематическое дальнейшее их изучение может помочь выявлению случайно упущенных документов и находке новых, среди которых, несомненно, окажутся в будущем данные первоклассного исторического значения.

В настоящем выпуске «Литературного архива» публикуются архивные материалы, относящиеся к жизни и деятельности А. С. Пушкина, А. И. Герцена, Н. А. Добролюбова, Д. И. Писарева, И. А. Гончарова, А. Н. Островского, И. С. Тургенева. Значительный интерес представляют новонайденные отрывки из ранней автобиографической повести А. И. Герцена и наброски его же критической статьи начала 30-х годов. Два письма Н. А. Добролюбова 1860—1861 гг. дают несколько новых данных для его биографии, в частности для характеристики его редакционной работы в «Современнике»; несомненный интерес имеют также еще не публиковавшиеся письма Н. А. Добролюбову В. М. Добровольского. Публикуемые впервые по рукописи «Несколько отрывочных воспоминаний о Д. И. Писареве» (1868) дяди его по материнской линии А. Д. Данилова дают ряд интересных штрихов к биографии знаменитого русского критика-демократа. Связка писем И. А. Гончарова к И. И. Льховскому (1857—1860), известных до сих пор лишь по случайным цитатам, публикуется полностью, ввиду того несомненного значения, которое эти письма имеют для биографии Гончарова и, в особенности, для творческой истории его романа «Обломов». Извлеченная из архива А. Н. Островского неоконченная «волшебная драматическая сказка» «Иван-Царевич», не представляя собой зна-

чительной художественной ценности, тем не менее имеет существенное значение для исследователей его драматического творчества, так как является одним из звеньев на том пути, который привел его к созданию «Снегурочки».

Из богатейшего собрания писем И. С. Тургенева, хранящихся в Пушкинском Доме (среди которых имеется несколько сот еще не опубликованных), в настоящий сборник вошло лишь несколько десятков писем самого Тургенева и два письма к нему (В. В. Стасова и С. А. Рачинского). Несомненно, что ряд этих писем выбран случайно, но среди них есть и такие, которые представляют значительный литературный и биографический интерес. Отметим, например, что в сборнике печатается группа ранних писем Тургенева (конца 30-х годов), того времени, от которого сохранилось наименьшее количество документов, писанных его рукой. Сборник включает несколько неопубликованных писем А. Мицкевича, Ф. Шиллера и Ч. Диккенса, извлеченных из различных рукописных собраний Пушкинского Дома: большинство их представляет интерес также и для истории русской литературы.

В подготовке к печати и комментировании публикуемых текстов принимали участие: Б. В. Томашевский, Э. Э. Найдич, Е. М. Хмелевская, К. Н. Григорьян, С. А. Рейсер, А. И. Груздев, Л. М. Добровольский, В. В. Данилов, М. П. Султан-Шах, М. П. Алексеев, Б. Н. Капелюш, Л. П. Клочкова, Г. Ф. Граменицкая, Н. В. Алексеева, М. И. Малова, Т. В. Гармашева, К. Н. Державин, В. М. Жирмунский.

Рукописи публикуются по новой орфографии, но с соблюдением всех характерных особенностей языка документа; пунктуация подновлена лишь в некоторых случаях, особо не оговариваемых, для лучшего понимания текста; варианты выносятся под текст. Пополнения слов даются в ломаных скобках < >; если в текст вводятся зачеркнутые слова, то они заключаются в прямые скобки []; иностранные слова и фразы снабжаются русским переводом под текстом. Документы сопровождаются реальным комментарием, а также пояснительными введениями.

В сносках даны: под буквами алфавита курсивом — варианты и примечания публикатора, под звездочками — переводы с иностранных языков, под римскими цифрами — подстрочные примечания, имеющиеся в публикуемом документе; арабские цифры в тексте соответствуют порядковым номерам примечаний комментария.

А. С. ПУШКИН

«ЛИЦЕЙСКОЕ ЧЕТВЕРОСТИШИЕ»

Известно буди всем, кто только ходит к нам:
Ногами не топтать парчевого дивана,
Который получил мой праотец Фатам
В дар от персидского султана.

Печатается по копии, сделанной одним из лицестов, из собраний Пушкинского лицейского музея (дар Н. Фетисова) (ИРЛИ, ф. 244, оп. 25, № 285).

Запись приведенного четверостишия находится на том же листке, на котором аккуратной рукой А. Д. Илличевского написано принадлежащее его перу «Послание к моему рисовальному учителю» (т. е. Чирикову).

При первом же взгляде на запись можно определить, что писал ее не автор. Так, первый стих ошибочно разбит на два:

Известно буди всем,
Кто только ходит к нам...

Автор не мог бы сделать такой ошибки.

Имя «Фатам» в третьем стихе показывает, откуда взяты эти стихи. Ясно, что приведенное четверостишие является цитатой из какого-то более крупного произведения, так как само по себе оно не имеет законченного смысла. Если бы это было стихотворное произведение, то переписчик, вероятно, не ограничился бы этими четырьмя стихами и для большей осмысленности текста переписал бы и соседние стихи. Следовательно, надо предположить, что эти стихи являлись частью какого-то прозаического произведения, где фигурировал Фатам. Такое произведение назвать не трудно.

В лицейском дневнике Пушкина под 10 декабря 1815 г. читаем: «Вчера написал я третью главу Фатама или разума человеческого: Право естественное» (Пушкин. Полн. собр. соч., т. XII, Изд. АН СССР, М., 1949, стр. 298).

От этого произведения до нас ничего не дошло. Только П. В. Анненков и В. П. Гасвский сообщили нам со слов товарищей Пушкина содержание этой повести. В «Материалах для биографии А. С. Пушкина»

П. В. Анненков писал: «Некоторые из его товарищей еще помнят содержание романа: „Фатама“, написанного по образцу сказок Вольтера. Дело в нем шло о двух стариках, моливших небо даровать им сына, жизнь которого была бы исполнена всех возможных благ. Добрая Фея возвещает им, что у них родится сын, который в самый день рождения достигнет возмужалости и, вслед за этим, почестей, богатства и славы. Старики радуются, но Фея полагает условие, говоря, что естественный порядок вещей может быть нарушен, но не уничтожен совершенно: волшебный сын их с годами будет терять свои блага и нисходить к прежнему своему состоянию, переживая вместе с тем года юности, отрочества и младенчества до тех пор, пока снова очутится в руках их беспомощным ребенком. Моральная сторона сказки состояла в том, что изменение натурального хода вещей никогда не может быть к лучшему» (Сочинения Пушкина, т. I, 1855, стр. 24).

В. П. Гаевский, упоминая об этой восточной «сказке» Пушкина, писал: «Содержание ее мы слышали с некоторыми подробностями: супруги просили у судьбы сына самого разумного, каких еще не бывало; но как в природе все развивается в ту или другую сторону, то им обещано, что сын их родится необыкновенно умным, с годами же постоянно будет терять способности и, наконец, обратится в детство. Действительно, родившись, он был чрезвычайно учен, говорил по-латыни, и едва выглянув на свет, спросил — *ubi sum?* * и т. д.» («Пушкин в Лицее и лицейские его стихотворения». «Современник», 1863, т. ХСVII, № 7, стр. 158).

Вот все, что мы знаем об этом романе. Повидимому, данное четверостишие представляет собой «надпись» к дивану. В описанном роде романов подобные «надписи», равно как изречения оракулов и т. п., часто излагались в форме стихотворений.

Данное четверостишие подтверждает рассказ Гаевского, который сообщает, что «Фатам» является восточной сказкой.

* Где я? (лат.).

«СТИХОТВОРЕНИЕ «19 ОКТЯБРЯ 1827»»

Бог помощь вам, друзья мои,
В заботах жизни, царской службы,
И на пирах разгульной дружбы,
И в сладких таинствах любви.

Бог помощь вам, друзья мои,
И в бурях, и в житейском горе,
В стране чужой, в пустынном море,
И в мрачных пропастях земли!

Печатается по автографу ИРЛИ (ф. 244, оп. 1, № 1676).

Стихотворение Пушкина «19 октября 1827», посвященное празднованию одной из лицейских годовщин, в последней своей строке содержит привет его товарищам-декабристам, находившимся в сибирской ссылке. Эта мысль поэта о друзьях юности, томившихся в казематах и отбывавших каторжные работы, ставит указанное стихотворение в один ряд с написанными им в том же году посланием «В Сибирь» и стихотворением «Арион». Известно, что после разгрома декабрьского восстания 1825 г. в творчестве Пушкина продолжали звучать революционные мотивы, что он никогда не мог забыть о декабристах.

Далеко не все обстоятельства возникновения указанного стихотворения Пушкина, а также истории его распространения в списках, до его первого появления в печати, можно считать вполне выясненными. Напомним прежде всего, что стихотворение «19 октября 1827» дошло до декабристов, повидимому, вскоре после его написания, не позже начала 1828 г. Мы имеем об этом свидетельство близкого друга Пушкина, декабриста И. И. Пущина.

«В своеобразной нашей тюрьме, — писал И. И. Пущин, — я следил с любовью за постоянным литературным развитием Пушкина; мы наслаждались всеми его произведениями, являвшимися в свет, получая почти

все повременные журналы. В письмах родных и Энгельгардта, умевшего найти меня и за Байкалом, я не раз имел о нем некоторые сведения. Бывший наш директор прислал мне его стихи „19-го октября 1827 года“». «И в эту годовщину, — писал Пушкин далее, — в кругу товарищей-друзей Пушкин вспомнил меня и Вильгельма, заживо погребенных, которых они не досчитывали на лицейской сходке» (И. И. Пушкин. Записки о Пушкине, М.—Л., 1937, стр. 96—97).

Письмо Е. А. Энгельгардта к И. И. Пушкину с текстом стихотворения не сохранилось. (Ответные письма И. И. Пушкина к Е. А. Энгельгардту собраны в книге: И. И. Пушкин. Записки о Пушкине и письма, ред. С. Я. Штрайха, М.—Л., 1927; существенное дополнение к ним составляют письма Пушкина, опубликованные в статье Б. Л. Модзалевского «З листування декабристів» в книге «Юбілейний збірник на пошану академіка Д. І. Багалія» («Збірник історично-філологічного відділу ВУАН», № 51. Киев, 1927, стр. 883—900). Однако известны две заслуживающие внимания копии данного стихотворения: первая — в цитированных выше «Записках» декабриста Пушкина; вторая — на листе из альбома приятельницы Пушкина Е. М. Хитрово, снятая ею с автографа из не сохранившегося письма к ней Пушкина. (Пушкин. Полн. собр. соч., т. III, Изд. АН СССР, М., 1948, стр. 619).

Известно далее, что стихотворение «19 октября 1827», в искаженном виде, под заглавием «К товарищам молодости» было напечатано впервые в журнале «Славянин», 1830, ч. XV, № XIII, стр. 51 (подпись: П.), а затем вошло в «Стихотворения Александра Пушкина» издания 1832 г., ч. III, стр. 193, уже под заглавием «19 октября 1827» (см. Н. Синавский и М. Цявловский. Пушкин в печати. 1814—1837 г. М., 1914, стр. 92 и 116).

Автограф стихотворения «19 октября 1827» до сих пор известен не был. Одно время предполагалось, что текст стихотворения, посланный Е. А. Энгельгардтом И. И. Пушкину, был написан рукою Пушкина, однако это была несомненная ошибка. Так, П. А. Ефремов (Сочинения Пушкина, т. II, СПб., 1880, стр. 420) указывал, что в руках И. И. Пушкина был автограф; однако, уже в следующем издании того же П. А. Ефремова (СПб., 1882, т. II, стр. 403) слово «автограф» исправлено на «список». Естественно предположить, как это сделал Н. О. Лернер (Сочинения Пушкина, под ред. С. А. Венгерова, т. IV, стр. XIV), что в первом случае Ефремов ошибся.

В 1949 г. в Пушкинский фонд Института русской литературы (Пушкинский Дом) Академии Наук СССР поступил находившийся ранее в Отделе рукописей Государственной Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде автограф этого стихотворения. Рукопись была приобретена Публичной библиотекой еще в 1916 г. от известного коллекционера П. Л. Вакселя и занесена в книгу поступлений Отдела рукописей

Подарила
25 Октября 1827

Товарищ мой
Мне восточное слово
Вспомнишь о тебе
Дружок
А в сладком
Товарищ мой
Мне восточное слово
Мне восточное слово
Мне восточное слово

Автограф стихотворения А. С. Пушкина «19 октября 1827».
Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Академии
Наук СССР.

в качестве копии стихотворения Пушкина. В литературе о Пушкине эта рукопись не упоминалась. При тщательном изучении почерка данной рукописи было установлено, что она является автографом Пушкина.

Рукопись представляет собой сложенный вдвое желтый лист альбомной бумаги, вырванный из середины записной книжки и образующий таким образом два листа. На втором листе находится написанный карандашом автограф стихотворения «19 октября 1827», причем часть букв обведена позднее другой рукой (также карандашом). Над текстом стихотворения, поверх полустершихся цифр сделана следующая надпись: «п о д а р и л К о р н и л о в 23 ф е в р а < л я > 1829». На обороте второго листа набросан план дома (один чертеж). С наружной стороны первого листа владелец рукописи крупными буквами сделал надпись: «Пушкин». Здесь же сохранились полустершиеся колонки цифр. На обороте первого листа чья-то рука карандашом набросала еще один план дома и расчеты к нему (три чертежа и цифры). Если изучение почерка описываемой рукописи привело к заключению, что стихотворение писано рукою Пушкина, то все указанные ее чертежи и записи дают, кроме того, возможность вполне точно установить время и место возникновения рукописи.

Обратим внимание прежде всего на помету: «п о д а р и л К о р н и л о в 23 ф е в р а < л я > 1829». Эта запись, сделанная рукою владельца рукописи, неопровержимо свидетельствует о том, что рукопись первоначально принадлежала лицейскому товарищу Пушкина, Александру Алексеевичу Корнилову (1801—1856). По выходе из лицея (9 июня 1817 г.) Корнилов поступил прапорщиком в лейб-гвардии Московский полк, в котором прослужил до 1827 г. Любопытно, что он был заподозрен в сочувствии восстанию 14 декабря 1825 г. (в том же полку служили декабристы Михаил Бестужев и Д. А. Щепин-Ростовский), подвергался аресту, но выпущен был на свободу за отсутствием улик и продолжал военную службу. В 1828—1829 годах, состоя уже в чине полковника, Корнилов участвовал в русско-турецкой войне и был ранен 25 сентября 1828 г. при штурме Варны (биографические сведения о Корнилове, с привлечением рукописных данных, сообщены в книге: Н. Гастфрейнд. Товарищи Пушкина по императорскому царскосельскому лицее. Материалы для словаря лицестов первого курса 1811—1817 г., т. III, СПб., 1913, стр. 165—178).

Из дошедшей до нас переписки бывшего директора лицея Е. А. Энгельгардта с его прежними воспитанниками явствует, что в феврале 1829 г. Корнилов приехал в Петербург и что здесь он виделся с некоторыми из своих лицейских товарищей, в частности, с А. Д. Тырковым и И. В. Малиновским.

25 февраля 1829 г. (т. е. через два дня после даты, выставленной на интересующем нас автографе) Энгельгардт писал Ф. Ф. Матюшкину: «Корнилов с подстреленным, но вылеченным носом и контузией в бок получил прямо Анну с алмазами, с коим у меня и явился. — Малинов-

ский очень нечаянно вчера вечером упал в мою комнату... Он застал у меня Тыркова, который пришел б о ч к о м — просить, чтобы я нарисовал ему план и фасад и сочинил смету и описание нового дома, который намерен построить в своей вотчине. Я ему на первый случай назначил только две комнаты детских, но в случае потребности можно приобщить еще одну из прилежащих. И для меня назначена вверху комната»... (Н. Гастфрейнд, ук. соч., т. II, стр. 61). Естественно предположить, таким образом, что сохранившиеся на описываемой рукописи планы двухэтажного дома и сметы к ним сделаны были для Тыркова в присутствии других лицейских товарищей Пушкина, в том числе и А. А. Корнилова.

Собраниям лицейстов в памятный для них день 19 октября была посвящена специальная статья К. Я. Грота «Празднование лицейских годовщин при Пушкине и после него» в издании «Пушкин и его современники», вып. XIII, 1910, стр. 38—89. К. Я. Грот указал здесь, что сведений о собрании лицейстов в 1826 г. не сохранилось и что не известно также, где происходило собрание и кто на нем присутствовал. Между тем некоторые данные о том, как прошла первая лицейская сходка после разгрома декабризма, после казни пяти декабристов и ареста бывших лицейстов — Кюхельбекера и Пушина, — содержатся в неопубликованной части письма Энгельгардта к бывшему лицейсту, также однокурснику Пушкина В. Д. Вольховскому от 21 октября 1826 г., хранящегося в архиве ИРАИ, (ф. № 244, оп. 25, № 92; в указанной выше книге Н. Гастфрейнда, т. I, СПб., 1912, стр. 53, опубликованы выдержки лишь из начала и конца этого письма). Вот что писал здесь Энгельгардт: «19-го октября мы собрались у Тыркова, имеющего довольно просторную квартиру. Нас было только 11 человек: Корф, Малиновский, Комовский, Стевен, Дельвиг, Яковлев, Иличевский, Мартынов, Тырков и я. Мы были собраны в честь 19-го октября, поминали старину, пели: в лицейском зале тишина, пели: они немножко гнилы, позвольте доложить и пр. Малиновский шумел, Иличевский острился и спрашивал невпопад, Яковлев паясил — но нельзя сказать, чтобы мы праздновали 19-го октября, что-то не праздновалось и веселость на все позывы не являлась».

Не было точных данных также и об участии Пушкина в лицейском торжестве следующего 1827 г. Брошенное вскользь и спустя много лет после этого вечера замечание Пушина о том, что Пушкин вспомнил его и Кюхельбекера в кругу товарищей-лицейстов, еще не давало достаточных оснований для такого утверждения. Поэтому о присутствии Пушкина на лицейской сходке 19 октября 1827 г. доньше ничего не говорилось ни в биографиях Пушкина, ни в различных документальных биографических сводках.

В архиве ИРЛИ хранится письмо Е. А. Энгельгардта к В. Д. Вольховскому от 23 ноября 1827 г., которое, думается нам, устраняет всякие сомнения по этому поводу. Это письмо также было известно Н. Гастфрейнду, который привел из него несколько выдержек, а остальное пересказал весьма конспективно; в частности, Н. Гастфрейнд сообщил, что Энгельгардт в указанном письме «приводит экспромт Пушкина 19 октября „Бог помощь вам друзья“ и прибавляет: „Тут, как видишь ты, есть слово для всех“» (Н. Гастфрейнд, ук. соч., т. I, стр. 58, примеч. 1). Полный текст всего этого места в письме Энгельгардта гораздо интереснее. Вот что читается в подлиннике: «Пушкин... на лицейской сходке 19 октября сделал экспромт, который так мил, что я в прозаической своей памяти сохранил его... Тут, как ты видишь, есть слово для всех» (ИРЛИ, ф. 244, оп. 25, № 92). Таким образом, как видно из приведенной цитаты, Пушкин не только присутствовал на вечере, но будто бы даже здесь же и сочинил свой «экспромт». Именно так, повидимому, и следует понимать слова Энгельгардта, содержащие характерный галлицизм: «сделал экспромт». Представляется очень вероятным, что многозначительно подчеркнутое Энгельгардтом слово «всех» имеет в виду не столько весь удержанный им в памяти «экспромт», сколько именно его последнюю строку: содержащийся в ней намек Пушкина на отсутствовавших на вечере товарищей-декабристов Энгельгардту в письме к В. Д. Вольховскому удобнее всего было объяснить также лишь особо подчеркнутым словом («всех»). Отметим, кстати, что указанное письмо Энгельгардта к Вольховскому представляется очень интересным и в другом отношении: очевидно, что недошедшее до нас письмо Энгельгардта к И. И. Пущину, в котором был сообщен весь текст стихотворения «19 октября 1827», воспроизводило именно ту его редакцию, какая сообщалась и в письме Энгельгардта к Вольховскому от 23 ноября 1827 г., т. е. первоначальную, удержанную Энгельгардтом — если верить его свидетельству — на слух его «прозаической» памятью.

Отметим еще одну подробность, думается, весьма существенную для истории создания интересующего нас стихотворения. Всего лишь за несколько дней до 19 октября 1827 г., на одной из маленьких почтовых станций по дороге из Михайловского в Петербург Пушкин случайно встретился с Кюхельбекером. Заметка об этой встрече написана Пушкиным в Луге 15 октября 1827 г., а само свидание его с Кюхельбекером произошло накануне на станции Залазы. Пушкин находился на этой станции в тот самый момент, как сюда «подъехали 4 тройки с фельдгегерем... Я вышел взглянуть на них». Один из арестантов, «высокий, бледный и худой молодой человек с черною бородою, в фризовой шинеле», увидев Пушкина, взглянул на него с живостью. «Я невольно обратился к нему. Мы пристально смотрим друг на друга — и я узнаю Кюхельбекера. Мы кинулись друг другу в объятия. Жандармы нас растащили. Фельдгегерь

взял меня за руку с угрозами и ругательством — я его не слышал. Кюхельбекеру сделалось дурно. Жандармы дали ему воды, посадили в тележку и ускакали. Я поехал в свою сторону. На следующей станции узнал я, что их везут из Шлиссельбурга — но куда же?», (Пушкин. Полн. собр. соч., т. XII, Изд. АН СССР, М., 1949, стр. 307). Через несколько дней, оказавшись в Петербурге, Пушкин через знакомых, и прежде всего через Энгельгардта, узнал об участии Пущина, который в это время находился на пути из Шлиссельбурга в Читу. Судьба декабристов — товарищей по лицу глубоко волновала поэта. Слова стихотворения: «В мрачных простаях земли» относятся к Пущину и Кюхельбекеру.

В январе 1827 года было возбуждено дело о стихотворении Пушкина «Андрей Шенье»; Пушкина обвиняли в том, что стихотворение связано с событиями 14 декабря. Дело продолжалось весь 1827 год и осенью 1828 г. было закончено в Государственном совете, постановившем учредить над Пушкиным секретный надзор. П. А. Плетнев рассказывал Я. К. Гроту, что в этот период за окончание стихотворения «19 октября 1827» «Пушкину были сделаны внушения» (Я. К. Грот. Пушкин, его лицейские товарищи и наставники, СПб., 1899, стр. 81; ср. статью П. Е. Щеголева «А. С. Пушкин — в политическом процессе 1826—1828 гг.» в издании «Пушкин и его современники», вып. XI, СПб., 1909, стр. 1—51). Вскоре против Пушкина было возбуждено дело в связи с «Гавриилиадой».

Каким образом в 1830 г. Пушкин решился напечатать стихотворение «19 октября 1827», за которое получил внушение от властей? Можно предположить, что стихотворение было напечатано издателем «Славянина» А. Ф. Воейковым без разрешения Пушкина.

Последней строке интересующего нас стихотворения с ясным намеком на сибирские рудники Пушкин предпослал стих, который в публикуемом нами автографе читается иначе, чем в обычной редакции:

В стране чужой, в пустынном море

(в общеизвестном тексте: «В краю чужом, в пустынном море»). В этом стихе Пушкин обращается к одному из самых близких своих лицейских друзей и другу многих декабристов, известному деятелю русского флота и путешественнику Федору Федоровичу Матюшкину (1799—1872). Осенью 1827 г. Матюшкин завершил кругосветное плавание на шлюпе «Кроткий»; на дружеской вечеринке товарищей по лицу 19 октября он не присутствовал. Хотя с Пушкиным Матюшкин встретился после долгих лет разлуки лишь в ноябре 1836 г., незадолго до роковой дуэли поэта, но во все предшествующие годы они помнили и многое знали друг о друге. Несомненно, что, говоря о «пустынном море», Пушкин имел в виду кругосветное плавание, в котором находился Матюшкин; более чем вероятно,

что Пушкин прекрасно знал также о предшествующей этому путешествию деятельности Матюшкина по описанию Сибири. От воспоминания о «невольном» изгнаннике, столь тесно связавшем свое имя с исследованиями северо-восточных берегов Сибири, так естественно было перейти к издобрвольным изгнанникам, заключенным в «мрачных пропастях» того же далекого края. В написанном Пушкиным двумя годами ранее стихотворении «19 октября» («Роняет лес багряный свой убор...») Матюшкину посвящены следующие строки:

Сидишь ли ты в кругу своих друзей,
Чужих небес любовник беспокойный?
Иль снова ты проходишь тропик знойный
И вечный лед полунощных морей?
Счастливый путь!.. С лицейского порога
Ты на корабль перешагнул шутя,
И с той поры в морях твоя дорога,
О, волн и бурь любимое дитя!

Ты сохранил в блуждающей судьбе
Прекрасных лет первоначальных нравы:
Лицейский шум, лицейские забавы
Средь бурных волн мечталися тебе;
Ты простираал из-за моря нам руку,
Ты нас одних в младой душе носил
И повторял: «На долгую разлуку
Нас тайный рок, быть может, осудил!».

Каждое определение, каждая деталь этих замечательных пушкинских строк находят себе полное подтверждение в документальных данных, прежде всего в письмах самого Матюшкина, из которых ббльшая часть была лишь недавно обнаружена и опубликована еще далеко не полностью.

Известно, что в августе 1817 г. Матюшкин, прямо из лицея, «перешагнул» на борт военного шлюпа «Камчатка», отправлявшегося под командой Головнина в кругосветное плавание. Во время своих странствований Матюшкин посылал на родину письма близкому к нему человеку, бывшему директору лицея Е. А. Энгельгардту. Эти письма Матюшкина, представлявшие собой нередко подлинный путевой дневник, подробные и увлекательные, Энгельгардт охотно читал в кругу прежних своих воспитанников. В 1820—1824 годах Матюшкин принимал близкое участие в знаменитой полярной экспедиции — по северным берегам Сибири и по Ледовитому океану. Письма Матюшкина из этой экспедиции, в которых он делился своими открытиями, подробно описывал посещенные им местности и т. д., приобретали еще большее значение. Не удивительно, что уже в альманахе «Мнемозина» (1824, кн. I, стр. 172—176), несомненно благодаря Кюхель-

бекеру, опубликовано было одно из таких писем Матюшкина к Энгельгардту («Извлечение из письма к Е. А. Э... у Ф. М.»). Через несколько лет ряд подобных писем Энгельгардт перевел на немецкий язык и напечатал в своем издании: «Russische Miscellen zur genaueren Kenntniss Russland's und seiner Bewohner (St. Petersburg, 4 Theile, 1828, 1829, 1830, 1832; письма Матюшкина помещены в частях первой, стр. 121—142, и второй, стр. 135—136). И. И. Пушкин прочел эту книгу в сибирской ссылке. Долгое время подлинные письма Матюшкина к Энгельгардту считались утраченными. Недавно все эти письма за время с 1817 по 1824 г., а также дневники его путешествий были обнаружены в Отделе рукописей Государственной Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, в собрании принца П. А. Ольденбургского. Все эти рукописные материалы представляют большой интерес: в них содержится много новых данных о деятельности Матюшкина; из них наглядно выясняются его большие заслуги в развитии отечественной географической науки, этнографии, гидрографии и т. д. Большая их часть (начиная с 1820 г.), хотя и не вполне исправно, была опубликована (в книге «Путешествие по северным берегам Сибири и по ледовитому морю, совершенное в 1820, 1821, 1822, 1823, 1824 гг. экспедицией под начальством флота лейтенанта Ф. П. Врангеля». Изд. Главсевморпути, М., 1948, стр. 347—407; ср. заметку «Друг Пушкина — исследователь Севера» в «Литературной газете», 1949, № 68, и книгу Ю. В. Давыдова: «В морях и странах», Географиз, М., 1949). Неопубликованными остались ранние письма Матюшкина к Энгельгардту из его первого кругосветного плавания 1817—1819 годов, а в последующих осталось невоспроизведенным письмо, которое может представить для нас особый интерес как содержащее в себе данные о лицейских друзьях Матюшкина и лицейской годовщине. Некоторые из этих писем дают интересные комментарии к стихам Пушкина о Матюшкине. К объяснению стихов —

Иль снова ты проходишь тропик знойный
И вечный лед полуножных морей? —

может послужить неопубликованное письмо Матюшкина к Энгельгардту от 13 июня 1818 г. Здесь подробно сообщается о том, как шлюп «Камчатка», на котором плыл Матюшкин, пересек экватор: «23 октября мы были уже на экваторе! Мы были уже в южном полушарии! Какое великое пространство мы прошли в два месяца — это единственный пример в летописях морских. Всем мы обязаны капитану... Салютовав южное полушарие 9-ю выстрелами, капитан велел собрать всю команду на шканцы... После чего началось празднество, бывающее обыкновенно при перехождении через экватор... экватор мы прошли в 5-м часу утра в 29°28'50" на W от Гринвича» (Государственная Публичная библиотека, собрание принца П. А. Ольденбургского; в издании Главсевморпути этот фонд ошибочно назван собранием принца Сергея Ольденбургского).

Эти строки были написаны Матюшкиным в день, когда «Камчатка» уже стояла на рейде в Петропавловске. Вскоре, выполняя гидрографические работы в северной части Тихого океана, Матюшкин встретил «вечный лед полуношных морей».

В «своей блуждающей судьбе» Матюшкин сохранил «прекрасных лет первоначальны нравы». В неопубликованном письме Матюшкина от 19 октября 1820 г. рассказывается о том, как он праздновал лицейскую годовщину недалеко от берега Ледовитого моря. Это письмо носит черновой характер, поставленная карандашом дата «1817» не соответствует действительности, поэтому письмо пропущено в публикации Главсевморпути, не упоминается оно и в книге Ю. В. Давыдова. Вот текст этого письма (Собрание принца П. А. Ольденбургского):

«Вспомнили ли меня лицейские старички в сей день? — выпили ли за мое здоровье хотя одну рюмку вина? — где, под каким градусом долготы и широты предполагали меня в тот день? Не на берегах ли Омолона, в дымной юрте, греющегося подле огонька, держащего в одной руке юколу, в другой ковш с водою? — Так, друзья, так. Вы отгадали: в 30 верстах от устья Омолона находится бедная юрта, в которой живет семейство юкагирей, занимающихся рыболовством, там я сижу подле очага, мыслями же за 10.000 «верст», между Вами. Ничто не рассеивает меня. Вой собак изредка только прерывает мертвое молчание, кругом царствующее, казак спит в углу, несколько несчастных и обездоленных изнуренных болезнями и голодом юкагирей смотрят на меня и, кажется, не могут понять, отчего я иногда усмехаюсь. Несчастные, они и в прошедшем не могут наслаждаться! Жизнь их ряд горестей. Случайно я взглянул на часы, стрелка показывает 19 число. Ах, сегодня 19 октября, закричал я, казак проснулся, вскочил: Чего прикажете? — «Ставь чайник на огонь, давай сухарей, сушеного мяса, рыбу, крупы — всё, что есть» — чрез час у нас всё поспело и я стал подчивать юкагирей. — Ни казак, ни тунгусы не могли понять, что со мной сделалось, после обеда я заставил их петь, плясать и таким образом кончился вечер. 19 октября ночью я зажег в черепке рыбий жир, вынул перо и чернила и написал к Вам сии строки». (Письмо это было написано на пути к Нижнеколымску. Экспедиция Врангеля — Матюшкина спустилась вниз по течению Лены. Достигнув Якутска, Матюшкин отделился от экспедиции и отправился вперед на северо-восток в район Колымы для организации экспедиционной базы. 19 октября застало Матюшкина на берегу реки Омолон — притока Колымы).

На обороте письма Ф. Ф. Матюшкин сделал следующую приписку: «Письма я не успел написать к лицейским, но вот доказательство, что я их помню, всегда помню».

При двух письмах Матюшкина хорошо сохранилась ускользнувшая ранее от внимания исследователей продолговатая сургуточная печать. (Собрание принца П. А. Ольденбургского, в письмах от 20 февраля и от 3 апреля

1824 г.). В центре печати изображены две пожимающие друг друга руки — символ лицейского союза, а по краям ясно прочитывается текст: «Судьба на вечную разлуку быть может породнила нас». Эти строки из прощальной песни лицейстов Пушкин, слегка изменив, вложил в уста своего друга:

Ты постирал из-за моря нам руку,
Ты нас одних в молодой душе носил
И повторял: «На долгую разлуку
Нас тайный рок, быть может, осудил!».

Текст автографа стихотворения «19 октября 1827» содержит два незначительных разночтения по сравнению с текстом, напечатанным в 1832 г. (строки 1 и 5: «Бог помощь вам, друзья мои»; строка 7: «В стране чужой, в пустынном море»).

Для того, чтобы выяснить вопрос о тексте, следует обратить внимание на еще один неучтенный список стихотворения в письме Энгельгардта к Вольховскому от 23 ноября 1827 г. (Отдел рукописей ИРЛИ, ф. № 244, оп. 25, № 92). Этот список полностью совпадает с исходящим также от Энгельгардта пушкинским списком, и оба они имеют два общих отличия от всех остальных источников текста (строка 6: «И в счастье, и в житейском горе»; строка 8: «И в темных пропастях земли»).

Список Энгельгардта — Пушина, повидимому, представляет собой первоначальный текст стихотворения. Наш автограф, почти полностью совпадающий с копией Хитрово (отличия копии Хитрово от основного текста приведены в Полном собрании сочинений Пушкина, т. III. Изд. АН СССР, М., 1948, стр. 619), приближается к окончательной редакции. Здесь уже совпадают с окончательной редакцией строка 6 («И в бурях, и в житейском горе») и строка 8, где уточнен эпитет («И в мрачных пропастях земли»). Публикуемый текст и копия Хитрово отличаются от окончательной редакции строками 1 и 5 («Бог помощь вам, друзья мои») и строкой 7 («В стране чужой», а не «в краю чужом», как это читается в окончательной редакции). Кроме того, в копии Хитрово, очевидно, ошибочно, при переписке с подлинника, искажена строка 2 («В заботах жизни, в царской службе») и имеется строка 9, отсутствующая в других источниках текста, повторяющая строки 1 и 5 («Бог помощь вам, друзья мои»). Текст издания 1832 г. — окончательная редакция.

«ЗАПИСКА»

Согласен участвовать если имени моего не будет упомянуто, и если все условия редакции будут мне известны и сообразны с моими предположениями.

А. Пушкин

*Согласен участвовать если имени моего
не будет упомянуто, и если все условия
редакции будут мне известны и со-
образны с моими предположениями.
А. Пушкин*

Записка А. С. Пушкина. 1834 г.

Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Академии Наук СССР.

Данная записка является ответом Пушкина на предложение А. А. Плюшара, издателя и владельца типографии в Петербурге, участвовать в издании «Энциклопедического лексикона».

Отрицательное отношение Пушкина к подготавливавшемуся изданию было известно и до обнаружения публикуемого автографа — по его письмам, дневникам и по дневнику А. В. Никитенко. Такое отношение Пушкина объясняется тем, что руководить изданием должен был О. И. Сенковский или Н. И. Греч.

Плюшар был в приятельских отношениях с Гречем. В 1821 г. они жили в одном доме, и «это совместничество не только не мешало ни одному из нас, но и подавало нам случай делать друг другу взаимные услуги», — пишет Греч в статье «История первого энциклопедического лексикона в России» («Русский архив», 1870, № 7, стб. 1248). Так, например, летом 1824 г. Греч выступал в качестве переводчика на суде по делу ограбления

касси типографии Плюшара (кстати сказать, вор так и не был найден), что, по словам Греча, «еще более скрепило хорошие отношения между нами». Но несколькими строками выше Греч дает своему приятелю не очень лестную характеристику, называя его легкомысленным хвастуном.

Предпринимая издание лексикона, Плюшар предложил Гречу быть главным редактором, но Греч, не желая, чтобы его заподозрили в личной материальной заинтересованности, первоначально отказался от руководства и рекомендовал в качестве редактора Сенковского «как человека умного, многосторонне ученого, трудолюбивого и сметливого». Но, давая такую положительную оценку Сенковскому, Греч несколькими строками ниже говорит о его «недобросовестности и шарлатанстве».

Кандидатура Сенковского не встретила поддержки среди предполагавшихся сотрудников лексикона, и тогда Греч решил организовать открытый выбор главного редактора. Для этой цели 16 марта 1834 г. в доме Греча было назначено собрание будущих сотрудников издания.

Об этом собрании Пушкин писал В. Ф. Одоевскому 16 марта 1834 г.: «Я буду у Греча, ибо на то получил разрешение от Плетнева, который есть воплощенная совесть. Поедем; что за беда? Ведь это будет мирская сходка всей республики. Всего насмотримся и наслышимся — а в воровскую шайку не вступим» (Пушкин. Полн. собр. соч., т. XV, Изд. АН СССР, М., 1948, стр. 116). И в другой записке к нему же, датированной 15—16 марта 1834 г., читаем: «Едете ли Вы на совещание к Гречу? Если да, то отправимся вместе; одному ехать страшно: пожалуй побьют» (там же).

Из этих записей видно, что Пушкин с самого начала отрицательно относился к изданию, в котором должны были сотрудничать Греч, Булгарин и Сенковский.

В упомянутой выше статье Греча говорится о собрании следующее: «Собралось сто пять человек; в том числе члены пяти академий, профессора, литераторы, артисты и пр. Многие спрашивали: кто будет главным редактором? На это отвечали: извольте выбрать. Трое (Пушкин, Зайцевский и Свиньин) объявили, что не станут участвовать в делах собрания, не зная, кто главный редактор, и удалились. Они опасались и не хотели Сенковского. Предложили меня, и я был избран единогласно». Греч не рассказал здесь об оскорбительной для редакции публикуемой приписке Пушкина на листе со списком лиц, давших свое согласие на участие в лексиконе, которая, несомненно, была сделана на этом совещании. В своем дневнике Пушкин 17 марта 1834 г. записал: «Вчера было совещание литературное у Греча об издании Русского Conversation's Lexicon. Нас было человек со сто, большею частью неизвестных мне русских великих людей». (Это явно ироническое замечание Пушкина интересно сравнить со словами Греча о том, что на совещании присутствовали «члены пяти академий, профессора, литераторы, артисты и пр.»; очевидно, Греч пытался преувеличить авторитет выбравших его лиц). «Греч сказал мне предварительно: Плюшар

в этом деле есть шарлатан, а я пальяс: пью его лекарство и хвалю его. Так и вышло. Я подсмотрел много шарлатанства и очень мало толку. Предприятие в миллион, а выгоды не вижу. Не говорю уже о чести. 'Охота лезть в омут, где полощутся Булгарин, Полевой и Свиньин. — Гаевский подписался, но с условием. Князь Одоевский и я последовали его примеру» (Пушкин, ук. изд., XII, 322). Из этой записки видно, что Пушкин «опасался» не только Сенковского, как утверждал Греч.

Бывший на собрании А. В. Никитенко записал в своем дневнике: «Все присутствовавшие, в знак согласия, просто подписывали свое имя, а те, которые не согласны, просто не подписывали. Но князь Одоевский написал: «Согласен, если это предприятие и условия оно будут сообразны с моими предположениями». А Пушкин к этому прибавил: «С тем, чтобы моего имени не было выставлено» (А. В. Никитенко, Записки и дневник, т. I, СПб., 1893, стр. 323).

Публикуемый автограф Пушкина почти дословно совпадает с записью А. В. Никитенко.

В дневнике от 2 апреля 1834 г. Пушкин еще раз упоминает об издании лексикона: «Кн. Одоевский, Доктор Гаевский, Зайцевский и я исключены из числа издателей Conversation's Lexicon. Прочие были обижены нашей оговоркою; но честный человек, говорит Одоевский, может быть однажды обманут; но в другой раз обманут только дурака. Этот лексикон не что иное, как Северная Пчела и Библиотека для чтения, в новом порядке и объеме» (Пушкин. Полн. собр. соч., т. XII, Изд. АН СССР, М., 1949, стр. 323).

Записи Пушкина и Никитенки расходятся с записью Греча. Греч пишет, что отказались участвовать в издании Пушкин, Зайцевский и Свиньин; Никитенко говорит об отказе Пушкина и Одоевского, а Пушкин кроме себя и Одоевского упоминает Гаевского и Зайцевского.

Несмотря на свой отказ от сотрудничества, С. Ф. Гаевский все же значится в списке участников I тома «Энциклопедического лексикона». Имена же Пушкина и Е. П. Зайцевского в этом списке отсутствуют. В. Ф. Одоевский принял участие в издании лексикона начиная с VII тома, после перехода главной редакции от Греча в другие руки. Он стал редактором музыкального отдела и поместил в лексиконе несколько своих статей. Впоследствии Пушкин также изменил свое резко отрицательное отношение к изданию лексикона. В письме от 3 июня 1834 г. Д. Н. Бантыш-Каменскому он пишет: «Вы, вероятно, изволили слышать о торговом и литературном предприятии Плюшара, о русском Conversation's Lexicon: великое множество биографических статей, Вами заготовленных, могли бы войти в состав этого лексикона. Не войдете ли Вы в сношение с Плюшаром? В таком случае прошу Вас выбрать меня в свои поверенные, а мы рады стараться» (Пушкин, ук. изд., XV, 156).

«Энциклопедический лексикон» начал выходить в свет в 1835 г. и был рассчитан на 24 тома. Но на 17-м томе, в 1841 г., издание прекратилось.

Пушкин был одним из подписчиков словаря, в его библиотеке сохранились первые четыре тома издания.

Публикуемый автограф Пушкина отрезан от большого листа бумаги, на котором, повидимому, были подписи всех остальных членов совещания у Греча. К сожалению, этот лист не сохранился.

Автограф поступил в ИРЛИ в 1949 г. (ф. 244, оп. 1, № 1642) от частного лица, проживающего в Эстонской ССР. Можно предполагать, что от Греча автограф попал к Булгарину и находился в его имении «Карлово» близ города Юрьева (ныне Тарту) Эстонской ССР.

«РАСПИСКИ В СУДЕБНОМ ДЕЛЕ»

⟨I⟩

К сей... жалобе... титулярный... советник... Александр... Сергеев сын Пушкин руку приложил и сие прошение доверяю подать губернскому секретарю Василию Верленкову.

Жительство имею

1 Адмиралтейской части

1 квартала № 20.

⟨II⟩

1836 года марта 6 дня я нижеподписавшийся даю сию подписку С. Петербургской палаты Гражданского суда 1-му департаменту в том, что записку из дела о иске с меня купцом Жадимировским по контракту денег читаю и рукоприкладство чинить не желаю.

Камер-юнкер его императорского величества двора титулярный советник Александр Пушкин.

Публикуемые автографы Пушкина извлечены из судебного дела Санкт-Петербургской палаты гражданского суда 1-го департамента (начато 3 июня 1835 г., решено 20 апреля 1836 г.). Дело обнаружено в Отделе рукописей Государственной Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина и в 1949 г. передано в Пушкинский фонд Института русской литературы (Пушкинский Дом) Академии Наук СССР (ф. 244, оп. 1, № 1677; в деле 76 лл.; подпись-скрепа Пушкина на лл. 6, 6 об., 7 об., 9 об., 10; подписка на л. 15).

Сведения о судебном деле, возбужденном против Пушкина купцом Жадимировским, сообщены в статье П. Е. Щеголева «Квартирная тяжба

Пушкина» («Красная нива», 1929, № 24, стр. 7—9). В декабре 1832 г. Пушкин нанял новую квартиру на углу Гороховой и Морской ул. (ныне ул. Герцена, дом 26) и заключил сроком на один год контракт с домовладельцем, купцом Жадимировским. В мае 1833 г. Пушкин переехал на

надлежит Санкт-Петербургской Палаты Третьей
 канцелярии суда от 1-го Департамента, жалобу
 сию от содержания просителя переписать на
 это титулярный Советник Лебедев
 Сергей Иванович Пушкину
 пришедши и не принявши
 долговую книгу Жадимировскому
 секретарю Василию Вильямову

Исполнил суд шифром
 1 Адмиралтейский корпус
 1 Квартира № 26

Окончание расписки А. С. Пушкина в судебном деле. 26 августа 1835 г.
 Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Академии Наук СССР.

дачу и уже больше не возвращался на эту квартиру. С согласия домовладельца к 1 августа 1833 г. Пушкин полностью освободил квартиру, заплатив за две трети года. Однако через полгода Жадимировский, ссылаясь на то, что квартира долгое время простояла свободной, потребовал, чтобы Пушкин заплатил 1063 руб. 33 коп. за последнюю треть года. После категорического отказа удовлетворить это требование, Жадимировский возбудил против Пушкина судебное дело.

Квартирная тяжба тянулась около трех лет, с 1834 до 1836 г., и доставила Пушкину много хлопот и неприятностей. В распоряжении П. Е. Щеголева находилось лишь несколько документов; материалы, воссоздающие полную картину данного судебного дела, ему не были известны. (Документы, бывшие в распоряжении П. Е. Щеголева, находятся в Пушкинском фонде ИРЛИ. Контракт, заключенный между Пушкиным и Жадимировским, напечатан в книге «Рукою Пушкина», М.—Л., 1935, стр. 765—767. Объяснение Пушкина от 11 февраля 1834 г., представленное в Литейную часть, напечатано в Полном собрании сочинений Пушкина, т. XV, Изд. АН СССР, 1948, стр. 209—210).

Гражданская палата, где слушалось указанное выше дело, была последней судебной инстанцией.

Недовольный решением надворного суда, удовлетворившего иск Жадимировского, Пушкин перенес дело в Гражданскую палату (Сенат). 26 августа 1835 г. в Сенат поступила обширная апелляционная жалоба, скрепленная подписью Пушкина (см. автограф I).

В апелляционной жалобе указывалось, что надворный суд «дабы затмить истинность не сделал из дела надлежащей по закону записки не допустя меня к прочтению оной лишил меня всякой возможности к изъяснению дополнения чрез сделание дозволяемого по закону мне рукоприкладства...» (л. 8 об.).

Вскоре последовала резолюция Гражданской палаты: «Из означенного дела составить записку на 24 число сего сентября, а дабы тит<улярный> сов<етник> Пушкин и купец Жадимировский буде желают немедленно явились к прочтению той записки и учинению под оною рукоприкладства» (л. 12).

К назначенному сроку была составлена обширная записка из дела (вкстракт) (лл. 16—66).

С запиской из дела Пушкин ознакомился 6 марта 1836 г. Он дал требуемую подписку, отказавшись чинить рукоприкладство, т. е. внести какие-либо дополнения (см. автограф II).

Записка из дела освещает весь ход дела в двух первых инстанциях.

В своем объяснении от 11 февраля 1834 г. Пушкин указывал, что оставил квартиру с совершенного согласия Жадимировского. Пушкин, между прочим, писал, что Жадимировский неправ, заявляя о том, что, после отъезда Пушкина, он сдавал квартиру на последнюю треть года якобы от его имени. Пушкин указывал, что Жадимировский «... действовал от своего лица, а не по моей доверенности; в противном случае сие было бы с его стороны наглым плутовством, к коему я полагаю и полагаю г. Жадимировского не способным. Объяснившись таким образом, прошу предоставить сие дело на рассмотрение судебных мест» (Пушкин, ук. изд., XV, 209—210).

Из записки выясняется, что пристав Литейной части требовал, чтобы Пушкин представил другое объяснение, исключив «непозволительные уко-

ризы», но Пушкин «за всеми настояниями переменить оно не согласился» (л. 25 об.).

Жадимировский обратил внимание на «непозволительные выражения» в объяснении Пушкина. Он потребовал привлечения Пушкина к уголовной ответственности «за обиду..., причиненную на письме» (л. 33). Жадимировский писал, что всякое нарушение права собственности подрывает установленный государственный порядок и может оказать дурное воздействие

1836 года Марта 6 дня в кассе
находящейся в доме сего Пушкина
в Митрицкой палате Государст-
--ского суда 1ой Департамента в.
том же при записку № 270 о
мат с сего Курцова Жадим-
ировский по контракту 2ой
чтения в суде приписки и в том
на делего

Каширь комисс. в. Митра
Торского Великого Двора т.м.
т.м. т.м. т.м. т.м. т.м.
Митрицкой

Расписка А. С. Пушкина в судебном деле. 6 марта 1836 г.

Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Академии Наук СССР.

на народ. Он требовал, чтобы полиция вынесла решение, «не взирая на лица». «... А как по сему таковых разборов более всех бывает в полиции, то в сохранение оной в народе нужного кредита, и надлежит стараться в таких случаях утверждать свои решения на точном разуме контрактов, не уважая побочных обстоятельств и не взирая ни на какие персоны» (л. 32 об., 33).

В апреле 1836 г. Гражданская палата вынесла указ, оставляющий в силе решение надворного суда; апелляционная жалоба Пушкина была отклонена.

Деньги Жадимировский получил уже после смерти Пушкина, обратившись в опеку, учрежденную над детьми Пушкина.

А. И. ГЕРЦЕН

НЕИЗДАННЫЕ СТРАНИЦЫ И ПИСЬМА

〈ОТРЫВОК ИЗ НАЧАТОЙ ПОВЕСТИ〉

Не долго продолжалось его одиночество, вскоре нашел он друга, сильно симпатизирующего с ним, и тогда, непривыкший раскрывать при ком <бы> то ни было свои чувства, он совершенно предавался сладостному дележу мечтаний и дум, пламенным потоком переливал он свою душу...

В нескольких верстах от Москвы находится одна из тех величественных дач блиставших пышностью в царствование Екатерины.^а Парк^б имеет какое-то дивное влияние на душу, он давит^в ее, особенно когда пренебрежение порастило дорожки его травую, переплело сучья дерев и на все предметы набросило что-то неопределенное, забытое. Чувство величественное^г и томное наполняет грудь, едва дышишь.^д Огромный дом^е украшенный множеством колонн, различными капителями, украшениями около окон^ж и дверей^з носит^и яркую ливрею 18 века, ливрея эта^к еще

^а Первоначально было В нескольких верстах от Москвы, в одной из тех величественных дач блиставших пышностью в царствование Екатерины, среди которых покоится [цариц] солнце России, шли по темной липовой аллее в жарком разговоре двое молодых людей. ^б Первоначально было: 1 огромный парк; 2 парк этой дачи ^в он как-то давит ^г Что-то величественное ^д Зачеркнуто: 1 Во<...>; 2 здесь еже<...> ^е Зачеркнуто мелочной а<рхитектуры> ^ж Зачеркнуто над окнами ^з Зачеркнуто ярко ^и Зачеркнуто носил на себе печать ^к Зачеркнуто печать эта

виднее была ^а во внутренностях горниц, яркие занавесы, парчевые и гобеленовские обои, гродетурами обитые креслы на изогнутых ножках с резьбою всё позолочено ^б и позолотой дурной, люстры из мильона кусков хрусталей, которым придан блеск алмаза, множество статуй дрянной работы. Одним словом XVIII век с своим грандиозо и с своей мишурностью. Всё это прибавим сломано, криво, почернело, обито дождями, съедено молью; веет ^в запахом тления, всё это прошедшее, ^г всё это живет в памяти, тех которые помнят век Потемкина, век путешествия в Крым, век мира при Кучук-Кайнарджи ^д и бала в Таврическом дворце. !

1 об. Не знаю почему всегда ^е приятно смотреть на падшее величие, ^ж это что то сравнивает всех людей, и ясно говорит о суете земного. ^з Перед домом газон и пруд чистый ясный, служивший некогда зеркалом прелестным барышням того века, барышням с высокой прической, с мушками на лице, в фижмах, которых возили в театр Медокса, ^и и кавалерам-мотылькам записанным в лейб гвардию, в французских кафтанах в триуг<ольной> шляпе, в башмаках и белых colans.* А теперь оно отражает иногда садовника как то тут забытого вместе с парком и одичавшего как он, иногда ^к студента с ужасной трубкой в зубах, вырвавшегося на волю во время вакации, редко ^л иностранца который ставит в о б я з а н н о с т ь осмотреть окрестности города — и только. ^м В один прелестный июльский вечер двое молодых людей посетили эту дачу. Все располагало их к разговору сильному черпаемому из внутренностей души. Они ^н радовались что могли сбросить с себя условную форму общежития, может полезного во

^а Зачеркнуто в неко<торых> ^б Было все с позолотой ^в Было обвешено ^г Зачеркнуто что-то ^д Было мне всегда ^е Зачеркнуто человек<ека> ^ж Зачеркнуто величия. Далее начато Так ^з Начато было иностран<ранца> ^и Было иногда ^к Первоначально за этим следовало Я недавно посетил с моим другом эту дачу, величественный парк, дом, начинавший разрушаться, прелестный июльский вечер — всё располагало нас к разговору душевному, черпаемому из внутренностей души нашей. ^л Зачеркнуто Мы

* Т. е. collants — облегающие (лосиные панталоны) (франц.).

многим; но тяжкого как все кандалы.^а В жарком разговоре приблизились они из густой аллеи и сели на лавку возле пруда. И один из них с прелестным поэтическим лицом, с огненными глазами, рисуя по земле тонкою тросточкой, чтоб скрыть свое лицо иногда пламеневшее от сильного волнения, иногда от ложного стыда —

«Кто в юности своей не давал воли фантазии и не творил идеалы, в коем собирал все совершенства, все изящное рассеянное в природе и в душе его? Кто? Кроме тех, кои не имели юности, тех у которых ум убил все чувствования, которые с ранних лет упали в грязное, смердящееся озеро называющееся толпою. Кто из творивших идеалы не был в восторге встречая существо² хотя слабо, хотя несколько сходное с его идеалом, когда творение фантазии человека сливается с творением бога? С ранних лет привык я давать волю своему воображению и — окруженный ледяными людьми — мечтать большую часть дня. Знаю что мечты вредны, что они ослабляют энергию ума, что убивают деятельность, но как было противостоять им. Им — одетым в пышные ткани востока дышащим полуденным зноем страстей и завлекающим^б как русалки в свои серебряные, мягкие волны. В сих то мечтаниях^в я создавал себе идеалы жизни, художества — и наконец остановился как бы утомленный создав идеал Девы. Описывать мне его нельзя, да теперь и нужды нет. Я встретил наконец свое создание, хотя не весь идеал но часть его большую³

Печатается по автографу ИРЛИ (Р. I, оп. 5, № 18).

Отрывок черновой рукописи. Относится к 1833 г., к началу дружбы с Огаревым. Представляет интерес как один из первых беллетристических опытов Герцена в жанре автобиографической повести.

¹ По Кучук-Кайнарджийскому миру (10 июля 1774 г.), закончившему русско-турецкую войну (1768—1774), Россия получала Керчь, Азов, Кин-

^а Далее следовало: 1 Мы сели на лавку возле пруда и мой друг изливал мне следующей огненной речью душу свою; 2 Мы сели ~ мой друг переливал мне душу свою следующей огненной речью ^б В автографе дышащие, завлекающих ^в Было В сих то мечтаниях создавался

бурн и право навигации на Черном море. Крым же объявлен был «независимым».

² Московский публичный театр.

³ На этом рукопись обрывается.

〈ОТРЫВОК КРИТИЧЕСКОЙ СТАТЬИ〉

4 об. Развитие человечества как и одного человека подвержено некоторым законам положительным, непреложным, необходимым. Произволу места нет, и сколь неугнетаема ^а и свободна воля индивидуального человека, она теряется в общем направлении океана всего человечества. Всякое действие, всякое явление, всякий факт исторический есть внешняя сторона, другой ноуменальной и производящей. Ясное дело что прошлый век сколь он различен от предыдущих был прямое произведение их, рассмотрите и вы не зная его предскажете из каких он состоит элементов. Схоластика, подавленная авторитетом, боявшаяся исследовать пала, ум человеческий должен получить вознаграждение — должны явиться ^б скептицизм, анализ. Вот оружие прошлого века, или он строит, или разрушает. Феодализм и Деспотизм потряслись. ^в Равенство и конституционность должны были явиться на их развалинах по естественному закону противоположения — так и было. — Странно за это бранить XVIII век. Странно желать продолжения этого века в XIX, именно потому что перед ним уже был тот век, а развитие человеческое не повторяет само себя, не стоит на одном месте а идет вперед. История уже показывает насколько мы ушли; но еще есть остатки того века и это естественно, исчезнут они мало по малу, дни их уже высчитал Дюпень,¹ и тогда явится век новый или лучше начнется вполне. Полагать что Анализ всё еще торжествует самодержавно, что скептицизм всё еще заменяет всякое мышление и всякое верование будет ^г анахронизм в который можно впасть или от близорукости

^а В автографе: нигнетаема ^б Зачеркнуто является ^в Зачеркнуто Демократия и [республи] республиканизм ^г Зачеркнуто стран(ный)

или от злонамеренности. Всё это пришло нам в голову читая в Телескопе статью о современном духе анализа и критики! В наш век расплодилось множество плакс которые обо всем горюют и скорбят, на их иеремиады не достанет и китайской азбуки; они плачут или видя,^а что век их опередил и они его не понимают или для того чтоб показать, что они забежали век, но оставим эти общие места | ^б станем лицо к лицу с сказанной статьею и 5

Commençons par le commencement.*

Общество обратило все внимание само на себя, потому что оно нездорово. Без всякого сомнения и кто бы велел Франции восстать всеми силами, пролить реки крови ежели бы не болезнь ее политического тела которое было не в уровень с веком, с идеями. Это не жизнь, а судорожное движение, т. е. не жизнь здоровая, конечно французская революция не есть нормальная форма существования^в общества, это неоспоримо. Ибо когда мы живем вполне то не чувствуем это, не имеем самопознания; вот это немного мудрено, я могу чувствовать, что я вижу и тогда когда глаза мои не болят.^г Ежели же мы только^д то чувствуем и познаем в себе что болит, то след. Платон и Кант необходимо были или сумасшедшие или глупые люди, ибо их^е разумение должно быть поражено болезнию для того чтоб обратить на себя внимание. Все говорят об^ж общественном порядке след. он не существует теперь. Да он несуществовал когда начали кричать об этом; но мы думаем что чаще говорят о вещах существующих нежели о несуществующих. А то приняв правило г. Автора, иной подумал бы что в IV и V веке не существовало христианство потому что об нем все писали и говорили и что теперь золотая эра сей религии ибо никто об ней не пишет и не говорит. Но не будем останавливаться на словах, неужели г. Автор так наивен

--- -- --
^а Зачеркнуто от того что видят ^б Зачеркнуто и ^в Зачеркнуто человек <ества> ^г Зачеркнуто Неужели Платон был ^д Зачеркнуто тогда ^е Зачеркнуто одно слово (нрзб.). ^ж Зачеркнуто поло <жительном>

* Начнем с начала (франц.).

что воображает что менее нежели в полвека человечество могло разрушить заблуждения нескольких веков и заменить их прочным, готовым. Декарт всё сломал сначала, но в состоянии ли он был создать гармоническое целое здание, он делал опыты великие и в них наконец предложил методу, — средство, орудие и остановился. Так и человечество могло ли оно разом заменить всё разрушенное.^а В судорожном движении родился анализ и критика, и они то губят всё. Конечно анализ односторонен; но и от него есть польза, факты это скажут а сверх того он уже ослабнул и не есть единственное средство. Всё разрушается, все рушит, против этого мы оставим ратовать самого Автора который через страницу говорит, что Кузень всё восстановляет ныне.^б Подобное вы встретите на каждой строке, у него, фразы дерутся между собою. Говоря о ничтожности людей нашего времени, он говорит: полноте писать, вас забудут, одно

5 об. слово великого | Наполеона^в важнее ваших томов, а в котором бишь веке жил Наполеон? Или не от анализа происходит польза, он только рушит, Английская Конституция^г развита не из одного начала,^д составила из отдельных кусков, и она то обусловила славу [и пр.]. Так по мнению г. Автора анализ состоит в развитии из одного начала. Это ново! Все абсолютные системы должны пасть — и через строку... Франция возвратится к абсолютной монархии. Вообще Автор совершенно проглядел, что ныне уже 1833 год а не 1793.^е И в том времени он проглядел всё полезное и не понял его — Жалкое состояние это его мечет из стороны в сторону. Знаете ли по его мнению какая важнейшая услуга революции. Разрешение задачи буйные и непокорные егоисты не могут составить добродетельного общества. Для этого не нужно было ничего кроме ума, чтоб разрешить сей вопрос. Но действовать умом для него кажется опасно он философию называет бредом, хронической болезнью. Но что такое болезнь — отклонение от нор-

^а Далее зачеркнуто Потому что ^б Далее зачеркнуто Это ^в Было слово одного великого Наполеона ^г Зачеркнуто и ^д Далее зачеркнуто Но его теперь еще

мального состояния; след. наш Автор болен и болен не физически вы догадываетесь чем — остановимся, болезнь есть несчастье. Жерар лечил несчастных голландцев. Пожелаем ему выздоровления. Но еще вопрос, зачем переводят такие статьи ^a к которым справедливо можно применить выражение Наполеона — *incendiaire*.* *Un sot trouve toujours un plus sot qu'il admire,*¹ ^b ответите вы. Хуже гораздо хуже — сказать мерзко.

Ал. Герцен.

¹ Дюпень, Шарль (1784—1873) — французский буржуазный экономист. В России в 20—30-х годах он пользовался некоторой известностью. Ср П. А. Вяземский:

На креслах у огня, не хуже чем Дюпень,
Движенья сил земных я радуюсь избытку.

(«Зимние карикатуры», 1828)

«ВТОРОЙ ВАРИАНТ ТОЙ ЖЕ СТАТЫ»

6 Когда мы встречаем в какой либо статье, прекрасной в своей основной идее, ложные выводы, софистические заключения, то мы сожалеем, что находим их среди превосходных мыслей; но когда целое рассуждение основано на вредном, гибельном софизме, тогда возбуждается в нас негодование, ^b и тем сильнее оно, чем неожиданнее является такой софизм. Напр. кто бы мог ожидать, что в Англии, в этой стране обильной умами высокими, гениями во всех родах, ^c в ^d поэзии, в Философии, в политике, в Англии говорю, печатается статья, где ^e высказываются мнения, которые произнести устыдился бы ^f самый последний человек из пишущего мира, произнести в Европе, в XIX столетии!! Эту статью

^a Далее зачеркнуто в которых Наполеон ^b Первоначально было то негодование возбуждается в нас ^c Было направлений ^d Зачеркнуто Филос<офия> ^e Было в которой ^f Было которых устыдился

* Поджигатель (здесь и ниже франц.). ¹ Дурак всегда найдет еще большего дурака, которым он восхищается (стих из «L'Art poétique» Буало: в оригинале «qui l'admire» — «который им восхищается»).

недавно прочел я в Эдинбургском^а обозрении (Edinburgh review) под заглавием: Современный дух Анализа и Критики. Ее основание софизм, из которого выведены самые вредные заключения; все нововведения, всё европейское образование XIX столетия, всё современное человечество представлены в жалком виде, и вам докажется, что остается один только путь к спасению: несколькими веками возвратиться назад. |

Человек только тогда обращает внимание на свое тело, когда
 5 об. оно в болезненном состоянии, иначе он его не замечает; вот основание, которое избрал автор вышеупомянутой статьи. Отсюда выводится, что человек^б

Печатается по автографу ИРЛИ (Р. I, оп. 5, № 18).

Отрывок из ранних критических опытов Герцена. Относится к самому началу 1833 г. Поводом послужила статья в «Телескопе» — «Современный дух анализа и критики», напечатанная без подписи в одиннадцатой части журнала за 1832 г. (№ 19, стр. 273—309). Статья была переведена и перепечатана из «Edinburgh Review» со следующим примечанием издателя: «Помещаем сию статью из Эдинбургского Обозрения, как живую, искреннюю, сердечную исповедь современного европеизма, глубоко чувствующего свое внутреннее рабство и заслуженные бедствия, от которых благий Промысел да сохранит навсегда наше любезное Отечество».

Эта переведенная с английского статья написана с консервативно-реакционных позиций. В ней автор бранит «современный дух анализа и критики», видя в последних признаки общественного недуга, болезни; бранит французскую революцию и «оздоровление» общества видит в возврате к абсолютной монархии. Заключительная фраза достаточно красноречиво говорит о политических идеалах автора: «Опыты прошедшие должны вразумить нас, что здоровье и благоденствие народов состоят не в буйных, болезненных движениях, а в мирной тишине, рождаемой и питаемой святой покорностью порядку!..». К этим словам издатель «Телескопа», Н. Надеждин, поспешил присовокупить: «И настоящий пример России, цветущей здоровьем и благоденствием, в безмятежной тишине, под сению веры и верности — скажем мы!».

Статья из «Эдинбургского обозрения» вызвала понятное раздражение у молодого Герцена, чем и объясняется резко полемический тон публикуемого фрагмента. Этот отрывок критического разбора переводной статьи, помещенной в «Телескопе», представляется характерным для Герцена во

^а Зачеркнуто журна <ле>

^б На этом рукопись обрывается.

всех отношениях и может оказать существенную помощь для изучения его творческих исканий и философских взглядов в начале 30-х годов.

Второй, более поздний, неоконченный вариант той же критической статьи, автограф которого также хранится в ИРЛИ (Р. I, оп. 5, № 18), отличается от первого варианта большей резкостью полемического тона и тщательностью своей стилистической обработки. Необходимо отметить, что в этом, втором варианте своей статьи Герцен уже не упоминает «Телескол», а обращается непосредственно к «Эдинбургскому обозрению».

ПИСЬМО В. В. СТАСОВУ

Лондон 4 августа 1862 г.

Ваше письмо пришло ко мне, как манна божья — я жажду вас видеть; говорил об этом в субботу нашему обезвласенному Станиславу, и сегодня получено письмо, наполненное петербургскими трюфелями. И я кое что вам скажу — все разумеется гадко.

Никола наш — Митрофанушка-Нерон с своими повапленниками.

Я здесь с пятницы (меня в Лондоне задержала болезнь моей дочери — дня четыре тогда).

Будьте вполне благодетель, приезжайте завтра во вторник обедать в 7 часов; если нельзя, черкните строчку и назначим другой день. Кроме Огарева никого не будет.

Весь ваш А. Г.

Печатается по рукописной копии ИРЛИ из архива В. В. Стасова (ф. 294, оп. 1, № 940); местонахождение подлинника неизвестно.

Данное письмо относится к периоду встречи В. В. Стасова с А. И. Герценом (июнь—август 1862 г.) в Лондоне и по содержанию своему примыкает к двум ранее известным письмам Стасова (от 9 августа и 5 сентября 1862 г.) и к записке его (от 10 июля 1862 г.), адресованной Герцену (первоначально опубликованы Ч. Ветринским в брошюре «Странички Герцена», Нижний-Новгород, 1912, стр. 11—16; см. также: А. И. Герцен. Полн. собр. соч. и писем, под ред. М. К. Лемке, т. XV, П., 1920, стр. 310, 369, 467—468, 379 и примеч. М. К. Лемке на стр. 380, 388).

По неизвестным для нас причинам печатаемое письмо осталось М. К. Лемке неизвестным; нет о нем сведений также в известной биографии В. В. Стасова, написанной В. Д. Комаровой-Стасовой (В. Каренин. Владимир Стасов. Очерк его жизни и деятельности, ч. 1—2, Л., 1927).

Однако В. Д. Комарова-Стасова приводит отрывки из письма к ней В. В. Стасова от 9 августа 1888 г., в котором он вспоминает о своих встречах с Герценом в 1862 г. во время своего посещения Лондона: «Я целый день проводил на всемирной выставке... А вечера все проводил у Герцена... Герцен... меня очень любил и, говорил он, ц е н и л в ы с о к о» (там же, ч. II, стр. 598).

Для понимания этого интересного письма следует прежде всего иметь в виду, что с самого начала 60-х годов III Отделение усилило наблюдение за Герценом и через своих агентов пристально следило за его гостями. Герцену и его друзьям, особенно приезжавшим из России, приходилось проявлять максимум осторожности, чем, нужно думать, и объясняется особая приписка его в данном письме-приглашении, что у него никого, кроме Н. П. Огарева, не будет. Теми же опасениями Герцена, повидимому, объясняется и «шифрованный» характер письма, столь присущий его письмам, адресованным к русским посетителям его лондонской квартиры. Что Герцен имел в виду, говоря о письме, наполненном «петербургскими грюфелями», вполне выясняется из его статьи, озаглавленной «Хроника террора» и помещенной в «Колоколе» от 15 августа 1862 г. (л. 141); следовательно, уже после предположенной встречи с В. В. Стасовым 5 августа 1862 г. и после отъезда последнего из Лондона. (Интересно, что в том же листе «Колокола» от 15 августа Герцен поместил заметку со списком лиц, которых, по полученным им сведениям, русское правительство велело арестовать при возвращении из-за границы; список этот открывается Владимиром Стасовым). Статья «Хроника террора» начинается следующими словами: «Мы получили длинное письмо из Петербурга. Террор не унимается; непрерывные аресты, премии доносчикам, благодарность потапствующим литераторам, подкупы солдат... все безобразия страха, нестесняемого ничем, страха какого-то недоросля и Нерона вместе» и т. п. (А. И. Герцен. Полн. собр. соч. и писем, под ред. М. К. Лемке, т. XV, 1920, стр. 378—379). Последние выделенные нами слова этой статьи Герцена раскрывают, что и в публикуемом письме его к В. В. Стасову фраза «Никола наш — Митрофанушка-Нерон» безусловно относится к Александру II (слово «поваппенники» Герцен употребляет здесь в переносном смысле: «дурные люди, прикидывающиеся очень хорошими»). «Длинное письмо из Петербурга», из которого Герцен привел отрывки в той же статье в «Колоколе» (о поджогах, арестах, тверских мировых посредниках и т. д.), и есть то самое письмо, «наполненное петербургскими грюфелями», о котором Герцен говорит в письме к Стасову как о письме, полученном им 4 августа («сегодня»). — Упомянутый в публикуемом письме «обезвласенный Станислав» — Станислав Тхоржевский, польский эмигрант, участник революции 1848 г., один из ближайших сотрудников Герцена по издательским делам.

Д. И. ПИСАРЕВ

«НЕСКОЛЬКО ОТРЫВОЧНЫХ ВОСПОМИНАНИЙ О Д. И. ПИСАРЕВЕ» А. Д. ДАНИЛОВА

Автор воспоминаний о Д. И. Писареве — Андрей Дмитриевич Данилов (ум. в 1888 г.), брат матери Д. И. Писарева, по образованию историк-филолог (см. о нем более подробно в примечаниях Е. П. Казанович к письмам Д. И. Писарева в сборнике «Шестидесятые годы. Материалы по истории литературы и общественному движению», под ред. Н. К. Пиксанова и О. В. Цехновицера, Изд. АН СССР, М.—Л., 1940, стр. 140—141). Он часто гостил у сестры в родовом имении Писаревых (в деревне Грунец, Новосильского уезда, Тульской губернии). Раиса Александровна Гарднер (двоюродная сестра Дм. Ив. Писарева), в некрологе Варвары Дмитриевны Писаревой (матери критика), подробно рассказывая о ее заботах по воспитанию ребенка, вспоминает и А. Д. Данилова: «Братья и вообще все родные и друзья, приезжавшие в Грунец, были как данью обложены обязанностью чем-нибудь заняться с детьми. В этом случае был в особенности полезен брат покойной, часто гостивший у нее и умевший охотно и замечательно успешно заниматься с детьми по русскому языку» («Русская старина», 1880, декабрь, стр. 1009). А. Д. Данилов, несомненно, оказал известное влияние на раннее развитие Писарева, но это влияние в его воспоминаниях преувеличено, так же как и значение знакомства Писарева с ученым агрономом Ф. Х. Майером. Вообще к данным, сообщаемым Даниловым, как и ко всем подобного рода семейным воспоминаниям, следует относиться критически. Тем не менее эти «воспоминания» не лишены известного интереса и публикуются здесь как документ, еще не бывший в печати, но давно уже вызывающий к себе внимание исследователей и настойчивые о нем запросы. Скучность биографических материалов о Писареве, в частности о его детских и юношеских годах, повышает их значение (отдельные отрывки из воспоминаний А. Д. Данилова цитированы в книге: Е. Казанович. Д. И. Писарев. 1840—1856. Пгр., 1922, стр. 63—64, 66—68, 74).

Свои воспоминания А. Д. Данилов писал сразу же после гибели Д. И. Писарева. Писарев утонул в море 4 июля 1868 г. близ Дуббельна, а осенью этого же года Данилов, как можно судить по надписи на авто-

трафе, свои воспоминания представил в редакцию «Отечественных записок», но они напечатаны не были, и рукопись была возвращена автору.

На обложке рукописи помета: «О. Э. 121. 1868» и, по всей вероятности, рукою Н. А. Некрасова красным карандашом: «возвратить».

Рукопись датируется еще и по упоминанию А. Д. Данилова о том, что Ф. Х. Майер «умер лет семь или восемь назад». Майер умер в 1860 г.; следовательно, рукопись относится к 1868 г., т. е. к году смерти Д. И. Писарева.

Главы III, IV и V публикуемых «отрывочных воспоминаний» А. Д. Данилова опущены, так как они всецело посвящены детским годам Д. И. Писарева и не заключают в себе ничего существенного для его биографии. В опускаемых главах (лл. 4—11) рассказывается, например, ряд семейных анекдотов о детских шалостях и провинностях будущего критика, приводятся разнообразные примеры его «неуклюжести», в частности, неумения ездить верхом и стрелять из ружья; все это очень подробно изложено, повидимому, только для того, чтобы подчеркнуть, что десятилетний мальчик Писарев предпочитал «разваливаться с книжкой на диване, задрав кверху ноги». Все это, с большими и притом с гораздо более интересными подробностями, известно нам из хранящегося в архиве ИРЛИ детского дневника самого Д. И. Писарева (за 1850—1852 гг.), опубликованного в выдержках в упомянутой книге Е. П. Казанович «Д. И. Писарев», или из некоторых его ранних литературных опытов. (В своем гимназическом сочинении «Первый урок за азбукой» Писарев называет себя «флегматичным» ребенком и анализирует причины, которые сделали из него «сидня»).

Печатается по автографу ИРЛИ (9536. LVI б. 55).

1 НЕСКОЛЬКО ОТРЫВОЧНЫХ ВОСПОМИНАНИИ О Д. И. ПИСАРЕВЕ

Благородная статья профессора Стасюлевича,¹ помещенная в «Вестнике Европы», почти обязывает каждого, кто знает что-нибудь о покойном Д. И. Писареве, огласить свои сведения. С детства покойного поставленный в близкие к нему отношения, я знаю многое из кратковременной жизни его, — особенно сведения эти полны до той поры, когда он делается общественным деятелем и когда вся жизнь его и вся его публицистическая деятельность проходят на виду всей мыслящей, читающей и интересующейся современной жизнью России. Так как этот-то период жизни покойного менее известен публике, то я и избрал его предметом моих воспоминаний. Оговорюсь: я пишу не биографию

Писарева, а отрывочные о нем заметки, могущие послужить только материалом для того, кто вздумал-бы современем составить эту биографию, — а потому труд мой и не представит чего-либо полного, целого, законченного, — нет, это будут отдельные моменты из его жизни, верно воспроизведенные, но переданные без всякого систематического порядка и внутренней между собою связи. Словом, я дам сырой матерьял и в том простом, безыскусственном | виде, как память и бывшее прожитое вызовут во мне ² о покойном еще живущие в душе моей впечатления.

I

Писареву было четыре года, когда в одно прекрасное летнее утро, в имение его родителей приехал, в первый раз с визитом, полковник К... В деревне, летом, да еще утром, и дамы, и мужчины обыкновенно ходят в дезабилье, а потому едва парадная венская коляска остановилась у крыльца, как все взрослые мгновенно исчезли. К... входит в переднюю — прислуги нет, в зале — нет снова ни души, перебирается в гостиную и там его встречает четырехлетний мальчик. Мальчик этот приветствует гостя и просит его подождать: «Mon colonel,* говорит он с самым непринужденным видом и с самым изящным произношением: mille excuses: maman va revenir dans un instant!».** — К..., командир пионерного эскадрона, расположенного в соседнем городке, всю жизнь служивший в Петербурге в гвардии, иностранец, светский и вместе образованный человек, изумляется встрече в глуши с подобным малюткой и пускается ради курьезу с ним в разговор. Много instants*** проходит, а взрослых нет, они заняты своим туалетом, — и беседа между блестящим гвардейцем и степным ребенком продолжается. Они ходят рука-об-руку вдоль гостиной и ведут весьма оживленный и серьезный разговор. Я помню позднее рассказ К... о впечатлении, произведенном на него этой встречей: изящный полковник постоянно приходил в непоз|воли- ⁵ тельный экстаз, припоминая этот необыкновенный с ним слу-

* Полковник (здесь и ниже франц.). ** Тысяча извинений: мама сейчас вернется! *** Минут.

чай. — «Не то удивило меня, горячился К. . . , что ребенок прекрасно болтает пофранцузски, — я в Петербурге видел много попугаев, — но весь вид его, вся его маленькая фигура, то достоинство и выражение в лице и глазах, с которыми он вел со мной беседу, — та непринужденность и тот смысл, который он влагал в свою детскую речь: вот что меня в ребенке этом изумляло и поражало и чего я никогда и нигде в жизни не встречал». От себя замечу, что татап не высылала своего сына и что приветствие, сказанное мальчиком, не было внушено кем-либо из старших.

II

Подобное удивление возбудил шестилетний Дм. Ив. в Большом московском театре. Отец его повез с собой в театр, и в антракте, заметив в ложе своих знакомых, отправился повидаться с ними. Ребенок остался один в креслах и у него с соседом завязался как-то разговор. Когда отец Дм. Ив. вернулся в залу, то целая толпа окружала его сына: все, как на редкость, смотрели на мальчика, бойко и умно разговаривавшего с пятью или шестью лицами, осыпавшими его вопросами. — «На минуту отвернулся, — рассказывал потом отец, — прихожу, а он в какие рацеи пустился! . . Толпу такую вокруг себя собрал, что додору нет, не пройдешь. . . занавес подняли, так публика не на сцену, а на него глядит. . . ишь ред|кость какая, подумаешь, из Ново-
4 сия приехала! . .».

VI

Приехав в имение родителей Писарева летом в 1850 году, я застал Дм. Ив. десятилетним ребенком,¹ учащимся у дьяконова сына, сменившего достойного учителя, Ко н д р а ш к у. Кондрашка был вольноотпущенный человек, выучившийся по соб-

¹ В «Иллюстрации» ошибочно сказано, что Дм. Ив. родился в 1839 г. — 22 октября этого года, в день празднования казанской божией матери, было бракосочетание его родителей, а родился он 2 октября следующего, т. е. 1840 г. (Примеч. А. Д. Данилова.)

ственной охоте грамоте и двум первым правилам арифметики, — умножения и деления Кондрашка одолеть не мог, — и практиковавший своим знанием меж тех, кто и того не одолел. Сей первый наставник в отечественном языке маленького Писарева учил его и писать, причем родителями Дм. Ив. особенно было вменено учителю наблюдать, чтоб ученик клал тетрадь перед собою прямо и не косился. Кто знавал позднее покойного, тот вероятно замечал, что у него была привычка косить глаза, особенно когда он задумывался, был недоволен, или вел серьезный разговор и энергически спорил. Сам Кондрашка был слеп, так, что едва видел; и вот слепец присматривал, чтоб склонный скасывать глаза не косился. Тем не менее, учитель успел передать ученику всю массу своих знаний в самое короткое время и ребенку уже нечего было узнавать от него. Вот тут-то, прослышав, что к соседнему дьякону приехал сын семинарист, родители Дм. Ив. пригласили нового просветителя, и его-то и застал я преподающим ребенку уже как следует, по книжкам, задающим от сих и по сих пор, толкующим и о правиле товарищества, и об Илиин, восхищенном на небо, и о том, как хорошим слогом сочинения сочинять. Я приехал к Писаревым провести лето, и поэтому, 13 послушав занятия племянника, предложил свои на время услуги. Мальчик изумил меня своими способностями, — ему так легко давалось все, — в его больших умных черных глазах так ясно отражалось сознание, что занятия с ним были просто для меня наслаждением. Меж нами установились отношения полной откровенности и доверия, совершенного равенства и дружбы. Я никогда ребенку ничего не приказывал, никогда от него ничего не требовал: все делалось так, как должно было делаться, а не было ни принуждения с моей стороны, ни настояний, ни страха, ни угроз. Натура ли Дм. Ив. была уж такая, избранная и совершенная, или и вправду известный педагогический прием, основанный на признании в ребенке не дикого зверя, которого потребно укрощать, а маленького человека и гражданина, — или, повторяю, уж этот прием верен. Как бы там ни было, но смею перучиться, что ребенок ни с кем из старших не был так прост и безыскусствен как со мною, — ни с кем так не был откровенен,

бесцеремонен и всегда ровен, — он просто считал меня не за взрослого, а за товарища, который всегда и во всем готов ему помочь, выручить, — и который никогда и ни в каком случае ничем ему не попрекнет и никому не выдаст его тайны. Установились же эти отношения сами собою: я ничего не придумывал, ничего не изобретал, чтобы мы стали друг к другу так, а не иначе, — но я и не делал ничего, что могло бы повредить этим отношениям: не выдавал детского секрета, — не нарушал данного ребенку слова, — не осмеивал в нем чувства, хотя бы чувство это было чувством десятилетнего мальчугана. Общие игры и забавы еще теснее связывали нас: другие старшие или совсем не принимали участие в детских играх, или, если и участвовали, то делали так, что дети не могли не видеть, что делается это для них именно, что к ним старшие снисходят с высоты своего величия и серьезности ради благодетельствования тем малюток, как бы из милости и снисхождения. Ну, а я играл, кричал и бегал с детьми так, что забывал свой возраст, и это еще тесней связывало нас. Из всех же окружающих ребенка старших, конечно, самым несносным и нестерпимым для него был Сергей Иванович.² Этот родич был просто его бичем. Мальчик не мог ни стать, ни сесть, ни взять в руки книги, ни положить ее на место, словом, не мог сделать ни одного шагу, чтоб С. И. не остановил его, не сделал ему пошленького внушения, не прочел ему, по праву старшего, самой стереотипной рацеи. Не заслужив в глазах разумного и толкового ребенка уважения, С. И. настаивал и требовал от него, чтоб тот его уважал, — за малейшее возражение гневался и бранил мальчика, а однажды, когда Дм. Ив. был уже студентом, чуть не прибил. Случай к столкновению между малым и большим ребенком представлялись на каждом шагу: встает, например, Дм. Ив. утром с постели, наденет на ногу один сапог, возьмет другой — и задумается. Я любил следить за ним в эти минуты: глаза его, черные и большие, словно покрывались поволокой, на лице выражалась мысль, на лбу набегала морщина, правый глаз немного косил, но зато в целом виднелся мальчик не похожий на других, мальчик, который так довременно вступил в мир мысли и рассудочности. . . И такой вины достаточно было,

чтоб С. И. принялся бранить ребенка, титулуя его «болваном» и «ослом», эпитетами, как видит читатель, так мало в действительности подходившими к покойному. . . Позднее, когда Дм. Ив. был уже студентом, причины к раздорам с тем же родичем стали представляться еще чаще: и не мудрено — эти два человека смотрели на весь мир разным | взглядом. Начинался-ли разговор 15 о литературе, и С. И. заявлял, что Гоголь бездарность и фарсер, что его неприлично читать, и т. под., — а Дм. Ив., свежий, честный, считавший своим призванием бороться с мраком и тьмой, чуть не плакал с досады. . . Я припомню читателю, что то было горячее, стоявшее на рубеже время, время непосредственно следовавшее за Парижским миром, когда не оставалось городка и деревушки, уголка и закоулочка, где бы в любой семье не спорили и не развертывались на два лагеря — на тех, что оставались на том же берегу, и на тех, которые ту реку переплывали. А тут надвигался еще крестьянский вопрос: родич был крепостник самого прочного закала, ежедневно рассыпавший тумачи Петрушкам и Васькам, — и вот ему предмет для нового озлобления, для новых споров с новыми и свежими людьми. . .

VII

Покойный Дм. Ив. с детства не выказывал в себе, как это обыкновенно прозывается, «лю б в и к п р и р о д е», то-есть предпочитал пить кофе, чай, или есть мороженое в комнате на мягком диване, чем совершать все сие на какой-нибудь муравчатой лужайке, под тению древес, близ урчащего ручья. Я помню, что это много заставляло страдать близких ему людей, сильно пропитанных романтизмом и сильно навязывавших ему свои собственные мизерные к природе опущеньица. Но Дм. Ив. был неумолим на этот счет: честная его натура не поддавалась ни на какие уступки и компромиссы, и он хохотал романтикам в глаза, смеясь над их напускными восторгами природой и искусством, над их лицемерным поклонением долгу и добродетели.³ | Вообще 16 ребенок был строго честен и правдив, правдив до того, что на вопрос неоднократно предлагаемый ему самыми близкими людьми, прогонит-ли он современем их, если они будут в нужде.

а он в богатстве и силе, — обыкновенно отвечал искушающим, что этого теперь не знает и ручаться в будущем за себя не может. Я опасуюсь однако ж, что «нравственный читатель» может возмутиться от этих последних строк, предаст анафеме непочтительного сорванца, да и меня, пожалуй, кстати обзовет недобрый словом за то, что я, подобно ему, нравственному читателю, не негодую на таковой ответ. — «Почтительный родственник по нисходящему колену, — заметит нравственный читатель, — на подобный запрос колен восходящих ответил бы так: „о, мои родные! самый вопрос ваш уже оскорбляет меня! что бы ни случилось, как бы жизнь ни изменила наши отношения, как бы ни развела по складу наших убеждений, я буду помнить всегда вас, жить только для вас, и работать на вас!..“». Нравственный читатель может успокоиться на той мысли, что я умею говорить таким образом, потому что сочинил же приведенную фразу довольно нравственного свойства, но что же делать наконец, если маленький Писарев не хотел сочинять фраз подобных, а говорил то, что чувствовал. Так как же не назвать ребенка строго-честным, если он не желал отделяться стереотипною почтительностию и говорил правду там, где ложь была бы восхваляема и так высоко превознесена...

VIII

Правота Дм. Ив. нередко доставляла страдания его близким. Однажды во время вакации, когда молодой Писарев был еще 17 гимназистом, мать предложила ему ехать к обедне в соседнее село. «Сегодня память бабушки, *mon cher*,* сказала она: ты верно захочешь помолиться за нее и отслушать панихиду. Ведь бабушка так тебя любила!» — Дм. Ив. изъявлял полное согласие на этот вызов и стал собираться в путь, но мать заметила, что он совсем охотно ехал. — «Ты кажется не рад моему предложению, Митя, заговорила она грустно: неужели ты не любишь своей бабушки, которая сама так много любила тебя?»... «Мaman, отвечал сын: я бабушки не помню совсем: она умерла,

* Дорогой (Франц.).

когда мне было чуть ли не два года». — «Так ты сам-то не желаешь ехать помолиться за нее? воскликнула с огорчением бедная женщина. . . В самом то тебе нет этого желания и потребности? . . нет этого влечения? . .». — «Нет, папа, твердо отвечал сын, но если тебе угодно, я с удовольствием поеду». . . «Мне ничего, ничего не угодно!» перебила огорченная мать, которой и хотелось-то немногого: чтоб сын чувствовал так, а не иначе. . .

IX

А между тем, и студентом ставши, Дм. Ив. нередко спрашивается у своего рара или папа, какие сапоги ему надеть, — можно ли поехать верхом, — можно ли отправиться покататься в лодке? Родители, особенно отец, настойчиво отстаивают свою административную власть, а сын вовсе не предъявляет протеста на освобождение. Однажды мы отправились с Дм. Ив., студентом уже третьего курса, по соседству к управляющему верхом. Прогулка эта разрешена была родителем, но в непременно условие при этом поставлялось ему, чтоб он не | заезжал в дом 18 управляющего, а оставался б в лесу. — Здесь я считаю нужным оговориться, что управляющий этот был Франц Христьяныч Майер,⁴ человек обширного ума и начитанности, сделавший себе имя в ученой литературе как самый замечательный у нас в России дендролог и сельский хозяин, заводчик и машинист, теоретик и практик. Майер был членом всех русских и заграничных агрономических обществ, ему было об эту пору за семьдесят лет, и он всю долгую и многополезную жизнь свою провел с глазу на глаз с природой и книгами. Я не ошибусь, если назову его самой светлой головой того края, самую умной, образованной и интересной личностью всего нашего околотка. Беседы с ним доставляли просто наслаждение. Но читатель может подумать, что были какие-либо причины, почему Дм. Ив. воспрещалось на этот раз посетить управляющего: ровно никаких, — отец сам бес- сознательно уважал старика и ездил к нему весьма часто, хотя Майер, занятый делом, не платил визитов никому и никогда. Нет, это просто было испытание в послушании восемнадцатилетнего юноши. запрет плода с древа познания добра и зла, —

ну, юноша, при содействии змия, и не выдержал искуса, пал. . . Пришлось ему обманом побывать там, куда нераз тот же отец сам настоятельно посылал своего сына.

X

Франц Христьяныч Майер,¹ как я сказал уже, был необыкновенного ума человек. Если разговор принимал серьезное направление, то он оставлял свой обычный шуточный тон, | забывал бесчисленные свои анекдоты, и вел систематически и строго-последовательно беседу. Неотразимые доказательства его западали в душу слушателей, и я помню, какое сильное впечатление произвел впервые наш престарелый философ на юношу Писарева. Вслушиваясь в сокрушительные доводы старика, Дм. Ив. озирался на прочих собеседников, как бы отыскивая во взорах их сомнение или робость, — но встречая повсюду смелые взгляды и ясные выражения лиц, словно конфузился лично за себя и за свое ребяческое, еще не тронутое мирозерцание. — «Как я отстал от всех вас, говорил мне однажды юноша, возвращаясь от Майера; представьте, я никогда и не задумывался над всем этим. Да, надо будет расчистить и вымести весь этот сор из моей головы, — надо, надо, я займусь этим!». — И год спустя я не мог узнать молодого человека: отрицанию его не было границ, он не останавливался ни перед каким авторитетом и все подвергал сокрушительному анализу и безжалостному скептицизму. — «Не знаю как кому, говорил мне впоследствии Дм. Ив., а мне легко было расставаться со всей этой дрянью: как то веселее стало с той поры и на свете жить. А все спасибо Майеру, прибавлял он: первый толчок был им дан. . .».

XI

В то лето, когда Дм. Ив. переходил из III курса в IV, приехал с ним в деревню провести вакационное время один из товарищей его по университету. Это был молодой человек приятной

¹ Умер лет семь или восемь назад. (Примеч. А. Д. Данилова)

наружности, замечательного ума и весьма честного склада мыслей. Т. . .⁵ был годом старше своего товарища и курсом моложе его, но влияние этого молодого друга было весьма ощутительно на Писарева. | Гость был вполне представителем новых идей, тип 20 нового человека, зарождавшегося у нас. Появление этого нового человека в нашем захолустье произвело небывалое действие: мы, люди мирные, покойные, жившие промеж себя в ладу, смотревшие на все одинаковыми глазами, думавшие. . . нет, не думавшие, но полагавшие, что думаем обо всем одними мыслями, — мы вдруг словно проснулись, протерли наши заспанные глаза и начали пытаться оглядеть кое-что и собственным взглядом, — составить кое о чем и собственное мнение. Читатель может представить себе, какая кутерьма пошла у нас: общество состояло из отставного кавалериста прошлого царствования, ничего кроме французских романов в свой век не читавшего, — несколько барынь, блестяще говорящих по-французски и не умевших на родном языке связать двух строк, — действительного студента университета, всю жизнь не задумывавшегося ни о чем и веровавшего, что все кругом его обстоит благополучно, — и двух молодых свежих студентов петербургских, только что вырвавшихся из самой среды кипучей деятельности и борьбы нового нарождающегося — с старым и отжившим. Разумеется, что не было предмета, который не порождал бы между нами спора, — не было разговора, который не оканчивался б страшным криком и раздражением всех в нем участвующих. Мы говорили друг другу колкости, дерзости, оскорбления, словом, спорили так, как обыкновенно спорят люди, не умеющие уважать чужих мнений, и только что не дрались. К двум представителям нового времени, после нескольких поражений, присоединился действительный студент, и как неопит нового учения стал самым нетерпимым и настойчивым пропагандистом его. Людей старого покроя он возненавидел, — людей новых заподозрил в равнодушии к делу и двуличности: мягкость и гуманность их он принимал за отступничество от убеждений, терпимость — за измену. | Вот в эту-то 27 пору постоянной и не редко междоусобной резни, Дм. Ив. быстро двинулся вперед. Во-первых, споры эти раскрыли пред ним мно-

гое, что прежде тщательно от юноши хранилось, — и во-вторых, самые-то лица, окружавшие его и ему близкие, предстали пред ним со всем своим запасом знаний, понятий и убеждений, во всей своей необольстителной нагоде. Я помню, как по ночам взволнованный юноша будил меня, садился на моей постели и все более и более хотел узнать из той фамильной *chronique scandaleuse*,* в которой он мельком прочел уже некоторые страницы. — «Безбожно, говорил он, скрывать от меня такие вещи, которые все знают: невольно попадаешься от этого неведения в просак. Прошлую зиму, дядя, вот что случилось со мною: я был в одном литературном кружке, — меня представили, как начинающего, известному Ч. . . ,⁶ назвали мою фамилию — и он вдруг вытаращил на меня глаза. „А NN с родни вам?“ спросил он. — „Какже-с, говорю, двоюродный дядя“. — „И вы знакомы с ним?“ спрашивает. „Как нельзя лучше, говорю: отличный человек, — всем родным помогает“. — „Как ему не помогать: ведь он наворовал-то, как служил при ***, миллионы. . . край целый разорил! . . “. И пошел от меня, словно я в чем виноват был, а вольно ж было тапан представлять мне его в самых лучших красках и не сказать напрямки, какая это в действительности личность» . . .

Другие близкие люди сами озаботились разочаровать Дм. Ив. в своих особах. Они упорно, как столбы, стояли на месте, а он, талантливый и вечно рвущийся вперед, подобно сказочному 22 богатырю рос не по дням, а по часам. При таких условиях | мертвого стояния с одной стороны, и безустанного движения с другой, разойтись близким людям было нетрудно, и они разошлись так, что уже потом, в течении всей жизни, не сходились. Так один из самых близких к Дм. Ив. людей очень наивно ему рассказал, какие доходы и каким путем получал служа в ополчении. Дм. Ив. вытаращил глаза, выслушав это добровольное признание, и, платя откровенностию за откровенность, назвал казнокрадством доходы эти. — «А ты бы на месте моем не взял?» спросил с недоверием старый грешник. — «Не взял бы», ответил

* Скандальная хроника (франц.).

твердо молодой человек. — «Ну а как женишься на любимой девушке, да попросит она мантилию у тебя, а денег не будет: и тогда не возьмешь?» — «Не возьму», повторил юноша, изумляясь все более и более цинизму собеседника и понятиям его. — «Врешь, возьмешь!» заключил просветитель, не подозревая, что в эти минуты он терял навсегда так близкого ему человека. — Другой авторитет детства молодого Писарева, С. И., который, как я упоминал, всех больше мудрил над мальчиком, тоже скоро пал в глазах его. С. И. любил разыгрывать из себя вольнодумца, не верующего и не признающего многого, чему учит церковь. Когда Дм. Ив. был ребенком, он с некоторым страхом, смешанным с невольным уважением, смотрел на доморощенного философа; но вот ребенок подрос и сам позволил себе думать кой о чем. Пошли толки: С. И., не признавая загробной жизни, признавал вместе с тем бытие святых, — а Дм. Ив., не вдаваясь в отвлеченности, доказывал ему только нелогичность его взгляда: «Если нет загробной жизни, говорил он, то как же представляете вы себе святых в том мире: бездушными, что ли?». . . И мы хохотали кругом, а С. И. сердился | и еще более 23 падал во мнении молодого человека. — Третий авторитет детства Дм. Ив., авторитет самый могучий, потому что то был авторитет чувства, тоже об эту пору был поколеблен неумолимым аналитическим приемом нашего юноши. Дм. Ив., с десятилетнего возраста, рос и воспитывался вместе с сверстницей-кузиной, которую любил безусловно. Уроки, игры, прогулки — все было вместе и нераздельно. Привязанность мальчика к кухне была безгранична: это была не дружба, а скорее самая преданная, чистая, но вместе страстная любовь.⁷ Но и сила чувства не устояла перед критикой ума, когда однажды Дм. Ив. попался дневник его кузины, веденный в его отсутствие. Дневник девушки очевидно предназначался к ведению воспитательницы, желавшей наблюдать не только за тем, что делают ее питомцы, но и за тем, что они думают, — а потому в дневнике этом много было моральных фокус-покусов: говорилось в нем например о поползновениях к нравственному совершенству, — о любви к Творцу, — о стремлении посвятить себя чистой иноческой жизни, и пр. и пр. —

Дм. Ив. от души хохотал, прочитывая этот дневник, — он не мог иметь в виду, чтоб все это писалось для отвода глаз, потому что сам, с раннего детства, был чистая правда. — «Дядя!» говорил он мне: «неужели она такая? .. неужели она мечтает о монастыре? ..» — «Маман, — обращался он к матери: разве кузина с ума сошла? .. она стремится к какому-то нравственному совершенству. . . черничкой хочет быть! ..» И до самого свидания и личного объяснения с кузиной, Дм. Ив. не переставал трунить над той, которую, конечно, любил более всего и всех на свете.

Так рушились ближайшие авторитеты детства Писарева, — далее мы проследим, как рушатся и все прочие. !

24

XII

Я сказал в предыдущей главе о приезде в деревню вместе с Дм. Ив. его товарища, Т. . . Я сказал о той кутерьме, спорах и раздорах, которые возникли в нашем мирном захолустье с этим приездом. Теперь мне хотелось бы очертить влияние Т. . . собственно на Дм. Ив., что я и попытаюсь сделать.

Дм. Ив., в течение описываемых летних каникул, работал для «Рассвета», небольшого журнала для девиц. Работал он так споро, что все мы, понимавшие дело, дивились и прозвали его «скорописною машиной». Т. . . также делал небольшой с французского перевод исторической статейки для того же журнала, но, что называется, высиживал всякую строку, обдумывая и выправляя каждый период, каждое выражение. — Дм. Ив. трунил над его копотливостью, — Т. . . бранил товарища за поспешность. А результат был тот, что каждый оставался при своем, считая себя правым, и каждый продолжал попрежнему делать свое дело.

В одно ясное чудное утро, Дм. Ив. сидел за работой и, по обыкновению, быстро исписывал страницы; Т. . . , человек болезненный, в это утро почувствовал себя особенно хорошо и, растянувшись на мягком диване, как то необыкновенно радостно и визгливо произнес: «Господи! .. Господи! ..» — «Что это ты делаешь?» спросил Писарев, не оборачиваясь и не переставая пи-

сать. — «Молюсь по-свосму! отвечал Т... , мне так легко и хорошо сегодня». — «Но почему же по-славянски?» продолжал Писарев. — «Потому что ты дерево», сказал Т...

По соседству с имением Писаревых жила одна барыня, собственноручно наказывавшая своих горничных за нарушение седьмой заповеди. Т... пришел в ужас и негодование, узнав о том; Дм. Ив. оправдывал соседку историческим развитием крепостного права и неразвитием самой барыни. Скоро помещица вздумала задать обед и прислала | просить обоих молодых лю- 25
дей: Т... наотрез отказался водить хлеб-соль с негодной по его мнению женщиной, — Дм. Ив. отправился обедать, обещав съесть у барыни за двоих.

И я мог бы привести еще десятки случаев, где оба молодые человека думали, говорили и действовали самостоятельно и независимо друг от друга. Трудно было даже приискать два характера до такой степени противоположных и несхожих: Т... был порох, готовый вспыхнуть при малейшей искре, — Дм. Ив. был лед, который растопить и двинуть нужно было много усилий. Молодые люди считались друзьями, но кто внимательнее всмотрелся б в эти две разнородные, взаимно одна другую отталкивающие личности, тот не ошибся бы наружными их отношениями и сказал бы им: «Господа, вы скоро разойдетесь!..»

ХIII

В течении этой же вакации Дм. Ив. делает много новых для себя открытий. Так он узнает, что он любит свою кухню так, как обыкновенно мужчины любят женщин. Потом он узнает, что хотя законом на кухнях жениться и воспрещается, но что на практике такие свадьбы бывают сплошь и рядом. Эти два открытия приводят его в восторг и он решает, что если кухня его только непrouch, то он, не взирая ни на какие препятствия, на ней женится. Но тут внезапно является юноше искушение в виде Пентефриевой жены, — искушение дотога неожиданное, что новый Иосиф едва | не падает. По соседству отыскалась дама, красивая, 26
видная, статная, но не первой уже молодости и страстная люби-

тельница неопытных птенцов. Целомудренный и розовый юноша, без всякого с своей стороны повода, пленил библейскую женщину, и та принялась соблазнять его. Редкий день не являлась к нам полуувядшая красавица, разодетая самым очаровательным образом, и раздетая и обнаженная свыше мер. Плечи, руки, грудь — все открывалось жадному взору юноши, а невинный юноша и не подозревал, что опытная ловчая бросала крючок свой именно на него. В это же время жил у дамы, в качестве домашнего учителя детей, другой студент, московский, тоже попавшийся в силоч кокетки год или два назад и уже потерявший в глазах ее всю прелесть новизны и наивности. Зародилась ревность и едва не разыгралась драма. Дм. Ив., ничего не подозревая, отправлялся ежедневно на призыв соседки, рядком усаживался с ней с глазу-на-глаз в гостиной, выходящей балконом в сад, засиживался нередко за-полночь в переливании пустого из порожнего, — а в это время у балкона, притаившись в густой зелени берез, караулил каждое его движение покинутый ради его соперник, и то вытаскивал, то прятал снова в карман свой револьвер. Я скоро сметил замысел соседки, — я знал и об интриге ее с студентом-москвичем, — да сверх того знал образ мыслей этого последнего, а потому мне и нетрудно было разгадать, какую шуткой может кончиться вся эта общая забава. В немногих шагах от места действия прятался и я: мне казалось, что я всегда успею в крайнем случае предупредить кровавую развязку. Наблюдая друг за другом, невидимые зрители невольно наблюдали и за тем, что проделывала дама. Воспаленная, разгоревшаяся внутренним жаром, она близко надвигалась к юноше, склонялась к нему так, что обнаженная грудь касалась девственного лица его, а он, ничего не понимая и не замечая, отодвигался на диване и сторонился прочь. Самый Отелло не мог бы претендовать на него. Но невозможно было ручаться, чтоб дело это постоянно шло тем же путем, и я решился объяснить с молодым Писаревым. Сказать ему об опасности, которой он подвергается, — думал я, — значит испортить дело и только поджечь его не отступить; разжалобить положением соперника, — на это он не поддастся, признавая за каждым

право брать от жизни то, что она дает. . . и я избрал вернейший способ отвлечь юношу: я напомнил ему о любимой им кузине, о чистоте ее и молодости, о прелести и безыскусственности. Затем я просил его самого сравнить этих двух женщин и избирать любую: мальчик был спасен от позорной связи. . .

XIV

Можно утвердительно сказать, что в течении тех же летних месяцев, молодой Писарев чрезмерно и неестественно двинулся вперед. Для него, во-первых, открылось много таинственного из жизни окружающих и самых близких ему людей, — много такого, чего он и не подозревал; во-вторых, пред ним раскрылись все тайные нити и пружины, которыми оплетали и держали его в своих руках эти люди. Ему стали ясны теперь и те, кто им управляет, — и то, как им управляют. Молодой человек, например, более всего желал видеть свою ненаглядную кузину, которую любил всех более в мире, — а ему говорили на это, что 28. что же делать, если кузина эта сама, не дождавшись его приезда, пожелала ехать в Липецк, чтоб выезжать там, веселиться и танцевать с армейскими офицерами. Удар наносимый рассчитывался верно, потому что этим ударом кузина представлялась не только вполне равнодушною к своему другу, но вместе с тем и бессердечною девушкой, пошленькою до того, что свидание с другом детства променивала на лишний бал в уездном захолустье, с царевококшайскими кавалерами. . . И вот эти-то тайные, закулисные пружины теперь во всей наготе раскрылись пред Дм. Ив.; он узнал, что все, что делалось и говорилось ему, что все это делалось единственно в видах его пользы, ради будущего счастья его и благополучия, но что все это тем не менее была выдумка, ложь, обман, бенгальские огни и холстинные декорации. . . Ему представляли родича-грабителя прекрасным человеком — для его пользы: ведь его возили к нему каждую вакацию перед возвратом в Петербург прощаться, и родич этот, из награбленных денег, дарил ему на конфекты по 50 рублей. — От него скрывали пошлость, тупость и крайнее невежество другого родича, тоже для его пользы: родич этот был так близок ему, что грешно было бы

его не уважать. — Его лишали наслаждения говорить, вместе читать, гулять с кузиной — опять с тою же единственною целью пользы ему, потому что опасались за него, что он сильно привяжется к девушке и будет потом страдать. Словом, все, что ни ²⁹ делалось, делалось ради его, а бедный молодой человек, от этих стараний о нем, уже на самом деле страдал. — И чем более раскрывалось перед юношей таинственного и до той поры ему неизвестного, тем чаще он вступал в объяснения — с матерью, с одной, — и со мною, с другой стороны. Нередко случалось, что, убежденный в чем-либо мною, он снова, после беседы с татап, являлся ко мне и просто чужими фразами мне возражал. В эти минуты он казался мне таким мальчишкой, с которым не стоило и толковать, и я гнал его от себя, отказываясь от всех дальнейших прений. — «Дядя!» говорил он мне тогда: неужели вы не понимаете, для чего я возражаю вам?.. ведь только для того, чтоб еще раз выслушать ваши доводы и еще прочнее убедиться в том, что я уже принял разумом. Ну, понимаете: ведь я учусь наконец думать и рассуждать, потому что до сих пор жил чужим умом и принимал одно готовое. Я спорю с вами, — потом иду и возражаю татап вашими доказательствами; ее опровержениями возражаю снова вам, — а в уме моем и вырабатывается убеждение уже собственное, которое формируется из всего, что проходит передо мною». — И мы снова усаживались на моей постели и безжалостно принимались опрокидывать с пьедесталов ложные авторитеты в грязь. Без малейшей боли, без малейшего страдания производил эти операции Дм. Ив., и мне приходилось только изумляться твердости, с которою он рубил головки маленьким божкам. — «И тебе не тяжело разочарование в них?» спрашивал я. «Истина всего дороже!» отвечал юноша и утешал еще меня, словно мне приходилось разочаровываться. |

30

XV

Так совершилось освобождение Дм. Ив. из под того страшного нравственного гнета, который с минуты его рождения тяготел над ним и мешал свободному развитию его личных, индивидуальных свойств. — «Не рассуждай!» слово это проходило

через все его домашнее воспитание, с минуты первого сознания ребенка до настоящей поры. Теперь он вдруг почувствовал в себе свободу мыслить, право думать по-своему и обо всем, право судить как лично ему кажется, и, как молодой орленок, изведавший впервые силу клюва своего, не поддавался уже больше галкам. Прежде достаточно было со стороны всякого старшего магического слова — «неприлично», и юноша, без всяких разъяснений, безусловно подчинялся ему. Теперь он начал рассуждать, — теперь он начал возражать и требовать основ и доводов на каждое предъявленное ему настояние. Случилось вдруг событие такого рода: он из деревни возвращался в Петербург, — кузина его ехала в Москву, и он задумал до Москвы свершить путь вместе с нею. Он никому не говорил о том, считая себя вправе это сделать. Узнал один из старших и предложил ему вопрос: «кого просил он разрешить ему поездку эту?» — «Никого», ответил Дм. Ив. — «Да кто ж тебе это позволит?» продолжал старшой. — «А кто же запретит?» — спросил на это инсургент. — «Я!» отвечал администратор. — «Силою? ..» — «Да, силой: прикажу тебя связать и положить вон хоть на тот диван». «О, тогда я не поеду, проговорил невозмутимо Дм. Ив., но помните одно, что это будет уж последнее насилие со мною».

К счастью дело уладилось без вязания Дм. Ив.; один старшой уговорил другого не прибегать к крутым мерам, и молодой Писарев отправился в Москву вместе с своей кузиной.¹

31

Я заканчиваю настоящим эпизодом мои рассказы из детства покойного, потому что этот именно момент в его жизни считаю гранью полного его освобождения из под всякой опеки. Тягость этой опеки сокрушительно отозвалась на его нежный, деликатный организм; душевная болезнь, которую он вскоре за прозрением своим перенес, для многих не секрет. Тот крайний перелом, который совершился во всем мирозерцании молодого человека, не мог обойтись без потрясений и страданий: природа отплатила тут за нарушение нормальных законов своих. А затем настало выздоровление и началась его литературная деятель-

¹ Столкновение это произошло в мое отсутствие; я передаю его так, как оно рассказано мне покойным. (Примеч. А. Д. Данилова).

ность, — деятельность критика, которая всякому образованному русскому хорошо известна. В ней он выходит снова на бой с авторитетами; в ней он ратует за свободу так, как только может ратовать измученный в рабстве невольник — ожесточенно, беспощадно, без сделок и уступок, — и в ней, наконец, он особенно борется с тем, от чего сам так много в жизни своей терпел. . .

А. Данилов.

¹ А. Д. Данилов имеет в виду напечатанный М. М. Стасюлевичем в «Вестнике Европы» некролог Писарева, который заканчивался словами: «Надобно желать, чтобы знавшие покойного дали нам более обстоятельные сведения о его жизни; это нужно, конечно, не ему, а нам; быть может, тогда мы будем более щадить талант и не бояться порывов его развития, зная, что увлечение бывает часто признаком дарования, и что увлечение пройдет, а дарование останется с нами. . .» («Вестник Европы», 1868, август, стр. 919).

² С. И. — Сергей Иванович Писарев, младший брат И. И. Писарева, дядя критика. Подробнее см. о нем в комментариях к «Письмам Д. И. Писарева к родителям» в сборнике «Шестидесятые годы», Изд. АН СССР, М.—Л., 1940, стр. 137. «. . . Сергей Иванович Писарев имел тоже свою долю участия в воспитании Писарева, — замечает Е. П. Казанович, — но она не оставила никаких следов, не пробудила никаких новых чувств ни в ребенке, ни в юноше, ни, тем менее, во взрослом» (Е. Казанович. Д. И. Писарев 1840—1856, Пгр., 1922, стр. 73).

³ Рассказ Писарева «Летний вечер» в его тетради ученических лет (текст см.: Рукописи Писарева. Научное описание. Сост. К. Н. Григорьян, М.—Л., 1941, стр. 29—30) позволяет не соглашаться с утверждением Данилова о том, что Писарев в детские и юношеские годы был равнодушен к природе. И выбор темы в этом рассказе и попытка в самых лирических тонах изобразить здесь вечерний сельский пейзаж свидетельствуют об обратном. Все начало седьмой главы, очевидно, понадобилось А. Д. Данилову лишь для того, чтобы подчеркнуть «реализм» Писарева и рассказать, как он «хотел романтикам в глаза».

⁴ Майер Франц Христианович (1782—1860) — ученый агроном-писатель. С 1820-х годов до конца своей жизни жил в имении Шатиловых, в селе Мохово, Тульской губернии, по соседству с Писаревым. Майер занимался сельским хозяйством и является автором целого ряда печатных работ в этой области (см.: Франц Майер, Полн. собр. соч., 3 тома, М., 1850—1854), но значение их, как и личности Майера, сильно преувеличено А. Д. Даниловым (ср. выше, стр. 47).

⁵ Трескин Николай Алексеевич (1838—1894) — друг Писарева в студенческие годы; см. о нем подробно в заметке Е. П. Казанович («Звенья», сб. 5, 1935, стр. 755—759).

⁶ По всей вероятности, Писарев был представлен Н. Г. Чернышевскому, но эпизод этот, как передает его Данилов (якобы по рассказу самого Писарева), мало вероятен и едва ли соответствует действительности.

⁷ Дочь младшей сестры отца Писарева, ближайший друг его юности — Ранса Александровна Коренева (в замужестве Гарднер, 1840—1916). После смерти матери жила у Писаревых. См. о ней в статье Б. Козьмина «Из неопубликованной переписки Д. И. Писарева». «Литературное наследство», кн. 25—26, 1936, стр. 645—646, и в сборнике «Шестидесятые годы», Изд. АН СССР, М.—Л., 1940, стр. 137.

Н. А. ДОБРОЛЮБОВ

ПИСЬМА

Публикуемые ниже два письма Н. А. Добролюбова (1860 и 1861 годов), а также три письма к нему В. М. Добровольского извлечены из архива Добролюбова, хранящегося в ИРЛИ (см.: Влад. Княжнин. Архив Н. А. Добролюбова. Описание бумаг Добролюбова, принадлежащих Пушкинскому Дому, — в книге «Временник Пушкинского дома», 1913, СПб., 1914, стр. 1—77). Первое письмо Добролюбова (адресованное П. Н. Казанскому) дает несколько новых данных для его биографии, в частности, для истории его поездки за границу в 1860 г., второе (к неизвестному адресату) сообщает любопытные подробности о редакционной работе Добролюбова в «Современнике».

Значительный интерес представляют также впервые публикуемые письма к Добролюбову В. М. Добровольского, одного из членов офицерского кружка, в начале 60-х годов группировавшегося вокруг Чернышевского, Добролюбова и Н. Н. Обручева.

Н. А. ДОБРОЛЮБОВ — П. Н. КАЗАНСКОМУ

Петр Никитич Казанский, причетник русской посольской церкви в Берлине, тяготел к литературе и оказывал немало мелких услуг Добролюбову, Пыпину и другим лицам во время их пребывания за границей (см. Е. И. Жуковская. Из записок шестидесятницы. «Звенья», вып. 1, М., 1932, стр. 353). В издании «Материалы для биографии Н. А. Добролюбова...», т. I, М., 1890, Чернышевским были изданы шесть писем Добролюбова к Казанскому. Публикуемое письмо в названное издание не вошло. Пять писем П. Н. Казанского к Добролюбову, в том числе и ответ на это письмо от 21 июня, остаются неизданными и находятся в составе его архива в ИРЛИ (см. «Временник Пушкинского дома», 1913, СПб., 1914, ук. работа В. Н. Княжнина, стр. 49 и 57).

Печатается по автографу ИРЛИ, архив Н. А. Добролюбова (157/1985. IX с).

⟨Дрезден, 9/⟩21 июня ⟨1860 г.⟩

Мое письмо (от 16-го)¹ не могло к Вам не дойти: здесь этого, кажется, не бывает. Но, вероятно, оно не застало Вас в Берлине, а потом Вы не писали, думая, что я уже уехал из Дрездена. Между тем, я все здесь: нашлись знакомые,² да кроме того я нехорошо себя стал чувствовать, и потому два раза был у Вальтера,³ который нашел, что во мне «может развиваться расположение к серьезным грудным страданиям». Это значит, надо предупредить чахотку, и для того я отправляюсь в Интерлакен.⁴ Сегодня еду я в Лейпциг, завтра отправлюсь до Веймара, после завтра (т. е. в субботу) на Франкфурт, где и пробуду, вероятно, воскресенье. Так Вы напишите мне, ежели есть что писать во Франкфурт, *poste restante*, а ежели позже будете писать, то посылайте уже в Интерлакен, тоже *post restante*.

Я думаю, пора бы уже из Петербурга чтонибудь получить: если есть письмо, то пожалуйста пошлите немедленно в Интерлакен.

Тороплюсь, потому что через два часа надо ехать. Прощайте. Извините, что беспрестанно обременяю Вас хлопотами.

А что Вагнер?⁵

Ваш

Н. Добролюбов.

¹ Это письмо Добролюбова не известно.

² С кем именно встречался Добролюбов в Дрездене, остается неустановленным. В письме к своему другу М. И. Шимановскому от 11/23 июня 1860 г. Добролюбов писал о том, что «куда не оглянься — везде русские. В Дрездене — так это доходит до неприличия...» (Материалы для биографии Н. А. Добролюбова, т. I, М., 1890, стр. 565). Далее Добролюбов указывает, что в театрах, на гуляниях, в концертах, на приеме у врача — можно обходиться русским языком.

³ Вальтер (Hermann Valthet, 1815—1871) — известный немецкий терапевт.

⁴ Интерлакен — климатическая станция, курорт в Швейцарии (кантон Берн). Пребывание в Интерлакене (до конца июля) не принесло облегчения подорванному непосильной работой организму Добролюбова, и вскоре после возвращения из-за границы он скончался.

⁵ Вагнер — берлинский книгопродавец. С ним, через Казанского, Добролюбов вел переговоры об организации в Берлине подписки на «Современник». Вагнер склонен был согласиться, однако неожиданное несчастье (ампутация ноги) заставило его прекратить торговлю и закрыть свой магазин.

Н. А. ДОБРОЛЮБОВ — НЕИЗВЕСТНОМУ

Адресат письма остается неустановленным. Предположение В. Н. Княжина, что им является Журавлев, неправдоподобно (см.: «Временник Пушкинского дома», 1913, СПб., 1914, стр. 49, ук. работа В. Н. Княжина).

Иван Гаврилович Журавлев, товарищ Добролюбова по Нижегородской семинарии. Он окончил семинарию в год выхода из нее Добролюбова и отъезда в Петербург: 4 августа 1853 г. они вместе выехали из Нижнего Новгорода. Знакомство поддерживалось и впоследствии. В 1857 г. Журавлев окончил Петербургскую духовную академию и затем был учителем Нижегородской семинарии (см.: А. С. Родосский. Биографический словарь студентов первых XXVIII-ми курсов С.-Петербургской духовной академии. 1814—1869, СПб., 1907, стр. 155).

Журавлев никакими историко-литературными работами не известен. Добролюбов относился к Журавлеву с симпатией. Между тем, официально-сухой тон ответного письма Добролюбова свидетельствует об отсутствии близких отношений — мотивы отклонения предлагаемых работ более или менее нарочиты. В сентябрьской книжке «Современника» письма Якушкина напечатаны не были.

Печатается по автографу ИРЛИ, архив Н. А. Добролюбова (155/1983. IX с).

«Петербург, 14 сентября 1861 г.»

Милостивый государь Иван Гаврилович,
Интереснейшие места «письма с дороги» встретят, по всей вероятности, большое затруднение в цензуре, — и особенно при печатании в «Современнике», на который смотрят почему то строже, чем на другие журналы. Кроме того — в сентябрьской книжке помещаются письма Якушкина, и редакция желает избежать стечения двух однородных статей в одной книжке.

Что касается до статьи о былинах, то она, к сожалению, по своему объему не может найти места ни в октябрьской, ни в ноябрьской книжке, потому что в них должны оканчиваться статьи уже начатые в сентябрьской.

Преданный Вам

Н. Добролюбов.

14 сент<ября> 1861.

В. М. ДОБРОВОЛЬСКИЙ — Н. А. ДОБРОЛЮБОВУ

Владимир Михайлович Добровольский (1834—1877) — воспитанник Павловского кадетского корпуса, «офицер генерального штаба, товарищ Сераковского по военной академии». Эти слова Чернышевского (они написаны на автографе второго письма) разъясняют круг лиц, к которым примыкал Добровольский. Он был одним из членов офицерского кружка, группировавшегося вокруг Чернышевского, Добролюбова и Н. Н. Обручева; от него непосредственно протягивались нити к подпольным революционным кружкам Петербурга и Москвы 60-х годов, в пору «революционной ситуации» (Ленин). Весь этот кружок Добролюбов, в одном письме конца 1858 г., называет «коллекцией хороших офицеров». Чернышевский, поясняя эти слова, прямо говорит, что Добролюбов был «близким другом некоторых из замечательнейших людей» этого кружка (Материалы для биографии Добролюбова, т. I, стр. 495 и сноска). Уезжавшему в провинцию, после окончания военной академии в 1859 г., Добровольскому было поручено выяснить, что за человек Окрейц, обратившийся в редакцию «Современника» с предложением своих работ (см. письмо 2).

Проницательный Добролюбов не обманывался относительно степени радикальности Добровольского. Называя, повидимому, именно его в числе лиц, выразивших свое сочувствие в связи со статьей Герцена «Very dangerous», Добролюбов о нем, и еще кое о ком, добавлял: «кто их знает, что они за люди» (Полн. собр. соч., т. VI, 1934, стр. 488).

Вскоре налет радикализма с Добровольского слетел: в 1863 г. он принял участие в подавлении польского восстания, а затем сделал неплохую военную карьеру. В 1865—1871 годах он командир полка; в чине генерал-майора, командующего 3-й стрелковой бригадой он был убит при штурме Плевны 30 августа 1877 г. (Петербургский некрополь, т. II, стр. 62).

Письма печатаются по автографам ИРЛИ, архив Н. А. Добролюбова (265/2093. IX с).

1

«Петербург, конец декабря 1859 г.»¹

Уже 4 дня, милейший Николай Александрович, не выхожу я из комнаты; в тот день, как мы встретились на пороге квартиры Ник^олая Гаврил^овича, я сильно простудился и до сих пор еще болен. Это обстоятельство помешало мне отыскать для Вас «Отчет»;² пока я послал в поиски нескольких господ, но не знаю что будет.

Милостивый Государь

Иванъ Тавриновичъ,

Интереснѣишею мнѣ была "книжка съ до-
гоч" вступительнѣе, но всею върооятности,
большое затрудненіе въ ценурѣ, - и осо-
бенно при перамаши въ Собр-вѣ, на
которой смотрѣли почему-то строго,
чѣмъ на другіе журналы. Кроме того
въ всеобщ. книжкѣ побывавшия у насъ
на Якушкина, и редакція редакція была
самъ искреннѣе другъ однородна, имѣет
въ одной книжкѣ.

Это касалось до станицы и точки
матр. то она, и сафарины, но своему
объему не имѣетъ подобнаго мнѣ
въ октябрьской, и въ ноябрьской книжкѣ,
потому что въ нихъ дождя охраняется
станица, чѣмъ парамбис въ сентябрьской.

Преданный Вамъ

14 сент

Н. А.

Н. Добролюбовъ

Письмо Н. А. Добролюбова к неизвестному. 14 октября 1861 г.

О, зависть, зависть: карьера Соловьевича Вас соблазняет.³ Бросьте Вы это проклятое дело; дождетесь Вы, что Вас из за угла убьют.

Сейчас пришел ко мне Станевич⁴ и объявил, что Сераковский⁵ едет к Жемчужникову⁶ за отчетом; это вдвойне приятно: дело в том, что он узнает там все, что возбудила в этом круге статья Ваша о «Пассаже».

Как только выздоровлю, постараюсь заехать к Вам. Я, повидимому останусь в Питере до крещенья.⁷

Будьте здоровы.

Ваш В. Добровольский.

¹ Письмо датировано Чернышевским — «декабрь 1859». Эта датировка уточняется упоминанием статьи Добролюбова «Любопытный пассаж в истории русской словесности», напечатанной в № 12 «Современника» за 1859 г. Этот номер вышел в свет около 29 декабря («С.-Петербургские ведомости», 1859, № 282, 29 декабря, стр. 1271). Таким образом, письмо следует датировать концом декабря.

² О каком отчете идет речь, сказать трудно. Может быть, об издании: «Речи и отчет, читанные в торжественном собрании Московской практической академии коммерческих наук 17 декабря 1859 г.». На этот отчет (как и на отчет за предыдущий год) Добролюбов напечатал в «Современнике» (1859, № 2, и 1860, № 1) уничтожающие отзывы. (На отчет за 1858 г. см. рецензию Добролюбова также и в «Журнале для воспитания», 1859, № 4).

³ Добровольский имеет в виду недавний (13 декабря) диспут Смирнов—Перозио в зале Пассажа о деятельности акционерного общества, державшего в своих руках пароходство по Черному морю, и выступление на нем Н. А. Серно-Соловьевича на стороне Смирнова. Полушутливые строки письма имеют в виду разгоревшиеся после диспута страсти: противников Серно-Соловьевича могли (шутя) подозревать в желании убить ненавистного оппонента. (Указано Б. П. Козьминим).

⁴ Станевич Онуфрий Фердинандович — офицер генерального штаба. В 1859 г. он окончил военную академию, а в 1863 г. вышел в отставку, не желая принимать участие в подавлении польского восстания.

⁵ Сераковский Сигизмунд Игнатьевич (1826—1863) — известный революционер, сотрудник «Современника», один из близких друзей Чернышевского. Окончил военную академию, в 1863 г. принял участие в польском восстании и был повешен Муравьевым.

⁶ Скорее всего речь идет о поэте Владимире Михайловиче Жемчужникове (1830—1884). В. М. Жемчужников выступал на диспуте Смирнов—Перозио (см. выше) в качестве посредника со стороны Смирнова, а в мае 1861 г. был избран одним из директоров названного общества пароходства и торговли («Северная пчела», 1861, № 111, 19 мая, стр. 451).

⁷ См. следующее письмо.

2

«Могилев на Днестре, 20 января 1860 г.»

Милый Николай Александрович!

Немедленно по приезде в Могилев, я взялся отыскивать Акрейца; ¹ этот господин очень молодой, горячий редактор будущего журнала. Он не хочет и думать о том, чтобы отказаться от своей задачи примирения 2-х элементов. Он хочет для авторитета в Могилеве напечатания своего имени в Современнике. Впрочем, он будет писать к Вам сам. Бог их знает, чего они хотят и для чего. По его выражению его огорчает этот раздор в одном семействе — дворянстве. Что же касается до мужиков, то он говорил, что они животные, и потому за них без помещиков братья и не стоит. Впрочем, он хочет ехать и объяснить всё на словах.

Не огорчайте его, если можно.

Я ужасно устал; еду сейчас в д. Рогачев и далее.

Буду писать при первой возможности.

Кланяйтесь Николаю Гавриловичу.

Любящий Вас

Владимир Добровольский.

18 $\frac{20}{I}$ 60

г. Могилев

¹ Акрейц (правильно Окрейц) Станислав Станиславович (род. ок. 1834 г., ум. после 1913 г.) — реакционный беллетрист и журналист. Издание проектировавшегося им в Могилеве журнала не осуществилось.

3

Житомир, 6 марта 1860 г.»

Дорогой мой Николай Александрович; думал ли я, что буду писать к Вам из Житомира, в таком тоскливом расположении духа, в каком я нахожусь теперь. С подобной тоской я познакомился очень недавно; всего только на этой неделе. Я приехал сюда 28-го февраля, виделся с Кармалиным¹ в тот же день по службе, еще раза два видел его в штабе, спорил с ним о бог знает чем; узнал, что он атеист, материалист, фаталист, экономист. Начальник корпусного штаба, готовится в генералы и поет дуэты с какою то госпожею. Да и пора; он сед уж не на шутку. Товарищи мои (новые) люди почтенные, находят, что `скучно, что так и быть должно, на то господня воля. Мы читаем в штабе за неимением казенных бумаг вслух статьи предоставленные моему выбору. Прочла публика неразрезанные статьи «Овен и его политика»² и т. д. Н...бова, Николая Гавриловича «Философские предубеждения против общины»,³ «Экономическая деятельность» и госудаство»⁴ да новую статью его «Капитал и труд».⁵ Не сомневаюсь, что время убито напрасно. Напрасно и Николай Гаврилович старается расширить и облагородить понятия о личном интересе, а Вы нападаете на Пирогова за недостаточно твердые убеждения.⁶ Я не думаю, чтобы были какие либо скалы тверже убеждений всех тех господ каких я тут и дома (в Могилев. губ.) видел в деле поддержания своего личного интереса. Эмансипация вместе с болезнью «словоизвержения» вызвала здесь самые Виргинские (?)⁷ порывы благородных душ. Везде недовольство, ропот, вместе с тем уму непостижимая апатия. Тошно смотреть на то что делают помещики в Могилев. губ. Грабят мужика и мучают его до последней степени. У одного соседа моего г. Сенковского, половина мужиков бежала. «И слава богу, что проклятые разбегаются: подохните вы все собаки — земля мне останется» говорит этот господин остальной части своих мужиков. Эта же скотина, не составляющая впрочем, исключения, кричит что папу надо

выгнать из Италии, австрийцев из Венеции, за что и слывет либералом и передовым человеком.

Ах! вспомнил я об этом худошавом ревнителе слияния 2-х враждебных элементов — Акрейце.⁸ Я наскоро писал к Вам из Могилева о том что виделся с ним и нашел его твердым в ереси. Сколько я ни расспрашивал здешних помещиков о том какое их мнение об этом предприятии, все находят его нелепым, потому что ревность сближения враждебных элементов — они признают фискальною уловкою; притом же они находят что для них совершенно достаточно подобного же издания в Вильне: «Kurier Wiłenski» и губернских ведомостей. Ох, хотелось бы мне Вам сказать правду одну — да боюсь чтобы Вы не сообщили ее моим друзьям Серкаковскому⁹ и Станевичу...¹⁰

Скажу Вам только, что я всеми средствами буду стараться выбраться поскорее из Житомира — я не могу выносить этого мерзкого положения в котором год тому назад были австрийцы в какомнибудь Поццуоло-формагоро¹¹ или в другом месте. Если бы еще эта хваленая Волянь была такая, как она говорит о себе. Здесь патриоты — это помещики 300 и более душ; это здешние Кавуры¹² — ненавидящие, впрочем, всех кто осмелится напомнить им о каких либо жертвах даже золотым. Крашевского¹³ тут ненавидят за то, что он упрекнул помещиков за их хладнокровие к участи ссыльных амнистированных Александром. Эти несчастные чуть не поумирали с голоду...

Тут есть один господин по фамилии Чиркин адъютант Врангеля (корпусного командира), занимающийся литературою вообще, а польскою в особенности и переводит с польского на русский язык лучшие романы Крашевского. Между прочим Крашевский обещал ему дать еще в рукописи для перевода свой новый роман, который он дописывает и готовит к печати. Если хотите войти в сношение с этим господином и будете ему платить рублей 15 или 20 за лист, он будет доволен. Кажется Кармалин уже выслал его какую то статейку (должно быть «Три свадьбы», которую он мне читал)¹⁴ к Обручеву¹⁵ для передачи Чернышевскому. Статья эта (если это только та)¹⁶ плоха из рук вон; сами увидите — хуже щедринского «Скрежет зубовный»¹⁷

в стократ, а хуже я мало что читал; если будет у Вас время Вы верно ответите на это письмо, адресуйте в Житомир в корпусный штаб, да не забудьте Вашего портретика. Если зайдете когда нибудь к Давыдову¹⁸ спросите о «Библиотеке естеств^{ен}ных» наук, отдел сельско-хозяйственный».¹⁹ Выругайте Вы редактора этого журнала — ведь это из рук вон: с июня 59 г. до марта 60, вышел 1 номер. Начал я статью Лаврова: «Теория личности»: ²⁰ что за билиберду несет он на первых 8 или 10 страницах. Доберитесь ка до него. Кланяйтесь Ник^олаю Гавриловичу и не забывайте от души любящего Вас

Владимира Добровольского.

18 $\frac{6}{III}$ 60

«На полях перевернутого л. 1» От души поздравляю «Современник» с прекращением заметок «Нового Поэта». Хоть я и не считаю, что Ив^{ан} Иванов^{ич} сделал лучше — выказав свою интимность с Белинским,²¹ но все же это достойнее. Что Вы осиротелые дети Якова; как живете без него.

«На полях л. 2 об.» Василию Ивановичу²² мое глубочайшее, а Володе²³ погрозите что отдадите в житомирскую гимназию — может надеяться на хороший пример.

¹ О ком идет речь, установить не удалось.

² Имеется в виду статья Добролюбова «Роберт Овен и его попытки общественных реформ», напечатанная в № 1 «Современника» за 1859 г., за подписью «Н. Т—нов».

³ Речь идет о статье Чернышевского «Критика философских предубеждений против общинного владения» («Современник», 1858, № 12).

⁴ Точное заглавие этой статьи Чернышевского — «Экономическая деятельность и законодательство» («Современник», 1859, № 2).

⁵ Эта статья Чернышевского напечатана в «Современнике», 1860, № 1.

⁶ Имеется в виду статья Добролюбова «Всероссийские иллюзии, разрушаемые розгами» («Современник», 1860, № 1).

⁷ Слово прочтено предположительно. Возможно, что Добровольский намекает на политические волнения в штате Восточная Виргиния, закончившиеся в 1861 г. выходом из союза. Виргиния приняла участие в междоусобной войне на стороне южных, т. е. рабовладельческих штатов. Все эти события часто обсуждались в газетах и журналах конца 50-х и начала 60-х годов.

⁸ См. примеч. 1 к письму 2.

⁹ См. примеч. 5 к письму 1.

¹⁰ См. примеч. 4 к письму 1.

¹¹ Речь идет об одном из эпизодов итальянской войны 1859 г.

¹² Кавур Камилло Бензо (1810—1861) — итальянский государственный деятель в эпоху освободительной войны в Италии, вождь либералов.

¹³ Крашевский Иосиф (1812—1887) — видный польский писатель, романист. Перевод, упоминаемый в письме Чиркина, в «Современнике» не появился.

¹⁴ Эта статья Чиркина в «Современнике» также не появилась.

¹⁵ Обручев, Николай Николаевич (1830—1904), в это время профессор военной академии, один из ближайших друзей Чернышевского, деятельный участник революционного подполья 60-х годов, впоследствии видный военный деятель.

¹⁶ От последних слов в письме проведена стрелка, соединяющая слово «та» с написанными выше «Три свадьбы».

¹⁷ «Скрежет зубовой» Салтыкова-Щедрина был напечатан в № 1 «Современника» за 1860 г. Добровольский не указывает, чем именно этот очерк из цикла «Сатиры в прозе» ему не понравился.

¹⁸ Давыдов Алексей Иванович — петербургский книгопродавец.

¹⁹ «Библиотека естественных и математических наук» начала выходить в Москве в 1859 г.; вышло лишь три выпуска.

²⁰ О Лаврове Добролюбов ничего не писал. Вероятно, Добровольский имеет в виду «Очерки вопросов практической философии», СПб., 1860.

²¹ Заметки «Нового поэта» перестали печататься с начала 1860 г. В это время в «Современнике» печатались воспоминания И. И. Панаева: в № 1 за 1860 г. было напечатано «Воспоминание о Белинском».

²² Василий Иванович (род. 1831 г.) — дядя Добролюбова, живший с ним вместе.

²³ Володя — брат Добролюбова (1849—1913).

И. А. ГОНЧАРОВ

«НАБРОСОК НЕОСУЩЕСТВЛЕННОГО ПРОДОЛЖЕНИЯ РОМАНА «ОБРЫВ»»

Публикуемый черновой набросок одного из эпизодов шестой части романа Гончарова «Обрыв» имеет значительный интерес. Он позволяет глубже проникнуть в первоначальные замыслы «Обрыва» и понять их эволюцию в связи с изменением условий общественной и литературной борьбы. Поставленный в связь с другими материалами, этот черновой набросок способствует пониманию существенных сторон мировоззрения Гончарова.

Роман «Обрыв» имеет сложную творческую историю. Замысел романа, по свидетельству автора, возник у него в конце 40-х годов: «В 1849 году я уехал на Волгу, в Симбирск, на родину — и там, в течение четырех летних месяцев, у меня родился и развился в обширную программу план нового романа, именно *Обрыв*. Он долго известен был в кругу нашем под именем *Художника, т. е. Райского*» (Сборник Российской публичной библиотеки, т. II, вып. 1, Пгр., 1924, стр. 13. К этому же времени Гончаров в «Предисловии» к роману относит возникновение замысла «Обрыва»; см.: И. А. Гончаров. Литературно-критические статьи и письма, Л., 1938, стр. 105). С этим замыслом «в голове и в программе, небрежно написанной на клочках» (И. А. Гончаров. ук. соч., стр. 153), писатель совершил кругосветное путешествие на фрегате «Паллада»; по возвращении закончил начатые в путешествии путевые очерки «Фрегат Паллада», завершил роман «Обломов» и только в 1859 г. возвратился к работе над «Обрывом». В начале 60-х годов он опубликовал отдельные отрывки романа в журналах — «Современник», 1860, № 2, и «Отечественные записки», 1861, №№ 1, 2. К весне 1868 г. писатель считал законченными три первые части «Обрыва», которые он в конце марта—начале апреля 1868 г. читал А. К. Толстому и М. М. Стасюлевичу (см.: М. М. Стасюлевич и его современники в их переписке, т. IV, СПб., 1912, стр. 1—3). Роман был в основном закончен Гончаровым к концу 1868 г. и напечатан в пяти первых книжках «Вестника Европы» за 1869 г.

Время написания публикуемого отрывка не может быть определено с полной точностью. Вероятнее всего, что он был написан летом 1868 г.,

когда Гончаров усиленно работал над заключительными четвертой и пятой частями «Обрыва». В это время в его творческом сознании возникали различные варианты окончания романа. В письме к М. М. Стасюлевичу от 30 мая 1868 г. Гончаров сообщал о своем намерении окончить роман смертью Райского: «...перспектива вся открылась передо мной до самой будущей могилы Райского, с железным крестом, обвитым тернием» (там же, стр. 8). Следует отметить, что в это время Гончаров думает о шести частях романа: «Бог даст отопрем под красной («Вестник Европы» выходил в красной обложке, — А. Г.) — или точнее красной оберткой Вестника и вторую половину», — пишет он в том же письме к Стасюлевичу. До отъезда за границу, откуда Гончаров пишет это письмо, он читал А. К. Толстому и М. М. Стасюлевичу первые три части «Обрыва». В «Необыкновенной истории» Гончаров пишет, что он рассказывал М. М. Стасюлевичу возможное развитие шестой части и план окончания романа, теснейшим образом связанный с содержанием публикуемого отрывка: «У меня в этом предполагавшемся конце (который составил бы целую часть, 6-ю) Райский возвращался из-за границы — сначала через Петербург, где встретился бы с Софьей Беловодовой и закончил с ней начатый в 1-й части эпизод, потом поехал бы в деревню, там нашел бы Бабушку, окруженную детьми Марфиньки, наконец, предполагалось заключить картиной интимного, семейного быта и трудовой жизни — Тусина и Веры, замужем за ним — с окончательным развитием характеров того и другого» (Сборник Российской публичной библиотеки, т. II, стр. 98). Существовал и еще один вариант конца романа, также оставшийся неосуществленным; следы его мы находим в следующей, еще неопубликованной записи Гончарова, хранящейся в ИРЛИ: «Пена страсти. Райский (в эпилоге) на возвратном пути с наслаждением посетил Москву. Он бросился тотчас в университет. С любовью обошел его. Он помнил, что студенты были любимые дети Москвы, ее будущие надежды, гордость. Она с любовью смотрит на него на улицах, принимает в домах». Вероятнее всего, что в приведенных выше признаниях Гончаров имеет в виду беседы о развитии и окончании романа, происходившие в июле 1868 г., когда он некоторое время жил в Швальбахе вместе с М. М. и Л. И. Стасюлевичами. Как сообщает М. К. Лемке, «...Гончаров много и с увлечением работал над романом и читал им все отделанное, прося всегда самой откровенной критики» (М. М. Стасюлевич и его современники, т. IV, стр. 32). В это же время, по свидетельству М. К. Лемке, устанавливается окончательное название романа: «...друзья как-то поехали в Adolphs-eck и там, на краю обрыва нашли, наконец, настоящее заглавие роману» (там же, стр. 32).

По первоначальным замыслам Гончарова образ Райского занимал в романе центральное положение. Об этом свидетельствуют ранние варианты заглавия романа — «Художник», «Художник Райский» — и многочисленные позднейшие признания автора. В «Обрыве», который долго известен был

«в кружке нашем просто под именем „Художник“ . . . , — пишет Гончаров в статье «Лучше поздно, чем никогда», — больше и прежде всего меня занимали три лица: „Райский, бабушка и Вера, но особенно Райский“». Об этом же он говорит в статье «Намерения, задачи и идеи романа „Обрыв“» (И. А. Гончаров. Литературно-критические статьи и письма, стр. 153, 152, 138).

В романе предполагалось дать «огромную главу» о предках Райского, «. . . начиная с прадеда, деда, наконец отца Райского. Тут являлись, один за другим, фигуры Елизаветинского современника, грозного деспота и в имении и в семье, отчасти самодура, семейная жизнь которого изобиловала насильем, таинственными, кровавыми событиями в семье, безнаказанною жестокостью, с безумной азиатской роскошью. Потом фигура придворного Екатерины, тонкого, изящного, развращенного французским воспитанием эпикурейца, но образованного поклонника энциклопедистов, доживавшего свой век в имении между французской библиотекой, тонкой кухней и гаремом из крепостных женщин.

«Наконец следовал продукт 19-го века — мистик, масон, потом герой-патриот 12—13—14 годов, потом декабрист и т. д. до Райского, героя *Обрыва*» (Сборник Российской публичной библиотеки, т. II, стр. 15—16).

В этом высказывании Гончарова привлекает внимание то, что среди ближайших предков Райского названы — масон, герой-патриот войны 1812 г. и, наконец, декабрист. Все это, вместе с другими данными, свидетельствует, что образ Райского был задуман как образ положительного героя, проповедника новых идей, искреннего и честного по природе, достоинства и недостатки которого объяснялись условиями воспитания и развития. В спорах с Аяновым и Беловодовой в первых главах первой части окончательной редакции романа Райский предстает как «беспокойная натура», обличитель и противник крепостного права, своекорыстия чиновников, отживающих дворянских традиций. Он преследует «тетушкины, бабушкины, дедушкины, прабабушкины правила», его волнуют страдания крепостных крестьян и безразличие помещиков к нуждам народа. Не случайно Софья Беловодова, выслушав гневные тирады Райского, называет его Чацким. В Чацком Гончаров видел провозвестника новых идей, обличителя лжи и неправды, всего, «что отжило, что заглушает новую жизнь, „жизнь свободную“». «Чацкие, — по его словам, — живут и не переводятся в обществе, повторяясь на каждом шагу, в каждом доме, где под одной кровлей уживается старое с молодым, где два века сходятся лицом к лицу в тесноте семейств, — все длится борьба свежего с отжившим, больного с здоровым, и все бьются в поединках, как Гораци и Куриации, — миниатюрные Фамусовы и Чацкие». Для Гончарова Чацкий — «передовой воин, застрельщик и — всегда жертва. Падая в борьбе с „количеством старой силы“, он в свою очередь, наносит ей „смертельный удар качеством силы свежей“». Борьба Чацких, о которой с такой силой говорит здесь Гончаров, понята им как мирная борьба идей и мнений.

В этом смысле он говорит о влиянии идей Чацкого, формирующих общественное мнение и воздействующих даже на Фамусова и Молчалина. «Покой его <Фамусова> возмутится со всех сторон — и поневоле заставит кое-о-чем подумать, что ему в голову не приходило. Он едва ли даже кончит свою жизнь таким „тузом“, как прежние. Толки, порожденные Чацким, не могли не всколыхать всего круга его родных и знакомых. Он уже и сам против горячих монологов Чацкого не находил оружия» (И. А. Гончаров. Литературно-критические статьи и письма, стр. 77, 78, 79, 75).

Трактовка Гончаровым образа Чацкого дает ключ к пониманию смысла публикуемого отрывка и разъясняет причины отказа писателя от осуществления намерения написать шестую часть «Обрыва», в которой оправдывалось сравнение Райского с героем комедии Грибоедова. На примере «перерождения» Беловодовой Гончаров намеревался показать, что обличение «старой лжи» не пропадает даром. Либерально-реформистская точка зрения вела Гончарова к отрицанию революционных общественных преобразований и к резкому осуждению активных выступлений крестьян, недовольных реформой 1861 г. Реформы 60-х годов он ставил в прямую зависимость от пропаганды новых идей людьми 40-х годов, решительно исключая активную роль «низов», крестьянской массы, волнения которой вынудили правительство пойти на реформы. Оценка роли и значения мирной либеральной пропаганды как единственного условия победы нового над старым вела к преувеличению роли людей типа Райского в жизни и литературе.

Так объясняется центральная мысль публикуемого отрывка — Райский «разбудил» Беловодову. Проникнувшись идеями Райского, Софья Беловодова улучшила жизнь своих крестьян: «ни одна... баба (беременная) не жнет больше, ребятишки не ползают, и с мужиков не берут денег, узнавши, что они в затруднении». Управляющим имениями Беловодова назначает гуманного и просвещенного разночинца Ельнина, своего бывшего учителя.

Осуществление этого замысла окончания «Обрыва» превратило бы умеренного либерала Райского в положительного героя романа. В условиях настойчивой и непримиримой борьбы революционной демократии с героями дворянского либерализма в жизни и литературе Гончаров не мог сделать Райского героем, не рискуя попасть в разряд безнадежно отсталых писателей. Поэтизация так называемых «лишних людей» типа Райского явилась бы крайним анахронизмом. Для развития темы «трудовой жизни» Тушина и Веры реальная действительность не дала материала. Всякие попытки развить эту тему вели к идеализации помещицкой жизни, к измене жизненной правде и отходу от реалистического изображения действительности.

Все это не могло не вести автора «Обрыва» к отказу от замысла написать шестую часть романа, намеченную планом и развитую в публикуемом отрывке.

Начало публикуемого наброска (кончая словами: «Я вам обязана многим, многим: вы разбудили меня») опубликовано неточно и с пропусками

А. Г. Цейтлинным в его монографии «И. А. Гончаров» (Изд. АН СССР, М., 1950, стр. 473). Еще ранее весь набросок, но также неточно, был напечатан В. Злобиным в газете «Пролетарский путь», 1937, № 143, 24 июня; ср. его же статью «Как создавался „Обрыв“» в журнале «Литературная учеба», 1937, № 7.

Текст наброска подготовил к печати Л. М. Добровольский.

Печатается по автографу ИРЛИ (ф. А. В. Никитенко, № 19521. СХХХ б. 4).

Воротясь из за границы, он заезжает к Беловодовой; у ней на балу свидание. Она говорит с Милари. Он подслушивает. (Римский вопрос, горячий разговор). Милари отходит, учтиво уступая ему место. Воспоминания. Она оживляется и сознается в легком впечатлении Милари. Потом обнаруживает особенное дружество к Райскому и говорит, что думала о нем и рассказывает, что ни одна... баба (беременная) не жнет больше, ребятишки не ползают, и с мужиков не берут денег,^а узнавши, что они в затруднении (Vous y êtes pour beaucoup) * и сознается, что она ему этим обязана. Она нанимает отставных, честных солдат и они все это наблюдают, а управляющий — не Иван^б Петрович, а Ельнин... «А даете ли деньги туда... на улицу...» Она молча, выразительно пожала ему руку и скромно умолчала. Он понял, что деньги идут и на улицу.^в — О — какая вы красавица, кузина! в восторге говорит он, и как бы преклонил колена перед вами.

— Я вам обязана многим, многим: вы разбудили меня...

— Чтó если бы!.. вдруг воскликнул он и замолчал^г — глядя вдале, на ее мужа...

«Он стар, думал он: она теперь поняла меня... и может быть — наш роман с ней впереди...».

Потом сам засмеялся над собой и пересказал ей свою мечту. Она тоже засмеялась. «Как бы ни влюбилась я в вас... и скажу вам... (она поглядела на него с живостью и^д искренно, почти нежно), что это... не-невозможно...».

Он вдруг дрогнул, точно молнией ударило в него.

^а Зачеркнуто когда ^б Зачеркнуто Андрей ^в Зачеркнуто Я вам много обя<зан> ^г Зачеркнуто если бы... вам ^д Зачеркнуто гордо

* В этом Ваша большая заслуга (франц.).

— «Но — поспешила она, останавливая его веером, когда он^а подступил к ней... Как бы я ни влюбилась в вас: со стонами, воплями, судорогами etc... cousin». — Что же! — «Никогда не обману его (она указала глазами вдаль на мужа). Он мне верит...».

— Красавица!^б Вы также прекрасны в своем роде... как Вера... почти (про себя подумал он)^в и я, кузина — даю вам слово — будь я последний из людей — как бы я ни влюбился в вас, но и я не сделал бы шагу, чтоб поколебать этот ваш принцип: я преклоняюсь перед ним...

— Я знала это, cousin, если б вы и не говорили мне... Я вижу... Я теперь дипломатка — смеясь прибавила она — и понимаю вас... и люблю, и буду вашим другом, вам благодарным, обязанным... Вы пробудили меня...^г Подите сюда. Она^д

— Я еду завтра...

— Оставайтесь — так как^е вопрос о любви (не так как Римский) решен между нами окончательно и мы к нему возвращаться не будем...

— Не мог бы, кузина, остаться, если б у меня и не было других причин уехать... Вы не возвращались бы к вопросу о любви^ж и я — ради честного принципа — не говорил бы вам^з ни слова..., а сам бы...

— Ну — что же?^и

— Влюбился!

Она засмеялась и он тоже.

— Вы неисправимы, cousin.

— И нельзя исправиться, когда красота^к будит и тревожит мои нервы, как и искусство... музыка, живопись — это невольно, это всегда будет;^л хоть бей!

— Прощайте.

Он поцеловал у ней руку.

^а Зачеркнуто сдел(ал) ^б Реплика начиналась Перед ^в Зачеркнуто и перед ^г Зачеркнуто но ^д Фраза не дописана. ^е Зачеркнуто мы
^ж Зачеркнуто я ^з Зачеркнуто ниче(го) ^и Зачеркнуто — Стало быть
^к Зачеркнуто бь(т) ^л Зачеркнуто как ни

ПИСЬМА К И. И. ЛЬХОВСКОМУ (1857—1860)

Письма И. А. Гончарова к И. И. Льховскому давно уже привлекали внимание исследователей жизни и творчества автора «Обломова». Краткие выдержки из этих писем (вскоре после поступления их оригиналов в архив ИРЛИ) напечатаны были Л. С. Утевским в его книге «Жизнь Гончарова» (М., 1931), как представляющие «первостепенный интерес» (стр. 5); однако Л. С. Утевский воспользовался далеко не всеми наиболее интересными данными, которые можно было извлечь из этих неопубликованных писем Гончарова и, кроме того, по самому характеру своей книги — своего рода «хрестоматии» отрывков из печатных и рукописных источников для биографии Гончарова — принужден был оставить без комментариев впервые извлеченные им из автографов отрывки указанных писем. Три письма Гончарова из кругосветного путешествия, адресованные Льховскому (от 9—11 января, от июля и 20 августа 1853 г.), напечатаны были Б. М. Энгельгардом в составе его публикации — «Путевые письма И. А. Гончарова из кругосветного плавания» («Литературное наследство», кн. 22—24, 1935, стр. 365—368, 390—394); здесь же опубликован отрывок из позднейшего письма Гончарова к Льховскому от 2/14 апреля 1859 г. (там же, стр. 425—426), которое воспроизводится нами полностью.

Печатаемыми ниже одиннадцатью письмами Гончарова к Льховскому 1857—1860 гг. завершается публикация всего хранящегося в фондах Рукописного отдела ИРЛИ собрания писем Гончарова к этому его приятелю (письма печатаются нами по автографам; ф. 134, оп. 8, № 7). Следует, однако, сказать, что этим собранием далеко не исчерпываются все письма, безусловно многочисленные, написанные Гончаровым этому адресату; не подлежит сомнению, что в различные периоды своей жизни, особенно в 50—60-е годы, Гончаров состоял в интенсивной переписке с Льховским, но у нас нет сведений о том, сохранились ли где-либо эти письма, так же как нам неизвестно и место нахождения ответных писем Льховского к Гончарову, из которых в печати появилось лишь несколько малозначительных записок («Невский альманах», вып. II, Пгр., 1917, стр. 19).

Иван Иванович Льховский (1829—1867) учился на юридическом факультете Петербургского университета (в 1847—1850 годах) одновременно с Владимиром Николаевичем Майковым (1826—1885), с которым состоял в добрых, приятельских отношениях. Часто бывая в студенческие годы в доме Н. А. и Е. П. Майковых, Льховский здесь же встретил Гончарова, и между ними установились крепкие дружеские отношения, не ослабевшие долгие годы, несмотря на разницу их лет (Гончаров был старше Льховского на 17 лет). По окончании Петербургского университета Льховский служил вместе с Гончаровым в министерстве финансов; с 1857 г. он состоял секретарем канцелярии обер-прокурора 1-го департамента сената. В 1859 г. с помощью Гончарова Льховский определен был на корвет «Рында», отправлявшийся в кругосветное путешествие по маршруту, близкому к тому, который за несколько лет перед тем осуществил фрегат «Паллада». По возвращении из плавания Льховский в 1861—1862 годах был начальником типографии морского министерства («Русская старина», 1914. № 2, стр. 421).

В письмах Гончарова и в воспоминаниях о нем имя Льховского часто упоминается с начала 50-х годов; уже в это время Гончаров считал его среди близких ему и доверенных друзей. Только что отправившись в плавание, Гончаров пишет Льховскому: «... писать письма к приятелям для меня большая отрада. Вот отчего после отправленного дней пять тому назад письма к Вам пишу опять...» («Литературное наследство», кн. 22—24, 1935, стр. 365). В последующих письмах Гончарова с пути к Майковому, Языковому и другим Льховский постоянно упоминается как один из непреременных членов дружеского литературного кружка, собиравшегося в доме Н. А. и Е. П. Майковых, как человек, с которым Гончаров любил не только болтать о том, о сем, но и привык делиться многими своими заветными мыслями, не часто и с трудом открываемыми другим. Нередко с оттенком горечи Гончаров посылал в этих письмах упреки Льховскому — за долгое молчание, за недостаток ответных дружеских чувств, за нежелание довериться вполне, за скрытность... «А Вы, милый Льховский. Ужели в Африку-то не напишете мне ни слова? Да Вам я-чай — некогда: поди все влюблены там в кого-нибудь?» (там же, стр. 377); «Попеняйте на досуге Льховскому, что он меня забыл», — писал Гончаров также Ю. Д. Ефремовой («Невский альманах», вып. II, Пгр., 1917, стр. 13). «Мне очень жаль, — писал Гончаров самому Льховскому в большом письме от июля 1853 г. с островов Бонин-Сима, — что Вы так решительно отказались говорить о себе, сообщить мне кое-что из того заветного мира, который так тщательно закрывали почти от всех, а вот теперь и от меня» («Литературное наследство», кн. 22—24, стр. 391); чувствуется, что Льховский представлял прежде всего интересный объект для наблюдений над ним Гончарова, чуткого, зоркого и внимательного художника: «Иногда я с удовольствием, а иногда с каким-то страхом прислушивался, как тонко, а вме-

сте с тем как мучительно Вы бились посредством одного анализа разложить какой-нибудь случай, для которого требовалось не более трехдневного опыта, т. е. надо было пережить его, а Вы тратили бездну гипотез, даже целых теорий, одна другой остроумней, и ошибались иногда» (там же, стр. 391). Быть может, впрочем, именно на этой почве взаимного наблюдения друг за другом и в атмосфере слишком смелых признаний («мы наслаждались друг другом, и между прочим — в такие минуты, когда обыкновенно бывает не до друзей», — пишет Гончаров в публикуемом ниже письме № 7) рождалось и недоверие и возникали размолвки между Гончаровым и его молодым приятелем. В такие минуты Гончаров отчетливо чувствовал различие между ними и в его словах звучала почти отеческая забота и нежность: «...я, надеясь на Ваш ум, позабыл в Вас юношу... я забыл, что у Вас нет прошедшего и что в этом отношении я ставлю себя на Ваше место» (там же, стр. 391).

Дружба Гончарова с Льховским окрепла после возвращения И. А. из кругосветного путешествия; они виделись постоянно, прежде всего у Майковых, у Ефремовых, у Языковых. В письме к Е. В. Толстой (от 14 ноября 1855 г.) Гончаров описывал ей один из типичных воскресных вечеров в доме у Н. А. и Е. П. Майковых, где было много гостей, — среди них Тургенев, Писемский, Потехин: «Льхов <ский> был при дамах, роль, которая принадлежит ему на вечерах у Евгении Петровны...», но «Евгения Петровна нас <с Льховским> два раза разогнала в этот вечер, когда мы усаживались с ним в угол» («Голос минувшего», 1913, № 12, стр. 237).

Их встречи и задушевные беседы были в те годы очень частыми. В одном из впервые публикуемых писем (№ 8 от 5 ноября 1858 года), написанном уже после отъезда Льховского в кругосветное путешествие, Гончаров, вспоминая историю их дружбы за предшествующие годы, пишет характерные строки: «Вы все твердите, что ухаживали за мной: да будто я за Вами не ухаживал? Вам только принадлежит инисиятива, потому что я опередил вас годами и развитием. Начало моего ухаживания теряется в глубокой древности, а кончается последними днями Вашего пребывания; помните желание пробыть с вами всякий свободный час, поездки на острова, к Ю. Д. <Ефремовой> на дачу и проч.». Трудно сказать, вполне ли ответил Льховский тому идеалу «доверенного друга», какой пытался найти в нем Гончаров, — скорее всего не ответил, как об этом можно догадываться из некоторых горьких признаний и мимоходом брошенных замечаний Гончарова в его переписке, в частности, и в публикуемых письмах, — но для скрытного, психически неустойчивого и подозрительного человека, каким был автор «Обломова» и «Обрыва», — Льховский был особенно желанным собеседником, которому Гончаров прощал все — капризы и тщеславие, избалованность, лень в исполнении ответных услуг и т. д., извиняя все это прежде всего его молодостью. Едва ли кто-либо, кроме Льховского, так подробно посвящен был во всю сложную историю сердечных увлечений

Гончарова, знал так много о его непрерывной, хотя и медленной творческой работе, обо всех его замыслах. Характерно, например, что еще в 1853 г. Гончаров писал Льховскому: «Ах, Льховский: если я умру, растолкуйте пожалуйста другим что я был за явление. Вы только и можете это сделать. Вам я завещаю мысль свою о художнике <т. е. о будущем романе «Обрыв»>, если не сумеете изобразить, расскажите, — и будет прекрасно» («Литературное наследство», кн. 22—24, стр. 394).

Несомненно, что Гончаров преувеличивал дарования Льховского, в том числе и литературные, хотя его очень любили и ценили у Майковых и их друзей, а Дружинин, например, в свою очередь, считал его очень способным и подающим надежды критиком. Гончаров находил, что у Льховского «тонкий ум» (там же, стр. 392), и всегда с большим интересом выслушивал критические его замечания по поводу собственных произведений. Сближение Льховского с семьей Майковых, дружба с Гончаровым способствовали развитию литературных интересов самого Льховского. Он был знаком с большинством русских писателей, группировавшихся вокруг дружининской «Библиотеки для чтения» (частично и вокруг «Современника»), и сам с конца 50-х годов пробовал свои литературные силы, прежде всего на поприще журналистики. Известно, например, что в «Библиотеке для чтения» за 1857 г. (т. 143, отд. V, стр. 45—74), за подписью И. Л., Льховский напечатал обширный и очень суровый отзыв о «Стихотворениях» Н. Ф. Щербины (подробности см. ниже в примечаниях к письму № 6); далее в том же журнале появились статья Льховского по поводу биографии Н. В. Станкевича, написанной П. В. Анненковым («Библиотека для чтения», 1858, т. 148, отд. V, стр. 1—46, подпись: И. Л.), и подробный разбор седьмого, «дополнительного», тома «Сочинений А. С. Пушкина», изданного тем же Анненковым в 1857 г. («Библиотека для чтения», 1858, т. 147, отд. V, стр. 43—75). Эта статья особенно отчетливо подчеркивает, на каких эстетических позициях стоял Льховский к моменту особенно напряженной борьбы революционных демократов со сторонниками «искусства для искусства»: она представляет собой довольно резкий выпад против «отрицательного» направления в русской литературе, в защиту «эстетической критики» и положительного, «идеального» направления, к которому Льховский причисляет и Пушкина. «Пушкин, — пишет, например, Льховский в этой статье, — не держался буквы действительности, не был привязан к ее грязному хвосту, как это случалось со многими из последующих писателей, образовавших натуральную школу и вызвавших столько грубых и глупых, но не лишенных истины упреков. Он щедрою рукою наделял свои образы и своих героев чертами своей собственной, далеко возвысившейся над общим уровнем личности, частицами своего ума и души, не боясь быть неверным действительности и впасть в идеализацию» (стр. 68). Далее Льховский высказывается не менее решительно (быть может, имея в виду известную рецензию Н. А. Добролюбова на ту же

книгу, напечатанную в январской книжке «Современника» за 1858 г): «Поэзия самого Пушкина должна казаться отсталой нашим доктринерам, предпочитающим ее всесторонней полноте, удовлетворявшей всем требованиям его эпохи и постоянным условиям искусства, односторонность многих произведений текущей литературы, отвечающую исключительным требованиям нашего времени» (стр. 75). Редактор «Библиотеки для чтения» прекрасно понял, в чей лагерь метил Лъховский этой своей статьей, когда, посылая ее, еще в рукописи, П. В. Анненкову, писал о ней: «Кажется, она не дурна... Я полагаю полезно будет, в противодействие новосеминарскому взгляду на Пушкина, выставить все значение поэта как человека истинно практического, мудрого в житейских воззрениях, истинно современного деятеля, твердо стоящего на почве окружавшей его действительности, и именно через это и получившего такую славу и такой вес на родине» (Тургенев и круг «Современника», М.—Л., 1930, стр. 241).

Критические статьи Лъховского в русской литературе значения не имели. Мы не знаем, как относился к ним Гончаров; однако из публикуемого нами ниже письма (№ 6) явствует, что именно в том же 1858 г. Гончаров пытался литературным опытом Лъховского дать иное направление, ископостав для него назначение на корвет «Рында», отправлявшийся в кругосветное путешествие. Очевидно, именно Лъховского Гончаров имел в виду, когда он сообщал брату, Николаю Александровичу (30 июня 1858 года): «нашел одному место — ехать вокруг света для описания путешествия» («Новое время», 1912, № 13017, Иллюстрированное приложение, стр. 9). Незадолго перед тем, — как это устанавливают письма публикуемого собрания, — Лъховский снабдил своим предисловием отдельное издание «Фрегата Паллады»: «Вы лучше всех поняли, как надо смотреть на мои путевые записки... — писал ему Гончаров, — и вы дали образчик блистательной дружбы и литературного такта» (письмо № 6). Предисловие напечатано, без подписи И. И. Лъховского, под заглавием «Предисловие от издателя». Это предисловие Н. А. Добролюбов определил как «сжатую в немногих словах, но обстоятельную и полную характеристику достоинств таланта г. Гончарова» и привел из него большие выдержки в своем отзыве о «Фрегате Палладе» (Н. А. Добролюбов, Собр. соч., т. I, Гослитиздат, М., 1950, стр. 532—534). Возможно, что это оказало влияние на решение Гончарова устроить Лъховского на корабль, плавший по тому же пути, что и фрегат «Паллада» за несколько лет перед тем: Гончаров был уверен, что будущим путевым запискам Лъховского, которые должны были возникнуть в результате этого путешествия, дадут колорит, присущий его другу: «настоящий взгляд, приправленный юмором, умным и умеренным поклонением красоте и тонкая и оригинальная наблюдательность» (письмо № 9). Нужно думать, впрочем, что Гончаров обманулся в своих ожиданиях и на этот раз. Лъховский возвратился в Петербург в 1861 г. с большим запасом впечатлений (ср. запись в дневнике А. В. Никитенко под

4 апреля 1861 г. о «вечере у Лъховского, сделавшего кругосветное путешествие и побывавшего в Японии с нашим посольством. У него целый музей японских вещей и вещей»; Записки и дневник, т. II, СПб., 1905, стр. 11), но серьезных литературных следов это путешествие не оставило. Он напечатал лишь несколько очерков: «Сан Франциско (Из заметок о кругосветном плавании)» и «Сандвичевы острова» в «Морском сборнике» 1861 (№ 1, стр. 1—46; № 2, стр. 230—266, и № 11, стр. 1—54) и 1862 гг. (№ 2, стр. 329—357), но они не имеют самостоятельного значения и, кроме того, по справедливому замечанию Н. К. Пиксанова, «следуют литературной традиции „Фрегата Паллада“» (см. его статью «„Фрегат Паллада“ Гончарова» в «Ученых записках Московского государственного университета», вып. 118, кн. 2, М., 1946, стр. 27—42).

Таким образом, значение публикуемых ниже писем Гончарова к Лъховскому определяется их автором, но не их адресатом. Если Лъховский сыграл малую роль в русской литературной жизни его времени, то зато он занял довольно важное место в биографии Гончарова как его близкий друг и весьма доверенное лицо. Все эти письма, публикуемые в полном виде и с комментариями, дают прежде всего возможность отчетливее разобраться в истории дружеских отношений Гончарова и Лъховского за несколько лет. Письма рисуют нам Лъховского как приятеля Гончарова, многими услугами которого он пользовался во время своих отъездов из Петербурга за границу в 1857 и 1859-х гг., и тем самым сообщают много новых, порой весьма существенных подробностей о жизни самого Гончарова в эти годы. В особенности интересны те данные, которые Гончаров сообщает в этих письмах о своих творческих планах и замыслах, например, в замечательном письме (№ 4), посвященном процессу создания им «Обломова», в исключительно благоприятную для его творческой работы осень 1857 г. В других письмах разбросано много мелких, но любопытных сведений о взаимоотношениях Гончарова с писателями этого времени — И. С. Тургеневым, Писемским, Панаевым, Григоровичем, Некрасовым и др.; наконец, письма эти дают не мало новых штрихов к истории дружеской близости Гончарова к семьям Майковых, и все в целом лишний раз свидетельствует о его незаурядном эпистолярном мастерстве. Собрание писем Гончарова к Лъховскому ближе всего примыкает к опубликованной Б. А. Модзалевским коллекции его писем к Ю. Д. Ефремовой, которая была приятельницей и Гончарова и Лъховского; к этим письмам в наибольшей мере относится та характеристика, которую А. Ф. Конн (На жизненном пути, т. II, СПб., 1912, стр. 397) дал письмам Гончарова вообще: «Это была неторопливая беседа человека, который не только хочет подробно и искренно поделиться своими мыслями и чувствами и рассказать о том, что с ним происходит, но и вызвать своего собеседника рядом вопросов участливого внимания и мирных шуток на такое же повествование».

1¹

Варшава, 25/13 Июня 1857.

Вчера вечером ^а приехал я сюда, но в каком положении — боже мой! Когда я выходил из кареты, случившийся тут «местный житель» взглянул, кажется, на меня с состраданием и спросил, не хочу ли я «оголиться». Пять дней — небритый, не мытый — я-то! Подвиг путешествия начался, а сил нет: не знаю, как это я поеду дальше! В карете я страдал от бессонницы, от дурной пищи и от скуки, с примесью боли. Вспомните Ваше очень ^б удачное сравнение, Льховский, насчет Прометея и ворона. И тот и другой (т: е: сам я) были в одном и том же ящике, и не было выхода из клетки. С одной стороны жестокие нападения, с другой терзания, правда, двух или даже одного рода, но за то каких гадких и глупых. Два призрака неразлучно ^в были со мной: один гнался сзади и если я переставал слушать его, другой, или пожалуй он же самый забегал вперед, грозил и насмешливо говорил: помни ^г я жду, жду, ты еще не ушел, ты только уехал. Никакой палкой не отделаешься от кулака судьбы. Когда наконец это затихало, мной овладевал такой хохот, что я должен был выдумывать для товарища своего предлог. Кстати о товарище. Я удивил его, ^д кажется, на всю его остальную жизнь т: е: он никак не мог понять, от чего человек все молчит, когда есть с кем говорить, и ни слова на его замечания, рассуждения и даже вопросы не отвечает, который ни капли ни вина, ни пива не пьет и вообще мало признаков жизни оказывает. А знаете ли, кто этот рябой толстяк, что сел со мною? Он назвал себя Радецки и м, служащим у Паскевича: мы долго ломали себе голову, как это один фельдмаршал, ^е который живет не здесь, а в Италии, угораздился служить у другого фельдмаршала, который вовсе уж нигде не живет? ^ж А дело оказалось просто: он точно Радецкий и точно служит у Паскевич, ^{жс} у вдовы героя, и притом метр

^а Зачеркнуто приеха ^б Зачеркнуто удачное ^в Зачеркнуто гнались за
^г Одно слово зачеркнуто ^д Одно слово зачеркнуто ^е Зачеркнуто в
^{жс} Зачеркнуто но только ж

д'отелем. И вот он-то думал занять меня, затрогивая разговор о торговле, о политике и вдруг о ужас, о литературе. Он очень смышлен и читал кое-что, между прочим сочинил книгу *А л ь м а н а х г а с т р о н о м а*, которую цензуровал Елагин и чуть ли не там нашел много «вольного духа».³ Поезжайте по Варшавскому тракту только в таком случае, когда Вы будете очень счастливы, т: е: не одни — да да же и тогда это безлюдие, бесплодие — утомят и наведут уныние. За то есть и своего рода польза: нигде^а нельзя так глубоко уединиться, как в почтовой карете, даже имея вздорного спутника рядом, нигде нельзя так мучительно погружаться в себя и разбирать всякую дрянь, хлам, которым наполнен человек за много, много лет. Иные домоводки копят хлам в старых сундуках^б с юности и потом любят разбирать; то попадется изъеденный червями кусочек меху, то полинялая материя от подвенечного платья, то игольник и вдруг иногда так наткнется на какой-нибудь старый убор, почерневший, пожелтевший, но с брилльянтом. Так, кажется, всякий по временам должен делать это и я предлагаю тому, кто захочет, делать в почтовой карете. Кажется пропасть дурного^в — бездонна в человеке, но чуть ли источник хорошего еще не глубже и неиссякаемее. Надо^г дойти до невероятной и едва ли существующей крайности, чтобы сказать, все пропало, кончено, человек заблудился и не воротится. Надо для этого разве быть у^д ворот кабака, во фризовой шинели с разбитым носом: да и там есть Торцовы,⁴ которым лежит удобный путь к возврату. Я хочу сказать, что глубина дурного не превышает глубину хорошего в человеке — и что дно у хорошего даже. . . да у него просто нет дна, тогда как у зла есть — все это разумеется обусловлено многим. Вот к каким истинам пришел я, сидя одиноко в карете, и о многом, что мы легко извиняем себе, особенно если приправим юмором, крепко задумался, сознавая, что если отнять юмор, да разложить на первоначальные элементы, то чорт знает, что выйдет. Но — все это глупости и если в т о р о й п р и з р а к перестанет забегать вперед

^а Зачеркнуто так ^б Зачеркнуто лет ^в Зачеркнуто в чем ^г Зачеркнуто найти ^д Зачеркнуто ка

и грозить мне дурным будущим, то я бы почти был доволен собою и Варшавою, о которой мне напел так много наш спутник, что я вообразил себе бог знает что. Кстати о спутнике скажу, что я умел извлечь и из него некоторую, хотя малую пользу: он мне приносил сигары, если я забывал их в карете, или на станции, он запасался для меня хлебом и постоянно надевал мне на плечи сваливавшуюся шинель. Жаловался он мне на двух молодых спутников, говоря, что они так дурно говорят по русски, что с них смеяться можно, что их надо учить существенным предметам и что в Варшаве много де я н и я т: е: деятельности.

Но де я н и я здесь не много, это большой провинциальный город, с его тишиной, со сном, с малолюдьем, с лентяями, которые не знают, куда деть себя и проч. и проч. Скука так и выглядывает отовсюду, за то тут же отовсюду выглядывают тополи, за то вечерний сумрак тепел здесь и звезды блестят по южному. Вчера я ночью в одном пальто воротился из холодной ванны и не заметив, что открыто окно, проспал всю ночь, хотел простудиться и не мог. Живу я в великолепной, но прескучной и предорогой отели, вместе с тем худошавым полковником, который ехал с нами. Завтра еду вон, в Дрезден, и там вероятно будет не веселее. Так я и кругом света ездил, только тогда я мог писать, а теперь не могу и этого и если напишу, то может быть только программу для Старика.⁵ Более литературы не будет. Сегодня взял я лон-лакея и целый день таскался по городу, после обеда поеду с полковником за город в Лазенковский дворец и жду не дождусь завтра, чтоб отправиться на железную дорогу в Мысловици.

Вы вероятно получили мою телеграфическую депешу из Динабурга: я там просил Вас не отправлять фотографии А. А.⁶ к ней и теперь прошу запереть ее, как она есть, запечатанная, в стол и оставить до моего приезда. А причина этому та, что я не хочу изменять там дела т: е: хочу оставить его так, как оно осталось при мне, чтоб и не напоминать больше о себе.

Не знаю, просил ли я Вас при отъезде 1, взять у Федора⁷ ключи и от шкапа с платьем и спрятать в стол, а то он, пожалуй, будет таскать платье; 2, при уплате за квартиру, взять с дворец-

кого расписку^а на особой бумаге, потому что он, кажется, не имеет права расписаться на копии контракта, где расписывается сам хозяин. Еще кажется, я забыл заплатить прачке за оставшееся невытое белье: если я не оставил денег, то отдайте пожалуйста, там немного. Это все осел Федор забыл напомнить мне.

Ну, что Вы? Все любите горестно и трудно? ⁸ Одно практическое замечание, весьма полезное для вас: когда <настроения ревности и вообще любовной тоски дойдут до нестерпимости, наештесь хорошенько (не напейтесь, нет, это скверно) и вдруг почувствуете в верхнем слое организма большое облегчение. Это совсем не грубая шутка, это так. По крайней мере бывало я испытывал это. Впрочем спрашивать нечего: может быть плачете втихомолку или бьетесь головой об стену, а мне скажете, что ничего, что не видите, занимаетесь делом etc. etc. Боже мой! Из чего иногда бьется и убивается человек! А все от недостатка каких-нибудь 300 руб., чтоб выйти из грубейшего магического круга, перенестись куда-нибудь в Ковно. А как бы хватило Вам Варшавы! Даже было бы много. Я сам в первый раз улыбнулся здесь, глядя как хорошенькая варшавянка, заметившая, что весь наш дилижанс обратил на нее глаза, проворно начала приподнимать газовую косынку, чтоб открыть побольше горла и часть груди, точно Соф. Ос. Комизм тут заключался в торопливости, с какой она сделала это, боясь, чтоб не проехали, не заметив. — Ваш совет не худеть больше не исполняется: я худею и худею и буду худеть. Даже полагаю, что мне в Мариенбад нечего и ездить; если поеду, то просто из приличия. А потом прямо — в Париж, мимо Швейцарии т: е: минуя ее и Рейн. Если кусок в душу нейдет, то зачем же неволиться? Мой недуг не то что Ваш: на будущий год Вашего — и признака не будет, а мое худенье — знаете что значит? Давнишняя и постепенная потеря всяких надежд на что-нибудь в будущем и следовательно постепенный упадок сил, апатия и угрюмость. А женщины, говорят мне, а путешествие, а литературные занятия, как будто все это

^а Зачеркнуто особ.

такие лекарства, о которых я до них и не слыхивал. Все это хорошо и помогает — на короткое время, а потом? Да вот теперь навязалось преглупое чувство еще беспокойства. . . Но, знаете, какая странность? Скука пересиливает и его. А что, думаю, если ничего не будет, если все это так, мираж, терзания моего же вбрана, или, как говорил Аввакум: бегаёт нечестивый, ни единому же ему гонящу т: е: когда никто за ним не гонится, ведь скучно. Скандал — ведь это все таки событие, все шевелит, как клавиши, то одно, то другое чувство, и машина играет. Но довольно. Сохрани впрочем бог от таких событий.

Когда поедете путешествовать, берите больше денег с собой, особенно если ехать через Варшаву: такого дранья за всех и за все, кажется, нигде нет. Вчера я часа два сидел перед своим чемоданом невыттый и небритый, при одной только мысли, что это надо развязать, все достать самому, все разложить, а послезавтра опять сложить, запомнить, сколько отдано прачке белья, да думать, чтоб не оставалось здешних денег. . . нет, нет: это требует бодрости и энергии. Скорей, скорей в Париж и больше никуда! Прощайте, мой милый Иван Иванович: кланяйтесь всем, но письма этого не давайте, а бросьте. Откуда-нибудь подальше напишу и к другим, а к Вам из Дрездена. Не пишите мне пока никуда: я не знаю, останусь ли я в Мариенбаде, или уеду в другое место. Если ^а скука будет меня шевелить, то воды не помогут, нечего там и сидеть. Отвечайте уже на мое письмо из Мариенбада, а до тех пор подождите.

Здесь есть отличные сигары, но только не в магазине, а в великолепной гостинице Европа и продаются почти не дороже петербургских. Однако я эти роскоши пока должен буду бросить.

Кланяйтесь Старикам ⁹ и Юниньке, ¹⁰ скажите, как я благодарен ей за ничем неудержимое стремление проводить меня и как я всех их непрестанно содержу в памяти и сердце. А Вы, друг мой, терпите мои письма, будьте в этом случае козлом отпущения, потому что писанье — для меня составляет такой же необходимый процесс, как процесс мышления и поглощать все в себе, не

^а Зачеркнуто беспокойство

выбрасываться — значит испытывать моральное удушье. Поэтому если буду писать часто и много, терпите пожалуйста и помните, что я делаю это не по прихоти, не по щегольству какому-нибудь (особенно в нынешнем письме), а потому только, почему поет птица или стрекочет кузнечик в траве. Затем до свидания, бог весть когда. Кланяйтесь Барышеву: ¹¹ рекомендую Вашему вниманию корректуры Обык^новенной Ист^ории и очерков.¹²

Весь Ваш

И. Гончаров.

¹ В июне 1857 г. Гончаров выехал из Петербурга за границу, когда он, по собственным словам, вынужден был «прибегнуть к пособию минеральных вод» (Автобиография, 1868, «Вестник Европы», 1907, № 2, стр. 583). Еще 15 мая Гончаров писал брату (Николаю Александровичу): «Я подал просьбу об отпуске за границу и, вероятно, получу разрешение. Боль в печени и геморрой от сидячей жизни все более и более усиливаются и, если не принять мер заблаговременно, то впоследствии, когда запустишь, и воды не помогут. Так говорит доктор и указывает мне Мариенбадские минеральные источники, как самые действительные от моей болезни» («Новое время», 1912, № 13038, Иллюстрированное приложение, стр. 1). Хотя Гончаров был уволен в отпуск на четыре месяца еще 17 мая (по 18 сентября) 1857 г., но выехал он лишь в начале июня: точную дату отъезда его из Петербурга дает письмо В. Н. Майкова к А. В. Дружинину (от 14 июня 1857 г.): «Гончаров 7 июня отправился за границу лечиться от какой-то болезни» (Письма к А. В. Дружинину, М., 1948, стр. 202). Этим обстоятельством вызваны как настоящее письмо Гончарова к Льховскому, так и четыре следующих за ним (№№ 2, 3, 4, 5); все они направлены в Петербург, где Льховский оставался все это время.

² Случайный дорожный спутник Гончарова оказался однофамильцем с австрийским фельдмаршалом Иосифом Радецким (ум. в 1858 г.), заслужившим печальную известность своим близким участием в подавлении революционного и национально-освободительного движения в Италии. Здесь же упомянутый Гончаровым генерал-фельдмаршал русских войск и чаместник Польши князь И. Ф. Паскевич, действительно, уже умер 20 января 1856 г.

³ Речь идет здесь о книге, вышедшей в 1857 г. в Петербурге — «Альманах гастрономов, содержащий в себе девяносто полных обедов, означенных записками русскими и французскими... Составлен И. М. Радецким, бывшим метр д'отелем двора... герцога Максимилиана Лейхтенбергского», 3 тома, 1000 стр. (объявление об этой книге см. в списке книжных новинок, напечатанном в «Библиотеке для чтения» при февральском номере

за 1858 г.). — Елагин, Николай Васильевич (1817—1891), один из самых реакционных цензоров 50-х годов, отличавшийся крайней нетерпимостью и мелочной придирчивостью. Назначенный членом Петербургского цензурного комитета в 1848 г., Елагин к моменту написания приведенного письма Гончарова состоял в должности чиновника особых поручений при Главном управлении цензуры и, следовательно, его деятельность была хорошо известна Гончарову. — Рассказывая анекдот о «вольном духе», Гончаров имеет в виду действительный и недавний случай из истории русской цензуры 50-х годов, который получил широкую огласку. Н. А. Добролюбов в своем дневнике (1855) рассказывает: «Составитель какой-то поваренной книги, говоря об одном кушаньи, сказал, что нужно с ним сделать то и то, замесить, помаслить, помазать, дать взойти, и пр., и пр., и наконец, поставить в печь — в вольный дух. Цензор ужаснулся, увидя это, и чужь не остановил печатания всей книги; наконец, решился пропустить, заменив „вольный дух“ словами: „умеренное тепло“» (Н. А. Добролюбов. Полн. собр. соч., т. VI, М., 1939, стр. 398). Об этом же анекдотическом случае, несомненно, говорит и М. Н. Лонгинов в своем «Листке из воспоминаний», напечатанном в последнем томе «Собрания сочинений» А. В. Дружинина; рассказывая здесь о строгостях русской цензуры в начале 50-х годов, во всем предполагавшей «личность или тайную цель», он иллюстрирует это и следующим примером: «Слово „прогресс“ было строго запрещено, а „вольный дух“ признан за преступление, даже на кухне» (т. VIII, СПб., 1867, стр. X). Н. Полевой в специальной статье утверждает, что вся история возникла в связи с изданием поваренной книги его тетки Е. А. Авдеевой и что будто бы именно цензор Елагин исключил из этой книги слова «о вольном духе, техническом кухонном выражении» (Н. Полевой. Вольный дух. «Исторический вестник», 1908, № 10, стр. 381—383). Тот же анекдот рассказан, наконец, и в «Очерках по истории русской цензуры» А. М. Скабичевского (СПб., 1392, стр. 370), где он, однако, отнесен, повидимому без достаточных оснований, не к Елагину, а к другому цензору того же времени, Ахматову.

⁴ Любим Торцов — один из героев комедии А. Н. Островского «Бедность не порок».

⁵ Старик — дружеское семейное прозвище Владимира Николаевича Майкова (1826—1885), брата Аполлона, Валериана и Леонида Майковых. В. Н. Майков окончил Петербургский университет, служил чиновником департамента таможенных сборов министерства финансов, посвящая свои досуги занятиям литературой и журналистикой. Гончаров, близкий друг семьи Майковых (см. ниже, примеч. 9), еще в 1855 г. писал о нем Е. В. Толстой: «Старик, кроме сладостей брачных уз, познал тяжесть ночного бдения: он работает для Библиотечки д<ля> Чит<ения>, читает рукописи, корректуры» («Голос минувшего», 1913, № 12, стр. 246). В 1856—1857 годах В. Н. Майков поместил в этом журнале несколько

своих статей (Письма к А. В. Дружинину, М., 1948, стр. 200—203) и был близок к его редакции. Е. А. Штакеншнейдер (Дневник и записки. 1854—1886, М.—Л., 1934, стр. 197) записала в своем дневнике (под 10 апреля 1858 г.): «...еще в прошлом году... во время отсутствия Дружинина Владимир Майков заведывал „Библиотекой для чтения“». В 1858 г. В. Н. Майков начал издавать «Подснежник. Журнал для детского и юношеского возрастов». Возможно, что именно о «программе» этого журнала Гончаров говорит в настоящем письме к Льховскому. Гончаров оказывал помощь В. Н. Майкову в издании «Подснежника» и поместил здесь несколько своих статей, в частности, отрывки из «Фрегата Паллады» в специальной обработке для юношества (ср.: А. П. Бабушкина. История русской детской книги, М., 1948, стр. 289, и Д. Языков. Обзор жизни и трудов покойных русских писателей, вып. 5, СПб., 1889, стр. 101—102).

⁶ Речь идет, повидимому, об Августе Андреевне Колзаковой, сестре генерал-майора Андрея Андреевича Колзакова (ум. в 1854 г.), женатого на сестре М. А. Языкова, Александре Александровне. В середине 50-х годов Гончаров был сильно увлечен Августой Андреевной, в своих письмах к Языковым неизменно называл ее своим близким и «вечным» «другом» (ср. «Литературное наследство», кн. 22—24, 1935, стр. 360, 370, 395), но в 1857 г. между ними произошла серьезная размолвка, за которой последовал и окончательный разрыв дружеских отношений, о чем и идет речь в данном письме Гончарова к Льховскому, очевидно, хорошо посвященному во всю эту историю (ср. ниже, письмо 4, примеч. 11).

⁷ Федор — слуга Гончарова; он же шуточно назван здесь «дворецкий».

⁸ Гончаров вспоминает стихи из «Цыган» Пушкина:

Твое унынье безрассудно:
Ты любишь горестно и трудно,
А сердце женское — шутя.

⁹ Старики — Владимир Николаевич Майков (см. выше, примеч. 5) и его жена Екатерина Павловна Майкова (урожд. Калита, 1836—1920). Если в семейном кругу Владимир Николаевич прозван был «стариком», как свидетельствует А. В. Старчевский, «по своему тихому и спокойному нраву» («Исторический вестник», 1886, № 2, стр. 376), то жена его Екатерина Павловна получила именование «старушки» только по аналогии. В 1857 г. ей исполнился двадцать один год. Е. А. Штакеншнейдер (Дневник и записки, М.—Л., 1934, стр. 210), близко знакомая с семейством Майковых, отметила, будто бы со слов Гончарова, что героиня «Обломова» Ольга Ильинская писана им «с природы и что оригинализм ему служила Катерина Павловна» (ср. ниже, в примечании 11 к письму 4). «Гончаров должен ее знать хорошо, потому что выдается с нею ежедневно, так как имеет у них стол», — записывает Е. А. Штакеншнейдер далее и дает ей восторженную характеристику: «Катерина Павловна совсем исключительное

создание. Она вовсе не красавица, невысокого роста, худенькая и слабенькая, но она лучше всяких красавиц, какой-то неуловимой грацией к умом. Главное, не будучи кокеткой, не обращая особенного внимания на внешность, наряды, она обладает в высшей степени тайной привлекать людей и внушать им какое-то бережное поклонение к себе. За ней все ухаживают: и муж, и родители мужа, и все близкие; и она необыкновенно мила и ласкова со всеми ими» (стр. 210). В другой записи дневника (от 9 апреля 1858 г.) Е. А. Штакеншнейдер отмечает, что Екатерина Павловна «преlestная женщина, от которой все в восхищении. Гончаров от нее без ума» (там же, стр. 196—197). Отрывки из четырех писем Гончарова к Е. П. Майковой 1860—1870-х годов, очень интересных для ее характеристики, напечатаны Д. И. Абрамовичем в журнале «Начала», 1922, № 2, стр. 231—238, по автографам Государственной Публичной библиотеки в Ленинграде, где хранятся и другие письма к ней Гончарова, еще неопубликованные, издание коих признано было еще «преждевременным» (стр. 231). А. М. Скабичевский (Литературные воспоминания, ред., вступ. статья и прим. Б. П. Козьмина, М.—Л., 1928, стр. 114), очень резко отзывающийся о Майковых вообще и об их литературном салоне, утверждает о Вл. Ник. Майкове, что «... административная служба по департаменту внешней торговли столь иссушила его, что жена его, обладавшая более живым и пылким темпераментом, не в состоянии была ужиться с ним...». Здесь же Скабичевский упоминает и Гончарова, который, по его мнению, задавал «тон в этом салоне» (стр. 113).

В каждом из последующих писем Гончарова к Львовскому идет речь о «старике» и «старушке» или о «стариках», т. е. о Владимире Николаевиче Майкове и его жене Екатерине Павловне, поэтому ниже мы нигде более эти прозвища не раскрываем.

¹⁰ Юненька — Ефремова Юлия Дмитриевна (урожд. Гусятникова), племянница Евгении Петровны Майковой, близкая знакомая Гончарова. Письма к ней Гончарова опубликованы Б. Л. Модзалевским (Из переписки Гончарова. — «Временник Пушкинского Дома. 1914», Пгр., 1915, стр. 107—124; Тридцать четыре письма Гончарова к Ю. Д. Ефремовой. — «Невский альманах», вып. II, Пгр., 1917, стр. 8—43). Ю. Д. Ефремова постоянно упоминается в письмах Гончарова к семье Майковых и их друзьям «с чувством приятности», которое, судя по его письмам к ней самой, никогда «не ослабевало». По словам знавших ее людей, «Ю. Д. Ефремова была очень добрая женщина, искренно преданная Гончарову, изредка его навещавшая и принимавшая участие в устройстве житейских дел его, вроде уборки квартиры, покупок, найма прислуги и т. под.», — замечает Б. Л. Модзалевский («Временник Пушкинского Дома. 1914», Пгр., 1915, стр. 109); однако, помимо того, она была женщиной умной, образованной, и Гончаров охотно делился с нею своими творческими планами; поэтому его письма к ней имеют значительный историко-литературный интерес.

¹¹ Барышов Ефрем Ефремович — школьный товарищ Гончарова, впоследствии писатель, поэт и переводчик, некролог которого Гончаров (за подписью «Н. Н.») поместил в газете «Порядок», 1881, № 284. В этом некрологе Гончаров писал, что имя Барышова осталось почти неизвестным в литературе, «между тем, вся жизнь Барышова, с молодости, в течение каких-нибудь сорока или пятидесяти лет, была посвящена литературе; редко можно встретить пример такого страстного напряжения сил, какие он положил, чтобы достигнуть серьезного значения в литературе, на какое бы ему давали право — его пылкий ум, многосторонние познания и непрерывный труд». Барышов состоял в должности «переводчика в одном из департаментов министерства финансов и в то же время сделался одним из скромных, неизвестных публике тружеников в литературе... Он переводил и компилировал статьи в политических обозрениях для газет, между прочим, участвовал в составлении ученого библиографического отдела в „Отечественных записках“, под редакцию А. А. Краевского и С. С. Дудышкина». Из переводческих трудов Е. Е. Барышова большинство (в том числе полный стихотворный перевод «Фауста» Гёте) остались неопубликованными; лишь в начале 80-х годов напечатаны были «Каин» Байрона и две трагедии Корнеля. «Как человек, — пишет Гончаров, — Барышов был сосредоточенного, не общительного характера. Он был одинок, общества не посещал вовсе, изредка видясь с немногими из родственников и близких ему с молодости лиц» («М. М. Стасюлевич и его современники», т. IV, СПб., 1912, стр. 146—147; на стр. 219—222 перепечатан и весь некролог).

¹² В 1858 г. появились второе издание «Обыкновенной истории» и первое отдельное издание «Фрегата Паллады». В письме идет речь о корректуре этих изданий.

2 ✓

Мариенбад, 5/17 Июля 1857.

По моему расчету, уже дня три тому назад, должен бы я получить от вас письмо, любезный сын мой Льховский, а вот до сих пор нет: из этого я заключаю, что размеры вашего романа раздвинулись, перешли может быть в драму и теперь не подошли ли вы к катастрофе...¹ Шутишь, шутишь, а под час станет и тяжело, сначала за себя, как пробежишь мысленно последние десять, пятнадцать лет. Есть же люди, думаю я, у которых светло на душе, или если темно, так не по их вине: от чего же я не такой! Потом станет тяжело за вас, наконец за всякого порядоч-

ного человека, который забрел в болото. И примеры даже не помогают т: е: помогают они, когда еще вихрь не настиг нас, когда есть время посторониться от него, а как попадешь туда, тогда кричи хоть сто голосов! Не я ли так ясно, верно и правдиво, до самопожертвования, изобразил вам и начало, и ход, и последствия вихря, а вы все еще томитесь в пытке, фальшивой, как мираж, но все-таки мучительной.

А я вот все в Мариенбаде: сначала я решил, что не проживу здесь и трех дней, собрался уже ехать — и остался, и проживу вероятно еще недели^а четыре, а может быть и долее... Отчего эта перемена — скажу при свидании, или в одном из писем, откуданибудь, хоть из Парижа. Теперь скажу только, что здесь действительно нельзя прожить, или надо сюда ехать с семейством, да не с одним, а с двумя, тремя, даже больше. Вот, например, заселить бы весь Мариенбад приятелями: вон на горе, подле леса с одной стороны и сада с другой — поместить Никол^ая Апол^оновича и Евг^ению П^етровну,² пониже Старика с Старушкой, там Юни^нку поближе к магазину, да всех... и тогда еще... да нет, и тогда невозможно выжить более недели в этой красивой яме, между красивыми горами, покрытыми красивым лесом. В полчаса исходишь все местечко: я обхожу его три раза в день и потом не знаю, куда деться. Даже люди не такого скучного свойства, как я, и те слышу, рассуждают в слух: «что это за скука! мы в деревне живем, но там есть общество, какое-нибудь занятие, а здесь...» Между тем не велят, ни скучать, ни печалиться, ни волноваться, ни вспоминать ничего неприятного и проч. и проч. для того, чтоб воды произвели свое действие. Потом твердят, чтоб вести жизнь не сидячую, ни во время, ни после вод. Во время вод — пожалуй, а как же после-то не вести сидячей жизни — вот этого я не понимаю Поэтому я сильно сомневаюсь, чтоб они помогли мне, однакож каждое утро пью по три кружки, но они действуют слабо, так что доктор дал мне сегодня в помощь к водам ревеню и после завтра будет сажать меня в Мариенбадскую воду, а после

^а Зачеркнуто три

в грязь. Не знаю, что будет. — Я вооружился терпением, развешил свои платья, разложил вещи и равнодушно поглядываю в окно, как будто у меня перед глазами^а не Богемские леса и холмы, а дровяной двор в Моховой.³ Луиза, моя горничная, ставит мне букеты через день, за которые в Петербурге надо дать рублей 7, а здесь они стоят 10 крейцеров т: е: немного поболее гривенника. Но вот мое горе: нет сносных сигар, вся Австрия, благодаря монополии, курит какой-то навоз. В утешение себе я^б купил табакерку и табаку, но тс. . . об этом не знает никто, даже Луиза, которая убирает мою комнату. Эта Луиза была бы недурна, но ручищи, как у мужика, и притом от работы, от беготни, она так пропитана пóтом, что когда мне понадобилось пришить к жилету пуговицу и она подошла близко. . . я минуты три терпел ужасную пытку.

Я все не то хотел сказать вам, что пишу теперь. Но все равно, скажу: я останусь здесь по всей вероятности до начала Августа, следовательно, числа двадцатого нынешнего м^{еся}ца вы можете еще послать мне письмо, особенно не забудьте написать на конверте: *par le bateau à vapeur de Lubeck ou de Stetin*,* тогда я получу письмо через неделю. Надеюсь это мое письмо придет к Вам в Субботу вечером (сегодня тоже Суббота). Перед отъездом я напишу к вам, куда писать ко мне дальше. Я еще не решил, поеду ли я в Швейцарию, или прямо в Париж: меня клонит куда-нибудь в затишье, как здесь, может быть усядусь на Женевском озере. — Чтò, каково идет печатание путешествия и Обык^{новенной} Истории? Мне совестно, что я вас обременил этим, но скажите откровенно сами, чтò мог я сделать, на кого оставить, кроме вас? Где бы нашел друга снисходительнее и мягче? Впрочем, знаете что: если это вас расстраивает, бросьте, или передайте Ефрему Ефремовичу,⁴ наконец наймите чужого, я, по приезде, заплачу. У меня есть порядочная доза равнодушия к тому, хорошо или дурно будет издано путешествие.

Лучше, если б вы не посылали мне предисловия,⁵ да я думаю, и не пошлете: ведь не готово, сознайтесь? А если готово, то про-

^а Зачеркнуто были ^б Зачеркнуто зав

* Пароходом через Любек или Штеттин (франц.).

читите кому-нибудь (но кому, вот вопрос) и так отдайте. Не забывайте, что вы не имеете права хвалить меня. А что, нет ли вестей с островов? ⁶ Или все тихо: впрочем равнодушие пересиливает и это — время действительно Мариенбадских вод. К числу ^a свойств этих вод принадлежит между прочим то, что они волнуют: я сначала не догадывался, что это значит, что мне то верхом хочется поскакать, то ухватить какую-нибудь немку и помчатся с ней в вальсе, то бог знает что. Доктор на днях объяснил мне это. До свидания. С нетерпением жду ваших писем. Надеюсь, Вы получили мои огромные послания, из Варшавы, Дрездена и отсюда. — Прощайте, мой сын: дай бог вам здоровья, веселья, равнодушия т: е: спокойствия, словом дай бог Вам широкий, светлый, прекрасный путь, такой, например, какой приготовила мне судьба, и убереги Вас бог от тех уклонений, которые отводили меня от этого пути. Вот Вам мое благословение.

Ваш всегда И. Гончаров.

Кланяйтесь Старика и Старушке, Юниньке с мужем,⁷ Дудышкиным,⁸ Яновскому:⁹ я писал к Старика, и к Языкову¹⁰ тоже.

¹ Ср. в письме Гончарова к Ю. Д. Ефремовой из Мариенбада от 25 июля (7 августа) 1857 г.: «Написал бы я к Лъховскому, да он тоже не отвечает: занят, конечно, своей критикой и сенатскими делами, а если не занят, так мяучит с влюбленными котами где-нибудь по ночам на кровлях; уж не у Вас ли, мой друг?» («Невский альманах», вып. II, Пгр., 1917, стр. 23).

² Майков, Николай Аполлонович (1794—1873), в молодости офицер, участник Отечественной войны 1812 г., впоследствии известный художник, отец Аполлона, Валериана, Владимира и Леонида Майковых. Майкова, Евгения Петровна (урожд. Гусятникова, 1803—1880), его жена, писательница («отличная, умная, добрая женщина! Такие женщины не часто встречаются!» — писал о ней Гончаров впоследствии; см.: Л. С. Утевский. Жизнь Гончарова, М., 1931, стр. 40), за подписями «Е. М-ва» и «Е. Подольская» напечатавшая ряд стихотворений («Библиотека для чтения», 1841—1842) и повести: «Женщина» (там же, 1850, кн. 1) и «Женщина в тридцать лет» (1850, кн. 5—6), «Рассказ из частной жизни женщины» («Семейный круг», 1858—1859, № 2). По свидетельствам Майковых и

^a Зачеркнуто этих

самого Гончарова, он, прибыв в Петербург, «...был введен в семейство живописца Н. А. Майкова. Сыновьям его, А. Н. Майкову... и брату его Валериану, Гончаров давал уроки латинского языка, риторики и пиитики, а из словесности знакомил с Ломоносовым, Державинным, Озеровым и пр.» (И. А. Гончаров, Полн. собр. соч., т. I, изд. 3-е, СПб., 1896, стр. XI); в своей автобиографии (1858) Гончаров писал, что, «сблизившись коротко с семейством артиста-живописца Н. А. Майкова», он «участвовал с ними в домашних, так сказать, т. е. в не публичных занятиях литературою» (А. Мазон. Материалы для биографии и характеристики И. А. Гончарова, СПб., 1912, стр. 8). «В доме у Николая Аполлоновича Майкова, бросившего меч для кисти и палитры, — рассказывает И. И. Панаев, — сходились... еще тогда темные любители искусств и литературы, из когорыных ожидала светлая литературная известность... И. А. Гончаров, без сомнения, много способствовал развитию эстетического вкуса в Аполлоне Майкове» (И. И. Панаев. Литературные воспоминания, ред. И. Ямпольского, Л., 1950, стр. 105—106). «Гончаров считался у Майковых „своим“; и связь была давнишняя; она началась еще в тридцатых годах», — подчеркивает Д. В. Григорович (Литературные воспоминания, Л., 1928, стр. 187). Среди петербургских литературных кружков 40-х годов кружок Майковых отличался передовым характером: «Это был литературный салон, игравший очень видную роль в передовых кружках 40-х годов, — вспоминает А. М. Скабичевский. — Сюда стекались все молодые корифеи, группировавшиеся вокруг „Отечественных записок“; здесь Гончаров учил маленького Майкова российской словесности, а затем вокруг Валериана Майкова группировались передовые люди более новой формации» (А. М. Скабичевский. Литературные воспоминания, изд. ЗИФ, 1928, стр. 168). После смерти Валериана Майкова лицо этого кружка сильно изменилось, и он вскоре утратил свою передовую роль. В 50-е годы в доме Майковых частыми гостями были, кроме Гончарова, В. Бенедиктов, С. С. Дудышкин, И. П. Бороздна и др. — группа литераторов, близкая к редакции «Библиотеки для чтения» (см. А. В. Старчевский. Забытый журналист. «Исторический вестник», 1886, № 2, стр. 375—376; Е. А. Штакеншнейдер. Дневник и записки, М.—Л., 1934).

³ И. А. Гончаров в Петербурге в течение многих лет жил в доме Устинова на Моховой улице, дом № 3.

⁴ Барышов Ефрем Ефремович (см. примеч. 11 к письму 1).

⁵ В издании 1858 г., первом отдельном издании, путевые записки Гончарова «Фрегат Паллада» сопровождаются «Предисловием от издателя». Как следует из этого и последующих писем, предисловие было написано Льховским. Автор предисловия видит в Гончарове художника-новатора, который сумел описать «...свою поездку вокруг света так, что она не похожа ни на какое другое произведение этого рода» (Фрегат Паллада, т. I, СПб., 1858, стр. IV). Льховский противопоставляет «Фрегат Палладу» очеркам

с природы и этнографическим картинам и видит в путевых записках Гончарова высоко художественное произведение, в котором писатель вывел «героем путешествия самого себя». Критик ценит в произведении Гончарова «...классически-простое, ясное и веселое, как день, изложение путевых впечатлений и наблюдений человека, одаренного оригинальным умом, поэтическим талантом и глубоко-русской природой...» (там же, стр. V—VI).

⁶ Гончаров спрашивает, вероятно, об одной из знакомых дам, скорее всего об А. А. Колзаковой (см. примеч. 6 к письму 1).

⁷ Ефремова Юния Дмитриевна (см. примеч. 10 к письму 1), была замужем за Александром Павловичем Ефремовым (1810—1879), служившим казначеем при управлении Николаевской железной дороги в Петербурге.

⁸ Дудышкин Степан Семснович (1820—1866) — журналист и литературный критик; после смерти Валериана Майкова (1847) заведывал отделом критики и библиографии в «Отечественных записках»; в 50-е годы деятельный сотрудник и член редакции «Библиотеки для чтения».

⁹ Яновский Степан Дмитриевич (1817—1897) — врач, служил в департаменте казенных врачебных заготовлений советником общего присутствия. Был близок с Валерианом Майковым, вращался среди петрашевцев, был в долготелней дружбе и переписке с Ф. М. Достоевским, о котором впоследствии оставил обширные воспоминания. С Достоевским Яновского познакомил В. Н. Майков («Русский вестник», 1885, кн. 4, стр. 796—797).

¹⁰ Языков Михаил Александрович (1811—1885), в конце 40-х годов основал в Петербурге «Комиссионерскую контору для провинциальных жителей», исполнявшую, между прочим, поручения по выписке и рассылке книг и журналов; благодаря этому Языков имел большие связи в литературных кругах и, в частности, был близок к «Современнику». Тесная дружба связывала Языкова с Белинским и многими другими русскими писателями. В конце 50-х годов М. А. Языков служил на имп. стекольном заводе в Петербурге. Письма Гончарова к Языкову и его жене Екатерине Александровне напечатаны во «Временнике Пушкинского Дома. 1914», Пгр., 1915, стр. 100—101, и в «Литературном наследстве», кн. 22—24, 1935, стр. 344—348, 359—365, 368—370, 374—375, 377—380, 385—389, 394—396, 400—406, 411—412.

~~3~~

15/27 Июля 1857.

Мариенбад.

На силу то дождался от Вас письма, любезнейший Иван Иванович: судя потому, как оно коротко и голо, я догадываюсь, что с вами делается. Но это во мне глубокомысленного смеха не

производит, а скорей таковую же печаль. Я думал, что подобные безобразные проявления страсти, каково ваше, на мне и кончились т: е: на современном мне поколении и воспитании, и что при анализе она невозможна. Вы согласились, что вы — дон-кихот: а рассмотрели ли, о п р е д е л и л и вы, какой вы — грубый эгоист в этом деле? Вас трое: она, вы и он — ее роль лучше всех, выгоднее: о н а страстно любит одного и любима другим; он не любит и любим — ему хуже всех. Вдруг пристааете вы, гремите проклятием против так называемого «падения» и падаете сами с нею по девяти раз в сутки. Что это такое! Он ее бьет, говорите вы: да и вы кажется обращаетесь с ней (относительно, сколько допускает ваше воспитание) так же грубо, Вы даже замахнулись на нее или толкнули ногой. . . От чего же это? Что же это все значит? Мне это все напоминает анекдот, рассказанный Пушкиным в его статье об американцах,¹ что один дикий вошел в шалаш, увидел, что двое других диких дерутся между собой: не вникнув в причину ссоры, он бросился в драку и откусил одному нос, а другой откусил ему. . . Ах, дай бог, мне застать вас с носом! Желая даже, что<бы> вам скорей натянули нос. . . и т. д. (следует множество языковских каламбуров).

Зачем Глазунова² прикащик приходит в недоумение по поводу моего текста: вот забота! пусть недоумевает лучше по поводу типографских ошибок. Велите оставить Фаддеева в покое: ведь в начале письма сказано, что оно написано после всех других, следоват<ельно> и Фаддеев был на сцене.³ Жаль, что они возьмется со шрифтом и не послушались меня: у меня не меньше их смысла и вкуса. Жаль также, что Вы хотите посылать корректуры к Ефрему Ефрем<овичу>: не хотелось бы мне этого по разным причинам, между прочим и потому, что едва ли это было бы не бесполезно: дело для него совсем новое. Притом вы говорите, что Глазунов хочет взять еще корректора; тогда бы вам оставалось только пробегать листы слегка. Из этого я заключаю, что драма в ходу. . . Если это так, делайте, как вздумаете т: е: е с л и вам в о в с е н е л ь з я п р о ч и т ы в а т ь н и р а з у, то конечно лучше в таком случае посылать к Барышову. О п р е д и-

словии вы не пишете ничего: я опять вывожу заключение... Не забудьте по крайней мере, если не будет его, дать вместо предисловия мою выноску, напечатанную при Ликейских островах.⁴

Вот кажется о деле все. О другом я мало тревожусь, а впрочем если услышите чтонибудь, напишите. Мне не до того: узнайте, что я занят... не ошибетесь, если скажете женщиной: да, ей: нужды нет, что мне ^a лет, а сильно занят Ольгой Ильинской (только не графиней).⁵ Едва выпью свои три кружки и избегаю весь Мариенбад с 6 до 9 часов, едва мимоходом напьюсь чаю, как беру сигару — и к ней: сижу в ее комнате, иду в парк, забираюсь в уединенные аллеи, не надышусь, не наглажусь. У меня есть соперник: он хотя и моложе меня, но неповоротливее и я надеюсь их скоро развести. Тогда уеду с ней во Франкфурт, потом в Швейцарию, или прямо в Париж, не знаю: все будет зависеть, от того, овладею я ею, или нет. Если овладею, то в одно время приедем и в Петербург и вы увидите ее и решите, стоит ли она того страстного внимания, с каким я вожусь с ней, или это так бесцветная, бледная женщина, которая сияет лучами только для моих влюбленных глаз? Тогда, может быть, и я разочаруюсь и кину ее. Но теперь, теперь волнение мое доходит до бешенства: так и в молодости не было со мной. Я едва могу сидеть на месте, меряю комнату большими шагами, голова кипит: я бы даже, кажется, мог сочинить что-нибудь, еслиб не запрещали доктора. Волнения вредны, а я волнуюсь, но это *zugsgoît* * волнения происходит от свойства здешних вод. Я не знал этого и тревожился: доктор растолковал мне и сказал, чтоб я успокоился, что он знает, сколько давать мне пить воды и больше трех кружек не дает. Вы покачаете головой и опять глубокомысленно засмеетесь; может быть даже пожалеете: не жалейте, я счастлив — от девяти часов до трех — чего же больше. Женщина эта — мое ж создание, писанное конечно, — ну, теперь угадали, недогадливые, что я сижу за пером? А там

^a Зачеркнуто 45

Увеличение (франц.).

пусть — будет — что будет или *advienne se qui rougira* * в переводе.^а В три часа я беру ванну из минеральных вод для укрепления печени и расслабляемого водою желудка, потом обедаю и иду гулять — один или с другой женщиной, — тоже русской, очень любезной,^б и осторожной, что лишнего слова не скажет. По моей способности к ходьбе, мне мало Мариенбада и я сегодня ушел в лес, зашел бог знает куда и раскаялся, потому что вдруг воротаться сделалось лень, а надо было итти верст пять по жаре. — Здесь все тихо, только доктора задорно спорят, и изустно, и печатно, о том, от чего больные от Мариенбадской воды испражняются зеленым веществом: одни говорят, что это желчь, другие, что — натр, землянистые начала и т. д. словом, здесь г. . . возбуждает идеи, и даже страсти. А в самом деле зеленое.

От чего моя телеграфическая депеша возбудила в вас смех, да еще глубокомысленный? не перехитрили ли вы? дело просто: в тогдашней тревоге моей мне не хотелось тогда подбавлять масла к огню, просто хотелось, чтоб дело улеглось поскорее, а отсылка портрета могла возбудить какой-нибудь новый вопрос, повести к новым соображениям и намерениям. Я же хотел предоставить все времени, четырехмесячному сроку. . . Вот и все. Это вовсе неглубокомысленно.

Что вы мне не скажете ничего о наших общих друзьях? Прочитали ли они мои письма, или им не до того? Да я и писал больше для себя. Тогда еще для меня все пусто было, я праздно и уныло проводил время, теперь, теперь другие дела: день мой полон, ночь покойна (я не считаю волнение за беспокойство: я не помню себя без волнения).

Я пробуду еще недели три здесь, но не наверное, и потому ответ на это письмо может быть меня уже и не застанет. Из Франкфурта я напишу, куда адресовать письма: в Швейцарию, или в Париж. У меня мелькает мысль, если понравится где-

^а Зачеркнуто После ^б Несколько слов зачеркнуто.

[~] Будь что будет (франц.).

нибудь на Рейне, в уголке, остаться там и пробыть до Сентября; но это все будет зависеть от Ольги Сергеевны и ее неуклюжего спутника. До свидания. Недавно я послал вам еще письмо отсюда. Если ^а Иван Сергеич ^б воротится, как слышно, прежде меня, не забудьте дать ему прочесть мое письмо к нему: может быть оно хоть немножко оживит его.

Ай, ай: 10 часов — спать пора, опоздал: здесь ложатся в 9.

Ваш Гончаров.

Не забудьте заплатить с квартирою ^б с е д ь м о г о Августа и взять расписку.

¹ Гончаров имеет в виду статью Пушкина «Джон Теннер», напечатанную в «Современнике» (1836, кн. III), где, действительно, приведен этот рассказ из «Записок» Дж. Теннера. Пушкин замечает по этому поводу, что «Джон Теннер описал одну ссору, где ужасное и смешное странным образом перемешаны между собою». (Пушкин. Полн. собр. соч., т. XII, Изд. АН СССР, 1949, стр. 117).

² Первое отдельное издание «Фрегата Паллады» выпущено было в свет А. И. Глазуновым.

³ Фаддеев — матрос, вестовой Гончарова на фрегате «Паллада», о котором много рассказано в путевых очерках. Гончаров имеет в виду то письмо (без нумерации, стр. 1—46), которым открывается отдельное издание его книги (оно озаглавлено: «От Кронштадта до мыса Лизарда» и имеет дату: июнь 1854 г.; первоначально напечатано в «Русском вестнике», 1856, кн. 21); в частности, Гончаров имеет в виду фразу, которая, очевидно, и привела в смущение корректора: «Это был Фаддеев, с которым я уже давно познакомил вас» («Фрегат Паллада», т. I, СПб., 1858, стр. 22).

⁴ Предпосланное первому отдельному изданию «Фрегата Паллады» «Предисловие от издателя» (написано И. И. Лъховским, см. примеч. 5 к письму 2) начинается следующими словами:

«Напечатав одно из путевых писем, Ликейские острова („Отечественные записки“, 1855, № 4, стр. 239), автор <Гончаров> в примечании объяснил, что письма эти назначались для прочтения в кругу друзей. После того путевые очерки г. Гончарова, один за другим, стали появляться в наших журналах постоянно, в виде писем.

^а Зачеркнуто Тургенев ^б Так в автографе (вм. за квартиру).

Очевидно, не одна скромность заставила г. Гончарова назвать описание своего путешествия: Письмами к друзьям, путевыми записками; он сказал правду и вместе с тем самым названием и формой охарактеризовал уже отчасти свое произведение» («Фрегат Паллада», т. I, СПб., 1858, стр. I). Выноска, напечатанная при «Ликейских островах», в отдельном издании «Фрегата Паллады» не воспроизведена.

⁵ Речь идет о героине романа «Обломов»; ср. в письме Гончарова к Ю. Д. Ефремовой от 29 июля (9 августа) 1858 г.:

«Я написал Лхвовскому в последнем письме, что я сильно занят здесь одной женщиной, Ольгой Сергеевной Ильинской, и живу, дышу только ею; вероятно, он будет сначала секретничать, а Вы сначала спросите его о ней, скажите, что я и вам писал и заметьте, пожалуйста, поддался ли он мистификации и после скажите мне. Эга Ильинская не кто другая, как любовь Обломова, т. е. писанная женщина» («Невский альманах», вып. II, Пгр., 1917, стр. 28).

⁶ 21 июля 1856 г. Тургенев уехал за границу, где пробыл почти два года. Вернувшись только в начале июня 1858 г., он провел всего несколько дней в Петербурге и тотчас уехал в Спасское, откуда вернулся в Петербург 9 ноября.

4

Мариенбад, 2/14 Августа 1857.

Третьего дня я получил и второе Ваше письмо, любезнейший Лхвовский: горничная моя Луиза с радостью вбежала и подала мне, крича: ein Brief von ihrer Frau Gemahlin!* Она думает, что я женат, что приеду на будущий год сюда с женой и возьму ее в Россию, с жалованьем по 15 гульд. в м-ц и верит так серьезно, что мне даже жалко. В первый раз я так бессовестно поступаю с женщиной. Вы пишете, что свергли с себя иго и изнываете уже целый месяц — одни. Виноват, сомневаюсь: Вам стыдно меня, даже себя, и Вы скрываете истину; да ежелиб и расстались в самом деле, так уж теперь опять не одни. Я утопал в такой же лжи, и не раз, и признаюсь, никак не ожидал, чтоб Вы, не зараженные романтизмом, вооруженные юмором и анализом, позднейший человек, заразились таким злом и погрязли в нем

* Письмо от вашей супруги! (немецк.).

до потери сил, до утраты бодрости. Вы заступили место другого, делаете все то же, что он и клянете ее, зачем она делала это с другим, по страсти, что делает с Вами по привычке, или за денги: где логика? Уныние Ваше подозрительно: еслиб Вы освободились действительно, Вы бы не унывали, а радовались, занялись бы и были бы бодры и веселы. — Кобылин этот должен быть дурак: зачем он рассылает шрифт к хозяину? Когда же выйдет путешествие в свет? ¹ В январе — когда пройдет благоприятное время для продажи. Мне жалъ, что оно остановилось. Что касается до предисловия, то если у Вас выдастся в самом деле свободная минута, *moment lucide*,* пользуйтесь и пишите скорей, не надеясь на то, что еще долго не понадобится и время будет впереди: того и гляди обманетесь. А мне самому, признаюсь, не хотелось бы возиться с этим. Отправив ко мне свое письмо, Вы должны были тотчас получить от меня письмо (третье из Мариенбада), в котором я объяснил, чтобы о Фаддееве оставили фразу в покое и чтоб Кобылин не смущался ею: до текста ему дела нет, или же распорядитесь Вы — исключите или оставьте, как вздумаете.²

Я обещал в одном из писем объяснить Вам, что я делаю здесь. Теперь может быть, Вы об этом уже знаете от Юнии Дмитриевны,³ к которой я писал на днях, но заплатил за письмо в здешней почтовой конторе и потому боюсь, дойдет ли оно. Кроме того я послал ей некоторые пустяки, и именно две маленькие фарфоровые вазочки, а Евгении Петровне⁴ судок для сливочного масла на память. Все это очень дурно, но напомнит им меня, а Юниньке принесет, я знаю, непритворное удовольствие. Отсюда поехала в Россию одна барыня, А. М. Яковлева, вдова купца, очень милая женщина, и взялась, с женским великодушием, отвезти эти безделушки.⁵

Да, сын мой Горацио: есть вещи, о которых не снилось нашим журналистам.⁶ Представьте себе, если можете, что я приехал сюда 21 Июня нашего стиля и мне было так скучно, что я через

* Светлое мгновение (франц.).

три дня хотел уехать, дня три-четыре писал письма к Вам, к Языкову, в Симбирск⁷ — не знал что делать, а числа эдак 25 или 26-го нечаянно развернул Обломова, вспыхнул — и 31 Июля у меня написано было моей рукой 47 листов! Я закончил первую часть, написал всю вторую и въехал довольно далеко в третью часть. Доктор мой Франкль видел, как сначала мне было скучно и потом, как я успокоился, он был рад, заставляя меня за работой. Но когда он заставлял меня и в 10-м, и в 1-м, и в 3-м часу у письменного стола, он начал жаловаться, унимать, и теперь бегаёт везде по Русским больным и рассказывает, что я не вылечусь, потому что все сижу и занимаюсь — статистикой! Безобразов⁸ сказал ему, сначала о себе, что он литератор, а потом и обо мне, он смешал нас и из этого всего вышла статистика. Кроме того Франкль дал мне свои книги о Мариенбаде и думает, что я делаю описание о Мариенбаде для России и пишу также о нем. Пусть его думает! — Безобразов уехал. Я познакомился с его женой: ⁹ она бы ничего, да как-то разговорились о Луи Блане¹⁰ etc. Она прочла его историю в 8 томах и часа три говорила о ней, хоть бы самому Безобразову в пору: неправда ли, что это немножко... безобразно?

Не знаю, вылезился ли я, я только знаю, что мне еще недели три пристальной работы осталось до окончания Обломова. Локти уже давно на щеке¹¹. Поэма изящной любви кончена вся: она взяла много времени и места. Неестественно покажется, как это в месяц кончил человек то, чего не мог кончить в года? На это отвечу, что еслиб не было годов, не написалось бы в м-ц ничего. В том и дело, что роман выносился весь до мельчайших сцен и подробностей и оставалось только записывать его. Я писал как будто по диктовке. И право многое явилось бессознательно; подле меня кто-то невидимо сидел и говорил мне что писать. Например, в программе у меня женщина намечена была страстная, а карандаш сделал первую черту совсем другую и пошел дорисовывать остальное уже ^a согласно этой черте и вы-

^a Зачеркнуто по этой

шла иная фигура. При этой фигуре мне не приходили в голову ни Е. В. ни А. А.¹¹ — решительно никто, да и ни в одном из действующих лиц тоже. Меня иногда пугает, что у меня нет ни одного типа, а все идеалы: годится ли это? Между тем для выражения моей идеи мне типов не нужно, они бы вели меня в сторону от цели. Или наконец надобен огромный, гоголевский талант, чтоб овладеть и тем, и другим. — Меня перестала пугать мысль, что я слишком прост в речи, что не умею говорить по тургеневски, когда вся картина обломовской жизни начала заканчиваться: я видел, что дело не в стиле у меня, а в полноте и оконченности целого здания. Мне явился как будто целый большой город и житель поставлен так, что обозревает его весь и смотрит, где начало, середина, отвечают ли предметы целому, как расположены башни и сады, а не вникает, камень или кирпич служили материалом, гладки ли кровли, фигурны ли окна etc. etc. Вся эта большая сказка должна, кажется, сделать впечатление, но какое и насколько, не умею еще решить. Герой может быть неполон: не достаёт той или другой стороны, не досказано, не выражено многое: но я и с этой стороны успокоился: А читатель на что? разве он олух какой-нибудь, что воображением не сумеет по данной автором идее дополнить остальное? Разве Печорины, Онегины, Бельтовы etc. etc. досказаны до мелочей? Задача автора — господствующий элемент характера, а остальное дело читателя. Может быть из всех — великих и малых талантов — один Сервантес успел досказать во всей подробности своего героя, за то местами и скучновато. Зотов¹² тоже рассказывает чрезвычайно подробно свои лица, Достоевский уже до *plus ultra* * подробно, но я не лезу ни в Сервантесы, ни в Зотovy и Достоевские — тоже. — Я однакоже не хлопаю крыльями, как петух, не кричу о своей победе, потому что не знаю, куда я вскопчил: может быть на навозную кучу. Поэтому скажите Юниньке, которой я писал о своей работе,¹³ чтоб она не трещала очень о ней.¹⁴ Чего доброго? пожалуй придется спрятать ее со стыдом

* До крайности (лат.).

под спуд. Например женщина, любовь героя, Ольга Сергеевна Ильинская — может быть такое уродливое порождение вялой и обессиленной фантазии, что ее надо бросить или изменить совсем: я не знаю сам, что это такое. Выходил из нее сначала будто образ простоты и естественности, а потом, кажется, он нарушился и разложился. Да, может быть, это все очень глупо. Я в недоумении: между тем мне скорей хочется уехать отсюда в Лозанну, в Берн, в Веве, куда-нибудь и запереться еще на месяц и приехать назад и сказать: я кончил, кончил. Мне уже слышится Ваша сдержанная речь, как Вы по чайной ложечке лакомите меня ласковой похвалой, мне снятся широкие объятия Тургенева или молчаливая, затаенная досада тех, которые не любят чужого успеха. Но на всю эту смеющуюся перспективу я смотрю, как на сон, едва сбыточный. Времена не те, и свежесть во мне не та — и все не то. — А сколько еще выработки предстоит — ужасно подумать: Одно только отрадно, что выработка — не труд, а наслаждение. — Как же это случилось, что я, человек мертвый, утомленный, равнодушный ко всему, даже к собственному успеху, вдруг принялся за труд, в котором было отчаялся? И как принялся, если Вы видели! Я едва сдерживал волнение, мне ударяло в голову, Луиза заставляла меня в слезах, я шагал по комнате, как сумасшедший, и бегал по горам и лесам, не чувствуя под собой ног. Этого ничего не бывало и в молодости. Увы, все объясняется очень просто. Мариенбадская вода производит страшное волнение, так что полнокровным дают ее пить очень осторожно и немного. Иные пьют по шести кружек, а мне доктор велел пить по три. Недавно в книге Франкля я прочел, что здешняя вода, между прочими последствиями, производит «расположение к умственной и духовной деятельности». Вот и секрет. К этому прибавьте чудный воздух, движение по пяти часов в день, известную диету и отсутствие всякого признака вина и водки — и тогда станет понятно, как могла в месяц написаться вещь, не написавшаяся в восемь лет. Теперь чемодан мой возымел для меня больше значения: я равнодушно смотрел, как кидали его из вагона в вагон, а теперь буду беспокойно смотреть на эту операцию. Я известил Юниньку первую

о том, что время мое не пропадает здесь даром, потому что она больше всех, даже больше меня, желала этого и так от души простилась со мной и даже перекрестила. Еслиб я знал, что кончу все остальное, то не поехал бы в Париж, а остался бы где-нибудь в уголке Швейцарии, да боюсь, не кончу, ведь Мариенбадской воды не будет более, и после буду жалеть. Действие уже происходит на Выборгской стороне: надо изобразить эту Выборгскую Обломовку, последнюю любовь героя и тщетные усилия друга разбудить его. Может быть все это уляжется в нескольких сценах — и тогда хвала, хвала тебе герой! Меня тут радует не столько надежда на новый успех, сколько мысль, что я сбуду с души бремя и с плеч обязанность и долг, который считал за собой. Дай бог! Тогда года через два, если будет возможность, можно приехать вторично сюда, с художником¹⁵ под мышкой и исполнить надежды Луизы хоть вполовину.

Я еду после завтра отсюда во Франкфурт, там хотелось бы в Майнц и по Рейну проехать до Кобленца и опять во Франкфурт, чтобы ехать по железной дороге через Карлсруэ до Фрейбурга к Шафгаузену и к Рейнскому водопаду, и потом в Берн, в Веве, Лозанну, Женеву, Базель, а от Базеля три часа до Страсбурга, от Страсбурга 10 часов до Парижа. Впрочем во Франкфурте поговорю с лакеями в гостинице: они лучше всего знают, как и куда ехать. Я здесь с ними обедаю в отеле: т: е: они за большим столом, а я рядом один за маленьким. Едим одно и то же. Кто-нибудь из них вскочит, подаст мне блюдо, потом сядет на свое место и продолжает обедать. Это происходит от того, что я один обедаю в 4 часа, весь Мариенбад — в час. Я все навыворот делаю, к великому соблазну доктора. Однако припадков не чувствую, печень покойна, только когда встаю, после четырех-пяти-часовой работы из за пера, бываю бледен и как бы избит, а после разбегаюсь по лесам — и пройдет. Мариенбад понемногу пустеет: здесь жила и недавно уехала Гессен-Колл Курфирстерша, с дочерью и ее женихом: в первый раз видел немца-джентльмена, с изящными манерами, и то владетельного герцога. Есть еще Англичанка, девушка лет 20: это такое изя-

щество, такое благородство, что я в первый раз в жизни бесконечно издали наслаждаюсь созерцанием женщины. Когда она утром приходит к овчей купели пить воду в своей утренней большой круглой шляпке с синим пером — она может быть поставлена выше Елизаветы Васильевны,¹⁶ в обыкновенной шляпке — ниже ее, а без шляпки — наравне. Есть еще две неаполитанки, красавицы, и муж одной из них герцог ди Рока — такой фат, что даже Кошкаров¹⁷ скромнее. Я познакомился с одним Черниговским помещиком Волжиным т. е: он узнал обо мне через Франкля и познакомился на променаде: у него жена красавица и сигары от Тенкате: *regalia dos amigos*:* он меня потчует... только сигарами. И зато какое спасибо!

Познакомился я с адмиралом Панфиловым:¹⁸ он знает меня по морскому сборнику,¹⁹ и мы ходим с ним по горам. Вот русский характер во всей простоте и доброте! — Я раза три ходил на горы с А. М. Яковлевой и потом перестал, нельзя: Юния Дмитриевна конечно очень боится лягушек, мать Огаревой — еще больше, а эта, при виде ящериц, которых здесь множество, пришла в такой ужас, что я перепугался. Ее начало трясти и подергивать: я не знал, что мне делать. А я было одну ящерицу придержал тростью и хотел еще взять да поближе показать ей, какая — дескать она красивая.

Напишите, что Старушка: оправилась ли от холерного припадка? Как бы хотелось теперь поиграть с Женичкой: не знаю, что бы такое привезти ей в гостиницу, что бы Старушка не присвоила себе. В Париже выдумаяю. Денег у меня осталось около пяти тысяч франков. Если от Швейцарии останутся три тысячи, так поеду в Париж, а то так и нет. Рублей триста надо привезти в Варшаву, чтоб было там прожить чем в ожидании места в почтовом экипаже. Не увидите ли Маркелова:²⁰ спросите, можно ли, тогда я извещу из Парижа, о времени прибытия в Варшаву, написать туда, чтобы мне оставили место? Теперь пока не пишите мне: я не знаю, где остановлюсь и куда адресовать письма; не знаю также, когда я буду в Париже!

* Подарок друзей (исп.)

Поклонитесь Николаю Апколлоновичу и Евгении Петровне, скажите, что я извиняюсь перед ней, что подарок мой дрянен, но это и не подарок, а знак памяти. Николаю Аполлоновичу скажите, что если бы кончил для меня головку, которую начал, то и я надеюсь заплатить ему чтением тоже нарисованной мной, конечно плохо, головки. Он любил слушать меня. Тургеневу скажите, когда приедет, что я умер, да не совсем и что, когда я писал, мне слышались его понуждения, слова и что я мечтаю о его широких объятиях.²¹ Кланяйтесь Дудышкину, Кошкаркову, Барышову, Федору Ивановичу²² и Бурьке,²³ Аполлону с женой²⁴ и проч. и проч. Весь Ваш

Гончаров.

На конверте

Russland. St. Pétersbourg
par Lubeck ou Stetin
В СПбурге. Его Высокоблагородию
Ивану Ивановичу
Льховскому
В Правит. Сенате, в 1-м Департ., или в Моховой
улице, близь Сергиевской, в доме Устинова.
в квартире Гончарова

¹ Речь идет о первом отдельном издании «Фрегата Паллады», вышедшем под наблюдением И. И. Льховского. Кобылин — работник типографии Глазунова.

² См. примеч. 3 к письму 3.

³ Ю. Д. Ефремова (см. примеч. 10 к письму 1).

⁴ Е. П. Майкова (см. примеч. 2 к письму 2).

⁵ Об Александре Михайловне Яковлевой, с которой Гончаров познакомился в Мариенбаде, он подробнее писал Ю. Д. Ефремовой в письмах от 25 до 29 июля 1857 г.; «...она умна — без претензий, образована — без педантизма и любезна — без всякого кокетства, словом, милая женщина... Без всяких целей, т. е. без желаний, без надежд, без волокитства, словом, без всего того, что тянет мужчин в общество женщин, я проводил

досужие часы в ее обществе и не скучал. Согласитесь, что это очень много» («Невский альманах», вып. II, Пгр., 1917, стр. 22, 27).

⁶ Вольная переделка известного стиха из «Гамлета» Шекспира (акт I, сц. 5) по распространенному в это время (неточному) переводу: «Есть многое на свете, друг Горацио, что и не снилось нашим мудрецам».

⁷ Гончаров имеет в виду М. А. Языкова (см. выше, примеч. 10 к письму 2); в Симбирске в это время жили родные Гончарова — его брат Николай Александрович и сестра Александра Александровна (см. П. Бейсов. Гончаров и родной край..., Ульяновск, 1951, стр. 102—106, 108).

⁸ Безобразов, Владимир Павлович (1828—1889), профессор политической экономии и финансового права (с 1864 г. адъюнкт Академии Наук, впоследствии сенатор и академик), находился в приятельских отношениях со многими русскими писателями, И. С. Тургеневым, М. Е. Салтыковым и др.

⁹ В. П. Безобразов был женат на Елизавете Дмитриевне (урожд. Маловой), которую Гончаров и имеет в виду. В 70—80-х годах Е. Д. Безобразова деятельно сотрудничала в различных заграничных журналах, французских и английских («La Nouvelle Revue», «Journal des économistes», «Contemporary Review» и др.) под псевдонимом Tatiana Swetow»; ей, в частности, принадлежит несколько критических статей о Тургеневе, написанных на итальянском языке (ср. «Русь», 1904, № 293, 4 октября, корреспонденция «Из Дмитровского уезда»). Отметим также, что с Безобразовыми Гончаров встречался также в августе 1857 г. в Париже и читал им «Обломова» («Новое время», 1901, № 9140; М. Суперанский. И. А. Гончаров за границей. «Исторический вестник», 1912, № 6, стр. 850).

¹⁰ Блан Луи (Blanc Louis, 1811—1882) — французский политический деятель, публицист и историк. В буржуазных кругах «История французской революции» («Histoire de la Révolution française») Луи Блана, выходящая в течение многих лет (1847—1862), считалась книгой «зажигательной» и «якобинской». Луи Блан накануне 1848 г. стоял на левом фланге революционного движения, но уже во время революции 1848 г. был разоблачен «Новой Рейнской газетой» К. Маркса как типичный оппортунист; в эмиграции Л. Блан стал приверженцем еще более умеренных взглядов. В. И. Ленин писал, что Луи Блан, мнивший себя «вождем „трудовой демократии“», был на деле «хвостом буржуазии, игрушкой в ее руках» (В. И. Ленин, Соч., т. 25, стр. 44—45).

¹¹ Под инициалами Е. В. Гончаров подразумевает Елизавету Васильевну Толстую (1827 или 1829—1877), в январе 1857 г. вышедшую замуж за А. И. Мусина-Пушкина, близкую знакомую семьи Майковых, с которой он встречался здесь еще с конца 40-х годов. В середине 50-х годов Гончаров пережил сильное увлечение ею (письма Гончарова к Е. В. Толстой напечатаны П. Н. Сакулиным в статье «Новая глава из биографии Гончарова».

«Голос минувшего», 1913, №№ 11 и 12). Под инициалами А. А. скорее всего имеется в виду упомянутая выше Августа Андреевна Колзакова (см. примеч. 6 к письму 1). Все, что Гончаров говорит в данном письме о подозревавшихся прототипах «Обломова», имеет существенное значение для творческой истории романа и, в частности, опровергает долго державшееся в литературе утверждение П. Н. Сакулина (в указанной статье в «Голосе минувшего», 1913, № 11, стр. 57 и 61), будто бы прототипом Ольги Ильинской явилась Е. В. Толстая, а также свидетельство Е. А. Штакеншейндер, со слов Гончарова, что оригиналом для Ольги Ильинской служила ему Е. П. Майкова (см. примечание 9 к письму 1).

¹² Зотов Рафаил Михайлович (1795—1871) — плодovitый романист; см. ниже, примеч. 4 к письму 6.

¹³ Гончаров имеет в виду свое письмо к Ю. Д. Ефремовой из Мариенбада от 29 июля (9 августа) 1857 г., в котором он сообщил подробные данные об успешном ходе своей работы над «Обломовым» («Невский альманах», вып. II, Пгр., 1917, стр. 24—29); многие из этих подробностей интересно сравнить с теми, которые сообщаются в данном письме к Льховскому, так как во многом они совпадают, а частично и дополняют друг друга. Ю. Д. Ефремовой Гончаров, например, писал: «... я приехал сюда <в Мариенбад> 21-го Июня нашего стиля, а сегодня, 29 Июля, у меня закончена 1-ая часть Обломова, написана вся 2-ая часть и довольно много третьей, так что лес уже редее, и я вижу вдали... конец. Странно покажется, что в месяц мог быть написан почти весь роман: не только странно, даже невозможно, но надо вспомнить, что он созрел у меня в голове в течении многих лет и что мне оставалось почти только записать его»... и т. д. (стр. 25).

¹⁴ Гончаров вспоминает следующие слова из письма своего к Ю. Д. Ефремовой от 29 июля 1857 года: «...вспоминаю вас часто, потому что помните — как Вы на весь мир трещали, что я поеду, напишу роман, ворочусь здоровый, веселый — etc. etc. Как мне было досадно тогда на Вас: какими пустяками казалось Ваше пророчество... Помню еще, как на прощанье Вы робко и торопливо перекрестили меня, но видно от чистого сердца и, конечно, очень искренно, от всей полноты дружбы пожелали мне покоя, веселья и опять-таки — писанья. Представьте же, мой друг, что все это вполонину, нет, больше нежели вполонину, — уже исполнилось, и я ставлю себе в долг прежде всего сказать об этом Вам»... («Невский альманах», вып. II, Пгр., 1917, стр. 25).

¹⁵ «Художник» — одно из первоначальных заглавий будущего романа «Обрыв».

¹⁶ Елизавета Васильевна Мусина-Пушкина (урожд. Толстая), см. выше, примеч. 11.

¹⁷ Кошкарров — вероятно, Кошкарров, Михаил Васильевич, муж сестры Е. П. Майковой, Юлии Петровны.

¹⁸ Панфилов, Александр Иванович (1808—1874), адмирал, в молодости служил под командой адмирала П. С. Нахимова, участник Синопского боя, во время которого командовал кораблем «Двенадцать апостолов»; в 1855 г. при обороне Севастополя занял пост погибшего адмирала П. С. Нахимова.

¹⁹ Речь идет об отдельных очерках «Фрегата Паллады», печатавшихся первоначально в «Морском сборнике» и других периодических изданиях. В «Морском сборнике» напечатаны следующие очерки: «Заметки на пути от Маниллы до берегов Сибири» (1855, кн. 5), «Из Якутска» (1855, кн. 6), «Русские в Японии в конце 1853 и в начале 1854 гг.» (1855, кн. 9—11), «На мысе Доброй Надежды» (1856, кн. 8 и 9).

²⁰ Маркелов Дмитрий Дмитриевич (ум. в 1864 году) — вице-директор почтового департамента.

²¹ Об отношениях Гончарова и Тургенева в 1857 г. см. И. А. Гончаров и И. С. Тургенев. По неизданным материалам Пушкинского Дома, с предисл. и примеч. Б. М. Энгельгардта, Пгр., 1923.

²² Твердомед Федор Иванович — чиновник министерства финансов, сослуживец В. Н. Майкова, бывший с ним в приятельских отношениях; в 1858 г. участвовал в издании его журнала «Подснежник» и в делах типографии («Невский альманах», вып. II, Пгр., 1917, стр. 23). В это время Ф. И. Твердомед жил на квартире у В. Н. Майкова (там же, стр. 36).

²³ Бурька — семейное прозвище Леонида Николаевича Майкова (1839—1900), впоследствии известного исследователя русской литературы, академика, вице-президента Академии Наук. «Милого Бурьку» Гончаров постоянно с нежностью вспоминал в письмах к Майковым и их друзьям из кругосветного плавания («Литературное наследство», кн. 22—24, 1935, стр. 400, 408, 412, 422). В 1857 г. Леонид Майков был еще студентом Петербургского университета, но с этого года он уже выступал в печати, а в следующем не только писал статьи в журнале старшего брата Владимира Николаевича «Подснежник», но одно время даже заведывал этим журналом (сб. «Памяти Л. Н. Майкова», СПб., 1902, стр. X, XLIV; Е. А. Штакеншнейдер. Дневник и записки. М.—Л., 1934, стр. 217).

²⁴ Аполлон Николаевич Майков и его жена Анна Ивановна.

5

Париж, 22/30 Августа ¹ 1857.

Я не лгал, когда писал к Вам, любезнейший Льховский, из Франкфурта, что не знаю, что я буду делать, не поручусь ни за один свой шаг. Так и вышло. Я сказал, что еду прямо в Париж, а отправивши письмо, поехал в Майнц и оттуда до Кёльна сделал великолепнейшую прогулку по Рейну. Это было 15-го нашего.

Августа. После тропической погоды я не помню лучше дня. Рейн неподражаем в своем роде. Крутые берега усеяны развалинами одна другой живописнее и виноградниками. Жаль только, что я ехал один т: е: с тремястами немцев, и неистово скучал в их обществе, которому предпочел бы одного плохого француза. В Кельне я бросил в номере гостиницы свой чемодан и побежал смотреть собор. Я выбежал на него из-за какой-то лавчонки и почти лег на спину, чтоб увидеть одну башню, которая готова только вполовину; и еще должно прибавиться столько же, даже больше гораздо, а в ней уж и так 130 фут. Купив склянку одеколоню я на другой день ранехонько с шнельдугом* поехал в Париж, куда и прибыл, очертя голову, но благополучно в тот же вечер т: е: 16 нашего Августа в 9 часов, а в половине десятого, бросив опять чемодан, rue du Helder, hôtel du Brésil в дорожном своем сереньком сюртучке сидел уже на итальянском бульваре, за одним из бесчисленных выставленных на улице мраморных столиков у Тортони и ел весьма посредственное мороженое. В это время парижские бульвары кипят неведомою у нас жизнью толкотни, шума, праздного сидения, зеванья, фланёрства, словом жизнью наруже. Воротясь в 11 часов к себе, я узнал от гарсона, что в этой же гостинице du Brésil живет много русских, и между прочим Фет, который в тот день женился на сестре Боткина, наконец сам Боткин.² Я увиделся с ними на другой день, а на третий день и с Тургеневым, третьего дня читал им свой роман, необработанный, в глине, в сору, с подмостками, с валяющимися вокруг инструментами, со всякой дрянью. Несмотря на то, Тургенев разверзал объятия за некоторые сцены, за другие с яростью пищал: длинно, длинно, а к такой-то сцене холодно подошел и т. п.³ На другой день мы все обедали у одного Шеншина (брата Фета, от другого отца) в отличном ресторане и отлично^a наелись и выпили немного; вечером я читал, но у меня не двигался язык, Боткин задремал, но при одной страстной сцене очнулся. «Перл, перл!» кричал он, но читать было не в мочь. На другой день Тур<г>енев уехал в поместье Виардо и через пять

^a Зачеркнуто два слова.

* Скорым поездом (немецк.).

дней будет опять. Я сам в первый раз прочел то что написал и узрел, увы! что за обработкой хлопот — несть числа.

На другой день приезда пробираюсь к Пале Роялю и вдруг сталкиваюсь с [Корневым].⁴ Он и сегодня был у меня: мы живем в двух шагах друг от друга, но видимся редко. Он спешит осматривать окрестности, а я все пока смотрю в Париже. Меншиков⁵ здесь, и Никитенко⁶ тоже, но я его не видал. Объехал и обегал я разные части Парижа, чуть не влез на колокола Notre dame de Paris,* но и снизу можно видеть, что Quasimodo⁷ было где отражать осаду. Был в Jardin des Plantes, в Hôtel des Invalides etc. etc. etc.^a Был в театрах, двух, и по обыкновению, не мог высиживать пиесы до конца. В театре ново для меня только то, что для каждой, самой маленькой роли, есть своя специальность, да еще разве шум, гам, вообще поведение публики, особенно верхней, во время антр-актов. Мальчишки, блюзники кричат, показывают с одной стороны на другую кулаки etc. etc., сущий базар. Меншиков подзывает меня в Марсель и оттуда в Венецию, я обещал, но кажется, не поеду. Устал от всего на свете и особенно от любопытства. Может быть недельки через полторы уеду через Брюссель, Берлин и Гамбург в Дрезден. Там тихо, могу окончить последние две главы^b и может быть пробегу начало романа, которого ни разу не прочел. А Вас прошу повидаться с Дм. Дм. Маркеловым⁸ и попросить, не может ли он устроить, чтобы, когда я приеду в Варшаву или Тауроген, в начале Октября, начиная с 1-го по 7-е число, мне тотчас дали место в почтовой карете. Я потому назначаю два места, что может быть Тургенев поедет к тому же времени в Россию и мы сговариваемся вместе,⁹ хотя мне нужно собственно ехать через Варшаву, потому что там у меня оставлена теплая шинель, и от того вернее, что я поеду через Варшаву, если даже отправлюсь в Венецию: там через Вену мне еще ближе.

Кланяйтесь Майковым, Юниньке etc. Сейчас Корнев показывал мне письмо от Старика и очень доволен.

^a Зачеркнуто пять строк ^b Зачеркнуто романа

* Собора Парижской богородицы.

Прощайте, милый сын, через недельку справлюсь на почте, нет ли от Вас письма, перед выездом отсюда справлюсь опять, а потом и уеду: не моя вина, если без меня придет. До свидания.

Ваш Гончаров.

Здесь персики с кулак и по гривеннику: доктор мне позволил есть их, но до груш и до винограда я еще не касаюсь.

Париж сделал на меня меньше впечатления, нежели Лондон: меньше шума, меньше блеска и роскоши. Но все таки поразительно. Вчера был в Лувре и с полчаса в удивлении просидел перед Венерой Милосской.

¹ Так в рукописи, следовало 22 августа/3 сентября.

² Фет (Шеншин), Афанасий Афанасьевич (1820—1892), поэт, представитель школы «чистого искусства» в поэзии; был женат на Марии Петровне Боткиной, родной сестре упомянутого здесь же в письме Василия Петровича Боткина (1810—1869), либерально-буржуазного писателя и критика. Много лет спустя (19 ноября 1888 г.) Гончаров писал А. А. Фету: «Помню... я одну встречу с вами, когда я, приехав вечером в Париж, узнал от гарсона в столовой, что вы живете в том же отеле, что и я (помнится, Hôtel du Brésil), и что в тот день была ваша свадьба. Я дал гарсону свою визитную карточку, чтоб он отнес ее вам утром, а сам ушел гулять на бульвар (не было ли это в 1857 году? я забыл)» («Русский архив», 1900, кн. 2, стр. 71—72). Что Гончаров увиделся с Фетом и Боткиным на другой день после приезда в Париж, видно и из воспоминаний А. А. Фета, где читаем: «Ходил с нами обедать и Гончаров, приехавший на другой день нашей свадьбы и поселившийся в той же гостинице, как раз над нами» (А. Фет. Мои воспоминания, ч. I, М., 1890, стр. 200).

³ В своей поздней, крайне тенденциозной «Необыкновенной истории» И. А. Гончаров вспоминает об этом чтении в следующих словах: «С какою радостью поехал я с своею рукописью в Париж, где знал, что найду Тургенева, В. П. Боткина, и нашел еще Фета... Я читал им то или другое место, ту или другую главу из одной, из другой, из третьей части — и был счастлив, что кончил. Тургенев как-то кисло отозвался на мое чтение. «Да, хоть и вчерне, а здание кончено, стоит!» сказал он почти уныло, чем несколько удивил меня. Я приписал это слабости моего пера» (Сборник Российской публичной библиотеки, т. II, Пгр., 1924, стр. 17).

А. А. Фет рассказывает об этом же чтении «Обломова»: «Как-то в полуденное время И. А. Гончаров, занимавший... комнату этажем выше над

нами, — пригласил Тургенева, Боткина и меня на чтение своего, только что оконченного, «Обломова». В жаркий день в небольшой комнате стало нестерпимо душно, и продолжительное, хотя и прекрасное чтение наводило на меня неотразимую дремоту. По временам, готовый окончательно заснуть, я со страхом подымал глаза на Боткина и встречал раздраженный взгляд его, исполненный беспощадной укоризны. . . И так до самого конца чтения, из которого я конечно не унес никакого представления» (А. Фет, Мои воспоминания, ч. I, М., 1890, стр. 201). Через несколько дней после чтения (25 августа) сам Гончаров писал об этом Ю. Д. Ефремовой: «. . . Тургенев слышал только начало, он уехал в имение Виардо, а Боткин слышал все и очень тонко понял, что я хотел выразить. Он предсказывает успех, но все мы трое решили, что за отделкой работы много» («Невский альманах», вып. II, Пгр., 1917, стр. 29—30). Любопытное подтверждение рассказа Гончарова в публикуемом письме к Льховскому мы имеем в отзыве Тургенева об «Обломове» после первого знакомства с романом (в письме его к Боткину от 2/14 сентября 1857 г.): «. . . Гончарову повтори — что его «Обломов» вещь отличная — но требует необходимых сокращений, тем более что этот ряд диалогов и без того несколько может утомить» (В. П. Боткин и И. С. Тургенев, Неизданная переписка. 1851—1869, М.—Л., 1930, стр. 134). Вскоре (9/21 сентября 1857 г.) Тургенев писал об этом и Н. А. Некрасову: «Гончаров прочел нам с Боткиным своего оконченного „Обломова“, — есть длинноты, но вещь капитальная и весьма было бы хорошо, если бы можно было приобрести его для „Современника“» («Русская мысль», 1902, № 1, стр. 122).

⁴ Корнев Андрей Петрович — сослуживец Гончарова по департаменту внешней торговли, Гончаров долго сохранял с ним приятельские отношения.

⁵ Меншиков, Павел Никитич (1809—1879), в 40-х годах служил в министерстве внутренних дел; был добрым знакомым семьи М. А. Языкова; являлся довольно деятельным сотрудником «Пантеона», «Отечественных записок» и «Современника». «. . . О его драматических произведениях, — пишет Б. Л. Модзалевский, — давали очень сочувственные отзывы Белинский, В. Майков и Дружинин, но никто из современников не оставил о нем никаких рассказов, и только Никитенко однажды упоминает в своем дневнике о „Лукулловских“ обедах Меншикова» (Из переписки И. А. Гончарова. — «Временник Пушкинского дома», 1914, Пгр., 1915, стр. 104). Первый том Полного собрания сочинений П. Н. Меншикова вышел в Петербурге в 1858 г.

⁶ Никитенко Александр Васильевич (1805—1877) — профессор Петербургского университета, с 1855 г. академик, член Главного управления цензуры, близкий приятель Гончарова.

⁷ Квазимодо — герой романа В. Гюго «Собор Парижской богоматери». О своих странствованиях по Парижу для осмотра его достопримечательно-

стей Гончаров подробно писал Ю. Д. Ефремовой 25 августа (5 сентября) 1857 г. (см. «Невский альманах», вып. II, Пгр., 1917, стр. 29).

⁸ См. примеч. 20 к письму 4.

⁹ Тургенев, в свою очередь, писал Н. А. Некрасову о Гончарове в письме от 9/21 сентября 1857 г. из Парижа: «Он <Гончаров> уехал в Дрезден и мы, может быть, вместе вернемся через Варшаву...» («Русская мысль», 1902, № 1, стр. 122).

6

СПБург, 1/13 Августа 1858.

В письме к Ю<нии> Д<митриевне>, Вы, любезнейший Иван Иванович пишете, что моя маленькая записка удивила вас: Вы могли не вполне понять ее, потому что она набросана на скорую руку и дурным почерком, но удивлять Вас она не должна. Впрочем вот Вам ключ к ней. Я, сколько помню, говорил там, что — кому-другому, а вам нечего оскорбляться, что Вы не непосредственно вышли на Вашу дорогу,¹ что этого почти ни с кем не случается, что этого стыдится и боится только бессилие, отчаявающееся оправдать себя. Далее я сказал, что это все равно, кто бы ни толкнул вас, я или Панаев² на ваш путь, дело не в нас, а в вас самих и т. п.

Кажется, в первый раз случилось мне с коротким человеком объясниться не прямо, намеками — и это повело только к темноте и запутанности. Но авось время не ушло и Вы получите это письмо. Объяснение же полезно, особенно для вас: мне уже мало чего нужно от жизни, а вам еще надо жить и действовать, следоват<ельно> чем более объяснится какойнибудь случай, тем лучше. Этот предупредительный анализ только и живителен, напротив поздний^а например в мои лета мертвяц. Вот в чем дело.

Вы давно уже, зимой, раза два говорили мне полушутя, по поводу толков Щербины,³ Зотова⁴ и других господ о наших с вами отношениях: «нет, Ив<ан> Ал<ександрович>, не делайте уж больше ничего для меня!» Я принимал это тоже полушутя, не

^а Несколько слов зачеркнуто.

подозревая грызущей Вас гордости. Но в мае и июне Вы уже без шутки раза два коснулись вопроса о том, что я ничего и не сделал, а в третий раз (у меня дома, по возвращении из Царского Села) ясно и положительно, хотя осторожно и вкрадчиво выпросили у меня сознание, что ходатайство о назначении в вас могло произойти и без меня, что это мог сделать и даже соглашался сделать Панаев, тем более, что едва ли бы вызвались охотники... «да, ведь это так?» заключили Вы (очень мягко) вопросом. Да, отвечал я, не зная, к чему клонился этот, начатой не к слову, без всякого повода, прямо — разговор. Я глубоко задумался, после этого разговора, был опечален, потом сделался совершенно равнодушен и к разговору этому, и к вам самим, к вашему вояжу и ко всей вашей судьбе. Единственная роль, которую я так охотно брал на себя, роль друга, может быть грешившего только со стороны слепоты, а не с другой какойнибудь, не должна была, как мне казалось, кончиться, но Вы ей положили быстрый и неожиданный конец. Хорошо, что это случилось поздно, когда я вообще стал вял и холоден, а раньше это бы очень огорчило меня. Но теперь все равно: я даже стал очень удачно забывать вас и хотел только в коротенькой записочке выплеснуть, что еще шевелилось во мне, но этого оказалось мало, Вы удивились записке и я решил объяснить разом все, чтоб не было недоразумений.

Я не фальшиво сказал да: я в самом деле не считаю Вас ни на волос обязанным себе и готов подтвердить это клятвенно: но я смущен был до глубины души тем, зачем, к чему у Вы мне это говорили? Что я, высказывал это, давал Вам чувствовать: где, когда, в чем? Наконец, можно подумать, что Вам легче быть обязанным Панаеву, который бы сделал это: разве потому, что он делал бы с равнодушием, так сказать, скотским, а я — с симпатией? Ужели вы способны к такой гордости и черствости? Нет, кажется, не может быть. Почему же моя рекомендация тяжеле другой и зачем Вам нужно было сознание, что я ни в чем не участвовал? Чем я подал повод к омытию следов от дружеских моих прикосновений? Если Вы мою резкость и грубость отнесли к намекам на одолжение, Вы ошиблись. Я был всегда таков т: е:

резок, а Вы снисходительны к этому пороку (гноусному, конечно), пока сами не заразились им и у Кашкаровых⁵ не только не остались у меня в долгу, но одну мою выходку превзошли троекратною резкостью, чего прежде не бывало, несмотря на мою извинительную зубную боль. Злой язык мог бы заметить, что этого прежде не бывало и что это началось с того времени, когда Вы стали патентованным... и потому сочли снисхождение излишним. Но я отнесу это не к такой пошлой причине, а к накоплению в вас желчи, от фальшивой гордости, от многих неудач, тем более, что она изливалась не на одного меня, а и на Анну Романовну⁶ и частенько слышалась в ваших спорах, отзывах и даже просто замечаниях, невызванных никаким противоречием. Ах, ради бога, вооружитесь вашею природною мягкостью, воспитанием, рассудком, чем хотите, утопите желчь в океанах и не будьте таким ее дьявольским сосудом, как я: этого не прощают и мне, к которому привыкли 23 года, которого знали и любили за лучшие свойства; но^а и старинные права дружбы не спасают меня, я должен запираяться, жить одиноко. А вам еще меньше простят, кроме разве Старика и Старушки, где вы имеете больше меня прав; вам еще лет десять дослуживать до моего срока. Но обращаюсь к главной теме.

Да, вы ничем не обязаны мне, Ив<ан> Ив<анович>, подтверждаю это в третий раз: Вы смело можете повторять это мне даже, еслиб я подумал иначе. Только перемените причины, подите прямее, по другой дороге и вам сейчас станет легче. Напрасно Вы хотите уничтожить факт: он случился и неизгладим. Все знают, что я указал на Вас Г<оловни>ну⁷ и В<еликому> К<нязю>.⁸ Я даже не знаю, мог ли бы Пан<аев> сделать это в таком свете и тоне, в каком это сделано. Вам бы неловко было и обратиться к нему: «рекомендуйте меня туда, куда требуют известные имена». Тут нужна была дружба, которая бы первая предложила это вам и потом написала бы горячее о вас свидетельство, которое и было прочтено В<еликому> К<нязю> и после которого последовало быстрое и несомненное назначение. Так ли бы это случилось

^а Зачеркнуто ни

с Пан<аевым>, не знаю. Ивана Иванныча я предупредил только, чтоб он не мешал: он не имел никого в виду и одобрил это. Вот его участие в деле. Да, наконец, еслиб Вы сели на дороге в яме и первый проезжий вытащил Вас, уничтожает ли его заслугу предположение, что второй проезжий сделал бы то же? Все это случилось и уничтожить этого нельзя: следоват<ельно> или надо превзойти ожидания в исполнении дела и когда это сбудется, тогда краснеть поддержки нечего: вся заслуга рекомендации превращается только в обязанность всякого честного человека указать на достойного исполнителя, если же надежды на это нет, тогда, кажется, одно средство: смирить гордость и перенести эту рекомендацию, если уже на долю выпал такой тяжкий крест. Вот дилемма безошибочная — для того только, *roug avoir une contenance devant le monde.*^{a. *}

Еслиб вы старались опровергнуть этот факт в глазах Ваших завистников и ненавистников — оно понятно т: е: желание, что рекомендация сама по себе есть вздор, легкое посредство, все дело в достоинствах рекомендуемого лица (как оно и есть на самом деле) — но для себя, для нас с вами — нужно ли это было? Тут не надо никакой дилеммы — дело просто. Еслиб я загордился небывалой заслугой, Вы бы спросили меня: да для чего вы все это сделали? Для чего вы хотели всегда, чтоб я сблизился с Тург<еневым>, Некр<асовым>, старались изглаживать острожно и тихо (без вашего, кажется ведома) неприятные впечатления в Друж<инине>⁹ и т. д.? (Это я говорю все не из с а м о в о с х в а л е н и я и не потому что к слову пришлось — а по другим причинам). Для чего? из жалости к моему тесному положению, или ^b от того только, что я был вам приятен? Нет, во 2-х из симпатии, а во 1-х от того, что признавал в вас ум, дарования ес. и желал, по чувству справедливости, смею сказать, мне свойственной, чтоб это не пропадало даром, чтоб получило надлежащий ход и употребление: Вы видите, что это 2-е уничтожает 1-е и следовательно всякую возможность заслуги. Не я виноват, что Вы позднее ро-

^a Два слова зачеркнуто. ^b Зачеркнуто из

* Чтобы соответственно держать себя в обществе (франц.).

дились, а я раньше и что мне пришлось подать вам руку, которую без сомнения, подали бы не вам, а вашим дарованиям, все другие, кто бы только это заметил. Стало быть — я тут — случайность, где же заслуга, одолжение, что вас так тяготило? Ни одна симпатия, ни одно сострадание не подвигли бы меня на это: помните, я наотрез отказался хлопотать за Ник<олая> Ник<олаевича> Фил<иппова>, ¹⁰ рекомендовал Ефр<ема> Ефр<емовича> ¹¹ только для перевода. И так с моей стороны справедливость, а с Вашей — Ваши дарования: вот что помогло Вам, а не я, не я, не я — отрекаюсь трижды до петухов и после петухов! Эдак бы мне никогда не стрясти с шеи долгов против, ^а против Евг<ения> Петр<овны> и Аполл<она>, ¹² толкнувших меня 5 лет назад на ^б Ваш путь. ^в Евг<ения> П<етровна> и Апол<лон> не думают требовать, а я не мучаюсь изъявлением признательности «по гроб жизни», потому что я оправдал их ожидания: оба мы исполнили свое дело и притом мы друзья. Этот один титул избавляет от всякой признательности (смотрите мои записки о дружбе гл. I). ¹³ Одолжение тогда только одолжение, когда оно оказывается совершенно постороннему, притом с некоторой слепотой и кроме того — с пожертвованием. Редко даже удастся сделать одолжение, нужно чтоб человек мало чувствовал и не стыдился этого: но то уже бедняки и одолжение называется благодеянием. Разве Вы в таком положении, разве можем мы когда-нибудь стать в это положение? Зачем же Вы мне давали все это чувствовать, как будто опасаясь, что, или я зазнаюсь, или другие это заметят и Вам было совестно. Все это — во 1-х.

Во 2-х, если бы даже вы были мне обязаны, чего, повторяю, по вышеизложенным причинам, быть не могло между нами, то и в таком случае я бы был в положении займодавца, который по мелочам перебрал у должника несравненно более ссуженной суммы. Как неприятно мне было повторять свои quasi-одолжения в отношении к вам, столько же напротив приятно перебрать в памяти, как веселое прошедшее, все ваши прямо дружеские под-

^а Несколько слов зачеркнуто. ^б Зачеркнуто тот ^в Несколько слов зачеркнуто.

виги, в отношении ко мне. Но это к сожалению невозможно: это огромная, тончайшая ткань, по которой Вы вышивали очень нежные цветы. Как долго я наслаждался Вашей предупредительной, по временам пленительной дружбой, высказывавшейся в тысяче мелких, неуловимых, но драгоценных мелочах. А фактов сколько? Ехал я за границу, надо было бросить все свое добро в жертву небрежности — Вы легко и мило избавили меня от хлопот и заставили сделать параллель с Ефремом» Ефремовичем», не в его пользу, конечно, Вы лучше всех поняли, как надо смотреть на мои путевые» записки; мне хотелось, чтоб Вы растолковали это другим — и вы дали образчик блистательной дружбы и литературного» такта.¹⁴ Это повторилось не раз, даже с очевидным для вас пожертвованием; вы по три раза перечитывали мои сочинения, «да всего перечесть нельзя». Я наслаждался этим бессовестно, в безграничном доверии к нашей взаимной симпатии.

Но есть видно граница всему, и самой симпатии, ваша не выдержала перед призраком гордости и ложного стыда. Я хотя и предложил вам дать письмо к гр. Путятину»,¹⁵ но потом удержался: еще бы разобидел вас, тогда как вы очень хорошо доказали, что и сами лучше другого можете идти однажды найденным путем: Г. г. Краббе,¹⁶ Попов¹⁷ и все предупреждали ваши желания без всяких рекомендаций, следовательно» пришло время, как я писал вам, выйти на новый берег жизни и начать создавать все самому, что вы отлично уже и исполняете, следовательно» гордость ваша не страдает. — И так, вы говорили мне относительно рекомендации — не для меня, я полагаю, а для других — Ш. Зот. Григ.¹⁸ и др. pour sauver les apparences:* вас возмущали толки этих дрянных людей и вы. . . потому я это говорю, что меня и моего образа мыслей вы не могли не знать — вы и тонки и наблюдательны — стало быть для других, я понимаю, что можно принести дружбу в жертву другому более сильному чувству, любви, например» мщению — а здесь чему оно приносится? тому только, что другие говорили: «вот де Гончаров» тащит Ляховского»» потому и надо притти к человеку и

* Чтобы сохранить внешнее приличие (франц.).

сказать ему: «не думай, что я тебе обязан, нет, я и без тебя бы нашел дорогу», чтобы выбраться на берег и, оттолкнув лодку, сказать — «вон еще лодка, я и на той бы доехал», — когда этот человек и не подозревал, что «он одождает», а просто думал... или ей богу ничего не думал. Не проще ли это объяснить? два одинакие самолюбия, кажется не уживаются: если это так, то можно было сделать это проще: не видаться, не быть друзьями, не ища к тому предлогов, что, кажется, до этого уже началось между нами по поводу взаимных вспышек.

Все это набавило с пуд апатии: я теперь еще хуже, невыносимее и чувствую, что делаюсь нестерпим. Пожалуйста скажите мне, бросьте в меня обвинение какое-нибудь в роде с а м о в о с х в а л е н и я, д е с п о т и з м а, ч в а н с т в а и проч. и все написанное отнесите к расстроенной печени, которую не настроила Мариенбадская вода.

Сегодня еще я обругал мужика на Безбор<одкинской> даче,¹⁹ у которого сам же д е с п о т и ч е с к и повалил плетень для сокращения пути, да встретив Григор<овича>,²⁰ идущего на свой корабль, напутствовал его всей трескотней сплетен, всей правды и неправды, слышанной мной, впрочем передал ему с доброй целью.

Вас отпускаю с искренним благословением сердца на полный успех; буду недоволен, если вы будете недовольны, но может быть забуду вас, как забывают любовниц, которые изменили — может быть и по причине деспотизма любовников. — Ю<ния> Д<митриевна> была у вашей матушки и последняя сказывала ей, что она горячо молилась за меня, когда я ехал. Я бы посетил ее и так же горячо поцеловал у ней руку, как могли бы сделать это Вы, но Вы меня на это не уполномочили. Но поговорим о другом. На днях я был в Лигове (в день свадьбы Н. А. и Е. П.). О Вас больше толку, нежели об Ап<оллоне>,²¹ который еще не ушел. И он, и Гр<игорович> идут, кажется, 5-го Авг<уста> и тоже в Портсмут.²² Старушка вспоминает о вас, то с грустью, то с радостью, во всяком случае нежно и с юркостью. маленького ястреба нападает на меня за то что простился с вами н е х о р о ш о, по отзыву Ю<нии> Д<митриевны> и А<лександра> П^а<авловича>²³

^а В автографе ошибочно Д.

Я секретно поведал ей причину и она явила образец замечательного адвокатского искусства в вашу пользу. Она требует непременно, чтобы я показал ей письмо, которое собирался писать к вам. Может быть и прочту. Но вы не должны тревожиться: вы святы для них, а я не покусился бы положить тень на отсутствующего вообще, на вас в особенности. Старик сказал в вашу защиту: «он и нам пишет, что надеется или желает по к в и т а т ь с я; такой уж де он щепетильный».

Старушка показала мне бодрой, резвой, так что я прозвал ее ю н к е р о м: она рассердилась, сочтя это покушением бросить камень в ее женственную красоту. А в самом деле она прелесть! Лучше даже Женички. Будь мне 30 лет и не имей она мерзкой привычки любить Старика, я бы пал пред ней на колена и сказал: Ольга Ильинская, это ты! Хотя бы и пришлось, знаю, выдрать ее после того за ухо, как юнкера-шалуна за юркость, по милости которой она не может выздороветь.

А Юния Д<митриевна> что выдумала! (это было в карете, на пути в Лигово) что будто Ляля ее²⁴ — страстной природы, потому что у нее есть ямочка на подбородке. «Да откуда ей быть страстной?» возразил я и рассказал следующую легенду о происхождении Ляли: Ал<ександр> Пав<лович> и Юн<ия> Д<митриевна> пошли однажды купаться, он в мужскую, она в женскую купальню. Ю<ния> Д<митриевна> выпустила икру, которая попала в мужское отделение, а Ал<ександр> Пав<лович> случайно наплыл на нее и оплодотворил их — и вышла Ляля. Это понравилось особенно Ник<олаю> Апол<лоновичу>.

Вчера ко мне, как снег на голову, явился Виктор Мих<айло>вич:²⁵ приехал служить. Вам свидет<ельствует> свое почтение.

Я схожу с ума от тоски, работы и геморроя: письмо длинное, но я отдыхаю за ним, как и всегда, за писанием. Видно это в самом деле моя стихия.

Поклонитесь от меня А. П. Попову²⁶ и пожелайте счастливого пути. Ну, прощайте, и будьте здоровы и счастливы.

Искренно желающий Вам всякого успеха и счастья

И. Гончаров.

Возвращаясь из Царск<кого> Села от Краевского²⁷ на днях, я случился в одном вагоне с Алек. Алек. и ее младшей сестрой;²⁸ обе они закрылись вуалями от меня. Она кругом виновата и против себя, меня, совести — и должна казаться обиженной, если не всю жизнь, то долго, пока не переменятся ее обстоятельства. Мне нехорошо от того, но ей должно быть еще хуже, если только у нее есть немного совести и^a хоть кусочек неиспорченного сердца.

¹ Речь идет, повидимому, не столько о назначении И. И. Льховского на корвет «Рында» в качестве литератора, сколько о связанных с этим надеждах его на будущую литературную деятельность по возвращении из кругосветного путешествия.

² Панаев Иван Иванович (1812—1862) — беллетрист и фельетонист; входил в редакцию журнала «Современник». Редактор «Морского сборника» А. В. Головин поручил И. И. Панаеву вербовку литераторов для морских путешествий (см. Д. В. Григорович. Литературные воспоминания, М.—Л., 1928, стр. 273).

³ Щербина Николай Федорович (1821—1869) — поэт, один из представителей направления «искусства для искусства», эпиграмматист и публицист, в 60-е годы откровенно ставший на самые реакционные позиции. В конце 50-х годов Щербина находился в самых обостренных отношениях с Майковыми, а вместе с тем и с кругом их друзей, в том числе с Гончаровым и Льховским. В дневнике Е. А. Штакеншнейдер под 9 апреля 1858 г. сделана следующая запись: «Майковы его обидели, даже не сами Майковы, а их знакомый Льховский написал критику на последнее издание его <Щербины> стихотворений, и вот теперь он стреляет самыми гнусными эпиграммами в Аполлона Майкова» и т. д. (Е. А. Штакеншнейдер. Дневник и записки 1854—1886, М.—Л., 1934, стр. 197); на другой день в записи дневника все обстоятельства этой ссоры пояснены более подробно:

«Навели справки у мамá, за что собственно Щербина так преследует Аполлона Майкова, какая тут связь с критикой Льховского. Оказывается, что дело было еще в прошлом году. Во время отсутствия Дружинина Владимир Майков заведывал «Библиотекой для чтения», и в это время Льховский, будто бы по внушению Владимира Майкова и с его участием, и поместил в «Библиотеке» эту критику. Во всяком случае Аполлон тут ни при чем...» (там же, стр. 197).

Действительно, в «Библиотеке для чтения» (1857, т. 143, отд. V, стр. 45—74) помещен обширный и очень резкий критический очерк о вышедших в этом году «Стихотворениях» Н. Ф. Щербины за подписью И. Л.

^a Зачеркнуто еще

(т. е. И. И. Льховский). Эпиграммами Щербины против Аполлона Майкова дело, однако, не ограничилось; он не оставил в покое и других членов семьи Майковых. Так, в 1858 г. в эпиграмме, названной первоначально «Издателю Подснежника, журнала для детей и идиотов», Щербина писал:

Тумба, щетка иль ухват,
Да Владимир Майков с ними
И с женой, с детьми своими
Эпиграммы не внушат.

К тому же времени относится и эпиграмма Щербины на Гончарова («Молитва современных русских писателей»), кончающаяся стихами:

Избави нас от похвалы
Позорной «Северной Пчелы»
И от цензуры Гончарова.

(Н. Щербина. Альбом ипохондрика. Эпиграммы и сатиры, Л., 1929, стр. 75, 76). Возможно, что Щербина злословил также и насчет дружбы между Гончаровым и Льховским.

⁴ Речь идет здесь либо о Рафаиле Михайловиче Зотове (о котором см. примечание 12 к письму 4), либо о его сыне, Владимире Рафаиловиче (1821—1896), плодovitом писателе и журналисте.

⁵ См. примеч. 17 к письму 4.

⁶ Анна Романовна — Добровольская, приятельница Екатерины Павловны Майковой и Ю. Д. Ефремовой (см. «Невский альманах», вып. II, Пгр., 1917, стр. 34).

⁷ Головин Александр Васильевич (1821—1891), в конце 50-х годов руководил журналами морского ведомства («Морской сборник»); с 1861 по 1866 г. был министром народного просвещения.

⁸ Великий князь Константин Николаевич (1827—1892), с 1855 г. управлял флотом и морским министерством на правах министра.

⁹ Дружинин, Александр Васильевич (1824—1864) — беллетрист и критик; с 1855 г. был редактором «Библиотеки для чтения»; в утверждении его в этой должности близкое участие принимал Гончаров. Руководя этим журналом (с перерывами) между 1856—1860 гг., Дружинин вел борьбу с «Современником» (во главе которого стояли Н. Г. Чернышевский и Н. А. Добролюбов) с реакционных позиций направления «искусство для искусства». Дружинин посвятил две статьи Гончарову: по поводу очерка «Русские в Японии», вошедшего затем в книгу «Фрегат Паллада» («Современник», 1856, № 1) и о романе «Обломов». 8 писем Гончарова к Дружинину см. в книге: Письма к А. В. Дружинину. М., 1948, стр. 72—80.

¹⁰ Филиппов Николай Николаевич — художник.

¹¹ Е. Е. Барышов (см. примеч. 11 к письму 1).

¹² Е. П. и А. Н. Майковы, способствовавшие назначению И. А. Гончарова на фрегат «Паллада» в 1852 г. В письме к М. Ф. Штакеншнейдер (5 июля 1858 г.) Гончаров писал шутя, что Евгения Петровна Майкова однажды отправила его «вокруг света в надежде, что я пропаду» (Е. А. Штакеншнейдер. Дневник и записки, 1934, стр. 252).

¹³ Записки о дружбе — см. «Фрегат Паллада», т. I, изд. А. Ф. Маркса, стр. 42—44.

¹⁴ См. примеч. 5 к письму 2.

¹⁵ Граф Путятин Ефим Васильевич (1803—1883) в 1858—1861 гг. состоял военно-морским агентом при русском посольстве в Лондоне; начальник экспедиции к берегам Японии, участником которой был Гончаров (1852—1854).

¹⁶ Краббе Николай Карлович (1814—1876) — адмирал, с 1862 г. управлял морским министерством.

¹⁷ Попов Андрей Александрович (1821—1898) — морской офицер, впоследствии адмирал. В конце 50-х годов занимал видное место в морском ведомстве.

¹⁸ Повидимому, имеются в виду Н. Ф. Щербина, Р. В. или В. Р. Зотов и Д. В. Григорович.

¹⁹ Ю. Д. и А. П. Ефремовы жили на даче в Полуострове, под Петербургом, по Безбородкинскому проспекту. Безбородкинская дача — место летнего пребывания петербуржцев среднего достатка.

²⁰ Григорович Дмитрий Васильевич (1822—1890) — писатель. В 1858—1859 гг. Григорович по поручению морского министерства совершил на корабле «Ретвизан» путешествие вокруг Европы. Путешествие дало Григоровичу материал для ряда очерков, печатавшихся первоначально в журналах («Морской сборник», 1859—1862; «Современник», 1860; «Время», 1861), а затем вышедших отдельной книгой под заглавием «Корабль Ретвизан» (1873); см. Д. В. Григорович. Литературные воспоминания. М.—Л., 1928, стр. 273—279, и письмо его, опубликованное М. А. Цявловским в «Красной нови», 1928, № 37.

²¹ Майков, Аполлон Николаевич (1821—1897) — поэт.

²² И. И. Панаев сообщил И. С. Тургеневу в письме от 26 июля 1858 г.: «Григорович и Майков идут на кораблях 2 августа». Об этом же Панаев писал В. П. Боткину еще 11 февраля 1858 г.: «Григорович едет в Ионе в экспедицию в Средиземное море. — Я устроил это через Головина» (Тургенев и круг «Современника», 1930, стр. 108, 442). И в своих «Заметках нового поэта» («Современник», 1858, т. 69, отд. II, стр. 226) объявил: «Вместе с эскадрами, которые, по распоряжению морского министерства, посылаются нынешнее лето в Средиземное море и Архипелаг, отправляются два наши известные писателя гг. Майков А. Н. и Григорович». В комментариях к цитированному письму Панаева ошибочно указано: «А. Н. Майков был приглашен в плавание на фрегате „Баян“ под командой

Истомина. Однако, в путешествии он не был, — повидимому самая экспедиция не состоялась, да и высшее начальство было против его поездки» (Тургенев и круг «Современника», М.—Л., 1930, стр. 109). Все это сообщение основано на недоразумении, возникшем, повидимому, в связи с колебаниями А. Н. Майкова перед самой поездкой (ср. запись в дневнике Е. А. Штакеншнейдер от 26 мая 1858 года: «Аполлон Николаевич нет-нет да и вспомнит предстоящее ему путешествие, и задумается: кажется, он охотно отказался бы от него, если бы нашелся благовидный предлог»); на самом деле А. Н. Майков принял участие в путешествии; корвет «Баян», на палубе которого находился поэт, вышел из Кронштадта одновременно с «Ретвизаном», на котором ехал Д. В. Григорович, 5 августа 1858 г. (Е. А. Штакеншнейдер. Дневник и записки, М.—Л., 1934, стр. 212—213, 509). А. Н. Майков направился «... в Грецию и Архипелаг, оттуда в Рагузу, Ниццу, Неаполь и Палермо, осенью же следующего года вернулся из этой командировки с известными «Новогреческими песнями», «Неаполитанским альбомом» и стихотворениями под названием «Из странствований» (Д. Д. Языков. Жизнь и труды А. Н. Майкова. «Русский вестник», 1897, декабрь, стр. 252; ср. М. Л. Златковский, Л. Н. Майков. 1821—1897, изд. 2-е, СПб., 1898, стр. 54—55). Письмо Майкова из Рагузы приведено в дневнике Е. А. Штакеншнейдер (стр. 242). Через несколько дней после отъезда Майкова А. Ф. Писемский писал А. В. Дружинину (7 августа 1858 г.): «... квартиру я снимаю после Аполлона Майкова, который уехал за границу, а вместе с тем и пламенная супруга его едет за ним же» (Письма к А. В. Дружинину, М., 1948, стр. 255).

²³ Ефремов Александр Павлович — муж Ю. Д. Ефремовой, мелкий чиновник, казначей Николаевской железной дороги.

²⁴ У Ю. Д. Ефремовой была единственная дочь — Юния Александровна, в замужестве Пухальская. Ляля — видимо, ее домашнее имя.

²⁵ Кирмалов, Виктор Михайлович — племянник Гончарова.

²⁶ Вероятно, Гончаров имеет в виду одного из моряков, с которым он познакомился во время своих путешествий, находившегося в это время на корвете «Рында».

²⁷ Краевский Андрей Александрович (1810—1889) — редактор-издатель «Отечественных записок».

²⁸ Вероятно, Колзакова Александра Александровна, жена генерал-майора А. А. Колзакова; младшая сестра А. А. Колзаковой — Белавина, Элликовна Александровна.

7 ✓

17 Сентября, 1858.

Много наговорили мы друг другу «жалких слов», и того и гляди тонкая и скрытая обида или чувство обиды превратится

в неуклюжую ссору Ивана Иваныча — с Иваном Никифоровичем.¹ Вы написали по поводу меня и к Майковым и ко мне. Сегодня я прочел и то, и другое. Вы думали, что я оскорблюсь — нет, я не оскорбился. Вы требуете, чтоб я согласился с Вами — в чем? В том, что основой нашей симпатии было наше взаимное положение т: е: положение публики к художнику? Пожалуй, между прочим и это: что же может Вас обрадовать в этом согласии? Это ведь только один из путей, которые вели к симпатии, а путей этих много и они бывают различны, как в дружбе, так и в любви. Как возникла дружба, с чего началось — это можно и забыть, лишь бы была жива развившаяся из того симпатия. Посадили ли семя, или случайно упало, лишь бы дало цвет и плод. Вы сами же после говорите, что мы наслаждались друг другом, и между прочим — в такие минуты, когда обыкновенно бывает не до друзей: конечно не за тем, чтоб Вы за мной ухаживали. Но ни в том, ни в другом из ваших писем я не нашел прямого ответа на то, зачем Вы извлекли из меня согласие, «что вы ничем мне не обязаны, что это мог бы сделать и Панаев» и т. д. Зачем твердили об этом? Какой повод подал я? Вы избегли этого ответа и начали вместо того^а по вашему обыновению — тонко «определять» свойство и историю наших отношений, что было вовсе не нужно. Только вскользь упомянули, что вам легче бы было быть обязанным Панаеву, нежели мне, потому что там нет дружбы и следовательно Вы бы дескать не тяготились ответственностию за неуспех. Вот логика! И Вы еще называете мою речь запутанною! Это было бы и логично и деликатно, в таком только случае, еслиб Вам пришлось выбирать между двумя рекомендациями: моей и Панаева и вы бы предпочли его и уклонились от моей, тогда, чтоб не оскорбить меня, Вы могли бы, привести эту причину. Но теперь, когда это случилось уже наоборот — к чему послужила эта причина? Приведение ее не имеет^б цели: разве легче от того, что и Панаев сделал бы тоже, когда Вы не успеете в ваших намерениях? Т: е: разве я меньше буду компрометтирован Вашим неуспехом, предположив, что Вы и без меня бы поехали? Нет, го-

^а Зачеркнуто что в ^б Зачеркнуто или

воря^а мне о рекомендации, Вы не могли иметь этой цели, — это не логично. Нет, у вас, как мне казалось, была другая цель: Вам было тяжело и стыдно — так я думаю — быть обязанным не непосредственно самому себе и Вы стали, Вы искали предлога отделаться от этой симпатии, которая могла, в глазах других, компрометировать вас, указывая на quasi-одолжения, как источник ее. Вот только что — и одно это — могло возмутить меня. Вот почему, в каком смысле я назвал это черствостью: я не считал Вас способным, ради толков, слухов, сплетней и ложного самолюбия, пожертвовать дружбой. Что касается до одолжений, до благодарности etc. etc. — я не признаю этого и не считаю Вас себе обязанным: если Вы будете думать и утверждать противное, мне дела нет, я буду знать это про себя. — Не думайте также, чтоб я боялся Вашего неуспеха по причине своей рекомендации: нет, если я буду бояться ваших авторских неудач, то совсем по другой причине. А за себя я не боюсь: ведь вы что-нибудь да напишете непременно — вон уже я и оправдан. А если вы выдвинетесь из толпы, сделаетесь заметны, громки — это уже роскошь, которой можно желать, но не требовать.

Но оставим все это: останемся при своем мнении: я буду думать, что Вы, склоняя меня согласиться, что я только «желал» быть часто Вам полезным и что рекомендация могла бы сделаться и без меня хотели загладить в глазах других следы quasi-одолжений и вместе с тем надо было загладить и следы симпатии, а Вы думаете, что моя симпатия кончилась от того, что Вы перестали за мной ухаживать — от этого ни вам, ни мне хуже не будет, тем более, что мы долго, а может быть и никогда не увидимся. Да притом^б как вы справедливо сказали — я стал до цинизма равнодушен ко всему, следовательно и без всего другого, а только по этой причине не утешал бы уже Вас своей и не утешался бы сам Вашей дружбой. Да, я притупился ко всему и с недоумением каждый день спрашиваю, что из этого всего будет. Напрасно только Вы называете^в меня и а р у ж н о — равнодушным к самому себе: нет, и к себе равнодушен, уверяю Вас. Это впрочем закон природы, обычные явления старости. Уж те-

^а Зачеркнуто это ^б Зачеркнуто Вы ^в Зачеркнуто себя

перь ни Л. В. ни А. А.² ничто другое не развлекут меня. Само-сохранение — конечно есть: т: е: я ищу побольше покоя, удобства, отсутствия мўки — да в ком же этого нет? И роман мой (писанный), о котором Вы упомянули, как блеск потухающей лампы, на минуту оживил меня, и только тогда, когда Вы слушали и рукоплескали ему. Дня три сряду на днях слушали его Краевский, Дудышкин, Никитенко, и как рукоплескали, но я уже был холоден.³ Они тоже т: е: двое из них знают дело, но все это не — Вы: следоват(ельно) не один только Ваш тонкий суд и не одно ухаживанье трогало меня, но и что-нибудь такое, что принадлежало самим Вам. Скажу Вам последнее слово об этом всем, или вовсе не об этом, а обо мне и о Вас, о нас обоих. Если я, по Вашем возвращении, буду в таком же или, не дай бог, в худшем положении т: е: если апатия моя есть мое нормальное, безвыходное положение, тогда конечно я буду равнодушен и к Вам, насколько буду равнодушен ко всему, но если бы (чего впрочем не ожидаю) почему-нибудь я проснулся и воскрес, то, нет сомнения, забуду, не только то, о чем писал, но и щекотливый предмет, породивший эти письма, и разговор, и Ваши слова, и буду радоваться только Вашему возвращению и успеху т: е: встречу Вас попрежнему — не сомневайтесь. Я это сужу между прочим (кроме того, что я знаю, как недолговечна вражда в моем сердце) потому, что я неумеренно обрадовался, узнавши, что Вы и в Лондоне и в Париже, как будто сам там был. — «Как он еще молод! сказала про вас Старушка, прочтя письмо ко мне, а на него и сердиться нельзя!» Какова! вот Вам полный повод обидеться! Напишите, если не ко мне, то хоть к ней о получении этого письма.

Еще раз благодарю вас за замечания в романе: многие из них неоцененны, и я буквально последовал им, кроме капитальных: сил нет. Кроме того я переделал главу Штольц с Ольгой в Париже: она показалась слушателям неестественной, как и Вам.

Прощайте и будьте здоровы.

И. Гончаров.

Помогла ли вам моя программа Парижа?

¹ Повесть Гоголя.

² Ел. В. Мусина-Пушкина (см. примеч. 11 к письму 4); А. А. Колзакова (см. примеч. 6 к письму 1).

³ А. В. Никитенко записал в своем дневнике (10 сентября 1858 г.): «Вечером у Гончарова слушал новый роман его „Обломов“... Со мною вместе были слушателями его: Краевский, который и купил его для „Отечественных Записок“, Дудышкин и В. Н. Майков, издатель детского журнала... Положено читать продолжение в субботу» (Записки и дневник, т. I, изд. 2-е, СПб., 1904, стр. 526).

8

5/17 Ноября 1858 года.

Пишу почти без надежды, что до Вас дойдут эти строки, любезный друг Иван Иванович, потому что наставление Ваше писать к Вам сначала в Бразилию, потом на Мыс Доброй Надежды кажется мне сомнительным. Впрочем, чем же я рискую? Листком бумаги, да полтинником, а между тем все таки греюсь маленькой надеждой, что авось Вы и получите письмо. Сказать Вам что-нибудь новое обо всем, что может Вас интересовать, вот первоначальная мысль, с которою я сел за письмо, но подумав, вижу, что нового ничего не случилось: и это самое лучшее, что могу сказать. Молите бога об одном, чтоб не было перемен к Вашему возвращению: я так желал, когда ездил, и был очень счастлив, что желание мое исполнилось. Ведь Вы довольны тем, что было и не предвидите приятной перемены, а неприятной не захотите. Следовательно, за неизмением нового, мне приходится просто поговорить с Вами, как бы поговорил я, сидя на балконе у меня, или на диване. Майковы, слава богу, здоровы: Ник<олай> Апколлонович сильно прихворнул, но выздоровел. Старушка, обреченная на 2-х месячное лежанье, несет довольно терпеливо эту пытку: правда, около нее постоянно, почти неотходно присутствует Старик, заменяемый по утрам Анною Романовною,¹ да по крайней мере через день хожу я и пою соловьем (не ругаюсь, потому что доктор положительно запретил раздражать ее) и она называет меня единственною отрадой, забывая в эту минуту о двух первых т: <е:> Старике и Анне Ром<ановне>. — Кроме того около нее разложены все журналы, да сзади, за спи-

ной всегда спрятана корзина с грушами, с виноградом, или конфетами, приношениями от Старика, или от меня. При этой обстановке она довольно терпеливо сносит лежачее положение. Глядя теперь на нее, я убедился в одном и счастлив этим убеждением, именно, что в ней нет органического повреждения и что все испытываемые ею боли суть временные боли и притом переходные из места в место от неправильного действия крови, от этого и приливы, и застой, и что она может выздороветь, если захочет.

Она была сильно обижена Вами, не получая от Вас долго ответа из Франции: явилась натянутая холодность, с внутренним раздражением; тут она в блестящем виде выставила мою дружбу, мои письма из-за границы и пройди еще неделя, над Вашей головой грянула бы анафема. Но Вы, в письмах к Старикау объяснили, что готовите ей длинный ответ издалика и мгновенно воротилась дружба, а присылка портретов отодвинула вдруг меня на второй план. Пишу Вам это, чтоб Вы и впредь принимали надлежащие меры к поддержанию вашего кредита в ее живом и пылком, следовательно изменчивом характере. Так она теперь Дружинина, который после меня и Тургенева, стоял третьим в ее понятии по нравственным качествам, отодвинула за Панаева, вместе с Писемским, за то что он не исправил штуку, сыгранную с Стариком т: е: не только не лез из кожи, чтобы Владимира принять опять в Библиотеку для чтения,² как она ожидала, но помирился с этой проделкой довольно холодно. Я, разумеется, вследствие этого, не упускаю случая доказывать ей, что напротив это два лучшие у нас литератора и человека: она при этом порывается с подушек царапать мне глаза, пока на нее не закричат, что волноваться запрещено. Она, еще до лежанья, была у Вашей маменьки, а последняя навестила два раза ее. — Я, без Вашего разрешения, взял однако себе Ваш один портрет и вот он в рамке у меня — почти под носом. Еслибы, уезжая отсюда, Вы не сказали, что и Панаев мог бы сделать тоже, что я, то я носил бы этот портрет на груди: так он миниатюрен. Да, а propos * Вы сдали в архив дело о признании моих прав на

* Кстати (франц.).

вашу дружбу и о прочем: пожалуй, и я сдам, но прежде сделаю два недосказанные замечания, как ни совестно преследовать Вас этим под тропические небеса. Вы все твердите, что ухаживали за мной: да будто я за Вами не ухаживал? Вам только принадлежит инисиятива, потому что я опередил вас летами и развитием. Начало моего ухаживанья теряется в глубокой древности, а кончается последними днями Вашего пребывания; помните желание пробыть с вами всякий свободный час, поездки на острова, к Ю<нии> Д<митриевне> на дачу и проч. Вы скажете, что я делал это для себя, след<овательно> из эгоизма: да разве где-нибудь его нет? А Вы отчего ухаживали? Чтоб сблизиться, обратить на себя своими достоинствами, которые сознавали, внимание и т. д. Ведь и в самопожертвовании даже лежит глубокий эгоизм: это есть сладострастие души, или воображения, следоват<ельно> неправда и то, что будто я стал холоден, когда кончилось ваше ухаживанье. Нет, нет, нет! После известного разговора я изменился: да теперь и то прошло, а еслибы не прошло, так значит я уж ко всему стал холоден, но по другим совсем причинам.

Объясняя все это, я опять рискую под<вергнуться> обвинению в дружеском крючкотворстве (Ты сердисься, следоват<ельно> неправ, сказал кто-то кому-то в глубокой древности): но я думаю, что сдавать в архив дело можно тогда, когда все сглажено, объяснено и когда кто-нибудь останется прав, а другой виноват: это легче уладить, нежели недоразумение. Так говорит мне «крючкотворство», или — по прежнему — ясная логика.

Что касается до цинического ко всему равнодушия, то будьте на этот счет осторожны: вы сами будете такие, потому что тоже обладаете теми же, подчас выгодными, а подчас ядовитыми свойствами — пытливости и наблюдательности. Это обоюдоострый меч, поражающий вперед и назад. Анализ рассекает ложь, мрак, прогоняет туман и (так как все условно на свете) освещает за туманом — бездну. Да если к этому хоть немного преобладает воображение над философией, то является неутолимое стремление к идеалам, которое и ведет

к абсолютизму, потом к отчаянию, зане между действительностью и идеалом лежит тоже — бездна, через которую еще не найден мост, да едва и построится когда. Отсюда та скука, которая беспрестанно проглядывает из каждого промежутка между двух ^а наслаждений, т: е: всякий раз, когда воображение устало и безмолвствует. А так как с годами оно устает чаще и чаще, а анализ показывает вещи все голее и все дальше от идеала, ^б то человек и доходит до цинического равнодушия, теряет ко всему вкус, разлюбит друзей и т. д. *Avis au lecteur!* * Но довольно!

Вечером того же числа. Сейчас просидел вечер у Старушки: она взволновалась при известии, что я пишу к Вам. Подай ей читать письмо, да и только. Но не удалось прочесть; его со мной не было, а завтра Виктор Мих<айлович> ³ отнесет его, идучи в Сенат, на почту. (Викт<ор> Мих<айлович> получил место Помощ<ника> Секр<етаря> и кланяется Вам: он понемногу начинает приобретать ваши привычки т: е: раза два в неделю не ходит в Сенат — словом достойно идет по стопам вашим). Вчера у Старушки с Юнинькой произошел неприличный спор за Ваши портреты. Ю<ния> Д<митриевна> давно уже объявила за собой почему-то монополию на вашу дружбу, Старушка, в холодном негодовании на ваше молчание готова уже была уступить, как вдруг присылка портретов на ее имя перевернула все дело на другой лад. Старушка раздает ваши портреты, как ордена, ⁴ и еслиб подписка на Подснежник ⁵ была такая же, как например на Отеч<ественные> Записки, то она раздавала бы портреты эти с брилльянтами для ношения на шее. Ю<ния> Д<митриевна> в досаде, стала предполагать в присылке портретов не на ее имя какую-нибудь роковую ошибку и с горечью смирилась и получила портрет не из лучших. Старушка удержала себе портрета четыре и только Вашей маменьке дала два. — Дети очаровательны; выступает на сцену Валериян: ⁶ его одели кучером и носят гулять. Он лепечет очень мило и мне уж скоро можно будет

^а Зачеркнуто удовольствий ^б Вначале было все голее и голее, затем сделана вставка все дальше от идеала, но второе слово голее осталось не-зачеркнутым.

* Предупреждение читателю! (франц.).

начать с ним: подходя к кладбищу, встречаю я нищу, без нищу и т. д. Есть надежда на успех.

Ю<ния> Д<митриевна> за недостатком свежего случая доказывать свою дружбу т: е: встречать, провожать, посещать детей родных в учебных заведениях, больницах и тюрьмах, утешает все еще тоскующую Ю<лию> П<етровну>⁷ и скучает от праздности. Недавно она перепугала всех нас: мы собрались у Ник<олая> Ап<оллоновича> читать мой роман, как вдруг она удалилась за ширмы и от боли в груди начала испускать такие вопли и стоны, что все мы разбежались и привели с разных сторон троих докторов, а я сверх того Александра Павл<овича>⁸ и Катю.⁹ У нее было что-то в роде «сухой холеры» со спазмами. Теперь прошло. У Старушки загорелась мысль, что она может выздороветь только за границей и она, кажется, посоветовала доктору отправить себя в теплый климат. Но подумав и порасчитав, она, кажется, отказывается от этой мысли. Евг<ения> Петр<овна>¹⁰ «нехотя и с отвращением» приглашает в следующее воскресенье Толстых, Штакеншнейдеров¹¹ и других. Аполлон в Ницце соединился с Анной Ив<ановной>.¹²

Вчера я с Боткиным и Анненковым обедал у Дружинина: все справлялись о вас и Анненков, подпрыгивая, объявил, что вы напишете отличную книгу. Я верю этому. — О фрегате Паллада сейчас прочел я в Атенеи весьма благоприятный отзыв, где автор доказывает, что глупо созидать детскую литературу, что она заключается уже готова в недетской литературе и что образцовые вещи в этом роде: Записки внука Багрова, Бежин луг, Сон Обломова, Фрегат Паллада и кое-что из Григоровича.¹³ Пишу это на случай, что может быть и вы примете это в соображение. Все это признает он классическими произведениями педагогической литературы, по языку и скромности.

На будущий год снаряжаются еще три морские экспедиции и вызывают вновь троих литераторов. Языков хлопчет о Н. Н. Филипове, да, кажется, чуть ли и Анненков не поползнется ехать, но не иначе, как в Америку.¹⁴

Не забудьте поклониться от меня усердно А. П. Попову: ¹⁵ под час я почти — завидую Вам, хотя впрочем Вы не насла-

ждаетесь теперь так, как я наслаждаюсь: воспоминания в таком деле лучше действительности, потому что из них выплывает на поверхность одно прекрасное, а горечь улетучивается. Когда я вспомню, где Вы и то, что я был там, пробегу памятью по этим местам, вспомню небо, леса, воздух, ночи и то ощущение беспечного счастья почти младенческой тогдашней радости,^a готов плакать от умиления: я делаюсь счастлив. Не забудьте, когда будете писать ко мне, поклониться в письме к Любошинскому:¹⁶ он при встрече спросил о вас, о том, получаю ли я вести: я отдал ему от вас поклон — и покраснел.

Теперь последний месяц я пользуюсь свободой: в Декабре начнут носить корректуры новых журналов (их множество)¹⁷ и сверх того корректуру 1-й части Обломова: недавно я сел перечитать ее и пришел в ужас.¹⁸ За десять лет хуже, слабее, бледнее я ничего не читал первой половины 1-й части: это ужасно! Я несколько дней сряду лопатами выгребал навоз и все еще много! Прочитывая сцену последнюю барина и слуги, я был сам поражен тою же мыслью, как и Вы. Ах, еслиб и другие так поняли ее! Прощайте, авось бог даст увидимся.

Ваш И. Гончаров.

Пишите адрес толковее и вернее и я буду писать к Вам, хотя, правду сказать, Вы скупостью своею на письма мало возбуждаете энергию поддерживать корреспонденцию с вами: не забуду, что в Мариенбад¹⁹ вы написали ко мне в четыре м-ца всего два письма.

«На конверте»

franco

South-Africa. Cape of Good Hope.
Cape-Town.

poste restante.

M-r John L'Hoffsky (И. И. Льховскому)
à bord de la corvette russe «Rinda»
(Рында)

^a Зачеркнуто то

¹ А. Р. Добровольская (см. примеч. 6 к письму 6). О болезни Е. П. Майковой ср.: Е. А. Штакеншнейдер. Дневник и записки, М.—Л., 1934, стр. 209, 243.

² Об участии Вл. Н. Майкова в редактировании «Библиотеки для чтения» см. примеч. 5 к письму 1.

³ В. М. Кирмалов (см. примеч. 25 к письму 6).

⁴ Портрет И. И. Лъховского, рисованный художником Поповым в 1854 г., пожертвован был Пушкинскому Дому А. М. Языковой («Временник Пушкинского Дома. 1914», Пгр., 1915, стр. 102).

⁵ К 1858 г. Вл. Н. Майков начал издавать «Подснежник. Журнал для детского и юношеского возрастов»; журнал просуществовал до 1863 г. (ср. примеч. 5 к письму 1).

⁶ Майков Валериан Владимирович (ум. в 1899 году) — сын В. Н. и Е. П. Майковых, впоследствии педагог, сотрудник «Журнала Министерства народного просвещения» и других изданий.

⁷ Ю. П. Кошкарова (см. примеч. 17 к письму 4).

⁸ А. П. Ефремова.

⁹ Гончаров, повидимому, имеет в виду сестру экономки Марьи Федоровны Пасовыевой, жившей в доме Н. А. и Е. П. Майковых («Литературное наследство», кн. 22—24, 1935, стр. 375), Екатерину Федоровну (там же, стр. 400).

¹⁰ Е. П. Майкова.

¹¹ Гончаров имеет в виду Настасью Ивановну Толстую (жену вице-президента Академии художеств, скульптора, медальера и иллюстратора гр. Ф. П. Толстого), хозяйку известного петербургского салона, под покровом светской любезности глухо враждовавшую с хозяйкой другого салона, М. Ф. Штакеншнейдер (женой придворного архитектора); дочь последней, Е. А. Штакеншнейдер, довольно подробно рассказала об этом в своем дневнике (Дневник и записки, М.—Л., 1934); здесь же много данных об отношениях семейств Толстых и Штакеншнейдеров к Майковым.

¹² Сведения Гончарова о встрече Аполлона Николаевича Майкова с женой Анной Ивановной оказались неточными; как видно из письма А. Н. Майкова к М. Ф. Штакеншнейдер (Е. А. Штакеншнейдер. Дневник и записки, стр. 242), эта встреча состоялась в Рагузе.

¹³ Гончаров говорит о рецензии М. Ф. де-Пуле на отдельное издание «Фрегата Паллады», напечатанной в журнале «Атеней» (1858, ч. VI, ноябрь—декабрь, стр. 1—16): «Есть книги и статьи, — говорится в этой рецензии, — которые педагогическая критика должна назвать классическими; таковы: „Детские годы Багрова-внука“ г. Аксакова, „Бежин луг“ и „Певцы“ г. Тургенева, „Сон Обломова“ г. Гончарова и некоторые из идиллических картин г. Григоровича» (стр. 8—9). О «Фрегате Паллада» рецензент пишет здесь же, что это произведение «... и по своему содержанию, и по мастерскому языку, принадлежит к числу тех немногих книг, о которых педагоги-

ческая критика должна отозваться с полным одобрением; сочинение это займет почетное место в библиотеке родителей, воспитателей и учащихся, и надолго будет капитальным для нее приобретением» (стр. 16). С высказываниями Гончарова о детской литературе в приведенном его письме к Лъховскому интересно сравнить то, что Гончаров по этому же поводу пишет Е. П. Майковой (9/21 августа 1860 г.); по его мнению, для детей можно писать только «...ненарочно, не думая о том. Например, Тургенев, не стараясь и не подозревая ничего, написал свой *Бежин луг* и некоторые другие — для детей; я тоже нечаянно написал книгу для юношества — *Паллада*; Григорович весь — (за исключением какого-нибудь Накатова) детский писатель, и тоже ненарочно» и т. д. («Начала», 1922, № 2, стр. 231).

¹⁴ После успеха путевых очерков Гончарова, написанных на основе впечатлений от кругосветного путешествия, морским министерством был направлен в подобные странствования целый ряд писателей; о дальнейших возможных назначениях литераторов в Петербурге распространялись всевозможные слухи. — Н. Н. Филиппов — повидимому, художник, участвовавший в обороне Севастополя (Е. А. Штакеншнейдер. *Дневник и записки*, М.—Л., 1934, стр. 208—209).

¹⁵ А. П. Попов (см. примечание 26 к письму 6).

¹⁶ Любощинский Марк Николаевич (ум. в 1889 г.) — в 1859 г. состоял обер-прокурором первого департамента сената. Лъховский был чиновником этого департамента.

¹⁷ Гончаров с 1856 по 1860 г. состоял в должности цензора Петербургского цензурного комитета.

¹⁸ Гончаров писал брату Николаю Александровичу 20 ноября 1858 г.: «...готовлю в печать свой роман: в начале декабря я должен сдать первую часть в типографию, чтобы она поспела к 1 января. Ты верно читал объявление об издании „Отечественных записок“ в будущем году: там сказано, что и мой роман будет напечатан там же» («Новое время», 1912, № 13017, Иллюстрированное приложение, стр. 10); ср. в письме Гончарова к сестре (А. А. Кирмаловой) от 1 декабря 1858 г.: «Теперь я занят печатаньем своего романа в „Отечественных записках“. Первая часть выйдет в январе, а последняя — в апреле» («Вестник Европы», 1907, кн. 2, стр. 589).

¹⁹ И. А. Гончаров вспоминает лето 1857 г., проведенное в Мариенбаде.

2/14 Апреля 1859 года.

Милый, милый друг Иван Иванович! Неделю тому назад, мы были обрадованы получением Ваших писем. Я понес свое к Старика и Старушке, думая удивить их, а они приготовили мне тот же сюрприз. Я думал, что я уже вовсе не способен к поэзии

воспоминаний, а между тем одно имя Стелленбош² расшевелило во мне так много приятного: я как будто вижу неизмеримую улицу, обсаженную деревьями, упирающуюся в церковь, вижу за ней живописную гору, и голландское семейство, приютившее нас, все, все. Точно также известие о смерти Каролины³ прсизвело кратковременное чувство тупой и бесплодной тоски. Восхождение Ваше на Столовую гору⁴ — подвиг, на который я никогда бы не отважился. Не знаю почему, но мне невообразимо приятно знать, что Вы увидели и, может быть, увидите и еще места, которые видел и я. Меня даже пленяет эта разница во взгляде Вашем с моим: Вы смотрите умно и самостоятельно, не увлекаясь, не ставя себе в обязанность подводить свое впечатление под готовые и воспетые красоты. Это мне очень нравится: хорошо, еслиб Вы провели этот тон в Ваших записках и осветили все^а взглядом простого, ненастроенного на известный лад ума и воображения и если б еще вдобавок уловили и постарались свести все виденное Вами в один образ и одно понятие, такой образ и понятие, которое приближалось бы более или менее к общему воззрению, так чтоб каждый, иной много, другой мало, узнавал, в Вашем наблюдении нечто знакомое. Это значит — взглянуть прямо, верно и тонко и не заразиться ни фанфаронством, ни насильственными восторгами: именно, как Вы в немногих словах отзывались о Бразилии и Мысе Доброй Надежды.

Между прочим этот тон отнюдь не исключает возможности выражать и горячие впечатления и останавливаться над избранной, не опошленной красотой. Если я не сделал ничего этого, так это отчасти потому, что я, по своему настроению вообще, был искренен, и кроме того потому, что этим настроением только и мог действовать на читателя, потому что в языке и красках я сильнее, нежели^б другим путем. А у Вас настоящий взгляд, приправленный юмором, умным и умеренным поклонением красоте и тонкая и оригинальная наблюдательность дадут новый колорит Вашим запискам. Но давайте полную свободу шутке,

^а Зачеркнуто умом ^б Зачеркнуто всяким

простор болтовне даже в серьезных предметах и ради бога избегайте определений и важничанья. Под лучами Вашего юмора Китайцы, Японцы, Гиляки, наши матросы — все заблещет ново, тепло и занимательно. Пишите, как пишете к Старику и ко мне. Даже не худо, еслибы Вы воображали нас постоянно перед собою. Abandon, полная свобода — вот что будут читать и поглощать. А rporos, * чтоб не забыть. Я сказал Краевскому, что получил от Вас письмо, и он, не дав мне договорить, спросил быстро: «а что ж, придет ли он что-нибудь в Отечественные Записки?» — Ничего не пишет об этом, был мой ответ. — Так попросите его пожалуйста от меня — заключил он. Передаю Вам с математическою точностию его слова и ничего к этой просьбе не прибавлю. Вы сами знаете, как полезно поместить что-нибудь в журнале, но советую также дать в то же время статью и в Современник: эти два журнала обеспечивают репутацию Ваших записок. В Библиотеку для Чтения — само собою разумеется — тоже дадите, ибо редактор,⁵ только что примирившийся с вами, не простил бы этого. На что хуже записок Лакиера,⁶ а и те были замечены, чему были обязаны единственно тем, что появились в этих журналах. Прежде всего конечно Вам следует послать в Морской Сборник,⁷ и не одну статью, даже все морские, касающиеся плавания статьи, а сухопутными можете располагать по произволу: так тогда и Великий Князь «Константин Николаевич» разрешил. Вы можете через Морское министерство адресовать статьи в журналы на мое имя, а я стану наблюдать за их печатанием и пожалуй, копить деньги. Назначьте и цену: не знаю, дадут ли только более 60 рублей. А впрочем напишите, что Вы хотите. Да кстати, когда будете посылать статьи в Морское министерство, напишите письмо к Н. К. Краббе:⁸ я встретил его в опере, мы разговорились про Вас. Я упомянул, как Вы ему благодарны, и он заметил сам: «да, правда, мне удалось кое-что для него сделать». Поблагодарите его и издалека. «Об ухаживаньи, о благодарности» и о прочем Вы наговорили много тонких пустяков. Я, кажется, доказал Вам, что и я не меньше ухаживал за Вами, а Вы, только начали, и если б было спра-

⁵ Непринужденность (франц.).

⁸ Кстати (франц.).

ведливо все, что Вы пишете, то мы не долго были бы в ладу. Я уже решил, что я никуда не поеду, устарел, бегаю от людей, прячусь и все мне надоедает. Если кротчайший Старик, милая Старушка и даже друг мой Женичка под час тяготят меня, то конечно должна была отразиться эта брюзгливость и на Вас. Но что мне прискорбно было, так это то, что и Ваш характер начал как будто рано портиться, Вы стали нетерпеливы, иногда желчны и резки, следствие мелких ожесточений, развитие ума и вкуса и ограниченность средств и проистекающее из этого шипение постоянно подавляемой и оскорбляемой гордости и самолюбия. У меня сначала было тоже т: е: те же причины, а когда они прошли, явилось противоположное пресыщение всем этим и вместе притупление воображения, этого господствующего в моей особе начала. Странствуйте же с уверенностию, что за Вами с участием следят тепло — и сильно за Вас бьющиеся сердца и ждут с величайшим нетерпением минуты возвращения. Надо Вам сказать, что Старик, Старушка и я — шалим, именно, ни больше, ни меньше, как едем за границу. Я желал бы, чтоб Вы подслушали тот голос, каким сказаны были вырвавшиеся у меня слова: «ах, еслиб с нами был Льховский!», желал бы и для Вас, и для себя! Вас удивит это известие: Екатерина Павловна⁹ собирается писать Вам об этом подробнее, а я только прибавлю, что они едут в Киссинген, а я на прежнее место, в Мариенбад и потом желал бы соединиться с ними на Рейне и в Париже. Мне хочется повторить лечение и, ах, еслиб можно было, и писанье нового романа... Но... но... много но: сейчас скажу все, прежде кончу о пугешествии. Старушку уложили в постель года на два; у ней повторялись воспаления, теперь нет, и она стала пободрее с тех пор, как явилась надежда ехать за границу. Дело конечно без натяжек не обошлось. Вы знаете Старушку, как она умеет склонить на свою сторону всякого, даже и доктора. Спора нет, что воды могут быть ей полезны, но как она вынесет дорогу, особенно до Варшавы, я не понимаю. Желание ее ехать возросло до лихорадки и если ее не пустить, то, кажется, это повредит ей пуще дороги. Довольно того, что она реша¹⁰

¹ Настоящее письмо, в отрывке и без комментариев, опубликовано Б. М. Энгельгардтом в «Литературном наследстве», кн. 22—24, 1935, стр. 425—426; однако здесь напечатана лишь та часть письма, которая «содержит советы Гончарова, как вести путевые записки»; мы воспроизводим письмо полностью по автографу.

² Стелленбош — городок на южно-африканском побережье: Гончаров посвятил ему несколько страниц в книге «Фрегат Паллада» (т. I, гл. IV).

³ Каролина — девушка из Капштадта (Кейптаун); Гончаров рассказал о ней в описании своего путешествия («Фрегат Паллада», т. I, гл. IV).

⁴ Столовая гора — на мысе Доброй Надежды.

⁵ А. В. Дружинин.

⁶ Лакнер Александр Борисович (1825—1870). В 1856—1858 годах Лакнер путешествовал по Западной Европе, Палестине и Америке. В 1858 г. отрывки из его путевого дневника печатались в «Современнике», «Русском вестнике» и «Отечественных записках», а затем вышли отдельной книгой (СПб., 1859).

⁷ Написанные в результате путешествия статьи И. И. Льховского действительно напечатаны были в «Морском сборнике» 1861 (№№ 1, 2, 11) и 1862 гг. (№ 2).

⁸ Н. К. Краббе (см. примеч. 16 к письму 6).

⁹ Е. П. Майкова.

¹⁰ Окончание письма отсутствует.

10

20 мая 1859 года

С. Петербург.

Не хочется уехать за границу, не простясь с Вами, любезнейший друг Иван Иванович. Мы, т: е: Старик со Старушкой, я и Катя едем в почтовой карете 22-го Мая т: е: через три дня, в Варшаву.¹ Они в — Эмс, я в Мариенбад, а если не пустят туда по случаю войны и подозрительности австрийского Правителства относительно России и Славянских земель² — то в Виши (южную Францию). В конце Сентября мы должны возвратиться. Старушка стала пободрее от одной мысли ехать за границу и видеть новое. Но не знаю, как она вынесет путь до Варшавы, когда и я, проехав туда пятеро суток в карете, три ночи сряду кричал благим матом от судорог в ногах. Но довольно об этом; что бог даст! А вы что? Скоро ли назад? Дружинин наднях справлялся очень заботливо о вас и говорит, что лишь только

приедете, он отдаст Вам в заведывание весь критический отдел в Библиотеке для Чтения.³ Перед этим я писал Вам еще письмо тоже в Николаевск, от Марта или Апреля, не помню. Евгения Петровна⁴ все хворает поносом и желчью, это бы давно прошло, если бы она не была в постоянном ужасе, что это у нее холера. Она с Николаем Аполлоновичем и с детьми наняли на 16 версте Петергофской дороги дачу, Кошкарковы там же.⁵ Аполлон, кажется, удрал с корвета под предлогом болезни и соединясь в Дрездене с Анной Ивановной — приедут сюда. Он говорит, что написал одну дрянную статью о Неаполе,⁶ а Григорович напечатал статью в Морском Сборнике,⁷ но говорят, плохую. Я читал две первые страницы и мне показалось бойко написано.

В Ваши именины мы — т. е. Юния Дмитриевна, Анна Романовна⁸ и я, (еще Солоницын⁹) собрались у Старика, поели и выпили бутылку шампанского. Ждем Вас нетерпеливо и встретим торжественно. Юния Дмитриевна едет на Безбородкинскую дачу.

Тургенев недавно уехал за границу на лето. У нас было с ним крупное объяснение, по поводу двух моих неласковых писем к нему. Но кончилось прочным, кажется, миром. Он даже предложил и усиленно просил меня — взять от него письмо, в котором говорит, что план нового моего романа был пересказан мною ему года четыре тому назад, прежде нежели он задумал о своей повести, даже сознался, что сходство есть и что вероятно у него многое бессознательно осталось в памяти. Конечно, если я напишу роман, то такое письмо может оградить меня от подозрения.¹⁰

Обломов, по выходе всех частей, произвел такое действие, какого ни Вы, ни я не ожидали. Увлечение Ваше повторилось, но гораздо сильнее, в публике. Даже люди мало расположенные ко мне, и те разделили впечатление. Оно огромно и единодушно. Добролюбов написал в Современнике отличную статью, где очень полно и широко разобрал обломовщину.¹¹ Мне приятно сказать Вам, что ничьи отзывы, ни изустные, ни печатные, не выходят из круга Вашей оценки. Все вернется на ней или около нее. Какая потеря для меня, что Вас нет здесь. Теперь Вы

могли бы дать полную волю Вашему перу, и не опасаясь укорины в пристрастии. Словом, я теперь имянинник. Одно голько неудобно: многие хотят познакомиться и потом то, что с кем я ни встречусь, непременно заговорят об этом. Конечно, когда жар спадет, начнут и ругаться, особенно в Москве, хотя там же страстно приветствовали первые две части. Но там живут славянофилы, а Штольц — немец. Кстати, один из главных славянофилов, старик Аксаков умер.¹²

Пишите ко мне на мою квартиру, в дом Устинова. Виктор Мих<айлович>¹⁵ поселяется в ней, и я дам ему адрес, куда посылать ко мне письма. По ценсуре — важное обстоятельство — Фрейганг¹⁴ вышел в отставку: его заменил Ярославцов,¹⁵ секретарь.

Еду я и беру программу романа,¹⁶ но надежды писать у меня мало: потому что герой труден и не обдуман и притом надо начинать. Если напишу начало, то когда^a будет конец? Здесь, в службе, и думать нельзя. И так приливы одолели. Пишете ли Вы? Пишите, ради бога, больше, вольнее и произведете эффект. Что Вы не прислали ничего из Сингапура или Гон-Конга? Хоть бы записочку о себе! Пишите больше и чаще к нам. Вы не можете представить себе, сколько дружбы, симпатии, всякого единомыслия и одиночества — бережется — конечно в тесном, но истинно любящем Вас кружке. Да и прочие, не такие близкие к Вам люди, вспоминают Вас с завидным чувством расположения. Будьте здоровы, друг, счастливы, и верьте никогда и ни от чего неизменной дружбе Вашего

И. Гончарова

Извините, что письмо беспорядочно и отрывочно: я в лихорадке хлопот и сборов.

Кланяйтесь Вашему командиру.

Великий князь К<онстантин> Н<иколаевич> возвращается на днях из путешествия своего в Петербург. В Европе — суматоха — все ждут чего-то важного. Екатерина Павл<овна>¹⁷ все спрашивает, не опасно ли ехать туда.

^a Зачеркнуто буду

¹ В 1859 г. Гончаров взял четырехмесячный отпуск (с 22 мая по 22 сентября) по болезни и уехал за границу вместе с В. Н. и Е. П. Майковыми. А. В. Никитенко отметил в своем дневнике под 19 мая 1859 г.: «Приходил Гончаров проститься. Он едет за границу на четыре месяца. Счастливцев. И свобода, и юг, и горы Шварцвальда, и Рейп» (Записки и дневник, т. I, СПб., 1905, стр. 568). 28 мая этого года путешественники были уже в Варшаве («Невский альманах», вып. II, Пгр., 1917, стр. 34). — Катя — повидимому, сестра экономки, жившей в доме Н. А. и Е. П. Майковых (ср. примеч. 9 к письму 8).

² Речь идет об итальянской войне.

³ А. В. Дружинин, действительно, был высокого мнения о литературных способностях И. И. Лховского. В письме к Л. Н. Толстому (от 15 апреля 1858 г.) Дружинин называл Лховского в числе «самых даровитых сотрудников» «Библиотеки для чтения» (К. Чуковский. Люди и книги шестидесятих годов. Статьи и материалы, Л., 1934, стр. 260).

⁴ Е. П. Майкова.

⁵ Кошкарковы Михаил Васильевич и Юлия Петровна (см. примеч. 17 к письму 4).

⁶ Повидимому, об этой статье Гончаров знал со слов А. Н. Майкова, а напечатана она не была.

⁷ Путевые очерки Д. В. Григоровича под общим заглавием «Корабль Ретвизан» печатались в «Морском сборнике» в 1859—1862 гг. в «Современнике» в 1860 г. и во «Времени» в 1861 г. Гончаров говорит о второй главе очерков, которая была напечатана в майской книжке «Морского сборника» за 1859 г. (т. XLI, № 5, Часть неофициальная, стр. 111—141). Ввиду того, что вторая глава печаталась раньше первой, редакция нашла необходимым сопроводить ее примечанием: «Вероятно <первая глава> предназначена автором для другого журнала» (Часть неофициальная, стр. 111). Появившаяся в ноябрьской книжке того же журнала первая глава очерков Григоровича сопровождается следующим примечанием редакции: «Первая глава путешествия г. Григоровича прислана в Ред.<акцию> М<орского> Сб<орника> в сентябре. Вот причина, почему она является в свет после второй главы, напечатанной в майской книжке» («Морской сборник», 1859, т. XLIV, № 11, Часть неофициальная, стр. 1).

⁸ Ю. Д. Ефремова; А. Р. Добровольская.

⁹ Солоницын Владимир Аполлонович — племянник Владимира Андреевича Солоницына, учителя и воспитателя Аполлона и Валериана Майковых, познакомившего Гончарова с этой семьей.

¹⁰ Тургенев в это время был уже в Париже (М. К. Клеман. Летопись жизни и творчества И. С. Тургенева, М.—Л., 1934, стр. 105). Известно письмо Тургенева к Гончарову от 7 апреля 1859 г. (из Спасского), в котором Тургенев, между прочим, писал: «24-го я в Петербурге (29-го, вы

знаете, я уезжаю)» (см.: Б. М. Энгельгардт. И. А. Гончаров и И. С. Тургенев по неизданным материалам Пушкинского Дома, Пгр., 1923, стр. 35). Подробности о «крупном объяснении» между Гончаровым и Тургеневым, относящемся к весне этого года, и вся связанная с этим объяснением переписка этого года не сохранилась; это была одна из вспышек той усиливавшейся у подозрительного Гончарова неприязни к Тургеневу, которая в 60-х годах привела, как известно, к полному и окончательному разрыву между ними (см. И. Гончаров. Необыкновенная история. «Сборник Российской публичной библиотеки», т. II, Пгр., 1924).

¹¹ Статья Н. А. Добролюбова «Что такое обломовщина?» напечатана в 5-й книге «Современника» за 1859 г. (с отзывом Гончарова об этой статье интересно сравнить следующие строки из письма П. В. Анненкова к И. С. Тургеневу от 1 октября 1859 г.: «Я получил от Гончарова милейшую цидулу, в которой он требует разбора Обломова и намекает, что „Современник“ в отношении общественного значения этого романа сказал все, что можно сказать. Остается, говорит, отдать справедливость постройке самого романа и указать достоинство женских лиц, в нем участвующих. На что я им и избран. А как вы думаете? — Ведь Иван Александрович мог бы управлять департаментом!» (Труды Публичной библиотеки СССР им. Ленина, вып. III, М., 1934, стр. 85).

¹² Сергей Тимофеевич Аксаков умер 30 апреля 1859 г.

¹³ В. М. Кирмалов — племянник Гончарова.

¹⁴ Фрейганг Андрей Иванович — цензор петербургского комитета. Об отношении к нему в кругу близких друзей Гончарова можно судить из письма Вл. Н. Майкова к А. В. Дружинину (от 14 июня 1857 г.): «Фрейганга, хотя он и не очень свирепствует, все-таки приятно бы было вывести за городскую стену и побить камнями» (Письма к А. В. Дружинину, М., 1948, стр. 202).

¹⁵ Ярославцев Андрей Константинович (1815—1884) — цензор Петербургского цензурного комитета и писатель; уволен в 1860 г. за пропущенную им библиографическую заметку Г. Е. Благосветлова о вышедшем в свет VII томе сочинений Белинского. В этой статье Благосветлов писал, что Белинский первый указал на падение Гоголя, который, издав «Выбранные места из переписки с друзьями», «... изменил знамени, растоптал свою собственную славу, из рабской покорности подкурит через край царю небесному и земному» («Русское слово», 1860, сентябрь, отд. II, стр. 30); ср.: А. В. Никитенко. Записки и дневник, т. I, СПб., 1905, стр. 621, примеч. 623).

¹⁶ Речь идет о романе «Обрыв»; ср.: признания Гончарова в письме к Ю. Д. Ефремовой («Невский альманах», вып. II, Пгр., 1917, стр. 37).

¹⁷ Е. П. Майкова.

СПбург, 27 Сентября <1860>

Я приехал вчера вечером,¹ теперь 10 часов утра только, а мне уже скучно! Но не о скуке своей хотел я написать Вам несколько слов, а предупредить Вас о том, что Вам придется претерпеть горького в предстоящем пути до-сюда.

Земля наша велика и обильна, а житья в ней нет, и потому постарайтесь не ездить сюда вовсе, а если уже этого избежать нельзя, то приготовьтесь перетерпеть следующее.

Почтеннейший Ф. Ф. Коберский² выполнил роль обязательного человека до конца и даже с некоторой роскошью: нам не понравилась большая шестиместная карета, в которой приходилось сидеть визави, а не рядом с товарищами, и он за полчаса до отъезда переменял на другую, словом сделал все, что от него зависело.

Но в Ковно к нам присоединилась еще карета шестиместная и мы отправились далее в числе трех экипажей с одним кондуктором, следовательно один экипаж зависел от другого, т: е: что случалось неприятного с одним, то делили и другие. Пассажиров всех набралось до пятнадцати человек. Вам известно, какие отели ожидают путешественников у нас вообще, а по этой дороге в особенности, следовательно можете себе представить, что происходило, когда являлась наша колония на какую-нибудь станцию. Не было средства достать комнаты, чтоб умыться, и мы доехали сюда, как выехали, т: е: не балуя себя роскошью умыванья и перемены белья. Есть тоже было нечего, а где и находили борщ, так называемые котлеты и т. п., то последствием таких обедов была — рвота. И потому возьмите на дорогу чего-нибудь с собою. Со мной ехал предусмотрительный поляк и довольствовал меня и себя взятыми из Варшавы котлетами и курицей. Возьмите также чаю, да и сахару не мешает взять: чай везде по дороге скверный, а сахар — хоть и хороший — но весь от чего-то черный и запыленный. В одном месте нашли отличных рябчиков, но заплатили по 90 к. сер. за каждого: каково! хоть бы

у *Donop*³, и то не дороже берут. И за чай, за сахар, за все дерут. На беду нашу ехал с нами генерал-адъютант Багратион,⁴ с семейством: (генерал — истинная язва нашего общества): вы, конечно, не сомневаетесь, что он занимал и лучшие комнаты и что кондуктор, забыв прочих пассажиров, пресмыкался у его кареты и что все мы жались кое-как в уголках.

Но самое скверное испытание ждет в Острове: Вас привозят туда и складывают в городе, в почтовой гостинице т: е: маленькой и пакостной щели, какие рассеяны по всей дороге.

Генерал-адъютант, разумеется, занял лучшие комнаты, следующие затем достались княгине Энгальчевой, а нам пятерым или шестерым предоставлено было делать, что мы хотим. Войти в гостиницу было некуда, а дождь лил проливной, кругом экипажей стояло болото грязи; до станции железной дороги оставалось три версты, но туда дилижансы не подвозят — почему бы Вы думали? Потому-де, что им за эти 3 версты прогонов не платят! Мы, конечно, опоздали к воскресному вечернему поезду и приехали в полночь, а утренний поезд отправляется в 7 часов: надо было провести где-нибудь остававшиеся до утра 6 часов. Для отвоза пассажиров и вещей являются мужики с телегами, и мы, в темноте, под дождем, сложили свои чемоданы в одну телегу, а сами уселись в другую (с каким то решетом вместо дна и крышки) и добрались до станции железной дороги, надеясь там отдохнуть. Но и тут обманулись: станция наводнена была путешественниками, приехавшими прежде нас из Динабурга по железной дороге (поездов еще нет, но некоторых возят приватно), и мужиками, отправлявшимися в Питер. И вот мы провели эту последнюю ночь на стульях, среди толпы в армяках и овчинных тулупах: тут двух рук оказывается мало; одной проворно надо почесываться, а другой затыкать нос. Наконец в 7 часов выехали, а в исходе 5-го пополудни вчера были здесь, употребив на переезд из Варшавы пятеро суток. Я забыл сказать, что генерал-адъютанта с семейством нашли возможным привезти утром в почтовой карете к самой станции. Скажут, что генерал-адъютант заслуженный человек и т. п. Пусть так, за что же мы заслужили все эти неудобства и почему бы не подвозить в каре-

гах и прочих пассажиров, тем более, что за место внутри кареты до Острова берут по 47 рублей: цена не маленькая! Почему бы не позаботиться о помещении их получше и почище: ах, сколько по ч е м у! Почему бы, наконец, зная, что гостиниц по дороге мало, что есть нечего, не отправлять экипажи почаще и понемногу вдруг, а не по 15 и по 20 человек разом?

Но я предупредил Вас — и от души желаю, чтоб Вы совершили этот путь лучше. Вам бы, кажется, удобнее шестиместную карету. Впрочем иначе Вам и нельзя ехать, как в шестиместной. Я советую Вам попросить у Фед<ора> Фед<оровича>⁵ позволения осмотреть ее накануне.

У меня просьба к Вам: за две станции до Динабурга¹ в Уцьянах, а вернее всего в самом Динабурге, в гостинице, в которой всегда останавливаются (содержатель ее Пудревич), я забыл свое синее легкое пальто. Сделайте одолжение, спросите сначала в Уцьянах, и если там нет, то уже наверное в Динабурге, у самого содержателя — где это пальто и возьмите его с собою. Я поручал это сделать встретившемуся нам кондуктору почтовой кареты, но едва ли он позаботится. Извините, что обременяю Вас этой просьбой. Всем Вам кланяюсь и жду с нетерпением.

Ваш И. Гончаров.

Нечего и прибавлять, что в Варшаве я купил еще четыре картинки — и того 92!

¹ В мае 1860 г. Гончаров уехал в отпуск за границу и значительную часть этого своего путешествия провел в обществе А. В. Никитенко и его семьи. В Петербург Гончаров вернулся 26 сентября. Задержавшийся в Дрездене А. В. Никитенко отмечает в своем дневнике (4/16 октября 1860 г.): «Письмо от Гончарова уже из Петербурга, куда он прибыл 26 сентября. Он описывает бедствия, которые претерпел в дороге, вследствие всякого рода лишений, проистекающих из нашей всероссийской дикости и неустроенности. Гончаров предостерегает меня от того, чему сам подвергался» (А. В. Никитенко. Записки и дневник, т. I, СПб., 1905, стр. 621). По всем данным, полную аналогию этому не дошедшему до нас письму Гончарова к Никитенко представляет публикуемое письмо к И. И. Лъховскому; оба они были написаны в одно утро, 27 сентября.

² Коберский Федор Федорович, или, правильнее, Кобержский, был «начальником мальпостного движения между Варшавой и Петербургом» и имел свою контору в Варшаве (А. В. Никитенко. Записки и дневник, т. I, стр. 614).

³ Донон — владелец ресторана в Петербурге.

⁴ Речь, несомненно, идет о генерал-лейтенанте князе Петре Романовиче Багратионе (1818—1876).

⁵ Кобержского; см. выше, примеч. 2.

И. С. ТУРГЕНЕВ

ПИСЬМА И. С. ТУРГЕНЕВА

Публикуемые ниже письма И. С. Тургенева извлечены из хранящегося в Рукописном отделе ИРЛИ обширного фонда автографов этого писателя. Из научного описания этого ценного собрания, недавно законченного Л. М. Добровольским («Рукописи и переписка И. С. Тургенева в Институте русской литературы /Пушкинский Дом/ Академии Наук СССР. Краткое описание» в книге: «Бюллетени Рукописного отдела», вып. II. Изд. АН СССР, М.—Л., 1950, стр. 45—72), выяснилось, что одних только писем Тургенева к 155 адресатам хранится здесь около двух тысяч и что более пятисот из них еще не были опубликованы. Таким образом, печатаемые ниже несколько десятков писем Тургенева составляют лишь малую часть этой большой автографической коллекции, все еще ожидающей своего приобщения — в целом или в существенных своих частях — к огромной переписке Тургенева, этого выдающегося мастера эпистолярного стиля, уже появившейся в печати. Хотя не все публикуемые ниже письма принадлежат к числу наиболее ценных и намеченных к изданию писем «тургеневского фонда» ИРЛИ (большие серии этих писем предполагается поместить в последующих томах «Литературного архива»), но все они в той или иной мере интересны как новые документы для биографии Тургенева и для характеристики его литературной деятельности почти за полувековой период: первые из публикуемых писем относятся к середине 30-х годов (они являются в то же время одними из наиболее ранних, дошедших до нас писем молодого Тургенева), последние — к началу 80-х годов, ко времени его предсмертной болезни.

Письма к С. М. Фиглеву любопытны не только потому, что они раскрывают еще неизвестную биографам Тургенева историю дружбы его с М. С. Фиглевым, рано умершим товарищем его юности, но прежде всего потому, что эта дружба, повидимому, оставила некоторые следы и в творчестве Тургенева; несколько писем к Г. С. Дестунису, при всей малозначительности их содержания, все же дают несколько новых черточек для характеристики занятий Тургенева в С.-Петербургском университете. Серия писем к П. А. Плетневу (1855—1864) и к его жене А. В. Плетневой (1869—1882) может служить комментарием к очерку Тургенева «Литературный

вечер у П. А. Плетнева» и вносит много новых фактов и дат в историю личных отношений Тургенева к этому литературному деятелю предшествующей поры, другу Пушкина, Жуковского и Гоголя. Значительный историко-литературный интерес представляет письмо к Г. И. Успенскому, много дающее для понимания личной приязни Тургенева к этому писателю-демократу, оценки его творчества и отношения к русской демократической литературе начала 80-х годов; с этой же стороны интересны письма Тургенева к Е. С. Гаршиной, матери Вс. Гаршина, писателя, которого Тургенев ценил особенно высоко; письмо к Д. В. Григоровичу (1881) восполняет пробел в уже давно опубликованной переписке его с этим писателем, с которым он был знаком еще с 40-х годов.

Из многочисленных писем к Тургеневу, хранящихся в ИРЛИ, в настоящем отделе печатаются лишь два письма: В. В. Стасова (1875) и С. А. Рачинского (1881); каждое из них весьма содержательно и касается весьма существенных и в глазах Тургенева вопросов эстетики, литературы, искусства.

С. М. ФИГЛЕВУ

Письма И. С. Тургенева к Сергею Михайловичу Фиглеву относятся к 1837—1838 гг. Мы узнаем из них о еще неизвестном в биографии Тургенева эпизоде его молодости — о дружбе его с сыном адресата Михаилом Сергеевичем Фиглевым, юмористическую характеристику которого, впрочем весьма подробно, Тургенев сделал приблизительно за год до смерти своего друга. Эта характеристика, судя по стоящему на ней № 32, входила, очевидно, в целую серию характеристик знакомых Тургенева того времени.

Подобные характеристики известных Тургеневу лиц составлялись писателем и впоследствии; затем он пользовался ими и в работе над своими произведениями.

Душевные качества, которыми Тургенев характеризует «незабвенного Мишу», — что «он никогда не будет иметь довольно гордости итти против мнения света...», что он любит женщин «пламенно», что он «не таков, чтобы возвыситься над несчастьем», но что «и несчастье не одолеет его легко», — все это можно приложить к Мишелю Колтовскому в повести «Несчастная», на что, при беглом знакомстве с рукописью «Михайла Фиглев», указал нам Н. Л. Бродский.

Весьма вероятно, что Тургенев, не исполнивший первоначального намерения посвятить свои литературные труды памяти бывшего друга, через тридцать лет решил запечатлеть его в образе благородного героя несчастного романа Сусанны.

Об адресате и его сыне сохранилось мало данных; единственным печатным источником является сохраненная в «Русском провинциальном некро-

поле» (т. I, М., 1914, стр. 898) эпитафия, находившаяся в селе Покровском на Осуге Зубцовского уезда Тверской губернии, в склепе, у южных дверей Покровской церкви:

«Здесь погребен последний член семейства Сергей Михайлович Фиглев. Родился 1786 года 28 марта, скончался 1873 г. 26 дек. Здесь предано земле тело Александры Яковлевны Фиглевой, скончавшейся 1836 года 24-го марта. Нежнейшей супруге погребенной и в память единственного сына Л. Г. Преображенского полка подполковника Михаила Сергеевича Фиглева, родившегося 1817 г. июня 12-го дня и представшегося 1836 г. ноября 18-го в С.-Петербурге, погребенного на Васильевск. кладб., сокрушенный муж и отец, в 8 месяцев лишившийся всех земных радостей. Возверзи печаль твою на Господа, Той ты препитает».

Тургенев знал все семейство Фиглевых, и его письмо от 12 июня 1837 г. отразило несчастья, выпавшие на долю С. М. Фиглева, потерявшего в течение одного года жену Александру Яковлевну и сына.

Эпитафия дает, однако, фантастические сведения о Михаиле Сергеевиче Фиглеве. Он умер 19 лет 5 месяцев и никак не мог быть в этом возрасте подполковником в царствование Николая I: обычаи XVIII в. к тому времени давно стали преданием, да в гвардии и не было подполковников. Кроме того, в академических «месяцесловах», в списках офицеров Преображенского полка за 1836 и предшествующие годы фамилия Фиглева не встречается.

Все эти неточности объясняются скорее всего состоянием умственных сил автора приведенной эпитафии. Конечно, С. М. Фиглев сам перед смертью сочинил свою эпитафию, что делали и другие, и, желая возвеличить своего покойного сына, произвел его в подполковники гвардии, не зная гвардейского чинопроизводства; по неосведомленности он назвал также Смоленское кладбище в Петербурге — Васильевским.

Первое из писем Тургенева к С. М. Фиглеву печатается по автографу, находившемуся в Отделе рукописей Института мировой литературы им. А. М. Горького Академии Наук СССР в Москве (инв. № 1—891) и ныне переданному в ИРЛИ. Остальные письма и характеристика М. С. Фиглева, данная И. С. Тургеневым, печатаются по автографам ИРЛИ (Р. I, оп. 29, № 34 и 1).

1

Сергей Михайлович

Так как Вы обещали нам приходить нас навещать, то мы надеемся что Вы придете к нам сегодня откушать... Маменька

Вас будет ожидать. Сделайте одолжение, скажите сему посланному Ваш ответ, который, я надеюсь — будет утвердительный

Вам преданный
Иван Тургенев

Сего 28 ноября
1836-го года

«На обороте листа, сложенного пополам, а затем три раза квадратом, надпись»:

Милостивому Государю
Сергею Михайловичу Фиглеву

2

12-го Июня 1837-го года.

Милостивый Государь
Сергей Михайлович —

Мне было бы душевно грустно, если б я мог подумать, что Вы мое продолжительное молчание, в котором я и не оправдываюсь, припишете чему-нибудь иному, как не моей врожденной лени и — также непривычке писать письма. Вы можете быть уверены что то чувство искреннего уважения, которое я всегда имел к Вам, к покойной Александре Яковлевне, и то чувство братской дружбы и любви к незабвенному Мише — никогда не перестанут обитать в моей душе. Вы может-быть не забыли что я нелицемерно разделял с Вами Вашу горесть — но до сих пор еще я не наполнил той пустоты, которую я ощущаю с самой кончины Миши — он был мне другом в полном смысле слова, а друзей — так по крайней мере я думаю — не приобретают — нам дает их провидение. Я часто невольно мыслью переношусь и в прошедшее — и в ваше теперешнее одиночество — Дай Вам бог силу и твердость! — Но перестанем об этом.

К крайнему моему сожалению, я нахожусь в невозможности исполнить мое намерение пробыть с Вами несколько дней — поспешность, с которой я нахожусь вынужденным — ехать в нашу деревню — лишает меня этого удовольствия — Надеюсь однако ж увидеть Вас здесь хоть несколько дней зимой, — я же завтра в 9 часов отправляюсь в дилижансе и через неделю должен быть уже в Спасском. И так простите, почтенный Сергей Михайлович; не забывайте меня а я всегда вспоминаю об Вас с тем истинным уважением, которое я всегда к Вам питал. Еще одна просьба — может быть в конце нынешнего года я решусь издать в свет — нечто из моих трудов — позвольте мне посвятить их памяти моего бывшего друга. —

С истинным почтением остаюсь навсегда

Ваш покорнейший слуга
Иван Тургенев.

P. S. Если Вам будет угодно меня удостоить Вашим ответом, мой адрес: — Орловской губернии в город Мценск. Извините что я пишу Вам на полулисте — по обычной рассеянности начал писать на выворот — окончив первую страницу, заметил свою ошибку — переписывать не хотелось — принужден был отрезать.

3

Петербург.
Марта 26-го
1838-го года.

Милостивый Государь
Сергей Михайлович,

Я только на днях узнал от Теплова, что Вы поручили мне комиссию, которую мне было очень приятно исполнить — и потому прошу Вас это замедление приписать одному моему cousin'у. Впрочем это не требовало особенной поспешности, ибо Вы не можете получить этот журнал ранее Маяя месяца, как и все загра-

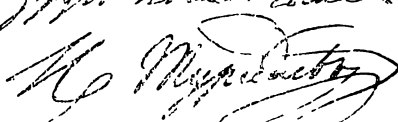
ничные периодические издания, не заплатив дороже обыкновенного; посылаю при сем два билета: один на Ваше имя на: Penny Magazine, другой на имя Кн: Шихматовой на: Journal des jeunes personnes.

Поверьте мне, почтенный Сергей Михайлович, что я очень и очень сочувствую Вашей горести в положении, в котором Вы теперь находитесь, и молю бога, чтоб он дал Вам силу перенести Ваше грустное одиночество. Я не имею даже мысли сравнить потерю, которую я сделал в моем друге покойном Мише с той, которую вы понесли: но я должен Вам сказать, и надеюсь что Вы мне поверите, что с тех пор, как Он скончался, у меня не было не только подобного ему истинного друга, но даже я не находил ни одного молодого человека, с которым было бы мне в половину так отрадно делиться своими чувствованиями. Никто не может лучше оценить молодого человека как его товарищи — а лучшим доказательством его прекрасных качеств — было всеобщее дружественное расположение всех, кого только я знал — к нему: — но я <не> хочу растревлять и без того незажившие раны Вашего сердца: скажу Вам лучше нечто о себе: а именно что в Мае нынешнего года я еду за границу¹ — в Берлин, где я проведу года два, буду учиться прилежно и вернувшись — надеюсь выдержать экзамен в Магистры. Занятия мои идут обыкновенным порядком: не забываю старого учусь новому — делаю кое-что на досуге — а главное — здоров и весел, сколь возможно. Правда что меня, кроме душевных страданий — физические мучения не легко преодолевают и не оставляют никакого следа в моем характере: не далее как в Сентябре месяце прошлого года я на дороге сломал себе опять руку,² шел с этой рукой верст 7 пешком, ждал 12 часов перевязки — но всё кончилось благополучно: руку вправили — и я приехал сюда без дальнейших приключений. — Дядя на днях сюда приехал — кланяется Вам: он брал живейшее участие в вашем несчастье и доселе всё еще соболезнует к Вашему безотрадному положению: брат служит и курит как нельзя усерднее: Маменька здорова, слава богу. Кланяйтесь от моего имени M-r et M-me Wulf, если они еще не уехали в Воронеж.

и еще больше - утешаю вас - а также - друзей
 и близких, как и прежде. Правда, по счету, кажется
 дурнее, страдает - физически мучит по неволе
 гонимых и не оставил от них ни одного в мире,
 Карамзин не дал нам в Сочинениях ничего
 хорошего, да и не дает. Сочинения есть только
 для нас с этой стороны. Вещи и стихотворения
 и заговори переводы - но все это не было
 для Карамзина - и к переводу сюда еще дал
 много переписки. - Дел на днях еще не
 было - как и прежде. Вещи, как и прежде
 в ваших изданиях и дают в них соответствующее
 нашему беззастенчивому поведению братья славян
 и куряты как и прежде. Намного же
 слова Божьи как и прежде от нас имеют и
 в 1838 году, если они еще не ушли в Олонец.

С уважением и любовью,
 Все остается

Ваш друг, И. С. Тургенев

Письмо И. С. Тургенева к С. М. Фиглеву. 26 марта 1838 г.

Вторая страница.

Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Академии Наук СССР.

С истинным уважением и нелицемерною любовью остаюсь
бывший друг Вашего сына

И. Тургенев.

¹ Тургенев действительно выехал за границу на пароходе «Николай» 15(27) мая 1838 г.

² Ср. в письме Тургенева к А. В. Никитенко от 13 сентября 1837 г. («Русская старина», 1896, № 12, стр. 589) и в настоящем издании, в письме к Г. С. Дестунису от 21 апреля 1837 г.

〈ХАРАКТЕРИСТИКА М. С. ФИГЛЕВА (1835—1836 гг.)〉

№ 32

Михайла Ф и г л е в

Рост: высокий.

Глаза: карие.

Волосы: белокурые.

Лета: 18.

С умом второстепенным, но довольно пронизательным. Впрочем более природный нежели приобретенный ум. Добр, откровенен и честен; главная слабость: страх de paraitre ridicule.* Он не может действовать один, не имея перед глазами образца; впрочем не хочет чтобы это замечали. Любит женщин вообще; но более для того чтобы об нем думали как о любезном молодом человеке. Высшая его награда — услышать где-нибудь чтобы его так называли. Впрочем не старается прослыть любезным;^a он хочет только чтобы им занимались. Амбиции к первенству нету; он довольствуется вторым местом. Он реши-

^a Против слов Впрочем не старается прослыть любезным на полях написано другим почерком неправда. На характеристике сделана надпись Тургенева мнение о Мише. Повидимому, обе надписи сделаны рукою С. М. Фиглева.

* Казаться смешным (здесь и ниже франц.).

№ 39

Михайла Фиглева

Родъ великий
Тяже крестъ
Волна Плещеева
Мона 18

Со зломъ въростенности, ко зрѣнью прои-
-завлѣвающимъ Впроектъ болѣе природный, нежели
христіанскій, чужъ добръ, откровенность и честность,
иногда способность, которую не раздѣлилъ никто
и не можетъ, гласивъ вѣдь, не имѣть
передъ нами образа впроектъ не хочется
платить это закнати. Любить функцию вообще,
но болѣе для того чтобы это имѣть дѣлать
каждъ о побужденіи покоемъ гласитъ
Вспомнѣвъ его кнрреда - уяснить вотъ ибѣдъ
этомъ си такъ казвѣвали Впроектъ
не ~~имѣ~~ старается прояснить любезнѣва,
оно хочется такъно этомъ иль занималъ
Аудіици иль ~~первоистцу~~ первоистцу и Фну;
оно добовѣстнуетъ второвѣвалъ ибѣднѣва
оно рѣшительно не гласитъ. - C'est un
homme, placé plus haut que la me-
-diocrité et plus bas que le génie

Шуточная характеристика М. Фиглева, написанная И. С. Тургеневым.
(1835—1836 гг.?). Первая страница.

Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Академии Наук СССР.

тельно не гений. — C'est un homme, placé plus haut que la médiocrite et plus bas que le génie.* Хороший друг и товарищ; aimant les femmes avec ardeur, incapable de haïr.** Он будет счастлив. Он никогда не будет иметь довольно гордости идти против мнения света; но он незнаком с ложным стыдом. Une âme forte peut le subjuguier facilement; un homme ordinaire mais habile peut se faire suivre par lui.*** Впрочем благороден во глубине души. Il n'est pas homme à s'élever au dessus du malheur; mais aussi le malheur ne l'abattra-t-il pas facilement.**** Он подвержен предрассудкам своего века. Детей будет воспитывать хорошо; они его будут любить и уважать. К жене будет слишком слаб. Дай бог ему не слишком умную жену! Il aime à faire croire aux autres qu'il a certaines intrigues; du reste il est assez sobre ce qui regarde les femmes. Il cache mal et sa douleur et sa joie; même je dirais qu'il est plus renfermé en soi-même dans la douleur.***** Его еще пленяет блеск мундира; впрочем, если будет служить, будет хороший офицер и хороший начальник. Его всегда будут любить. Религия — более внутренняя нежели наружная; в этом отношении он первой степени. Il y a des hommes, pour lesquels il sent une méfiance involontaire; à d'autres il s'abandonne trop.***** Он не горяч и не зол; но ему очевидно неловко быть с тем, кто ему как-то не понравится. Его характер более веселый — il est entièrement fait pour cette vie.*****

R é s u m é :

Человек второго класса, второго отделения, третьей степени.

* Это — человек, возвышающийся над посредственностью и стоящий ниже гения. ** Любящий женщин пламенно, неспособный ненавидеть. *** Человек сильной души может легко подчинить его себе; человек заурядный, но ловкий может заставить его последовать за собою. **** Он не таков, чтобы возвыситься над несчастьем, но и несчастье не одолеет его легко. ***** Он любит заставлять других думать, что у него есть кое-какие интрижки; но что касается женщин, он все же достаточно воздержан. Он скрывает плохо и свои печали, и свои радости; я даже сказал бы, что в печали он более скрытен. ***** К некоторым людям он чувствует невольное недоверие; к другим он слишком доверчив. ***** Он вполне создан для этой жизни.

Г. С. ДЕСТУНИСУ

Публикуемые письма принадлежат к числу ранних писем Тургенева; они относятся к периоду подготовки его к кандидатскому экзамену. Окончив в июне 1836 г. С.-Петербургский университет по 1-му (словесному) отделению философского факультета действительным студентом (В. В. Григорьев, Имп. С.-Петербургский университет в течение первых пятидесяти лет его существования, СПб., 1870, приложения, стр. XXIV; Ю. Г. Оксман, Тургенев в С.-Петербургском университете — в его книге: И. С. Тургенев. Исследования и материалы, вып. 1, Одесса 1921, стр. 106—108), Тургенев в течение зимы 1837 года, по особому разрешению, вторично прослушал лекции третьего курса и ходатайствовал (11 мая 1837 г.) о допущении к повторным испытаниям на степень кандидата (текст прошения напечатан у Н. М. Лисовского — Новые материалы для биографии И. С. Тургенева, СПб., 1892, стр. 5; о пребывании Тургенева на последнем курсе университета см. в «Очерках и воспоминаниях» Н. М. Колмакова — «Русская старина», 1891, № 5, стр. 461—462). Ходатайство Тургенева было вызвано причинами двойного рода; с одной стороны, его, очевидно, не удовлетворяло невысокое звание «действительного студента», приобретенное им в 1836 г. в результате весьма средних отметок, полученных им на экзамене; но основной причиной являлось, конечно, то, что Тургенев заканчивал университетское обучение по планам трехгодичного курса в тот самый момент, когда по новому университетскому уставу (утвержденному еще в 1835 г., но осуществленному в Петербургском университете лишь в 1837 г.) курс обучения на философском факультете устанавливался четырехгодичный. Просьба Тургенева была удовлетворена и в результате испытаний он был удостоен степени в том же году; аттестат на степень кандидата был ему выдан С.-Петербургским университетом 10 июля 1837 г. (Н. М. Лисовский, ук. соч., стр. 5; Ю. Г. Оксман, ук. соч., стр. 106). Экзамены происходили в июне 1837 г. «Действительный студент Тургенев, — записано 24 июня 1837 г. в журнале заседаний первого отделения философского факультета, — выпущенный из университета с сею степенью в прошлом году, с разрешения совета посещавший целый год лекции третьего курса и оказавший на нынешнем испытании везде отличные или очень хорошие успехи, удостоивается степени кандидата» (М. И. Сухомлинов, И. С. Тургенев, СПб., 1884, стр. 4). Именно к этому периоду (апрель—май 1837 г.), когда Тургенев уже приступил к подготовке к экзаменам, и относятся публикуемые письма. Адресованы они к Гавриилу Спиридоновичу Дестунису (1818—1895), в то время еще студенту Петербургского университета (который он окончил в 1838 г.); впоследствии Дестунис состоял преподавателем того же университета по всеобщей истории и новогреческому языку, а затем и профессором (с 1867 г.), став одним из видных русских ученых-византинистов. Публикуемые письма Тургенева всецело посвящены учебным делам, но они содержат в себе ряд мелких данных

для истории жизни Тургенева в последний год его студенчества в Петербургском университете и, в частности, характеризуют те учебные предметы и пособия к ним, которые Тургенев изучал в это время. О дальнейших сношениях Тургенева с Дестунисом у нас нет никаких данных; отметим лишь, что, повидимому, именно Г. С. Дестунису принадлежит статья «Иванов и Брюллов перед судом И. С. Тургенева», напечатанная в журнале «Светоч», 1861, кн. IX, стр. 79—98, под инициалами Г. Д. и содержащая в себе довольно резкие возражения против оценки Тургеневым этих двух русских художников.

Письма печатаются по автографам ИРЛИ (Р. I, оп. 29, № 82).

1

Вы наверное пеняете на меня, Г-н Дестунис, что я так долго не шлю к Вам тетрадки Вашей¹ — но узнавши причину Вы наверное будете более снисходительны. На прошлой неделе меня дышлом каретным выкинуло из дрожек; я себе расшиб чашку и вывихнул плечо; благодаря богу, плечо мне тут же вправили и к колену приставили пиявки — что меня спасло. Я и теперь не могу ходить и пишу к Вам с постели. Впрочем как я надеюсь завтра встать, то пришлите мне, сделайте одолжение вашу 6-ую тетрадь, которую я Вам даю слово возвратить непременно к воскресению с благодарностью. Если Вас теперь дома нету — то приготовьте ее к 6 часам вечера — мой человек у Вас будет. Так же прошу Вас назначить мне до какого именно стиха Греффе толковал Эдипа,² и что сделал Фрейтаг из Горация и Цицерона?³

Весь Ваш

Иван Тургенев

1837-го года

21 Апреля.

¹ Речь идет о тетради с записями лекций, заменявшей отсутствовавшие учебники. В конце 30-х годов XIX века постановка учебного дела на философском факультете Петербургского университета была далеко не образцовой. Официальный историк университета В. В. Григорьев свидетельствует, что «жиденькое знание профессорских тетрадок или печатных учебников, испарявшееся со сдачею каждого экзамена и оставлявшее в голове только названия пройденных наук, смутное представление об их содержании и

объеме, да случайно застрявшие в памяти факты и положения: вот все, что обыкновенно выносили тогда студенты из университета» (Имп. С. Петербургский университет в течение первых пятидесяти лет его существования, СПб., 1870, стр. 104). Приобретение знаний зависело преимущественно от способностей студента и от его собственного желания обладать ими.

² Грефе Федор Богданович (1780—1851) — ординарный профессор Петербургского университета по кафедре греческой словесности, академик. При всей своей учености, Грефе и для своего времени был весьма архаическим представителем университетской профессуры. Саксонский уроженец, переселившийся в Россию еще в 1810 г., он до самой смерти своей почти не научился русскому языку, и студенты не всегда его понимали. «Лекции свои по той и по другой кафедре древних языков <латинский и греческий> читал нам Грефе по-латыни; да и вообще объяснялись мы с Грефе не иначе, как на латинском языке», — рассказывает один из его слушателей (Ф. Фортунатов, Воспоминания о С.-Петербургском университете за 1830—1833 годы. «Русский архив», 1869, стб. 305—340). В 1837 г. Грефе читал в университете греческий язык, комментируя «Царя Эдипа» Софокла и главы Геродота «О персидских войнах». Еще в 1842 г., сдавая экзамен на степень магистра философии, Тургенев отвечал тому же Грефе письменно и устно по латыни и по-немецки (Н. М. Лисовский, Новые материалы для биографии И. С. Тургенева, СПб., 1892, стр. 8, 24—25; ср.: А. Малеин). Латинские кляузурные работы И. С. Тургенева. «Гимназия», 1893, № 8, стр. 319—329).

³ Фрейтаг Федор Карлович (1800—1859) — с 1836 г. профессор римской словесности и древностей Петербургского университета. В 1837 г. он читал студентам со своими пояснениями «Избранные оды» Горация и «Тускуланские беседы» (Questiones Tusculanae) Цицерона.

2

Господин Дестунис, я у вас был и отдал там вашу 6-ую тетрадь Ивановского; ¹ вы бы меня очень обязали если бы приготовили 7-ую сегодня к 4 часам пополудни, которую я бы Вам к экзамену Греффе с благодарностью возвратил.

Вам преданный

Иван Тургенев

<Конец апреля 1837 года>

¹ Ивановский Игнатий Иакинфович (1807—1886) — профессор-юрист, с 1835 по 1871 г. занимавший в Петербургском университете кафедру «общенародного права и дипломатии».

3

Одна болезнь моя помешала мне, Г-н Дестунис, доставить Вам Вашу тетрадь Ивановского; если она Вам очень нужна, то я ее тот час pošлю к Вам — если же вы можете повременить до завтрашнего утра, то я Вам буду очень обязан. — Также — сделайте одолжение, пришлите программу Куторги,¹ если она есть у Вас — она через Вас к Вам возвратится. —

Вам преданный

Иван Тургенев

2-го Мая

1837-го года.

¹ Куторга Михаил Семенович (1809—1886) — видный впоследствии ученый-историк; с 1835 г., в качестве преподавателя всеобщей истории сменил в Петербургском университете Н. В. Гоголя, читавшего здесь историю древнего мира и средних веков; с 1838 г. М. С. Куторга состоял профессором университета по той же кафедре.

4

Не думайте Г-н Дестунис, что тетрадь была вчера не готова; но мой знакомый, когда я к нему за ней зашел, не помнил, куда ее дел и мы искали с час — не могли найти — что, как вы поймете, было для меня чрезвычайно неприятно — я собирался к нему сей час ехать — как он мне ее присылает — она у него как то попала в ящик, где он никак не думал ее найти. Возвращаю Вам ее с благодарностью; маленькое же прибавление вы получите сегодня же непременно — я его не успел списать. Также вы меня очень обяжете, если можете доставить мне программу Ивановского, которую я вместе с тетрадкой вам возвращу. Честь имею остаться

Ваш покорный слуга

И. Тургенев

Сего 5-го Мая

1837-го года.

П. А. ПЛЕТНЕВУ

О своем знакомстве и сношениях с Петром Александровичем Плетневым (1792—1865) — другом Пушкина, Жуковского, Гоголя, много лет состоявшим ректором Петербургского университета и академиком и, следовательно, принадлежавшим к значительно более раннему поколению русских литераторов (Плетнев был старше Тургенева более чем на четверть века), — И. С. Тургенев рассказал сам в своем очерке «Литературный вечер у П. А. Плетнева» (1869). Написанный свыше тридцати лет после события, которое определило его заглавие, этот очерк Тургенева содержит в себе ряд хронологических неточностей, вызванных частично ошибками его памяти, частично его стремлением обобщить свои воспоминания о личности Плетнева и его ближайших литературных друзьях. В своем очерке Тургенев соединил разновременные факты, относящиеся к периоду его учения в Петербургском университете и к более поздним годам: описанная Тургеневым мимолетняя встреча с Пушкиным в прихожей у П. А. Плетнева, и тогда же с Кольцовым, не могли происходить ни в один день, ни даже в том же 1837 г., как утверждает Тургенев; «третьекурсным студентом», как себя называет Тургенев в очерке, он был не в 1837, а в 1836 г., и именно в этом году Тургенев давал на просмотр Плетневу свои ранние юношеские произведения (см.: И. С. Тургенев, Литературные и житейские воспоминания. Редакция, комментарий и статьи А. Островского, Л., 1934, стр. 272). Литературный вечер на квартире у П. А. Плетнева, описанный Тургеневым, относится к весне 1838 г. М. К. Клеман (Летопись жизни и творчества И. С. Тургенева, М.—Л., 1934, стр. 24) относит его к 9 марта этого года; первое же знакомство Тургенева-студента с ректором университета Плетневым состоялось в 1836 г.

Препровождая другому университетскому профессору, А. В. Никитенко (при письме от 26 марта 1837 г.), свои «первые слабые опыты на поприще русской поэзии», Тургенев упоминал и свое «первое произведение», драму «Стéно», написанную им шестнадцати лет, и добавлял: «С год назад я ее давал П. А. Плетневу. Он мне повторил то, что я давно уже думал, что все преувеличено, неверно, незрело. . . и если есть что-нибудь порядочное, то разве некоторые частности, очень немногочисленные». Обращаясь с просьбой к А. В. Никитенко дать отзыв о его поэтических произведениях, Тургенев писал далее: «Еще одна просьба; не говорите об этом Петру Александровичу: я обещал и ем у, перед знакомством с Вами, доставить мои произведения, и до сих пор не исполнил обещания. Мнения его, которые я, впрочем, очень уважаю, не сходятся с моими. . .» («Русская старина», 1896, № 12, стр. 589). Действительно, уже в юные годы Тургенев отчетливо чувствовал резкое несовпадение своих литературных и эстетических взглядов с теми, которые Плетнев провозглашал с университетской кафедры, и последующие годы должны были только усилить эти различия. В тонком и верном портрете Плетнева, данном Тургеневым тридцать лет спустя в упо-

мянутом очерке, Плетнев недаром отнесен «к эпохе, ныне безвозвратно прошедшей»; при всей благожелательности сделанной ему характеристики, Плетнев выглядит в этом портрете не только «старомодным», но и чуждым основным устремлениям Тургенева как писателя. Этот «наставник старого времени», — по определению Тургенева, — этот «словесник, не ученый», не был и критиком: «Для критика — в воспитательном, в отрицательном значении слова — ему недоставало энергии, огня, настойчивости, прямо говоря — мужества. Он не был рожден бойцом. . . Он не обладал никаким так называемым „творческим“ талантом; и он сам хорошо это знал. . . „Красок у меня нет“, жаловался он мне однажды: „все выходит серо, и потому я не могу даже с точностью передать то, что я видел и посреди чего жил“». Не подлежит, впрочем, сомнению, что интерес и внимание Тургенева к личности Плетнева обусловлены были тем, что он всегда видел в нем живой обломок прошедшего, одного из деятелей страстно интересовавшей Тургенева поры, средоточием которой был Пушкин. Говоря о своих студенческих годах в упомянутом очерке, Тургенев писал о Плетневе: «. . . его — как человека, прикосновенного к знаменитой литературной плеяде, как друга Пушкина, Жуковского, Баратынского, Гоголя, как лицо, которому Пушкин посвятил своего Онегина, — окружал в наших глазах ореол». В более поздние годы этот «ореол» Плетнева в глазах Тургенева сильно потускнел; но Тургенев навсегда сохранил ровный и неизменный интерес к этому «почтенному и благодушному словеснику старого закала», который «не расставался с дорогими воспоминаниями своей жизни» и чья «любовь к родной словесности, к родному языку, к самому его звуку» выражалась также и в его постоянном внимании к «произведениям наших новых писателей» (Сочинения, т. XI, 1934, стр. 394—396).

Получив в 1837 г. от П. А. Плетнева разрешение прослушать в этом году вторично лекции третьего курса университета и удостоенный в этом году степени кандидата (Ю. Г. Оксман. Тургенев в С.-Петербургском университете — в его книге: И. С. Тургенев. Исследования и материалы, вып. 1, Одесса, 1921, стр. 106—108), Тургенев уехал из Петербурга. Памятником его знакомства с Плетневым на литературной почве и вне университетских стен осталось лишь несколько стихотворений Тургенева, напечатанных в плетневском «Современнике» конца 30-х и начала 40-х годов. Затем их пути постепенно разошлись. Любопытно, впрочем, что в 40-е годы Плетнев, следивший за текущей литературой, весьма сочувственно отзывался о произведениях Тургенева, уже начинавшего пользоваться известностью. «В XI № Отечественных Записок нашел я прекрасные стихи молодого Тургенева „Весенний вечер“, списал их и послал к великой княжне Ольге Николаевне», — писал Плетнев Я. К. Гроту 6 ноября 1843 г. (Переписка Я. К. Грота с П. А. Плетневым, т. II, СПб., 1896, стр. 147); «Автор „Параши“ [И. С. Тургенев] вчера прислал мне для Современника свои новые стихи, которые ты увидишь с буквами Т. А. в № 3», — вновь писал Плетнев тому же

своему корреспонденту 12 февраля 1844 г. (там же, стр. 184). В следующем, 1845 г. в тех же письмах Плетнева мы еще дважды встречаемся с именем Тургенева: в письме от 21 февраля: «Читал ли ты в Отечественных записках критику на перевод Вронченка „Фауст“. Это писал Тургенев» (там же, стр. 405); в письме от 7 ноября: «Виделся с Тургеневым, автором „Параши“. Обещал в воскресенье быть у меня и привезти новое сочинение. Лето он провел во Франции на испанской границе. Хвалит очень какого то молодого нового сочинителя повестей. Верно и этот утонет в Отечественных Записках» (там же, стр. 614). Дальнейшие упоминания Тургенева в письмах Плетнева становятся все более редкими. В ответ на вопрос Я. К. Грота, спрашивавшего Плетнева: «Как понравились тебе стихи Тургенева под заглавием „Деревня“?» (в «Отечественных записках»), Плетнев отвечал (18 января 1847 г.): «Тургенева все стихи прелесть» (Переписка Я. К. Грота с П. А. Плетневым, т. III, СПб., 1896, стр. 49). Через два года Плетнев сообщил Гроту (5 ноября 1849 г.): «Третьего дня вечером я с женою был у Одоевских, которые собрали весь beau monde * слушать Щепкина, читавшего Тургенева новую комедию в прозе „Нахлебник“. Целое больше походит на анекдот, нежели на комедию. Но одно лицо (именно нахлебник) так чудесно обрисовано, в такое трогательное поставлено положение и так само по себе проникнуто комизмом, что нельзя не признать в авторе истинного таланта» (Переписка Я. К. Грота с П. А. Плетневым, т. III, стр. 487).

О личных связях Тургенева с Плетневым после их встречи в ноябре 1845 г. в Петербурге мы не имеем никаких данных вплоть до конца 1858 г., к которому мы предположительно относим первое из публикуемых ниже писем Тургенева к Плетневу. Встреча их состоялась в Петербурге. Последующие его письма, свидетельствующие об их дальнейших встречах в конце 50-х и начале 60-х годов, за исключением последних двух, написаны в Петербурге. Всех писем Тургенева в архиве Плетнева сохранилось 10. Не имея значительного литературного интереса, письма эти вносят существенные даты в хронологическую канву жизни Тургенева и сообщают несколько житейских мелочей, которые смогут оказаться пригодными для его биографии. В особенности же существенно то, что в этих письмах есть немало данных, которые составляют естественный документальный комментарий к очерку Тургенева «Литературный вечер у П. А. Плетнева». «Я любил беседовать с ним, — пишет здесь Тургенев. — До самой старости он сохранил почти детскую свежесть впечатлений... Рассказывать о Пушкине, о Жуковском — было для него праздником» (Сочинения, т. XI, 1934, стр. 395—396). Но о встречах с Плетневым Тургенев говорит здесь же очень глухо («раза два... за границей»). Публикуемые письма позволяют определить точные календарные даты этих встреч и бесед. В Петербурге в 1859—1860 гг. Тур-

* Цвет общества (франц.).

генов имел некоторые дела с Плетневым как с ректором Петербургского университета (письмо 6-е) и в качестве распорядительного члена комитета Литературного фонда (письма 5-е и 7-е), но, может быть, он читал ему также и свои новые произведения, как делал он это и позже, в Париже, в 1864 г.

Летом 1863 г., тяжело больной, П. А. Плетнев для лечения и операции приехал в Париж вместе с женой Александрой Васильевной и двумя сыновьями Александром и Алексеем. В начале 1864 г. (а может быть и летом 1863 г.) Тургенев несколько раз посетил Плетнева. Об этом Плетнев писал Я. К. Гроту 10(22) августа 1864 г.: «Пока я жил в Париже, меня чаще навещали некоторые из знакомых наших, нежели здесь <на даче>, в значительном расстоянии от города... Иван Сергеевич Тургенев приносил к нам и читал некоторые из новых сочинений своих» (Переписка Я. К. Грота с П. А. Плетневым, т. III, стр. 683). О том же свидетельствует и сын Плетнева, Алексей Пстрович, находившийся в то время в школьном возрасте. А. П. Плетнев рассказывает, что его отец, живя в Париже, благодаря «заботам матери... чувствовал себя сравнительно хорошо, мог выходить на небольшие прогулки и вел переписку с друзьями в Петербурге. Иван Сергеевич Тургенев время от времени к нам заглядывал, и я помню хорошо тембр его голоса и оживленную и выразительную манеру говорить. В России тучи все медленно, но беспрерывно надвигались, и наше положение было часто предметом беседы автора „Отцов и детей“. В одно из своих дружеских посещений нашего дома, я помню, как Иван Сергеевич, который при всей сознательной любви своей к России, всегда болел сердцем за ее недостатки и выражался об этом без обиняков, как то заметил по поводу нашего тогдашнего настроения, что „мы совсем изолгались“» (Алексей Плетнев, Воспоминания, Одесса, 1910, стр. 13). Возможно, что Тургенев читал Плетневу «Призраки» (см. ниже, письмо 9-е); несомненно, что он читал ему свой рассказ «Собака» и что чтение это происходило в середине апреля (н. ст.) 1864 г., до отъезда его из Парижа в Баден-Баден. П. В. Анненкову Тургенев писал 1(13) апреля этого года: «... я кончил переписку мою новую повестушку <речь идет о «Собаке»>, но так как я при переписывании много прибавил и переделал, то немедленно вам послать не могу; я обещал умирающему старику Плетневу прочесть ему эту безделку» (П. В. Анненков, Литературные воспоминания, СПб., 1909, стр. 572). Тургенев упоминает в своем «Литературном вечере у П. А. Плетнева», что ему «... пришлось раза два встречаться с ним за границей... в последний раз я видел его в Париже, незадолго до кончины» (Сочинения, т. XI, 1934, стр. 395). Именно посещения Плетнева, с рукописью своей «повестушки» в руках, Тургенев, вероятно, и вспоминает здесь: 20-м апреля н. ст. 1864 г. помечено его прощальное письмо Плетневу, перед отъездом на другой день в Баден-Баден. Плетнев умер в Париже 29 декабря 1865 г.

Письма печатаются по автографам ИРЛИ (ф. 234, оп. 3, № 665—666).

1

〈С.-Петербург, 13 ноября 1858 г.〉

Вот уже пятый день, любезный и почтенный Петр Александрович — как меня мучит лихорадка; и хотя мне сегодня легче, но выезжать я еще не могу — и потому лишен удовольствия быть у Вас сегодня вечером. Если только здоровье мое мне позволит, непременно явлюсь к Вам будущее Воскресение.

С истинным уважением остаюсь
Искренно Вам преданный
Ив. Тургенев.

Воскресение
10 ч. утра

Из 10 публикуемых писем И. С. Тургенева к П. А. Плетневу только три имеют точные даты; остальные обозначены лишь днями недели. Датировке оказывают существенную помощь аккуратные записи о дне их получения, сделанные на каждой из них П. А. Плетневым. На этом письме Плетнев записал: «П<олучено> 13 нояб<ря> вечер», но не проставил года. Датировку предположительно 1858 г., так как письмо не могло относиться ни к одному из последующих лет. Известно, что 9 ноября 1858 г. Тургенев приехал в Петербург и прожил здесь большую часть зимы (Н. Гутьяр. Хронологическая канва для биографии И. С. Тургенева, СПб., 1910, стр. 37; М. К. Клеман. Летопись жизни и творчества И. С. Тургенева, М.—Л., 1934, стр. 102). Впрочем, письмо может относиться также и к 1855 г.: к этому году его относит Л. М. Добровольский в своем описании рукописей и переписки И. С. Тургенева (Бюллетени рукописного отдела Института русской литературы, II, М.—Л., 1950, стр. 61).

2

〈С.-Петербург, 11 марта 1859 г.〉

Любезнейший Петр Александрович,

Когда я Вам обещал вместо пятницы обедать у Вас в четверг, я совсем позабыл, что в этот день я должен был, вместе со многими приятелями, обедать у Безобразова. Извините же меня (вспомнил я об этом только сегодня вечером и не мог предупредить Вас раньше) — я буду у Вас в Субботу после обеда и привезу все что обещал. —

Простите меня великодушно *«зачеркнуто одно слово»*, не взыщите также за бумагу — другого клочка во всем доме не отыскалось; крепко жму вам руку и низко кланяюсь Вашей жене.

Душевно Вам преданный
Ив. Тургенев.

Середа вечером

«На обороте»

Его Превосходительству
Петру Александровичу
Плетневу.
В Университете.

На письме рукою Плетнева написано: «*Получено*» 12 марта 1859». Датируем его 11 марта 1859 г. на том основании, что среда в этом месяце приходилась на 11-е число; следовательно, письмо получено Плетневым на другой день после его написания. — В. П. Безобразов (1828—1889) — видный чиновник министерства финансов и государственных имуществ, приятель М. Е. Салтыкова, писатель по экономическим вопросам и публицист; впоследствии академик. В печати известно не датированное полностью (без обозначения года) письмо Тургенева к Безобразову (Центрархив. Документы по истории литературы и общественности, вып. II, И. С. Тургенев, М., 1923, стр. 69); настоящее письмо Тургенева к Плетневу делает возможным отнесение указанного письма его к Безобразову к 2 марта 1859 г., тем более, что вторник в этом году приходился, действительно, на это число месяца. К тому же 1859 г. относится (неизданное) письмо Тургенева к В. П. Безобразову, находящееся в Пушкинском Доме.

3

«С.-Петербург, 16 марта 1859 г.»

Любезнейший Петр Александрович,

не пеняйте на меня, пожалуйста: я не могу к Вам приехать — по следующей причине: у меня сегодня Анненков давал обед и до сих пор гости сидят и не скоро разойдутся. — Но мне остается следующее средство, так как я очень желаю Вас видеть: я для всех уезжаю в четверг, а для Вас в пятницу — и тихонько приеду к Вам в четверг со всеми принадлежностями. Надеюсь,

что Вы будете дома — не сердитесь на меня. Жму Вам крепко руку и кланяюсь Вашей жене.

Ваш
Ив. Тургенев

Понедельник
〈На обороте〉

Его Превосходительству
Петру Александровичу
Плетневу
В Университете.

От Тургенева.

На письме запись Плетнева: «Получено» 16 марта 1859 г.» Датируем тем же числом на том основании, что в тот же день Тургенев писал Н. А. Основскому в Москву («понедельник, 16 марта 1859 г.»): «Спешу уведомить вас... что я выезжаю отсюда в четверг и потому прошу Вас не ждать меня раньше пятницы» (Первое собрание писем И. С. Тургенева, СПб., 1884, стр. 60). Пятница приходилась на 20-е число марта; именно этим числом датирует отъезд Тургенева в Москву М. К. Клеман (Летопись, стр. 104).

4

〈С.-Петербург, 13 декабря 1859 г.〉

Вы были так добры, любезнейший Петр Александрович — посетили меня, не застали меня дома — и теперь, может быть, пеняете на меня за то, что я не посетил Вас... Но дело вот в чем: с тех пор как я здесь, я выехал всего два раза — и именно в один из этих выездов — Вы были у меня. — А теперь я сижу дома по приказанию доктора: у меня какая-то странная и упорная боль в горле, которая вот уж 3-й месяц как мучит меня — бог знает что это такое — вероятно та же невралгия, которая туда бросилась. И потому не пеняйте на меня — и знайте, что был бы я здоров, сегодня бы к Вам отправился.

Дружески жму Вашу руку, усердно кланяюсь Вашей супруге и надеюсь, что здоровье ее хорошо.

Преданный Вам
Ив. Тургенев.

Воскресение утром

Рукою П. А. Плетнева, карандашом, на письме написано: «Получено» 13 Дек. 1859. В тот же день виделся лично». Написание письма датировано тем же числом на том основании, что воскресенье приходилось на 13 декабря этого года. Незадолго перед тем Тургенев приехал в Петербург из Москвы. Болезнь, на которую ссылается Тургенев, мучила его все зимние месяцы 1859—1860 гг.; он неоднократно говорит об этом в своих письмах (ср.: Письма И. С. Тургенева к графине Е. Е. Ламберт, с предисловием и примечаниями Г. П. Георгиевского, М., 1915, стр. 56—57 и сл.); возможно, что болезнь возобновлялась: еще 5 (17) декабря 1859 г. И. С. Тургенев писал Н. И. Тургеневу: «Только недавно я вернулся в Петербург — и лишь два дня, как я, благодаря упорному бронхиту, начал выходить» (Тургенев и его время, под ред. Н. Л. Бродского, сб. 1, М., 1923, стр. 214—215). В последних строках своего письма Тургенев упоминает о жене П. А. Плетнева — А. В. Плетневой (о которой см. в публикуемых ниже письмах к ней); он знал, что А. В. Плетнева весной и летом 1859 г. была тяжело больна и что ее возили за границу для лечения (Переписка Я. К. Грота с П. А. Плетневым, т. III, СПб. 1896, стр. 656—661).

5

С.-Петербург, 25 декабря 1859 г.

Почтеннейший Петр Александрович — поручение Ваше на счет билетов в точности будет исполнено и Г-н Грот записан в моем списке, но билетов Вам теперь выдать я не в состоянии, потому что они будут печататься только после праздников и раздадутся членам комитета только в течении будущей недели. Вы их получите, как только они попадутся мне в руки.

Поздравляю и Вас и Вашу жену с праздником и желаю Вам всего хорошего.

Преданный Вам
Ив. Тургенев.

Пятница 25 Дек.

На письме сделана запись П. А. Плетнева: «25 Дек. 1859». Тургенев имеет в виду первое публичное чтение в пользу «Общества для вспомоществования нуждающимся литераторам и ученым», устроенное в Петербурге 10 января 1860 г. Тургенев выступил на нем со своей речью «Гамлет и Дон Кихот»; на автографической рукописи ее сделана запись Тургенева: «... кончено 28 Дек. в С. Петербурге, в Понедельник», т. е. через три дня после публикуемой записки его к Плетневу, загодя хлопотавшему о билетах на это чтение для себя и для своего приятеля акад. Я. К. Грота. Дочери своей,

Полине, Тургенев писал о большом интересе, который вызвал к себе этот вечер: «Публика расхватала все билеты еще накануне чтения» (И. С. Тургенев. Соч., т. XII, М.—Л., 1933, стр. 535). «Литературные чтения в Петербурге начались только с открытия Лит. фонда, — рассказывает Л. Пантелеев. — В первое время добыть билет на них было очень трудно, так как зал Пассажа, где они происходили, был не велик, а желающих попасть на чтения было видимо-невидимо, несмотря на довольно высокую, по тогдашнему времени, цену; мест дешевле рубля не было, и то в галлерее» (Юбилейный сборник Литературного фонда. 1859—1909, СПб., 1909, стр. 85—86). Речь Тургенева была напечатана в первой книжке «Современника» 1860 г.

6

«С.-Петербург, 12 января 1860 г.»

Любезнейший Петр Александрович,

Пожалуйста, не дайте чтоб заклевали Пинто пустыми формальностями: я принимаю в нем живейшее участие — и притом я убежден что Университету не нажить такого другого лектора Италиянского языка: он принесет ему и честь и пользу. — Крепко надеюсь на Вас — и также крепко жму Вам руку. Я завтра еду в Москву на 8 дней: до свидания и будьте здоровы.

Ваш

Ив. Тургенев

Вторник 12 янв. <18>60.

На письме запись рукою П. А. Плетнева: «П<олучено> и о<твечено> 12 янв<аря> 1850».

Микель Анджело Пинто, о котором идет речь в настоящем письме, родился в Риме в 1818 г. и окончил римский университет со степенью доктора прав в 1840 году. «По окончании университетского курса, — пишет В. В. Григорьев, — два года путешествовал он по Франции, Германии и Англии, изучая местные языки, нравы и быт; возвратившись же в отечество, взялся за адвокатуру, не оставляя при этом занятий изящной словесностью и политической экономией, особенно им любимую». Избранный секретарем артистической академии Del Pantheon, он в середине 40-х годов принял также деятельное участие в политической жизни; Пинто был издателем и редактором журналов «L'Italico» (1846—1847), «L'Erosa» (1848—1849) и, в те же годы, юмористического иллюстрированного «Don Pirlone». В 1848 г. он являлся депутатом Выборной палаты, «... послан был от правительства

к королю Карлу-Альберту, с поручением условиться насчет оснований для общей Итальянской конфедерации; позже, избранный в члены Учредительного Собрания, назначен был чрезвычайным послом при Швейцарском Союзе, а после того, при Сардинском Правительстве». После переворота 1849 г. Пинто оказался в эмиграции, без средств к существованию и занят был по преимуществу литературными трудами. Помимо большого количества статей в разных изданиях, М.-А. Пинто издал также ряд книг на итальянском языке: о влиянии общества на воспитание женщины (1846), трактаты о политической экономии (1853) и об истории философии (1853), трехтомные «Воспоминания итальянца» (Турин, 1850—1851), несколько драм и сборников лирических стихотворений (подробнее см.: В. В. Григорьев. Императорский С. Петербургский университет в течение первых пятидесяти лет его существования, СПб., 1870, стр. 146—147). В. В. Григорьев утверждает, что должность лектора итальянского языка Пинто получил «вскоре по прибытии своем в Россию, куда направил его из Парижа известный Н. И. Тургенев» (там же, стр. 147); не можем положительно сказать, не имеется ли здесь в виду И. С. Тургенев. Дружески связан был Пинто также с семьей А. И. Герцена. 8 ноября 1856 г. Герцен писал И. С. Тургеневу: «Ты познакомился, кажется, с Пинто. Он очень хороший человек, но откуда у него геймвег <немещк. Heimweh — тоска по родине> по России?» (Полное собрание сочинений и писем, т. VIII, 1919, стр. 355). Из письма Герцена к М. К. Рейхель (от 10 октября 1856 г.) следует заключить, что в Россию Пинто собирался еще в этом году; о Пинто Тургенев упоминает в письме к Герцену от 8 января 1857 г. по поводу вечеринки в Париже у Н. А. Мельгунова (Письма И. С. Тургенева к А. И. Герцену, Женева, 1892, стр. 97). В Россию Пинто приехал не ранее конца 1859 г. В неопубликованном письме (от 16/28 декабря 1859 г.), хранящемся в Государственной Публичной библиотеке в Ленинграде, Тургенев рекомендовал Пинто кн. О. С. Одоевской и просил доставить ему место для занятий (Н. Гутьяр, Хронологическая канва, 1910, стр. 40—41). Определение Пинто на должность лектора итальянского языка Петербургского университета состоялось в феврале 1860 г. Вступительная его лекция («О характере итальянской литературы»), читанная 1 марта 1860 г., в русском переводе напечатана в «С. Петербургских ведомостях» (1860, № 80). 2 марта того же года И. С. Тургенев, находившийся в то время в Петербурге, писал кн. В. А. Черкасскому: «Это письмо передаст Вам мой друг, г. М. А. Пинто, о котором я вам так много говорил. Я надеюсь, скажу даже больше, — я уверен, что Вы его примете как друга. Он вам скажет, в чем ~~какому~~ сможете быть полезным, впрочем, я и сам расскажу вам об этом» и т. д. (И. С. Тургенев. Сборник. Под ред. Н. Л. Бродского, изд. Государственной Библиотеки СССР им. В. И. Ленина, М., 1940, стр. 226, 233). Сношения Тургенева с Пинто едва ли, впрочем, частые, продолжались долгие годы; еще 11 мая 1872 г. П. В. Анненков сообщал Тургеневу, что его ждет «пакет от Пинто со 175 р.» («Труды Публичной

библиотеки СССР им. Ленина», вып. III, М., 1934, стр. 126). В 60—70-х годах М. Пинто напечатал ряд работ об итальянской литературе в русских изданиях: «О Данте» («Отечественные записки», 1865, №№ 9 и 11), «Петрарка и его политическое значение» (ЖМНПр., 1867, № 6), «Микель-Анджело Буонаротти как поэт» (то же, 1870, № 6); отдельными изданиями вышли: «Исторические очерки итальянской литературы. Извлечено из лекций, читанных в имп. С.-Петербургском университете», «Данте, его поэма и его век», СПб., 1866, и «История национальной литературы в Италии. Лекции, читанные в имп. С.-Петербургском университете», т. I, СПб., 1869. К дате публикуемого письма см. хронологические вычисления Г. П. Георгиевского (Письма И. С. Тургенева к гр. Е. Е. Ламберт, М., 1915, стр. 218—219).

7

⟨С.-Петербург, 8 марта 1860 г.⟩

Желание Ваше, любезнейший Петр Александрович, будет исполнено в точности, хотя собственно у меня билетов нет — и я их получу от Кожанчикова. — Но как только они у меня будут, я их доставлю Вам. — Дружески кланяюсь Вашей супруге и Вам.

Преданный Вам
Ив. Тургенев.

Вторник 8 марта.

⟨На обороте⟩

Его Превосходительству
Петру Александровичу
Плетневу

На письме запись П. А. Плетнева: «П⟨олучено⟩ 8 марта 1860». Возможно, что это письмо относится к публичному чтению Литературного фонда, которое должно было состояться в середине марта 1860 года, но было отменено по решению комитета, о чем Тургенев писал А. Н. Островскому 15 марта (Неизданные письма к А. Н. Островскому. Приготовили к печати М. Д. Прыгунов, Ю. А. Бахрушин и Н. Л. Бродский, М.—Л., 1932, стр. 588—589) и М. В. Авдееву («Русская старина», 1902, № 8, стр. 280). — Д. Е. Кожанчиков — петербургский издатель и книгопродавец.

8

⟨С.-Петербург, 11 марта 1860 г.⟩

Я только что хотел послать к Вам билет на ложу любезнейший Петр Александрович; мне совестно, что Вы за ним приехали. — До завтра, кланяюсь Вашей супруге и Вам

Преданный Вам
Ив. Тургенев

Пятница.

На письме запись П. А. Плетнева: «Получено» 11 марта 1860».

9

Париж
Rue de Rivoli, 210

Среда, 20-го апр. 1864

Любезнейший Петр Александрович, посылаю Вам мою карточку с желанием, чтобы она хоть изредка Вам напоминала человека, Вас искренно любящего. «Призраки» — я к сожалению послать Вам не могу — но постараюсь доставить Вам их из Бадена.

Надеюсь свидеться с Вами, еще в Париже — усердно кланяюсь Вашей жене и дружески жму Вам руку.

Душевно Вам преданный
Ив. Тургенев.

Вечером 9/21 апреля 1864 г., как мы знаем из письма Тургенева к Н. В. Щербаню («Русский вестник», 1890, № 8, стр. 14), он выехал в Баден-Баден, чем и вызвана публикуемая записка. — Повесть Тургенева «Призраки» появилась в первой книжке журнала «Эпоха», вышедшей в свет в конце февраля (ст. ст.).

10

Баден Баден

Schillerstrasse, 277

13-го/1-го июня 1864

Почтеннейший Петр Александрович, я получил от одного моего знакомого известие о Вашем здорoвьи, а также и новый Ваш

адрес, которым, как видите, немедленно пользуюсь. — Вам, говорят, гораздо лучше, так что Вы можете гулять: радуюсь этому — но желал бы иметь более подробные сведения об Вас от Вас самих или от Вашей любезной жены, которую благодарю искренно за присланную карточку. — Надеюсь, что теплый летний воздух Вас окончательно восстановит. Ville d'Argay мне место известное: это маленький рай. Только не знаю, какова у Вас погода: у нас до сих пор весьма неудовлетворительная.

Мое здоровье недурно: недугов больших нет — а с маленькими надобно жить да судьбу благодарить. За работу еще серьезно не принимался. —

Что Ваши детки подельвают? — Кланяюсь дружески Вашей жене. Здесь русских довольно — да ни одного по душе. — Не с кем потолковать о том, что любишь, о поэзии, о Пушкине. Нет, что с Вами.

Крепко жму Вам руку, желаю Вам всего хорошего и остаюсь
преданный Вам
Ив. Тургенев.

Говоря в этом письме о получении «от одного моего знакомого» известия о здоровье Плетнева, Тургенев, несомненно, имел в виду жившего в то время в Париже Н. В. Щербаня. Еще 2 июня (н. ст.) Тургенев поручил ему: «Будьте так добры, осведомьтесь о здоровье П. А. Плетнева и дайте мне знать. Он живет в rue de Chemin de Versailles, очень близко от Arc de Triomphe и Champs Elisées, — не помню 39 или 59. Напишите мне аккуратно его адрес. Это от вас недалеко» («Русский вестник», 1890, № 8, стр. 15). 25 июня 1864 г. Тургенев вновь напоминал ему: «... съездите когданибудь к Плетневу: это доброе дело, и жена его — та самая особа, которая давала вам карточку», — «фотографическую для пересылки И. С. Тургеневу», — комментирует Н. В. Щербань (там же, стр. 16). Именно об этой же фотографической карточке (П. А. Плетнева?) и упоминает Тургенев в публикуемом письме.

А. В. ПЛЕТНЕВОЙ

Письма И. С. Тургенева к вдове П. А. Плетнева, А. В. Плетневой, дополняют предшествующее собрание его писем и дают кое-какие новые данные для истории его связей с этой семьей. В архиве П. А. Плетнева, находящемся в Пушкинском Доме, сохранилось 9 писем Тургенева к А. В. Плет-

невой, относящихся к 1869—1882 гг.; все они еще не были опубликованы. Во «Временнике Пушкинского Дома. 1914» (Пгр., 1915, стр. 58) дано краткое описание лишь пяти из этих писем 1874—1875 г. (ф. 234, оп. 4, № 174); мы присоединили к ним еще три письма, хранящиеся там же (ф. 234, оп. 4, № 175): два письма 1874 и 1875 годов и, открывающее всю эту переписку, письмо 1869 г., дошедшее до нас не в автографе Тургенева, но в современной ему копии (ф. 234, оп. 4, № 175).

Александра Васильевна Плетнева (1826—1901) была второй женой П. А. Плетнева; она вышла за него замуж в январе 1849 г. и очень привязалась к нему, несмотря на значительную разницу их лет. «Это существо кроткое, милое, полное божественной поэзии», писал о ней П. А. Плетнев В. А. Жуковскому вскоре после свадьбы (Сочинения и переписка П. А. Плетнева, т. III, СПб., 1885, стр. 620). В последующих письмах Плетнева к Жуковскому дается не раз подробная характеристика этой несомненно незаурядной женщины, с широкими умственными интересами, какой впоследствии она представлялась и Тургеневу. Так, в письме от 3/15 января 1850 г. Плетнев пишет Жуковскому: «Она принадлежит более миру души своей, нежели свету. Ее постоянное стремление — совершенствовать все стороны умственного и нравственного бытия своего. С давних лет она ведет свой журнал, род исповеди перед собою, и вместе род летописи минут, в которые она сильно что нибудь чувствует... Сколько свежести, оригинальности и точности в каждом выражении, в каждом обороте! Так она отмечает все дни, в которые случается с нею что нибудь сильно ее тревожащее. В минуты же покойные, среди семьи моей, она чистый, кроткий и разделяющий все радости младенец» (там же, стр. 621—622). Жуковский настолько заинтересовался этим дневником А. В. Плетневой, что читал специально выписанные для него П. А. Плетневым отрывки (там же, стр. 635, 639). «... Чистая, добрая, нежная и вся мне преданная душа. Желание самосовершенствования — вот все, чем она иногда разнится от окружающих ее особ ее пола», отзывался о ней Плетнев в письме к Жуковскому (там же, стр. 639). В числе близких друзей А. В. Плетневой в первые годы ее семейной жизни мы находим гр. Е. С. Уварову (сестру декабриста М. С. Лунина), Е. П. Ростопчину, Соханскую (Кохановскую), с которыми она находилась в деятельной переписке. А. О. Смирнова (Россет), по свидетельству П. А. Плетнева, «также очень полюбила ее (свадьба наша была при ней)» (там же, стр. 622).

А. В. Плетнева постаралась прежде всего сделать своими друзьями всех друзей своего мужа и свято беречь дорогие его сердцу воспоминания его юных лет. В семье и в родственном кругу она слышала много рассказов о Пушкине и Гоголе (сестра Плетневой по матери, В. И. Пушина, вышла замуж за художника Ф. И. Иордана, жившего вместе с Гоголем в Риме и оставившего о нем свои воспоминания); она близко знала Ф. И. Тютчева (посвятившего ей альбомное стихотворение, в котором дана ее характеристика), И. С. Аксакова, И. А. Гончарова и многих других. Любопытство и

сочувствие старика Плетнева к людям новых поколений, к более молодым писателям, к новым явлениям русской литературной жизни, вероятно, усиливались воздействием на него Александры Васильевны, являлись следствием ее живого и деятельного внимания к текущей действительности, правда, в традиционных и ограниченных рамках стародворянского культурного кругозора, но с попытками вдуматься в типические черты происходящих в русском обществе идейных сдвигов. В семье дряхлеющего Плетнева в 50—60-е годы, благодаря его жене, чувствовалось порою биение нового пульса жизни. Этим же объясняется, может быть, и то, что с большинством людей, навещавших П. А. Плетнева в последние его годы, А. В. Плетнева сохранила дружеские отношения и после его смерти. «Друзья ее мужа всю жизнь оставались и ее друзьями, — писал А. Ф. Кони в своей статье «Житейские встречи». — Вращаясь между ними, она как бы являлась представительницей покойного У нее бывали и радостно ее встречали у себя люди, чтившие память П. А. Плетнева, и она платила им приятною, сгоявшею вне сомнений и выше испытаний» («Русская старина», 1914, № 2, стр. 292—296. При этой книге ее портрет). Как хранительницу заветов семьи А. В. Плетневу хорошо характеризует ее фантастический и оставшийся без всяких последствий проект — исходатайствовать себе возвращение прав собственности на журнал «Современник», после его закрытия в мае 1866 г. В своем ходатайстве по этому поводу Плетнева писала: «Смерть моего мужа налагает на меня обязанность исполнить то, что не преминул бы он сделать, если бы богу угодно было продолжить его жизнь. . . и сохранить за семейством Плетневых — дар, врученный ему Пушкиным» (Литературный музей, под ред. А. С. Николаева и Ю. Г. Оксмана, т. I, Пгр., стр. 335). И. А. Гончаров хорошо понимал ее слабые и сильные стороны, ее стремление сочетать независимость собственных суждений с твердым служением принципам ее покойного мужа и памяти о нем, когда, посылая ей «Обрыв», писал в сопроводительном письме: «Не Вам следует благодарить меня за книгу, а мне Вас за Ваши глубоко трогательные выражения доброты и внимания ко мне. Приношение Вам книги — простой долг с моей стороны, слабое выражение признательности к Вам и к памяти Петра Александровича. Друг Карамзина, Жуковского, Крылова, Пушкина — он до конца жизни не переставал и не уставал одобрительно-ласково встречать всякое новое, даже незначительное дарование в литературе. И меня, при первом моем шаге в литературе, он приветствовал с дружеской добротой, которая не изменялась в течение двадцати лет. Вы. . . Нужно ли напоминать Вам Ваше любезное радушие и тонкую, живую внимательность, которую Вы вместе с ним оказывали и оказываете до сих пор автору поднесенного Вам „Обрыва“...» («Временник Пушкинского Дома», 1914, Пгр., 1915, стр. 128).

И. С. Тургенев, как видно из предшествующих его писем, встречался с А. В. Плетневой во время своих визитов к П. А. Плетневу в Петербурге

(1859—1860) и в Париже, куда она привезла больного мужа в конце 1863 г. Последние письма Тургенева к Плетневу неизменно сопровождаются поклонами его преданной и заботливой жене, высказанными с чувством живой симпатии к ней. После смерти Плетнева личные встречи Тургенева и А. В. Плетневой прервались на несколько лет. Поводом для обмена письмами с ней, но далеко не в прежних приятельных тонах, явился напечатанный Тургеневым в десятом номере «Русского архива» за 1869 г. очерк «Литературный вечер у П. А. Плетнева», вошедший в цикл его «Литературных и житейских воспоминаний» и вскоре же перепечатанный в первом томе нового издания его «Сочинений» (1869); между прочим, в этом очерке Тургенев кратко отозвался и о ней, говоря, что Плетнев «во второй своей супруге, в детях своих, нашел все нужное для истинного счастья». Как известно, близкими друзьями Тургенева этот его очерк был встречен весьма сдержанно. П. В. Анненкову Тургенев писал 24 октября (5 ноября) 1869 г. из Баден-Бадена: «Мой отрывок о Плетневе произвел на Вас то самое впечатление, какое должно было ожидать. Я писал его вяло и неохотно (как почти все эти «Воспоминания»), по просьбе Бартенева. Я полагал убить этим двух мух разом, а, кажется, убил только время» («Русское обозрение», 1894, кн. 3, стр. 28—29). На другой день Тургенев получил «раздраженное» письмо от А. В. Плетневой, полное упреков по его адресу за недостаточно почтительное отношение к памяти ее покойного мужа, за якобы недооценку его истинных заслуг перед русской наукой и литературой. Это письмо очень огорчило Тургенева, и он тотчас же написал Анненкову (6 ноября/25 октября 1869 г.), поручая ему доставить А. В. Плетневой свой ответ: «... по поводу отрывка о Плетневе, я получил от его вдовы письмо, которое я прилагаю в оригинале с просьбой возвратить мне его. Уж кажется, на что — как Вы выражаетесь — en grisaille* этот отрывок: нет! Выходит, что я оклеветал Плетнева, усомнился в его учености и неустрашимости. Я бы не обратил внимания на это, если б я не уважал глубоко г-жу Плетневу, одну из лучших женщин, с которыми мне пришлось встречаться. Мне очень жаль, что она огорчилась моими словами; чувство пиетета к памяти мужа очень почтенно и на этот раз понятно. Но неужели мой отзыв о Плетневе — в сущности — далеко не превышает того, что скажет о нем потомство, если оно будет говорить о нем? Надеюсь, что мое письмо ее несколько успокоит... За сим извинюсь в том, что навязываю на Вас хлопоты (я не знаю адреса г-жи Плетневой и даже забыл, как ее по имени и отчеству; но полагаю, что Вам это все будет легко узнать» («Русское обозрение», 1894, кн. 3, стр. 29). Именно это письмо Тургенева к Плетневой мы и приводим ниже по копии, снятой ею и сохранившейся в Пушкинском Доме среди ее бумаг. П. В. Анненков выполнил поручение Тургенева, но узнал, что А. В. Плетнева уже приняла свои меры, прося о заступничестве старинного друга ее

* В серых тонах (франц.).

мужа, акад. Я. К. Грота, который обещал поместить свой «ответ» Тургеневу в том же «Русском архиве» П. И. Бартевева. Своему приятелю, И. П. Борису, Тургенев писал по этому поводу (25/13 ноября 1869 г.): «Вдова Плетнева написала мне весьма раздраженное письмо, и Анненков уже известил меня о предстоящей статье Грота. Вот подите вы! Невольно приходит мне на память мой собственный Егор Капитоныч в повести „Затишье“: „Кажется, далеко, нежно сказал, а и тут не потрафил!“ Кто бы мог подумать, что Плетнева я представил в оскорбительном для его памяти виде! Ничего тут не поделаешь» («Русский архив», 1910, № 4, стр. 611). Вскоре после того (18/30 ноября 1869 года) Тургенев пытался оправдать себя и в глазах П. И. Бартевева, говоря, что он свою «статью написал не в уменьшение, а в увеличение репутации П. А. Плетнева» («Бюллетени Государственного литературного музея», № 1. И. С. Тургенев. Рукописи, переписка и документы, М., 1935, стр. 22).

Письмо А. В. Плетневой к Тургеневу, о котором идет речь, до нас не дошло, но об его содержании нетрудно догадаться, с одной стороны, по ответу Тургенева, который не мог оставить без внимания ни одного из выдвинутых против него обвинений, а с другой стороны, из статьи Я. К. Грота «П. А. Плетнев», действительно напечатанной в последнем номере того же «Русского архива» (1869, № 12, стб. 2067—2089).

Эта статья, несмотря на свой полемический замысел, написана была в весьма осторожных выражениях и имела, в сущности, вполне миролюбивый характер; выполняя поручение А. В. Плетневой, Я. К. Грот, очевидно, и сам понимал, что Тургенев не очень погрешил против истины. Соглашаясь с Тургеневым в общей оценке Плетнева, Я. К. Грот делал лишь необходимые, с его точки зрения, «оговорки»; впрочем, тенденциозно подобранные факты сами собою превращались в апологию его покойного друга. «Все, кому дорога память Плетнева, с особенным интересом прочли в Русском Архиве несколько страниц, посвященных ей Тургеневым, — писал Я. К. Грот в своей статье. — Несмотря на то, что от описываемого им вечера прошло более 30-ти лет, даровитый автор умел придать жизнь своему рассказу. Сознывая, что содержание слышанных на этом вечере разговоров почти совершенно забыто им, он тем не менее в нескольких характеристических чертах мастерски обрисовал лица, с которыми там встретился. Жаль только, что из речей и суждений самого хозяина не мог он привести ничего сколько-нибудь определенного. К рассказу присоединена небольшая характеристика и оценка Плетнева: хотя здесь автор и не обнаруживает особенно короткого знакомства с покойным, однако ж нельзя не согласиться, что главные черты в этом портрете схвачены верно. Некоторые из замечаний г. Тургенева требуют однако же дальнейших пояснений и оговорок» (стб. 2067). Самые «пояснения» Грота не представляют интереса, что, вероятно, должен был признать и Тургенев, ознакомившийся с его статьей. Обидным и несправедливым, например, показалось Гроту утверждение Тур-

генева, что Плетнев «не имел больших сведений», но его возражение сводилось лишь к тому, что «вопроса о мере познаний Плетнева нельзя решать в двух словах», что он был «человеком, прошедшим долгую жизнь с пером и книгою в руках, всю жизнь размышлявшим, учившим, а, следовательно, и учившимся» и т. д. (стб. 2079). Нетрудно видеть, что очерк Тургенева хотя и послужил поводом для его обмена «неприятными» письмами с А. В. Плетневой, но все же не окончательно разрушил их старые признанные отношения друг к другу, и возникшие между ними недоразумения были, в конце концов, вовсе забыты.

В 1874 г., после тяжелой болезни, которую А. В. Плетнева перенесла в начале этого года (Из переписки Я. К. Грота с кн. П. А. Вяземским. «Старина и новизна», кн. XIX, Пгр., 1915, стр. 5), приехав в Париж для лечения, она навестила Тургенева, как это видно из публикуемого ниже второго письма его к ней. В первую половину 1875 г. Тургенев несколько раз писал ей в очень дружеских тонах, в частности, по поводу П. В. Жуковского, сына поэта, художника, за успехами которого на поприще искусства она следила с особым участием, на правах старинной приятельницы семьи его отца; ср. в письме Тургенева к П. В. Жуковскому от 22 мая 1875 г.: «От милейшей Плетневой получил письма два» (сб. «Недра», кн. 4, М., 1924, стр. 283). Дальнейшие встречи Тургенева с Плетневой состоялись в Париже в сентябре 1875 г. (см. ниже письмо 5-е) и там же — в декабре 1875 г. (ср. письмо Тургенева П. В. Жуковскому от 1 декабря 1875 г. «Александра Васильевна была сегодня у меня» — сб. «Недра», кн. 4, 1924, стр. 281), в январе—феврале 1876 г. (письма 7-е и 8-е) и, может быть, в 1882 г. (письмо 9-е). Самые дружеские чувства к Плетневой Тургенев сохранил до конца своей жизни. Еще в декабре 1882 г. он просил М. М. Стасюлевича выслать ей оттиск своих «Стихотворений в прозе», напечатанных в «Вестнике Европы» (М. М. Стасюлевич и его современники, т. III, СПб., 1912, стр. 223).

1

Баден-Баден.

Thiergarten strasse, 3

Суббота, $\frac{6}{25}$ нояб. <18>69
25 окт.

Милостивая Государыня!

Если моя статья о Вашем покойном супруге Вас огорчила — то могу сказать то же самое и о Вашем письме ко мне и едва ли не с бóльшим правом. — Утешаю себя мыслию, что наверно никто в целой России, кроме Вас — не увидел в моей оценке Петра

Александровича чтонибудь иное, чем дань сочувственного уважения к человеку, вполне ее достойному. Супруг Ваш принадлежал к числу людей, которым и при жизни и после смерти нечего бояться правды; и говоря посильную правду о нем, я тем самым думал доказать мое уважение к нему. — Его искреннее смиренно-мудрое навверное само бы протестовало против слов моих, если бы я вздумал представить его ученым или бойцом. — Что же касается до Ваших сыновей, то им так же мало следует оскорбляться моим отзывом об учености их родителя, как если бы я отказал ему в звании великого поэта, несмотря на то, что он писал стихи. — Образ Петра Александровича — и при отсутствии учености, — отсутствии общем ему со многими лучшими деятелями того времени — остается во всей своей симпатической красоте и ясности. — Если же упоминая о счастье, постоянно сопровождавшем его жизнь, — я бы хотя отдаленно намекнул на то, что оно было не вполне заслуженным — я бы понимал Ваше негодование; но неужели назвать человека счастливым в его связях, в его семейной жизни, во всей его обстановке — значит — уничтожить его? —

Слова, повидимому возмутившие Вас — «что все ему плыло в руки» — несколько раз были употреблены им самим в его разговорах со мною. — Неужели Вы действительно в состоянии представить себе читателя, который, пробежав мою статью, не ощутил бы теплого чувства к благодушной личности, мною вызванной перед ним?

Я уверен, мил. государыня, что когда пройдет первое впечатление, столь неожиданно возбужденное в Вас — и наступит очередь спокойного размышления, — Вы сами убедитесь, что Вам не за что было укорять меня — и что помещением моей статьи я ни на волос не изменил тем чувствам нелицемерного почтения и, смею прибавить, дружества, которые я всегда питал к Вашему покойному супругу и к Вам — и с которыми имею честь остаться.

Милостивая государыня,

Вашим покорнейшим слугою

Ив. Тургенев.

2

Париж

50, Rue de Douai

Вторник, 12-го Янв. 75

31-го Дек. 74

Милая Александра Васильевна,

как давно Вы уже уехали и как давно мне бы следовало Вам написать! Мне очень совестно, что я такой ленивый человек... крошечку извиняет меня то, что, сколько мне было известно, Ваш протежè П. В. Жуковский,¹ Вам писал и сообщил Вам о том, что здесь происходило. — Вы уже наверное знаете, что моя дорогая молодая приятельница слишком три недели тому назад, хотя трудно, но благополучно родила дочьку² — и la mère et l'enfant se portent bien* — хотя она все еще не встает с постели.

Большой камень свалился с сердца.

Впрочем я здоров — и даже процветаю — но уже совершенно ничего не делаю. «Чуткого» Павла³ я вижу довольно часто. Он все такой же милый и хороший — и кажется, серьезно работает. — Совсем расстаться с великосветски-придворно-дилетантскими привычками он все еще не может — но делает похвальные усилия. — Он искренне Вам предан — и повидимому получает от Вас прелестнейшие письма.

Надеюсь, что Ваше здоровье не пострадало от возвращения на нашу сырую и холодную родину — и что Ваши семейные затруднения и хлопоты пришли в порядок. — Ото всей души желаю Вам всего хорошего, счастливого, мирного — и в искренности моих пожеланий Вы не сомневайтесь, не правда ли? — Я с тех пор как узнал Вас, всегда любил и уважал Вас, а со времени нашего последнего свидания в Париже, чувства, которые я всегда питал к Вам, получили еще более силы и глубины.

Поздравляю Вас с наступившим Новым годом и дружески крепко жму Вашу руку.

Душевно Вам преданный

Ив. Тургенев

* Мать и дочь хорошо себя чувствуют (франц.).

«На конверте»

Russie

S—Pétersbourg

Madame Pletneff.

В С. Петербурге.

В Троицком переулке, д. № 32.

Ее Превосходительству

Александрѣ Васильевне

Плетневой

¹ Павел Васильевич Жуковский (1845—1912) — сын поэта, художник. В архиве Пушкинского Дома хранится 46 неопубликованных писем и записок его к А. В. Плетневой, относящихся, однако, к более поздним годам (1887—1901). Большую часть жизни П. В. Жуковский провел за границей, последние годы в Веймаре, где и умер.

² Старшая дочь Полины Виардо, Клавдия («Диди»), любимица Тургенева («существо, которое я люблю больше и нежнее всего на свете», — как он написал о ней Л. Пичу), бывшая замужем за Жоржем Шамеро. «Моя милая Диди, — писал Тургенев Ю. П. Вревской, — родила 20/8 декабря дочь, которую прозвали Jeanne-Edmée — роды были страшно трудные, жизнь висела на волоске — но с тех пор прошло 19 дней — и хотя она всё ещё лежит в постели — но опасности уж никакой нет — а ребенок удивительно красивый, большой и здоровый. Теперь, как гора с плеч — а были страшные минуты и часы, о которых лучше не вспоминать» (Щукинский сборник, вып. V, М., 1906, стр. 468).

³ П. В. Жуковский. «Чутким» Павлом называла его А. В. Плетнева. Задолго до настоящего письма Тургенев дал тонкую и верную характеристику П. В. Жуковского в письме к их общему приятелю А. Ф. Онегину (8 января 1870 г.): «Это натура полу-художественная, мягкая, сочувствующая — и, однако, уже скептическая: он весь свой век будет биться и трепетать в заколдованном кругу — но заметьте, в сущности, это биение, это трепетание не представляет особенных неприятностей. Даже грусть о том, что вот-де производительности, творчества во мне нет — горькой горечи не возбуждает, а напротив придает особый переливчатый колорит эстетическим наслаждениям... За него я не боюсь — и ничего от него не ожидаю. Пусть он наслаждается. И так как он в сущности прекрасный человек, так ему и следует наслаждаться — и хандрить изредка позволительно» (Сб. «Недра», кн. 4, 1924, стр. 286). Особенно частые встречи Тургенева с П. Жуковским приходится на середину 70-х годов. По воспоминаниям И. Е. Репина, Жуковский в это время был неотлучно «при Тургеневе» в «качестве его адъютанта» (см. письмо Репина к К. И. Чуковскому от

18 марта 1926 г. — «Искусство», 1936, № 5, стр. 98). Два письма Тургенева к П. В. Жуковскому 1875 г. (от 22 мая и 1 декабря н. ст.) опубликованы в сборнике «Недра» (кн. 4, 1924, стр. 281—284); одно письмо 1876 г. в сборнике Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина «Тургенев», под ред. Н. Л. Бродского (М., 1940, стр. 19). П. В. Жуковский выполнял различные поручения Тургенева; в частности, через него Тургенев писал в третьем лице письма к Л. Н. Толстому (ук. сб. Н. Л. Бродского, стр. 127). О сношениях Тургенева с Жуковским см. также: Щукинский сборник, вып. V, стр. 473, и М. Е. Салтыков-Щедрин, Письма, 1845—1889, Л., 1925, стр. 137.

3

Париж

50, Rue de Douai
Четверг, 25/13-го февр. 75

Милейшая Александра Васильевна, Вы мне писали — и такое прелестное письмо! — 6/17-го янв. — а я только сегодня отвечаю. . . Этого достаточно чтобы провалиться от стыда. — Но Вы существо благодущное, протянете мне руку — и снова выведете на земную поверхность. — Впрочем я через Жуковского, которого я вижу аккуратно каждый день, имел о Вас верные и подробные сведения. — Я знаю, что после разных тревог и хлопот, Вам теперь хорошо — и душевно этому радуюсь: Вам следует быть счастливой и покойной — если только судьба хочет, чтобы люди еще верили в ее справедливость.

Любимец Ваш, «чуткий» Павел работает усердно и, кажется, подвигается в своем искусстве. — Я на днях видел его картину — и многими частями ее остался очень доволен. Влияние его дилетантски-светского прошедшего ослабевает — оно, правда, срослось со всеми любезными сторонами его характера; — ему вообще здесь привольно живется. — В Париже теперь существует очень интересная художественная семейка.

Харламов¹ начал мой портрет — и, кажется, он выйдет отличный.

Здоровье мое порядочно — а лень безмерна. — Просто отвык от работы — не знаю, примусь ли за нее опять. —

Прочел я начало романа Л. Толстого в Русском Вестнике.² Вам я могу сказать, что я им недоволен. — При всей кажущейся простоте — это изысканно, мелко, с предвзятой мыслью — да и скучно к тому. Может быть, дальше он снова расправит крылья. — От него читатель в праве требовать превосходного. — Я бы желал знать Ваше мнение: не стесняйтесь сказать мне его, если даже оно совершенно противоречит моему. —

Послезавтра у нас будет литературно-музыкальное утро в пользу здешних русских студентов с участием г-ж Виардо, Есиповой, Давыдова, Курочкина, Успенского и Вашего покорного слуги.³ — Я прочту «Живые мощи». Билеты уже все разобраны.

Ну а теперь — пока прощайте. Со всей моей искренней дружбой жму Вашу руку и остаюсь преданный Вам

Ив. Тургенев.

¹ А. А. Харламов (род. 1842 г. — ум. после 1903 г.) — художник; по окончании Академии художеств в Петербурге был послан в Париж и здесь встречался с Тургеневым на «вторниках» у А. П. Боголюбова. В письме к А. Ф. Онегину, написанному в тот же день, что и публикуемое письмо к Плетневой (25/13 февраля 1875 г.), Тургенев писал: «У нас здесь заселась художническая русская семейка, среди которой есть один очень крупный талант, живописец Харламов. — Жуковский тоже преуспевает и работает. Я его беспрестанно вижу» (сб. «Недра», кн. 4, 1924, стр. 292). «Харламов, наконец, сегодня начал мой портрет», — сообщал Тургенев Я. П. Полонскому 25 января (6 февраля) 1875 г. Но работа эта велась медленно, с перерывами, о чем Тургенев неоднократно сообщал в своих письмах. Портрет был закончен лишь к концу 1875 г.; Тургенев остался им очень доволен и даже, несомненно, переоценил его живописные качества (подробности см. И. С. Зильберштейн. Репин и Тургенев. М.—Л., 1945, гл. 3, «Тургенев и художник Харламов», стр. 27—39).

² Отзыв об «Анне Карениной» буквально повторен в письме к А. Ф. Онегину 25/13 февраля 1875 г.: «Прочел я „Анну Каренину“ Толстого — и нашел в ней гораздо меньше, чем ожидал. — Что будет — не знаю; а пока это и манерно и мелко — и даже (страшно сказать!) скучно. — Вы этого, однако, не повторяйте: а то подумают, что это я так говорю из литературной зависти» («Недра», кн. 4, стр. 293). О романе Л. Н. Толстого Тургенев неоднократно отзывался в своих письмах с тем же неодобрением. Напомним, например, близкие по времени и по своему словесному выражению к вышеприведенному отзыву его об «Анне Карениной» в письмах к А. С. Суворину от 14 марта 1875 г. (Первое собрание писем, СПб.,

1884, стр. 257), к Я. П. Полонскому — от 13 мая 1875 г. (там же, стр. 260), к А. В. Топорову (М. К. Клеман. Летопись жизни и творчества И. С. Тургенева, М.—Л., 1934, стр. 233) и др.

³ Это утро состоялось 15/27 февраля 1875 г. В письме к Г. Н. Вырубову (от 17 февраля 1875 г.) Тургенев, приглашая его на это утро, писал: «В будущую субботу, 27 февраля, в доме г-жи Виардо дается литературно-музыкальное утро (в 2 часа ровно) с участием г-жи Виардо, г-жи Есиповой и Давыдова, Глеба Успенского, Курочкина и вашего покорнейшего слуги. Вырученные деньги будут употреблены на основание русской читальни для неимущих студентов» («Вестник Европы», 1914, кн. 3, стр. 228). Об этом же утре А. В. Успенская сообщила Н. А. Долганову из Парижа: «Здесь устроилась русская библиотека, и мы с Глебом записались членами. Иван Сергеевич Тургенев устроил в пользу этой библиотеки литературно-музыкальное утро в своей квартире; читал он свой рассказ „Стучит“ и Глеба рассказ „Ходок“. Играл Давыдов, пела Виардо, еще играла Есипова на фортепиано. Билет стоил 15 франков, и все живущие здесь аристократы и богачи присутствовали» (В. В. Буш. Жена писателя, Л., 1924, стр. 17). Подробный и живой рассказ об этом утре находится также в письме Г. И. Успенского к Н. К. Михайловскому (В. Е. Чешихин-Ветринский. Г. И. Успенский, М., 1929, стр. 114—115; здесь же воспроизведен и текст входного билета на это утро); об этом же утре идет речь и в позднейших воспоминаниях Г. Успенского («Голос минувшего», 1915, № 3, стр. 220—221). О результатах этого утра Тургенев подробно сообщал в письме к А. Ф. Онегину от 14/2 марта 1875 г. (сб. «Недра», кн. 4, стр. 294).

4

Париж

50, rue de Douai

Пятница, 23/11-го Апр.

<18>75

Вчера наш юный птенец¹ укатил в Рим, милейшая Александра Васильевна — и я считаю долгом известить Вас об этом. — Мы здесь нашли ему деньги — ибо он, по обыкновению, был без гроша; — и я надеюсь, что он разделавшись со своим римским хвостом, вернется сюда как встрепанный и примется серьезно за работу.² Как Вам известно, его картина не попала на выставку; да и в теперешнем ее виде она не была бы принята, ибо при некоторых замечательных достоинствах, в ней были —

так сказать грамматические промахи, которые ни одно жюри допустить бы не могло.³ — До сих пор нельзя еще сказать с определенностью, выйдет ли из него художник или нет. — Что человек он милый и умный — это не подвержено сомнению. — Нынешний год должен решить вопрос — если только, чего боже сохрани, он не застрянет и не запутается в Риме.

Я слышал от Жуковского, который всегда аккуратно сообщал мне сведения о Вас, за что я ему весьма благодарен, что Ваше здоровье поправилось и что Вы довольны Вашими делами. Это меня порадовало. — Что касается до меня — то я продолжаю бездействовать — хотя одной, напр: мысли: принести Вам пользу или доставить удовольствие — было бы, по настоящему, весьма достаточно, чтобы заставить себя приняться за работу. — Но лень, как всякая страсть — (а лень — страсть) не рассуждает — и дни летят, тают, уходят — а я все сижу сиднем. Видно — с этим надо помириться. —

Одна только у меня осталась деятельность: покупать и менять картины. За то у меня очутился такой Руссо, и такой Дюпрё, что, как говорится, ложись да помирай!⁴

Харламов здоров и хорошо работает. — Его портреты приняты на выставку — и вероятно, произведут впечатление.⁵

Я через месяц еду в Карлсбад — а оттуда — быть может! махну в Россию!

Где Вы проводите лето? Все мои здесь здоровы и благоденствуют.

Крепко-накрепко жму Вам руку, желаю Вам всего лучшего на свете и остаюсь

Искренне Вам преданный

Ив. Тургенев.

¹ П. В. Жуковский.

² В ответ на письмо, полученное от П. В. Жуковского из Рима, Тургенев писал ему 22 мая 1875 г.: «Прелесть беззаботной и наивно-чувственной жизни, о которой Вы говорите, несомненна; но не забудьте, что все итальянцы, даже которые что-нибудь сделали, были люди упорные и тугие — почти сухие... Если Вы чувствуете в себе возможность и охоту что-нибудь сделать, бросьте, о новый Тангейзер — заманчивые прохлады

Venusberg'a — и явитесь скромненько сюда, на Place Pigalle» (т. е. на квартиру в Париж, где жил П. В. Жуковский) («Недра», кн. 4, стр. 282)

³ Тургенев имеет в виду очередной «Салон», открывшийся в Париже 1 мая 1875 г. Для этой выставки П. В. Жуковский готовил большую картину. Еще 14/2 марта 1875 г. Тургенев писал А. Ф. Онегину, что «эта картина не без достоинств» и что П. В. Жуковский над нею «очень усердно работал» («Недра», кн. 4, стр. 295).

⁴ По поводу овладевшей Тургеневым «картиномании» он много раз писал своим друзьям, начиная с 1873 г. (Н. Гутьяр. Хронологическая канва для биографии И. С. Тургенева, стр. 86); к середине 70-х годов Тургенев собрал уже несколько десятков картин. Картины художников-пейзажистов барбизонской школы, Т. Руссо и Ж. Дюпре, приобретенные были Тургеневым в начале 1874 г. П. В. Анненкову Тургенев писал 1/13 апреля 1874 г.: «Какого Руссо и какого Дюпре я после вас приобрел. Просто ума помрачение!!» (И. С. Зильберштейн. Репин и Тургенев, 1945, стр. 85—87). Картина Руссо «Лес» была особенно любима Тургеневым. Он не расстался с нею и при распродаже своей коллекции в 1878 г. и еще в сентябре 1882 г. в письме к Я. П. Полонскому растолковывал, что «это эскиз, студия... — но студия гениальная, особенно дорогая для живописцев, потому что в ней сохранилась вся поэтическая свежесть и сила первого впечатления» (Первое собрание писем, стр. 486). Отзыв Тургенева о пейзажах Руссо приводит также часто встречавшийся с ним в эти годы художник В. Д. Поленов (см. Е. В. Сахарова. В. Д. Поленов. Письма, дневники, воспоминания, изд. 2-е, М.—Л., 1950, стр. 468).

⁵ В парижском «Салоне» 1875 г. А. А. Харламов выставил портреты Луи и Полины Виаардо («Пчела», 1875, № 32, стр. 389). «Портреты... на выставке получили успех огромный», — писал Тургенев П. В. Жуковскому 22 мая 1875 г. («Недра», кн. 4, стр. 282); портрет П. Виаардо Тургенев считал «удивительным» (Первое собрание писем, стр. 247).

5

Bougival

Les Frênes

Вторник, 14-го Сент. 75.

Милая Александра Васильевна,

хотя, я воображаю, Онегин уже далеко¹ — однако на всякий случай посылаю адрес продащицы часов, купленных Альбертом Т.² — : «M-me Bonis 18, Rue Montmartre, montre Roskopf». Цена — 28 фр. По обыкновению своему я позабыл спросить во

время и теперь остается сокрушаться и извиняться.

Надеюсь, что Ваше здоровье поправляется; — в пятницу я буду в Париже и непременно Вас увижу и может быть познакомлю с Н. А. Герцен.³

До тех пор крепко жму Вашу руку и остаюсь
преданный Вам

Ив. Тургенев.

¹ Еще 29 августа (10 сентября) 1875 г. Тургенев сообщал П. В. Анненкову о своих встречах с А. Ф. Онегиным (Отто) и А. В. Плетневой (М. К. Клеман, Летопись, стр. 237; это письмо Тургенева еще не опубликовано), однако вскоре А. Ф. Онегин уехал в Петербург (М. М. Стасюлевич и его современники, т. III, стр. 76).

² Альберт Николаевич Тургенев (1843—1892) — старший сын Н. И. Тургенева — декабриста, после смерти отца (1871) ставший главою семьи. Известны 28 писем к нему И. С. Тургенева (Тургенев и его время. Первый сборник, под ред. Н. Л. Бродского, М.—Л., 1923, стр. 210), но среди них нет ни одного, относящегося к 1875 г.

³ Наталья Александровна Герцен — дочь писателя. В сентябре 1875 г. ее в Париже не было; она приехала сюда, повидимому, лишь весной следующего года. 16/4 марта 1876 г. Тургенев писал М. М. Стасюлевичу. «Наталья Герцен была в отсутствии и вернулась только сегодня. Она мне телеграфировала, что увидится со мной завтра, в пятницу» (М. М. Стасюлевич и его современники, т. III, стр. 74); неделю спустя (21/9 марта 1876 г.) Тургенев вновь писал ему же: «Я свиделся с Н. А. Герцен — и переговорил с нею» (там же, стр. 75). «От времени до времени выдаюсь с M-me Herzen», — писал Тургенев Ю. П. Вревской еще 27/15 февраля 1876 г. (Щукинский сборник, вып. V, М., 1906, стр. 477, 478).

6

«Париж»
50, Rue de Douai

Вторник утром

<11 или 25 января н. ст.
1876 г. ?>

Милая Александра Васильевна,

я подождал до сегодняшнего утра чтоб дать Вам более точные сведения о моем здоровье¹ — так как Вы на столько любезны,

что интересуетесь им. — Мне лучше — но наступать на ногу я все еще не могу и не знаю, сколько времени мне еще придется просидеть дома — нужно терпение.

Mlle Smirnoff говорит вздор, не хуже своей маменьки.²— Картины Жуковского очень хорошо задуманы, каждая в своем роде — и многое даже выполнено хорошо — надо только докончить и довести, что конечно составляет главное затруднение.

Мне очень приятно, что г-жа Виардо произвела на Вас хорошее впечатление: оно было взаимное — и она меня много спрашивала о Вас.

Будьте Вы здоровы — жму Вам крепко руку и остаюсь

Душевно Вам преданный

Ив. Тургенев.

¹ Датируем это письмо по связи с последующим 1876 г., а также на основании ряда других соображений. Во вторник 11 января 1876 г. (29 декабря 1875 г.) Тургенев писал Ю. П. Вревской: «...у меня вчерашнего дня сделался припадок подагры — до сих пор пока еще не сильный (однако, я не могу шевелиться)» (Щукинский сборник, вып. V, стр. 476). Вероятно, именно об этом припадке Тургенев и говорит в публикуемом письме, помеченном «вторником» на другой день болезни, и в последующем письме, также относимом нами к 1876 г. «У меня был припадок подагры — не очень сильный, однако я до сих пор еще хожу плохо», — вспоминал Тургенев в письме к Ю. П. Вревской от 1 февраля (20 января) 1876 г. (там же, стр. 477). Публикуемое письмо могло быть написано не 11 января, а в следующий вторник того же месяца и года, приходившийся на 25-е число. Существенную помощь датировке приведенного письма могло оказать упоминание в нем знакомства А. В. Плетневой с П. Виардо, однако мы не располагаем данными о том, когда оно состоялось, и допускаем, что оно не произошло в предшествующую встречу ее с Тургеневым в конце 1874 г.

² Ольга Николаевна Смирнова (1834—1893) — старшая дочь Александры Осиповны Смирновой (Россет) от брака ее с Н. М. Смирновым. И. С. Тургенев знал Александру Осиповну с начала 50-х годов; хотя она упоминается среди лиц, принимавших участие в его освобождении из-под ареста за некролог Гоголя, но и в то время и позже, когда Тургенев бывал в «салоне», их взаимные отношения не были доброжелательными; Тургенев даже считал, что она «вредила» ему и, в свою очередь, вывел ее в «Рудине»

в образе Дарьи Михайловны Ласунской (см. В. П. Междерский. Мои воспоминания, ч. III, СПб., 1912, стр. 128—130). О. Н. Смирнова, оставшись одинокой после смерти матери (1882), жила в Париже и посвятила себя литературной деятельности, в которой немалую роль играли как предания семьи, так и собственные ее воспоминания. Один из ее очерков начала 80-х годов был посвящен И. С. Тургеневу (А. О. Смирнова. Записки, дневники, воспоминания, письма со статьями и примечаниями Л. В. Крестовой, М., 1929, стр. 376, 382, 140)

7

«Париж»
50, Rue de Douai

Понедельник, 31 янв. <1876 г.>

Любезнейшая Александра Васильевна,

теперь уже не подагра — а бронхит заставляет меня сидеть дома.¹ — Ничего нет опасного — но несколько дней я из комнаты не выйду — и еслиб Вы были здоровы и вздумали бы посетить меня, я бы очень этому порадовался. — Скажите так же Жуковскому (я все забываю его адрес!) — что я получил на его имя из Петербурга толстый пакет, надписанный очевидно женской рукою. — Пусть он за ним придет! —

Итак надеюсь: до свиданья и крепко на́ крепко жму Вашу руку. Во всяком случае дам о себе весточку.

Ваш
Ив. Тургенев.

¹ Датируем письмо 1876 годом на том основании, что в этом году понедельник приходился на 31 января (19 января ст. ст.); Тургенев находился в это время в Париже; этим и нужно объяснить, что в комментируемом письме нет соответствующей даты старого стиля, которую Тургенев всегда аккуратно проставлял на письмах, посылаемых в Россию. Известно письмо Тургенева к М. Е. Салтыкову, написанное в тот же день (31/19 января 1876 года); в нем есть строки, близко соответствующие содержанию публикуемого письма: «Сам я от подагры словно будто отделился, зато простудился — чорт знает где и как — получил

сильный катарр и сижу безо всякого голоса» (Первое собрание писем, стр. 280).

8

«Париж»
50, Rue de Douai

Вторник
11 ч. утра
«Февраль 1876 г.»

Любезнейшая Александра Васильевна,

приходится опять прибегать к Вашему великодушию! Вместо сегодняшнего вечера позвольте придти мне завтра, в среду — если это Вас не стеснит. Я Вам объясню завтра, почему это так вышло. И если кн. Урусова должна была быть сегодня у Вас, то будьте так любезны уведомьте и ее через всеильного и вседесущего Жука.¹

Дружески жму Вам руку, прошу извинения и остаюсь

Ваш
Ив. Тургенев.

¹ П. В. Жуковский.

9

(Seine et Oise)
Bougival
Les Frênes

Понедельник, 11-го сент.
<18>82

Многоуважаемая Александра Васильевна,

Сей час получил от М. М. Стасюлевича письмо, в котором он извещает меня, что Вы находитесь в Париже и нездоровы;¹ пожалуйста, дайте о себе весточку. — Я бы сам к Вам заехал, но болезнь моя приняла такой оборот, что я не могу выносить

сотрясение кареты — и вот уже более месяца никуда не трогаюсь. — Когда Вы были у меня в мае месяце — со мною происходил весьма острый припадок колики в печени; и я, к сожалению не мог Вас принять. — Теперь же моя болезнь приняла характер хронический, который вероятно сохранит до конца моей жизни: болей нет — или почти нет, когда я сижу или лежу неподвижно; но я не в состоянии ни ходить, ни стоять, ни ездить в экипаже; так что превратился в нечто вроде устрицы, приросшей к скале.² — Перемены не предвидится — и я, насколько могу и умею, стараюсь развить в себе резиниацию — при мысли что могло быть со мною хуже — я мог бы ослепнуть и т. п.

В ожидании двух строчек от Вас, прошу принять уверение в искреннем чувстве дружеского уважения, которое питает к Вам

Преданный Вам

Ив. Тургенев.

«На конверте»

Madame Pletneff
Hotel d'Orient
rue Dannon
Paris

¹ Тем же числом (11 сентября 1882 г.) помечено ответное письмо Тургенева к М. М. Стасюлевичу, находившемуся в то время в Париже; к письму сделана приписка: «Сегодня же напишу Г-же Плетневой» (М. М. Стасюлевич и его современники, т. III, стр. 208).

² Тургенев жил в Буживале, лишь изредка наезжая в Париж для совещаний с врачами; последняя из этих поездок, на консультацию с доктором Бюрком, состоялась 6/18 августа этого года (М. К. Клеман. Летопись, 314). Дальнейшие поездки стали затруднительны: это было начало предсмертной болезни Тургенева. Я. П. Полонскому он вскоре (1 сентября /ст. ст./ 1882 г.) писал: «... моя болезнь, как говорится, ни тпру, ни нү; да она, вероятно, и останется таковою навсегда... я из Буживала никуда;

в этом отношении хуже стало — и путешествие является мне в роде какой то невозможной операции» (Первое собрание писем, стр. 486). В письмах Тургенева от сентября—октября 1882 г. часто идет речь о том, что болезнь мешает ему «ходить и стоять», лишает его возможности передвижения: «всякая мысль о путешествии, о переезде в Россию является несбыточной фантазией»; настойчиво возвращается Тургенев к сравнению себя с «устрицей, приросшей к скале», как и в публикуемом письме, и старается примириться со своим положением. Одно из сентябрьских писем к Я. П. Полонскому Тургенев подписывает: «Старый моллюск» (Первое собрание писем, 486, 506); Л. Б. Бертенсону он пишет: «Оказывается, что можно отлично существовать, не будучи в состоянии ни стоять, ни ходить, ни ездить. Живут же так устрицы! А у меня есть много развлечений, недоступных устрицам» (там же, стр. 502); Ж. А. Полонской: «Я с этой мыслью примирился — и нахожу даже, что ничего... устрицей быть недурно. Я мог бы ослепнуть, ноги могли бы отняться...» (там же, стр. 503); Д. В. Григоровичу: «...я теперь веду жизнь, несколько схожую с жизнью березы или устрицы, благодаря неподвижности, на которую осужден» (там же, стр. 510), и т. д. — У нас нет данных о том, состоялась ли встреча Тургенева с А. В. Плетневой в 1882 г. Приведенное письмо, вероятно, было последним его письмом, ей адресованным.

О. Д. ХИЛКОВОЙ

Княжна Ольга Дмитриевна Хилкова, дочь участника Отечественной войны 1812 г. князя Дмитрия Александровича Хилкова и жены его Елизаветы Григорьевны (урожд. Волконской). О. Д. Хилкова вышла замуж за Александра Ивановича Нелидова (1835—1910), русского посла с 1882 по 1903 г. в Константинополе, а затем с 1903 по 1910 г. в Париже. О знакомстве И. С. Тургенева с княжной Ольгой Дмитриевной Хилковой можно судить по письму поэта и переводчика Фридриха Боденштедта к М. И. Семевскому в 1887 г.: «...Большою отрадою для Ивана Сергеевича, — пишет Боденштедт, — было встретить в Мюнхене одно семейство, приехавшее из России, с которым он находился в дружественных отношениях. Это была княгиня Хилкова, со своими двумя дочерьми, Пелагеей и Ольгой, с которыми я часто виделся и которые, благодаря прекрасному образованию и счастливой наружности, пользовались вообще большим расположением и уважением своих знакомых...» («Русская старина», 1887, кн. 5, стр. 471). Сам Тургенев пишет Боденштедту 29 декабря 1861 г.: «...Будьте столь любезны прислать мне адрес Хилковых, я желал бы возобновить с ними переписку. Княжна Ольга прелестная и весьма образованная девушка, и я очень желал бы, чтобы она могла встретить человека, способного оценить ее и составить ее счастье...» (там же, стр. 475).

Письма печатаются по автографам ИРЛИ (Р. I, оп. 29, № 36).

1

Париж

19/31-го Янв. 1861

Любезнейшая Княжна,

Как я перед Вами виноват — этого, полагаю, ни в сказке сказать, ни пером описать невозможно. Остается мне возложить упование на Ваше великодушие и попросить у Вас извинения.

Мое молчание тем более непростительно, что оно не оправдывается ни сильно-развитой деятельностью, ни рассеянно проведенной жизнью. Я большей частью сидел дома и ничего не делал: даже новая моя повесть¹ очень мало подвинулась. — Эти три месяца прошли как дым из трубы: бегут, бегут какие-то серые клубы, все как будто различные, и в то же время однообразные. — Этаким полосам уже прежде находили на меня: чувствую наконец потребность встряхнуться и выдти из этого полусонного, летаргического состояния. — Вы справедливо упрекнули меня, в Вашем письме, в бесполезной трате времени.

Ну — а Вы — как провели это время? Употребили ли Вы его полезным образом? (Я краснею при мысли, что я Вам не помог в этом случае, не назвал Вам книги, которую бы хорошо было Вам перевести. Теперь уже поздно — и вероятно, Вы уже выбрали себе занятие.) Как Вы провели первую половину зимы в Мюнхене? — я в этом городе был давно — так давно, что страшно вымолвить — в 1838-м году: — я был тогда глуп до крайности (это я говорю очень серьезно) — да еслиб у меня и остались тогда цельные впечатления, они теперь уже давно успели бы изгладиться. С кем Вы познакомились — и, главное — какой *timbre** получила Ваша жизнь? Художественный, музыкальный — интимный — или просто туристский? Мне все это хотелось бы узнать. — Что подылавала Ваша матушка и сестра² и какие известия приходили от братьев?³

* «Тембр» в смысле «оттенков», «характер», особое свойство (франц.).

Я здесь живу домом — окруженный женским элементом; вижу с немногими русскими, из которых самое симпатичное существо — Марья Александровна Маркович (известная под именем Марка Вовчка). Начинаю знакомиться с новыми французами — но мало нахожу в них вкуса — и только думаю о возвращении весной в возлюбленный Мценский уезд. — То-то мне будет приятно увидеть снова эту старую дребедень, лучше которой все таки нет ничего для нашего брата, степняка. — Егорьев день, соловьи, запах соломы и березовых почек, солнце и лужи по дорогам — вот чего жаждет моя душа!

Я не имею никакого права требовать немедленного ответа от Вас — но я был бы очень им обрадован и могу поручиться, что в свою очередь ответил бы тотчас.

Кланяюсь всем вашим и крепко жму Вашу руку. — Благодарю Вас много раз за фотографию.

До свидания.

Преданный Вам

Rue de Rivoli, 210.

Ив. Тургенев

¹ Речь идет о романе «Отцы и дети».

² Сестра — Прасковья Дмитриевна Хилкова (род. 1828 г.).

³ Братья — князя Хилковы, Александр Дмитриевич и Григорий Дмитриевич.

2

Берлин

9-го Мая 1861.

Любезнейшая Княжна,

Я сегодня приехал в Берлин и сегодня же отправляюсь в Россию. — Кланяюсь Вам, всему Вашему семейству и новым мюнхенским приятелям. Скажите Боденштедту,¹ чтобы он не слишком удивлялся если ему пришлют из Парижа перевод моих некоторых вещей (там между прочим Муму́ и Посто́ялы́й

д в о р) — это я распорядился — пока я еще не выслал ему оригинал из Петербурга.

Будьте здоровы и веселы.

Жму Вам дружески руку.

Преданный Вам

Ив. Тургенев

¹ Знакомство Тургенева с Боденштедтом состоялось в Мюнхене весной 1860 г. (Иван Сергеевич Тургенев в его письмах к Фр. Боденштедту. «Русская старина», 1887, т. 54, стр. 470). Из писем Тургенева к Боденштедту 1861 г. видно, что Тургенев, зная, что Боденштедт переводит его рассказы и повести, сам заботился о высылке ему их французских переводов, сделанных с его, Тургенева, участием, видимо, не вполне надеясь на познания Боденштедта в русском языке (там же, стр. 475). Несколько повестей Тургенева в переводе Боденштедта были изданы в двух томиках в 1864—1865 гг. («Turgenjew's Erzählungen», Rieger'sche Universitätsbuchhandlung), однако, в них нет ни «Муму», ни «Постоялого двора». См. отзыв о переводах Боденштедта в письмах Тургенева к Л. Пичу («Вестник Европы», 1909, № 4, стр. 667; Письма Тургенева к Л. Пичу, 1925, стр. 32). 15 писем Ф. Боденштедта к Тургеневу 1858—1866 гг. находятся в парижском архиве Тургенева и не опубликованы (А. Mazon. Manuscrits parisiens d'Ivan Tourguénev, Paris, 1930, 109—110).

В. И. МЕЖОВУ

Письмо И. С. Тургенева к известному библиографу Владимиру Измайловичу Межову (1830—1894) публикуются по автографу ИРЛИ из собрания П. Я. Дашкова (ф. 219, № 47). Ссылка на это письмо, как на один из примеров тех «запросов, с какими обращались к Межову его «современники», сделана в книге Э. Л. Фрадкиной «В. И. Межов» (М., 1949, стр. 44—45), но текст письма опубликован не был.

Май 1874 г.

Любезный Владимир Измайлович,

мне нужно переговорить с Вами по следующему делу: — я когда-то напечатал статью о покойном живописце И в а н о в е — но где — решительно не помню — либо в В е к е, либо в М о с к о в с к о м В е с т н и к е или Р у с с к о й Р е ч и.¹ — Мне нужна эта статья для Салаевского издания,² я помню что я видел ее заглавие в одном из Ваших каталогов — но где, решительно тоже не помню.³

Сделайте одолжение, придите мне на помощь. — Я остановился в гостинице Демута (в б. Конюшенной) № 53 — и раньше 11 часов ни завтра ни после завтра не выйду. Очень был бы я Вам благодарен. —

Преданный Вам
Ив. Тургенев.

¹ Статья И. С. Тургенева «Поездка в Альбано и Фраскати: воспоминания об А. А. Иванове» первоначально была напечатана в журнале «Век», 1861, 21 апреля, № 15.

² Московский книгоиздатель Салаев, издававший в 1874 г. 8-томное издание сочинений Тургенева.

³ Возможно, что Тургенев имеет в виду известный труд В. И. Межова «История русской и всеобщей словесности. Библиографические материалы... С 1855 по 1870 г. включительно», СПб., 1872; здесь указана большая литература о Тургеневе (статьи критические о его сочинениях, статьи биографические, историко-литературные и о самом Тургеневе; см. по указателю); статья Тургенева «Поездка в Альбано и Фраскати» здесь, правда, не названа, но зато указана имеющая ее в виду полемическая статья Г. Д-са «Дестуниса?» «Иванов и Брюллов перед судом Тургенева» (№ 2033), с точной ссылкой на журнал «Век», где Тургенев поместил, впоследствии им затерянные, воспоминания об А. А. Иванове.

В. И. ЛИХАЧЕВУ

Владимир Иванович Лихачев (1837—1906), деятель петербургского городского самоуправления, близкий друг М. Е. Салтыкова; был соиздателем газеты «Новое время» вместе с А. С. Сувориным (1834—1912), вначале либералом, впоследствии ярким консерваторм и реакционным публицистом, в руки которого газета перешла в 1876 г. На первых порах после перехода к Суворину «Новое время» имело буржуазно-либеральный оттенок и в ней даже принимали участие некоторые сотрудники «Отечественных записок», однако, их участие в газете было непродолжительным: беспринципность газеты ярко выразилась уже в 1877 и последующих годах. М. Е. Салтыков уже в конце 1876 г. (13 октября) писал Н. А. Некрасову: «Несмотря на мое расположение к Лихачеву, ужасно хочется, чтоб эта гнусная газетченка хлопнулась» (М. Е. Салтыков-Щедрин. Письма, Л., 1925, стр. 150). В 1876—1877 гг. Тургенев поддерживал добрые отношения с обоими издателями «Нового времени»; с В. И. Лихачевым он вел переписку и непосредственно и через М. М. Стасюлевича (М. М. Стасюлевич и его современники, т. III, СПб., 1912, стр. 87, 128).

Печатается по автографу ИРЛИ (Р. I, оп. 29, № 77).

Париж

50, Rue de Douai
Четверг, 21/9 Дек. 76

Любезнейший Владимир Иванович, Вы вероятно уже передали в редакцию «Нового времени» — мой небольшой рассказ.¹ — Вы помните, что я поставил Вам одно только условие — а именно: чтобы он не был напечатан раньше 1-го Янв. 1877 г., теперь я прошу Вас сделать мне следующее одолжение: не печатать его раньше 8-го Янв., т. е. прибавить еще неделю. Мне это непременно нужно для некоторых сделок по случаю перевода этого рассказа на французский и немецкий языки. Не сомневаюсь в том, что Вы исполните мою просьбу и дождетесь 8-го Янв. для первого фельетона.

У Вас, кажется, все затихает — и только банки лопаются. Лишь бы Россия вышла с честью из всей этой передряги!²

Поклонитесь от меня Суворину. — В начале февраля я непременно прибуду в Петербург.

Жму Вам дружески руку и остаюсь

преданный Вам
Ив. Тургенев.

¹ Рассказ «Сон» напечатан в «Новом времени», 1877, №№ 303 и 304, 1 (13) и 2 (14) января.

² В июне 1876 г. Сербия и Черногория объявили войну Турции. Возбуждение в русском обществе было чрезвычайно сильно. Симпатии сербам заявлялись открыто. В Сербию отправлялись добровольцы, пересылались деньги, провиант. С середины сентября стала проводиться мобилизация русской армии. Под давлением вооруженной России в январе 1877 г. между Турцией и Сербией было заключено перемирие.

Т. И. ФИЛИППОВУ

Филиппов, Тертый Иванович (1825—1899), государственный контролер, писатель-этнограф, знаток русской народной песни и церковного пения. Один из основателей журнала «Русская беседа».

Печатается по автографу ИРЛИ (Р. I, оп. 29, № 35)

Четверг, 10-го Янв. 1878
29-го Дек. 1877

Милостивый Государь

Тертий Иванович!

Спешу отвечать на только что полученное мною Ваше письмо. — Прежде всего благодарю Вас за обещание выслать мне интересное издание г-на Паспати,¹ и тотчас по получении вышлю 50 фр. по означенному адресату.

Я говорил с Г-жею Виардо на счет Вашей дочери. — Сама она Г-жу Эверарди² не знает лично: — но не могу скрыть от Вас что слухи о ней — как учительнице — ходят невыгодные. — Г-жа Виардо — в Петербурге может рекомендовать только двух учительниц пения: Г-жу Ирецкую³ и Г-жу Полякову⁴ (бывшую Хвостову). Они обе находятся при консерватории: обе были ученицами Г-жи Виардо, которая передала им традиции Гарсиевской методы. (Вам вероятно известно что М. Гарсия⁵ был ее отец). — Что касается до Г-жи Абаза⁶ — то она прекрасная женщина и хорошая музыкантша — но учительница плохая. Я знаю, какой Вы сами отличный музыкант, хотя я никогда не имел удовольствия Вас слышать; — а потому Вам лучше моего известно, что именно у *mezzo-soprano* — скорее всего могут пострадать — от неправильной методы — средние ноты — *medium*;⁷ — мне кажется также что ни в каком случае не следовало начинать отдавать молодой голос в науку раньше 17 лет. — При малейшем ослаблении или неверности интонации в средних нотах — лучше всего прекратить учение на несколько недель.

Все это велела мне передать Вам Г-жа Виардо; я только повторяю ее слова.

Не знаю когда мне удастся попасть в Петербург; — но рассчитываю заранее на встречу с Вами. — А пока прошу принять уверение в искреннем чувстве уважения

преданного Вам
Ив. Тургенева.

¹ Паспати, ученый археолог. Речь идет о книге Паспати (на греч. яз.) — Топографические и исторические сочинения по Византии, Константинополь, 1877. В письме Т. И. Филиппова к А. И. Георгиевскому (ИРЛИ, ф. 123, оп. 1, № 859) говорится о поднесении Т. И. Филипповым этой книги гр. Д. А. Толстому и дается оценка этого труда Паспати.

² Эверарди, Жоржетта (1831—1887) — певица и преподавательница.

³ Ирецкая Наталия Александровна (1843?—1923) — преподавательница пения, профессор Петроградской консерватории, где начала преподавать с 1874 г.

⁴ Полякова (рожд. Хвостова), Алина Александровна (род. в 40-х годах) — певица и преподавательница пения. Кончила Петербургскую консерваторию в 1866 г. у Ниссен-Саломон.

⁵ Гарсиа Мануэль (1775—1832) — известный певец и учитель пения.

⁶ Абаза (рожд. Штуббе) Юлия Федоровна (умерла в 1915 г.) — певица. «Музыкальные вечера, происходившие у Ю. Ф. Абаза..., пользовались заслуженной известностью» (Воспоминания жизни Ф. Г. Тернера, т. I, СПб., 1910, стр. 179). В числе ее друзей были А. Н. Серов, Лист, Гуно и др. («Бирюч петроградских государственных академических театров», сб. II, 1920, стр. 242—256); в своих воспоминаниях Ю. Ф. Абаза рассказывает о деятельности, совместно с А. Г. Рубинштейном, по организации «Русского музыкального общества» («Русская старина», 1909, № 11, стр. 332—334). И. С. Тургенев был с Ю. Ф. Абаза в приятельских отношениях; одно письмо его к ней (от 18 апреля 1875 г.) напечатано в сб. «Документы по истории литературы и общественности», вып. 2, И. С. Тургенев. М., 1923, стр. 42—44, 45—47.

⁷ Medium — специальный музыкальный термин для обозначения средней части голоса.

Г. И. УСПЕНСКОМУ

Публикуемое письмо (конец отсутствует) представляет значительный интерес, так как о переписке И. С. Тургенева и Г. И. Успенского до сих пор известно было из немногих документальных данных. В печати появилась только одна небольшая записка Тургенева к Г. И. Успенскому от 5 марта 1880 г. (Глеб Успенский. Материалы и исследования, I, Изд. Академии Наук СССР, М.—Л., 1938, стр. 257), устанавливающая точную дату встречи Тургенева на квартире Успенского в Петербурге с редакцией и ближайшими сотрудниками журнала «Русское богатство» — 6 марта 1880 г.; письма же Успенского к Тургеневу либо находятся в парижской части архива Тургенева, либо до нас вовсе не дошли; во всяком случае, ни одно из них напечатано не было. Между тем о переписке обоих писателей, начавшейся, повидимому, с 1875 г., т. е. еще за пять лет до публикуемого письма, сохранился ряд свидетельств. Это подтверждает прежде

всего сам Успенский: из письма его к А. В. Каменскому, от 8 июня 1875 г. видно, что в этот самый день Успенский получил письмо от Тургенева из Карлсбада («Русское богатство», 1912, № 3, стр. 185). Другое свидетельство мы имеем в письме Успенского к жене А. В. Успенской от 1 декабря 1875 г.; из этого письма видно, что Успенский «одновременно» писал также Тургеневу («Голос минувшего», 1915, № 3). Что переписка эта в конце 70-х и в начале 80-х годов продолжалась, хотя и не была частой, и что она не ограничилась одним или двумя случайными письмами с той и другой стороны, видно из свидетельства народника-революционера Н. С. Русанова, который пишет в своих воспоминаниях: «Если напечатают когда-нибудь его <Тургенева> письма из того времени <конец 70-х—начало 80-х годов> к Успенскому, который нас познакомил с Тургеневым, то из них читатель убедится, как Иван Сергеевич следил за литературной деятельностью нашей братии, и не только за беллетристикой, но и за публицистикой, и не раз встретятся в них рассуждения по поводу, например, той или другой чисто-экономической статьи (между прочим, и моих „Проявления современного капитализма в России“, напечатанных в начале 1880 г. в „Русском богатстве“)» (Н. С. Русанов. На родине. М., 1931, стр. 233).

Личное знакомство между Тургеневым и Успенским произошло еще в Петербурге у Я. П. Полонского, вероятно, в начале 70-х годов. Особенно часто они встречались в 1875 г. в Париже во время второй поездки Успенского за границу. Успенский познакомил Тургенева с Г. А. Лопатиным и тем способствовал сближению Тургенева с колонией русских эмигрантов-революционеров. На «литературно-музыкальном утре», устроенном 15/27 февраля 1875 г. в Париже в пользу русской читальни, Тургенев читал, кроме своего рассказа «Стучит», и рассказ Успенского «Ходок» (отрывок из «Книжки чеков»), причем Тургенев свыше пяти раз репетировал чтение этого рассказа в присутствии автора (об этом «утре» см. в примеч. к письму Тургенева к А. В. Плетневой, стр. 206 настоящего сборника).

О своих встречах в то время с Успенским упоминает и Тургенев. Он близко принимал к сердцу его литературные затруднения, происходившие из-за того, что «цензура у него хлеб изо рта отнимает» (Первое собрание писем И. С. Тургенева, СПб., 1884. Письмо к Я. П. Полонскому от 25 января 1875 г., стр. 248), безрезультатно пытался устроить в «Вестнике Европы» рассказ Успенского «Книжка чеков» (М. М. Стасюлевич и его современники, т. III, СПб., 1912, стр. 49). В строках письма Тургенева к В. Л. Кигну того же времени (16 июня 1876 г.) звучат уважение и доверие к Успенскому: «Впрочем, такие люди, как Скабичевский и Г. Успенский, не станут говорить вздор: вы им можете верить» (Н. Л. Бродский. И. С. Тургенев в своих воспоминаниях и его письмах, ч. II, М., 1924, стр. 162).

Во время пребывания Успенского в Париже в 1875—1876 гг. Тургенев постоянно давал ему, а также и его жене А. В. Успенской (см. ниже, примеч. 5) советы по вопросам иностранной литературы. На их основании Успенский рекомендовал А. В. Каменскому, редактору отдела беллетристики журнала «Библиотека дешевая-общедоступная», новинки французской и немецкой литературы (см. письма Успенского к Каменскому — ИРЛИ, архив Г. И. Успенского, ф. 313, оп. 2, № 26—30).

Следующая встреча между писателями произошла в начале февраля 1880 г. в Петербурге во время очередного приезда Тургенева в Россию. Встретились они, очевидно, дружески и именно через посредство Г. Успенского состоялось знакомство маститого писателя с группой демократических писателей — ближайших сотрудников артельного журнала «Русское богатство». В «литературную артель» во главе с С. Н. Кривенко входили: Г. И. Успенский, Н. Н. Златовратский, П. В. Засодимский, А. М. Скабичевский, Н. И. Наумов, В. М. Гаршин, Н. С. Рusanов, А. И. Эртель и др. Этим журналом Тургенева заинтересовал, возможно, еще С. Н. Кривенко в своих письмах конца 70-х годов (С. Н. К. Из литературных воспоминаний. «Исторический вестник», 1890, февраль, стр. 264 и сл.). Кроме того, в то время Тургенева «вообще интересовали молодые и новые писатели, что они представляют собою и что несут в жизнь» (там же, стр. 265). С другой стороны, редакция «Русского богатства» думала воспользоваться его именем для привлечения к их журналу читателей.

«Об этом знакомстве очень хлопотал Успенский», — писал А. И. Эртель (Письма А. И. Эртеля, М., 1909, стр. 26) и встреча состоялась 6 марта 1880 г. на квартире Г. И. Успенского; на ней присутствовало человек двенадцать, судя по воспоминаниям Н. С. Рusanова (Из литературных воспоминаний. «Былое», 1906, декабрь) и Н. Н. Златовратского (Из литературных воспоминаний. Сб. «Братская помощь пострадавшим в Турции армянам», т. I, М., 1897). Тургенев интересно и живо изложил сюжеты своих ненаписанных рассказов «Всемогущий Житкин» и «Повиноваться!», посвященных крестьянской жизни, а также беседовал о задачах и затруднениях нового журнала и обещал поддержать его своими произведениями (см. указанные воспоминания С. Н. Кривенко).

В воспоминаниях членов «литературной артели» сохранились различные и не вполне совпадающие сведения о впечатлениях их от беседы с маститым писателем, мечтавшим о сближении с демократической молодежью. Но, как пишет Н. С. Рusanов, сам «Тургенев остался очень заинтересован первым знакомством с нами и следующее свидание было назначено у одного миллионщика-мецената из купеческого звания» (у К. М. Сибирякова, издателя журнала «Слово»).

Этот вечер прошел в более официальной обстановке, в обществе многочисленных и даже далеких от литературного мира гостей хозяина, которые помешали разговорам «по душе» между друзьями Успенского и

Тургеневым. Авторы воспоминаний отмечают, что Тургенев постоянно обращался к Успенскому как к наиболее знакомому и близкому ему человеку из присутствовавшего там общества (см. указанные выше воспоминания Н. С. Русанова, С. Н. Кривенко, Н. Н. Златовратского, а также И. И. Ясинского — «Литературные воспоминания». «Исторический вестник», 1898, № 2, стр. 260—261; некоторые из них утверждали, что именно на этом вечере Тургенев прочел свои устные рассказы). Сам Успенский в своих позднейших записях пишет об этом так: «У меня. У Сибирякова. Знают ли там какая суматоха про <исходила?>. Комнаты были переполнены молчаливыми слушателями, Тургенев говорил один, один, один, один — еле еле кто скажет слово. Разговор наш начался с Гаршиным, он тогда был очень расстроен; вечер же кончился так: Тургенев встал, посмотрел на часы, был сконфужен и вышел, думая, что его пойдут провожать, но никто не тронулся, а когда я спустился, то он сердито посмотрел на меня и надел шубу. На следующий день я был у него, извинился, и он сказал: „Да, хорош ваш Сибиряков“» («Голос минувшего», 1915, № 3, стр. 222).

О том, что в эти годы через посредство Успенского Тургенев заводил или пытался заводить знакомства с писателями демократического лагеря, говорит и письмо Тургенева к В. М. Гаршину от 14 июня 1880 г.: «Я надеялся познакомиться с Вами в Петербурге, чрез посредство Г. И. Успенского, но вы тогда уже уехали оттуда» («Атеней». Историко-литературный временник, кн. III, Л., 1926, стр. 125).

На празднества 5—8 июня 1880 г., связанные с открытием памятника Пушкину на Тверском бульваре в Москве, редакция «Отечественных записок» направила в качестве своих делегатов Г. Э. Елисеева и Г. И. Успенского. Тут Успенский опять встретился с Тургеневым, уже находившимся в это время в Москве, и в это свидание, очевидно, они много разговаривали на литературные темы и, в частности, о творчестве Г. И. Успенского (см. публикуемое письмо). Отчет об этих празднествах и особенно о речах Тургенева и Достоевского Успенский напечатал в своей статье «Пушкинский праздник» («Отечественные записки», 1880, № 6).

В конце июня Тургенев выехал за границу и возвратился в Россию только 29 апреля (11 мая) 1881 г. Вероятно, именно в этот промежуток времени переписка между Успенским и Тургеневым была особенно интенсивной (см. об этом указанные на стр. 222 воспоминания Н. Русанова). Возможно, что через Успенского Тургенев послал в редакцию журнала «Слово», находившегося в руках той же литературной группы, что и журнал «Русское богатство», свое стихотворение «Крокет в Виндзоре», которое было напечатано в № 3 этого журнала за 1881 г. Мы можем сказать определенно лишь одно, что в первой половине января 1881 г. Успенский послал Тургеневу «обстоятельное и дружелюбное письмо», ответом на ко-

торое и является публикуемый здесь отрывок письма Тургенева к Успенскому.

В 1881 г. Тургенев пробыл в Петербурге с 29 апреля до 20—25 мая — он задержался здесь из-за припадков подагры. Г. Успенский и Кривенко навестили больного писателя. Визит был недолог, говорили «больше о текущих делах и событиях», а также о рукописях крестьян, рассказывающих о жизни и нуждах народа, которые получались в то время довольно часто редакциями газет и журналов. «Успенский очень интересовался этими рукописями, всегда их внимательно прочитывал, собирал и хранил, находя в них большой интерес и доказывая, что их непременно нужно печатать как непосредственный голос народа. Заинтересовал он ими и Тургенева, который просил его прислать ему некоторые из них для прочтения» (С. Кривенко, цитированные воспоминания, стр. 274). Через несколько дней Кривенко, уже один, зашел опять проведать Тургенева. «Чувствовал он себя лучше. Говорил много и о разных предметах, но больше всего о литературе и молодых писателях. Говорил о Г. И. Успенском, которого очень любил и ценил, досаждая на него только за одно, почему он не попытается большого романа или повести написать...» (там же, стр. 274). Кривенко вспоминает, что Тургенев на прощанье сказал ему: «Кланяйтесь, пожалуйста, Глебу Ивановичу и всем-всем. Мне кажется, что если бы я с вами, господа, почаще виделся, то опять стал бы писать. А если буду в силах и что-нибудь напишу из того, что думаю, непременно пришлю вам» (там же, стр. 285—286).

Тургенев уехал из России за границу 28 августа 1881 г.; вскоре его приковала к постели тяжелая болезнь, и уже до самой смерти он не смог бывать на родине. Успенский присутствовал на похоронах Тургенева в Петербурге 27 сентября 1883 г. и упоминает о них в первом очерке цикла «Волей-неволей» под заглавием «Вместо предисловия» («Отечественные записки», 1884, № 1). В образно замаскированной форме он с горечью и негодованием пишет о полицейских распоряжениях правительства по отношению к похоронам великого русского писателя, «...при имени которого и при воспоминании о котором никакого иного представления, кроме того, что и посетитель и читатель его выносили — и от знакомства, и от чтения — исключительно хорошее, светлые впечатления...». «Хороним Тургенева, — говорит далее автор, — создателя целой толпы чудных и нежных образов...» (Полное собрание сочинений, т. VIII, Изд. Академии Наук СССР, 1949, стр. 321—324). О встречах с Тургеньевым Успенский вспоминает в последние минуты своей сознательной жизни как о неизгладимых впечатлениях (см. его письмо к В. М. Соболевскому от 12 января 1893 г. — сб. «Русские ведомости», М., 1913, стр. 268, и его воспоминания «Мои дети» — сб. «Глеб Успенский». Летописи Государственного литературного музея, кн. 4, 1939, стр. 200).

Однако такое отношение Успенского к Тургеньеву как к одному из «великих людей русской земли», как к замечательному русскому писателю,

не мешало Успенскому неоднократно в своем творчестве вполне ясно и сознательно противопоставлять Тургеневу свое мировоззрение и свой художественный метод писателя-демократа.

Публикуемое письмо Тургенева интересно не только как биографический документ, свидетельствующий о дружеском отношении его к Успенскому и о его интересе к демократической литературе начала 80-х годов; оно ценно и своим отзывом об Успенском-писателе. До сих пор были известны лишь несколько попутных высказываний Тургенева в его письмах о творчестве Г. И. Успенского. Так, в письме его к Я. П. Полонскому от 2 января 1868 г. он упрекает молодых писателей демократического направления, в том числе и Успенского, в отсутствии в их творчестве «вымысла, воображения, в ы д у м к и» (Первое собрание писем, 1884, стр. 129). В письме к нему же из Парижа от 25 января 1875 г. Тургенев рассказывает о своих встречах с Успенским и добавляет: «У Глеба в десять раз больше таланта, чем у Николая — но тоже очень все однообразно и бедно красками» (Первое собрание писем, СПб., 1884, стр. 249).

Отзыв Тургенева об очерке «Книжка чеков» в письме к М. М. Стасюлевичу от 31 января/12 февраля 1875 г. тоже довольно сдержан: «он очень не дурен и мог бы фигурировать на страницах В<естника> Е<вропы>» (М. М. Стасюлевич и его современники, т. III, 1912, стр. 49).

Публикуемое письмо, написанное через шесть лет после личного знакомства обоих писателей и относящееся к тому времени, когда Тургенев успел с гораздо большей полнотой узнать произведения Успенского, свидетельствует прежде всего о том, что отношение Тургенева к творчеству Успенского значительно изменилось в его пользу: Тургенев вполне признал его «живой талант». Однако, с другой стороны, в этом письме звучат упреки Успенскому в публицистичности его очерков, что проистекало от непонимания Тургеневым свеобразия художественного метода писателя-демократа.

Печатается по автографу ИРЛИ из собрания А. М. Скабичевского (ф. 283, оп. 2, № 219).

Париж
50, Rue de Douai
22/10 января 1881

Любезнейший Глеб Иванович.

Спешу ответить на Ваше обстоятельное и дружелюбное письмо. Сообщенные Вами сведения о «Русском богатстве» меня опечалили, я искренно сочувствовал этому, у нас еще новому

и хорошему предприятию — и вижу в его падении невеселое «знамение времени».¹

Что же касается до моей пушкинской речи, то я нахожу упреки, которые Вы сами себе делаете — несправедливыми — о ней было сказано все что следовало.²

С особенным удовольствием прочел я Ваши последние этюды в От. Записках: они прекрасны — а «Мальчик, который не желает учиться» — в своем роде маленький chef d'oeuvre.³ Тут не одно знание деревенского быта, которым Вы всегда обладали — но проникновение в самую его глубь — художественное схватывание характерных черт и типов. В этих этюдах Вы почти вполне отделались от тех недостатков, на которые я, помнится, указывал Вам при вашем свидании в Москве — от аналитических — и при Вашем живом таланте — излишних рассуждений и соображений. — Когда выведено здание — леса, без которых оно бы не состоялось, — как Вам известно, исчезают.

Я все это время был довольно тяжело болен, и еще теперь не совсем поправился: это отсрочило мою поездку в Петербург. Через месяц, однако, надеюсь быть там.⁴

Я получил, недель шесть тому назад, письмо от Вашей супруги, на которое не удосужился ответить.⁵

«Конец письма не сохранился».

¹ «Русское богатство. Журнал торговли и промышленности», основанный в 1876 г. и издававшийся Н. Савичем, в мае 1879 г. был приобретен за 300 рублей С. Н. Бажиной для «литературной артели» писателей демократического направления; во главе этой артели стоял С. Н. Кривенко. «Журнал, о котором мы мечтали и о котором мне пришлось потом не раз говорить с Тургеневым, — пишет С. Н. Кривенко, — должен был издаваться и вестись кружком, артелью, а помещаться в нем должны были статьи преимущественно начинающих писателей» (цитированные воспоминания, стр. 266). Однако Кривенко после выпуска первых книжек журнала уехал на юг, редакция плохо справлялась с деловой и материальной стороной, денег у журнала не было, издатель постепенно запутывался в долгах. Кроме того, члены «литературной артели», существовавшие на литературный заработок, не могли регулярно печататься даром в этом журнале и лучшие свои произведения отдавали в другие журналы, с которыми они были связаны постоянным сотрудничеством. В первых книжках еще были

напечатаны произведения В. Гаршина, Г. Успенского, Наумова, Засодимского и др., «но к концу 1880 года известные имена встречаются все реже и реже, а в следующем году и совсем почти исчезают» (А. М. Скабичевский. Литературные воспоминания, ЗИФ, М.—Л., 1928, стр. 324). Среди сотрудников начались разногласия: «одни перешли в „Слово“, другие остались в „Русском богатстве“. К этому присоединились еще некоторые недоразумения» (С. Н. Кривенко, цитированные воспоминания, стр. 273). О том же самом свидетельствует и письмо Н. Н. Златовратского к Г. И. Успенскому (без даты, очевидно, март 1881 г.): «Решаюсь писагь Вам под очень, очень грустным впечатлением от „Русского Богатства“. Что нам делать? Каждая книжка выходит все слабее и слабее, материалов нет... С каждым днем индифферентизм участников сказывается все сильнее и сильнее... Нет и нет ни людей, ни статей» («Голос минувшего», 1915, № 10, стр. 214, 215). «Все мы вздохнули легко, когда удалось, наконец, отделаться от „Русского Богатства“, сдавши его со всеми подписчиками Л. Е. Оболенскому», — пишет Скабичевский (Литературные воспоминания, стр. 325). Повидимому, Успенский и сообщал Тургеневу о приближающемся печальном конце этого журнального предприятия.

² Г. И. Успенский в своей статье «Пушкинский праздник» («Отечественные записки», 1880, № 6) не коснулся основного содержания и сущности речи Тургенева; он отметил в ней лишь то, что связывало ее с «современностью»: он процитировал из этой речи слова, которые касались изменений отношения современной молодежи к поэзии Пушкина, связанных с изменением ее задач и целей общественно-политического характера; особенно сочувственно цитирует Успенский одобрительные слова Тургенева по адресу передового «нарастающего поколения», принятого под защиту И. С. среди царившей против него вражды: «... подлинными выражениями сочувствия приветствовался И. С. Тургенев, когда сказал, что и великого поэта можно было забыть в виду новых трудных задач времени, и когда он же прибавил, что новому поколению не в чем раскаиваться, что простительно чувствовать ему некоторое удовлетворение за прошлое и не грех ждать лучшего будущего».

³ «Последние этюды в „Отечественных записках“» — очерки Успенского «На родной ниве (Очерки, заметки, наблюдения). IX. Пастух. X. Мишка. XI. Узы неправды. XII. Результаты и заключение», напечатанные в декабрьской книжке 1880 г. (в Полном собрании сочинений вошли в цикл очерков под названием «Крестьянин и крестьянский труд»; т. VIII, 1950).

«Мальчик, который не желает учиться» — крестьянский мальчик из очерка «Мишка».

В своем письме к П. В. Анненкову от 1/13 января 1881 г. Тургенев так же одобрительно отозвался об этих очерках: «... нахожу их весьма и весьма замечательными. Мальчик, не желавший учиться — выхвачен

живьем» (письмо полностью не опубликовано; цит. по изд. М. К. Клеман. Летопись жизни и творчества И. С. Тургенева, «Academia», 1934, стр. 300).

⁴ Тургенев только что перенес сильнейший приступ подагры. В Петербург Тургенев приехал только 29 апреля/11 мая 1881 г. и виделся там с Успенским.

⁵ А. В. Успенская (1845—1906), жена Г. И. Успенского, приехала в Париж в 1874 г. и прожила там почти три года (1874—1876 гг.). Она сближается здесь с русской колонией, внимательно изучает современную французскую литературу и переводит новинки. В 1874 г. она знакомится с Тургеневым и неоднократно прибегает к его советам и помощи в переводах с французского. «Александра Васильевна Успенская присылала нам из Парижа, по выбору и под редакцией Тургенева, переводы лучших появившихся романов», — пишет А. В. Каменский к В. Г. Короленко 7 февраля 1904 г., делясь с ним воспоминаниями о журнале «Библиотека дешевая-общедоступная» (1875—1876) (ИРЛИ, ф. 313, оп. 4, № 119). О переводческой деятельности ее см. В. В. Буш. Жена писателя Александра Васильевна Успенская. Труды Пушкинского дома при Российской Академии Наук, Л., 1924. Тургенев написал предисловие к книге ее переводов Леона Кладеля (Очерки и рассказы из жизни простого народа. Перевод с франц. А. Успенской с отзывом И. С. Тургенева, СПб., 1877). Книга имела успех и была переиздана в 1895 г. Говоря здесь о трудностях перевода Кладеля, Тургенев добавляет: «Но г-жа Успенская с честью вышла из предпринятой ею борьбы».

Можно высказать предположение, что в письме, посланном Тургеневу, А. В. Успенская тоже писала о своих переводах с французского языка.

Е. С. ГАРШИНОЙ

Летом 1880 г. И. С. Тургенев во время своего предпоследнего пребывания в Спасском написал сочувственное письмо Всеволоду Гаршину, заболевшему еще в марте месяце этого года тяжелым психическим недугом. «Я пишу к Вам, хотя не имею удовольствия знать Вас лично, — говорилось в этом письме Тургенева, — но я узнал, что Вы в настоящее время нездоровы, — и мне хочется выразить Вам свое участие и сочувствие. — Я надеялся познакомиться с Вами в Петербурге, чрез посредство Г. И. Успенского, но Вы тогда уже уехали отсюда. — С первого Вашего появления в литературе — я обратил на Вас внимание, как на несомненный оригинальный талант; я следил за Вашей деятельностью — а Ваше последнее произведение (к сожалению неоконченное): „Война и люди“ — окончательно утвердило за Вами в моем мнении первое место между начинающими молодыми писателями» («Атеней. Историко-литературный временник», кн. 3, Л., 1926, стр. 125—126).

За невозможностью вручить это письмо молодому писателю, находившемуся в тяжелом состоянии, на это письмо Тургенева ответила мать Вс. Гаршина, Екатерина Степановна Гаршина (1828—1897).

Так возникла публикуемая ниже переписка Тургенева с родными писателя — матерью и братом, лишней раз свидетельствующая о глубокой заинтересованности Тургенева талантом Вс. Гаршина и о неизменном участии ко всей его семье. Об этом же свидетельствуют письма Тургенева к другим лицам по поводу Вс. Гаршина (см., например, Первое собрание писем И. С. Тургенева, СПб., 1884, стр. 481, 482, 490—491, 493, 498, 500 и др.).

Письма печатаются по автографам ИРЛИ (ф. 70, № 159).

1

(Seine et Oise)

Bougival

Les Frères

Châlet

Четверг, 12-го Авг. 1880.

31-го Июля

Милостивая Государыня,

Я не тотчас ответил на Ваше столь трогательное и теплое письмо — по следующей причине. — Искренне сочувствуя Вашему горю и принимая душевное участие в судьбе Вашего сына Всеволода, я хотел сперва навести справки о том, какие существуют теперь в Париже условия для успешного лечения душевно-больных. — К тому же и сын Ваш Евгений, писал мне о том же. — Вот к какому результату я пришел: — Общественные лечебницы в Париже не вполне удовлетворительны; есть хорошие частные заведения — но они, сравнительно, дороги. Минимум платы — 300 фр. в месяц. Если к этому прибавить издержки на путешествие и т. д. — то едва ли эта сумма не превзойдет средства, которыми Вы, сколько мне кажется, располагаете. — Вы пишете мне, что Ваше намерение: поместить Вашего сына в больницу в Вене; полагаю, что Вы собрали об этом надлежащие справки: — и не сомневаюсь в том, что такого рода заведения должны быть хорошо устроены в Вене.¹ — Но

я их не знаю; за то я знаю превосходную больницу для душевно-больных в Илленау, в Баденском Герцогстве, † в нескольких верстах от Баден-Бадена. — Мне самому случалось отвезти туда больного соотечественника † и я мог своими глазами убедиться в том, как всё там превосходно устроено. † — Впрочем, это заведение пользуется всемирной известностью. † — Самая высшая плата там — 200 фр. в месяц — круглым счетом 2500 фр. в год. — К тому же в Бадене живет постоянно мой старинный друг, Павел Васильевич Анненков, известный писатель и любитель литературы; — и он с великой готовностью взялся бы наблюдать за ходом лечения и вообще за Вашим сыном. † — То же самое сделал бы я в Париже † если бы Вы все-таки нашли предпочтительным доставить его сюда. — Прошу Вас уведомить меня об окончательном Вашем решении. — Прошу также позволения присоединиться к той подписке, которая, как Вы говорите, открылась для Вашего сына; — с своей стороны я с великой готовностью подпишусь на 500 фр.; — и в начале будущего года охотно возобновлю эту подписку. † — Если Вы бы пожелали располагать этой суммой немедленно, то прошу Вас дать мне знать об этом и она тотчас будет выслана по указанному Вами адресу. † — Также прошу сообщить мне о состоянии здоровья Вашего сына. —

Примите уверение в искреннем сочувствии и преданности
Вашего покорнейшего слуги
Ив. Тургенева.

¹ Проект отправки В. М. Гаршина на лечение в Вену возник в его семье в июне 1880 г., когда он находился в психиатрической больнице в Харькове. Сохранилось письмо по этому поводу Е. С. Гаршиной к М. Е. Салтыкову от 7 июня 1880 г., в котором сообщает о своем намерении «... перевести его <Всеволода> в Вену, так как, по собранным... сведениям, оказывается, что лечение и содержание там больных втрое дешевле, чем в Петербурге. Но для этого нужны деньги». Далее она просит содействия М. Е. Салтыкова, «хотя заимообразно на полгода, выхлопотать для Всеволода пособие из Литературного фонда в размере 200 р... Это моя последняя надежда, и я хватаюсь за нее, как утопающий за соломинку». М. Е. Салтыков направил это письмо Е. С. Гаршиной в комитет Литературного фонда со своей запиской, в которой писал, что просьба матери

писателя «весьма умеренна и заслуживает полного внимания» (М. Е. Салтыков-Щедрин. Письма. 1845—1889, под ред. Н. В. Яковлева, Л., 1924, стр. 178, и Приложения, стр. 019—021).

2

(Seine et Oise)

Bougival

Les Frênes

Среда, 13/1-го окт. 80

Любезная Екатерина Степановна, я около двух недель находился в отсутствии, в Англии — и потому прошу извинить медлительность ответа. Прежде всего позвольте порадоваться вместе с Вами надеждою на выздоровление Вашего сына. — Что же касается до желаемого Вами предисловия к собранным его статьям, то я с великим удовольствием исполню это желание — и только прошу Вас переслать мне из Петербурга корректурные листы — для того чтобы я мог написать это предисловие «en connaissance de cause» * — и указывая на содержание. Могу обещать Вам, что я трех дней не задержу этой работы и тотчас отправлю ее по надлежащему адресу в Петербург.¹ Напомнив мне имя бедного Артура Бенни² — Вы возобновили в моей памяти образ этого хорошего и честного существа, с которым также жестоко поступила судьба. — Я рад, что мог согнать тень — хоть и с его могилы.

Примите уверение в искреннем уважении

преданного Вам

Ив. Тургенева.

¹ Предисловие к сборнику статей Гаршина Тургеневым не было написано, да и сам сборник не был осуществлен, но в 1882 г. Тургенев заботился о популяризации творчества Гаршина во Франции и писал переводчику с русского Э. Дюрану: «Гаршин — из тех молодых писателей. талант которых подает наиболее надежд». Переводы рассказов Гаршина («Ночь», «После битвы») на французский язык появились в журнале «Revue Bleue» (1882) благодаря рекомендации Тургенева. Рассказы Гар-

* Со знанием дела (франц.).

шина изданы и отдельно, в двух томах (в переводе того же Э. Дюрана); предисловие к ним написано Мопассаном, несомненно, через посредство Тургенева (М. П. Алексеев. И. С. Тургенев — пропагандист русской литературы на Западе. «Труды Отдела новой русской литературы», т. I, Л., 1948, стр. 71).

² Артур Бенни (1839—1867) — журналист, состоявший в близких отношениях с польскими и русскими эмигрантами. В 1861 г. Бенни прибыл в Петербург и занимался здесь публицистикой и переводами на русский язык выдающихся произведений английской литературы. Впоследствии в качестве корреспондента английских газет Бенни был при армии Гарибальди. В 1867 г. во время битвы под Ментоной ранен, захвачен в плен и умер в одном из римских госпиталей. См. о нем: С. Рейсер. Артур Бенни, М., 1933.

В некрологе, напечатанном в «Петербургских ведомостях» (1868, № 37, 7 февраля), отмечено, что «о нем <Бенни> ходило много толков», причем «некоторые из этих толков были неблагоприятны для него, и люди осторожные сторонились от г. Бенни». Этот некролог вызвал протест со стороны И. С. Тургенева, который в № 52 «Петербургских ведомостей» (1868, 23 февраля) поместил свое письмо к редактору.

С Е. С. Гаршиной А. Бенни был близко знаком по совместному сотрудничеству в «Северной пчеле» (1861—1863), редактировавшейся П. С. Усовым.

3

Париж
50, Rue de Douai
2/14-го Янв. 1881

Милостивая Государыня,
Екатерина Степановна!

Довольно тяжкая болезнь помешала мне ответить немедленно на Ваше письмо — она же помешала моему отъезду в Россию; но теперь я поправился — и берусь за перо.

Известие, сообщенное мне о Вашем сыне — меня очень порадовало. Должно надеяться, что и последние остатки постигшей его беды — скоро исчезнут, — и он снова возвратится к той деятельности, к которой он призван. — Поклонитесь ему от меня — и передайте ему мое ободрительное слово, слово ветерана многообещающему новобранцу.

Я познакомился здесь с одним живописцем Саксом,¹ который хорошо знает и Вас и Вашего сына; — его рассказы еще усилили то сочувствие, которое я питал к нему. —

Я все-таки надеюсь в феврале месяце попасть в Петербург — а там в Москву и в деревню; быть может, мне удастся встретиться с Вашим сыном — и даже с Вами — что бы доставило мне большое удовольствие. —

Примите уверение в моем сердечном сочувствии и уважении.

Ив. Тургенев

¹ Николай Эдуардович Сакс (род. 1849 г.) — ученик Академии художеств с 1872 по 1877 г., принадлежал к той группе молодых художников середины 70-х годов XIX в., с которыми сблизился Всеволод Гаршин. С 1877 г. в течение нескольких лет Н. Э. Сакс работал с Тургеневым в парижском обществе «взаимопомощи русских художников». Известно одно письмо Тургенева к Н. Э. Саксу, относящееся к зиме 1881 г. (Тургенев и его время, под ред. Н. Л. Бродского, сб. 1, М., 1923, стр. 323).

4

С. Спасское-Лутовиново

(Орловской губ.

гор. Мценск).

24-го Июля 1881.

Милостивая Государыня,

Начинаю с извинения, что пишу Вам без упоминения Вашего имени и отчества, которые я, к сожалению, забыл. — Я с месяц тому назад прибыл сюда и всё собирался осведомиться у Вас, что делает Ваш сын Всеволод, как его здоровье и где он теперь находится. — Вы знаете, что я искренне им интересуюсь — и обязали бы меня ответом. — Не собирается ли он в Москву? — Ему тогда придется проехать мимо меня — и я бы очень был рад познакомиться с ним лично. — Спасское всего в 10 верстах от Мценска — и он бы мог погостить у меня. — Я остаюсь здесь до 15-го августа.

Примите, Милостивая Государыня, уверение в совершенном моем уважении и преданности.

Ваш покорнейший слуга

Ив. Тургенев.

Е. М. ГАРШИНУ

1

Bougival
Les Frênes
Châlet

Пятница, 13-го/1 авг. 80.

Милостивый Государь,

Прошу прочесть прилагаемое письмо к Вашей матушке; Вы из него увидите, что я отвечаю на Ваши запросы.

Надеюсь, что и она и Вы не замедлите своим ответом и дадите мне знать, на каком Вы решении остановитесь.¹ Не считаю нужным повторять перед Вами выражение моего сочувствия к положению Вашего брата; постараюсь доказать это сочувствие на деле.

Примите уверение в совершенном моем уважении

Ив. Тургенев.

¹ Евгений Михайлович Гаршин (род. в 1860 г. — ум. после 1934 г.) — младший брат Вс. Гаршина, педагог, автор многочисленных статей по историко-литературным и археологическим вопросам, автор «Воспоминаний о Тургеневе» («Исторический вестник», 1883, т. XIV, стр. 378—398). — Речь идет об устройстве В. М. Гаршина в лечебницу. См. письмо И. С. Тургенева к Е. С. Гаршиной от 12 августа 1880 г.

2

50, Rue de Douai
Paris

24/12-го февр. 82

Любезнейший Гаршин,

Если б Вы в эту минуту находились в моей комнате, Вы б увидели, как я краснею при мысли, что до сих пор, не смотря на многократные порывания, не ответил на Ваше письмо. — Ну, делать нечего — и Вы меня извините.

Благодарю Вас за сообщенные сведения о Вашем брате Всеволоде (прилагаемое письмо прошу Вас ему переслать); надеюсь, что замеченное в его состоянии улучшение все более и более подтверждалось. — Радуюсь также тому, что Вы, повидимому, освоились с Петербургом; кого этот город на первых же порах не надломит — тот потом выдержит. Мне Полонские¹ писали о Вас; я знаю, что Вы сблизились с этим милым семейством; и этому я тоже радуюсь.

Что касается до меня — то жизнь моя идет, как всякая жизнь с перемежками да передряжками; а, впрочем, бывает и хуже. — Я не жалуюсь. Недель через 6 надеюсь отсюда выехать — и с первых чисел мая поселюсь в деревне, куда, вероятно, поедут и Полонские и куда и Вы, чай, заглянете. —

Желаю Вам всего хорошего и дружески жму Вашу руку.

Ив. Тургенев

P. S. Дайте знать, как Вас по бабушке... Виноват, забыл!

¹ С семьей поэта Я. П. Полонского Е. М. Гаршин познакомился у И. С. Тургенева в его Спасском, где провел несколько дней в августе 1881 г. накануне последнего отъезда Тургенева из России (см.: Е. М. Гаршин. Воспоминания об И. С. Тургеневе. «Исторический вестник», 1883, октябрь). Летом 1882 г. Е. М. Гаршин жил в Спасском уже в качестве учителя детей Я. П. Полонского («Звенья», сб. 8, М., 1950, стр. 228, 231—234).

3

(Seine et Oise)

Bougival

Les Frênes

8-го ноября 82

27 октября

Любезнейший Гаршин,

Отвечая на Ваше дружелюбное письмо, сожалею только о том, что не могу сообщить ни Вам, ни моему племяннику Алексею Николаевичу¹ никаких особенно отрадных сведений

о моем здоровье. — Болезнь моя приняла окончательно хронический характер: страданий нет — но под одним условием: ни стоять, ни ходить — ни двигаться — как я уже писал Полонским. — В результате я должен пребывать неподвижным и о какой-либо поездке — даже бросил думать. — Долго ли это состояние продолжится — неизвестно — ни мне ни моим докторам. —

Со всем тем прошу Вас передать моему племяннику мое искреннее спасибо за его родственное участие. — Надеюсь, что ему хорошо живется в Москве.

До меня доходят хорошие вести о Вашем брате Всеволоде. Правда ли, что он женится? — Скажите ему, что на днях в одной из лучших здешних Revues (*Revue politique et littéraire*) появится перевод его «Ночи». — Я ему пришлю один экземпляр.

Поклонитесь от меня Полонским; дружески жму Вашу руку.

Ив. Тургенев

P. S. Так как Вы не выставили своего адреса, то посылаю это письмо через Я. П. Полонского.

Письма печатаются по автографам ИРЛИ (ф. 70, № 160).

¹ А. Н. Тургенев — сын двоюродного брата И. С. Тургенева. Знакомство Е. М. Гаршина с А. Н. Тургеневым состоялось в августе 1881 г. в Спасском.

Д. В. ГРИГОРОВИЧУ

Печатаемое письмо восполняет пробел в уже опубликованной переписке И. С. Тургенева с Д. В. Григоровичем за время с 1871 по 1883 г. (Первое собрание писем И. С. Тургенева, СПб., 1884). Предшествующее письмо Тургенева к Д. В. Григоровичу, написанное им на другой день после приезда в Спасское, автограф которого также находится в Пушкинском Доме, напечатано с комментариями Г. В. Прохорова в сборнике «И. С. Тургенев. /
Материалы и исследования» (под ред. проф. Н. Л. Бродского, Орел, 1940, стр. 29—30). Из всех этих данных явствует, что, приехав весной 1881 г. сначала в Петербург, а потом в Москву, Тургенев пригласил ехать с собой в Спасское М. Г. Савину и чету Полонских. Не дождавшись Марии Гавриловны (которая должна была в это время гастролировать в Москве), Тургенев уехал в Спасское 31 мая вместе с Я. П. и Ж. А. Полонскими, которые остались гостить здесь на все лето. Около 10 июня Тургенев вновь на несколько дней вернулся в Москву, скорее всего для того, чтобы

окончательно договориться с М. Г. Савиной относительно ее приезда. 14 июня, в день своего отъезда из Москвы в Спасское, Тургенев послал Савиной два письма; из этих писем видно, что дело казалось решенным; в первом письме, уведомляя ее о своем отъезде, он писал: «устрою там <в Спасском> немедленно Вашу комнату и буду ждать от Вас уведомления, когда выехать Вам на встречу в Мценск»; во втором Тургенев прощался с Савиной до скорой встречи: «до свидания в Спасском» (Тургенев и Савина. Письма И. С. Тургенева к М. Г. Савиной. Воспоминания М. Г. Савиной о И. С. Тургеневе. С предисл. и под ред. А. Ф. Кони, Пгр., 1918, стр. 24—25). М. А. Щепкин в своих «Воспоминаниях об И. С. Тургеневе в селе Спасском» рассказывал: «Когда Марья Гавриловна Савина известила Тургенева, что придет к нему в Спасское погостить, Иван Сергеевич стал неузнаваем: сам составлял список вещей, потребных для обстановки комнаты, которую предназначал для ее пребывания... поехал в Орел за покупкой мебели и заехал к нам в с. Катушищево, чтобы сообщить моему отцу свою радость» и т. д. («Исторический вестник», 1898, № 9, стр. 920). Из писем Тургенева к Григоровичу от 15 и 21 июня 1881 г. следует, что М. Г. Савина должна была приехать в Спасское вместе с Григоровичем, но это не оправдалось, как Тургенев предположил в публикуемом письме; в действительности Григорович приехал в Спасское один и пробыл там с 27 июня по 2 июля 1881 г.; приезд М. Г. Савиной осуществился несколько позже: она жила в Спасском пять дней — с 14 по 18 июля 1881 г.

Печатается по автографу ИРЛИ (Р. I, оп. 29, № 9).

Орловской г. Мценск
С. Спасское

Воскресение, 21 Июня 81

Любезнейший Григорович,

Из полученного мною Вашего письма я вижу, что Вам приходится состоять в том неприятном положении, которое французы называют: «être tenu le bec dans l'eau»; * почти нет никакой надежды, чтобы М. Г. Савина не прислала Вам той телеграммы, о которой Вы говорите; но в таком случае полагаю, что Вы, хотя одни, приедете сюда, в Спасское, и проживете здесь несколько дней, питаюсь удивительными пирогами с грибами —

* Держать клюв в воде (франц.) (здесь в смысле быть томимым напрасными ожиданиями).

да старыми воспоминаниями. — Очень бы Вы нас порадовали. — А мы здесь все живы и здоровы — загораем и толстеем. И потому — до свидания. Жму Вам дружески руку.

Ваш

Ив. Тургенев.

Р. S. Установившаяся теплая погода вероятно исправила Ваше здоровье. — Спасский сад теперь просто прелесть.

П. А. ИЛИНСКОМУ

Илинский Петр Алексеевич (1837—1907) — доктор медицины.

Письмо передано в Рукописный отдел в июне 1933 г. сыном П. А. Илинского — Г. П. Илинским, со следующей запиской:

«Среди переписки, сохранившейся после моего покойного отца, доктора медицины П. А. Илинского, имеется письмо великого писателя, продиктованное им на одре болезни за несколько месяцев до смерти (26/III 1883). Как раз с весны 1883 г. все чаще и упорнее стали поступать из Парижа тревожные вести об ухудшении состояния здоровья И. С. и о переносимых им страданиях. Вести эти глубоко волновали и тревожили многочисленных почитателей таланта писателя, выражавших ему горячее сочувствие и сердечные пожелания восстановления здоровья. В числе почитателей писателя был мой отец — видный тогда врач-ученый, основатель и редактор издававшегося в СПб. медицинского журнала «Врачебные Ведомости» (впоследствии «Русская Медицина»). Стремясь облегчить страдания больного и содействовать его выздоровлению, он послал И. С. свой совет — испробовать одно из средств, хорошо оправдывавшее себя на практике в случаях сходной по симптомам болезни. В ответ на это отец мой получил от И. С. Тургенева прилагаемое письмо».

Печатается по рукописи ИРЛИ (Р. I, оп. 29, № 13). Письмо написано рукой А. Ф. Онегина (Отто), подпись — автограф И. С. Тургенева.

50, Rue de Douai
Paris

Милостивый Государь,

Здоровье мое на столько плохо, что я не могу писать Вам своею рукою, а между тем спешу благодарить Вас за любезное

внимание. Пока мне не случилось еще говорить с здешними докторами об этом средстве, т. е. о настое калины, но во всяком случае нужно знать термины его на латинском и французских языках.

В случае, что доктора найдут это средство подходящим и полезным для моего пользования, а калины нельзя будет достать здесь, я не премину воспользоваться Вашим крайне любезным предложением о высылке его.

Статью «Врач. Вед.» я прочел и многое в ней нашел схожим с моим страданием, страданием, несомненно, нервным.

Примите уверение в уважении и признательности за лестное внимание

Ив. Тургенев

26 /III/ 83.

ПИСЬМА К И. С. ТУРГЕНЕВУ

В. В. СТАСОВА

О своих встречах и страстных спорах с Тургеневым В. В. Стасов рассказал сам в статье «Двадцать писем Тургенева и мое знакомство с ним» («Северный вестник», 1888, № 10). Письма Тургенева напечатаны здесь полностью; собственные же письма, представляющие для нас не меньший интерес, чем ответы на них Тургенева, Стасов, естественно, не привел, в лучшем случае ограничившись кратким их изложением или указанием на повод, вызвавший их (ср. В. Каренин «В. Д. Комарова». Владимир Стасов. Очерк его жизни и деятельности, ч. 2, Л., 1927, стр. 576—587).

Публикуемое письмо В. В. Стасова органически входит в эту переписку и, в частности, поясняет некоторые существенные подробности в том письме к нему Тургенева, которое Стасов напечатал в указанной своей статье (№ XI от 3/15 апреля 1875 г.) и которое являлось ответом на приводимое ниже. Начало письма (до слов: «Теперь я снова смотрю на Zola»), по автографу, хранящемуся в Пушкинском Доме, напечатал М. К. Клеман (Из переписки Э. Золя с русскими корреспондентами. «Литературное наследство», 1937, № 31—32, стр. 945—946; ср. Э. Золя. Эдуард Мане. Пер. В. Аникиевой, предисл. М. Клемана, Л., 1935, стр. 7). Другой отрывок из этого письма по тому же автографу (от слов: «Ну-с, исполнил я Вашу инструкцию» до слов: «Здесь он не годится») опубликован И. С. Зильберштейном (в его книге: Репин и Тургенев, М.—Л., 1945, стр. 44, 131), однако в полном виде письмо не появлялось. Письмо вносит дополнительные штрихи в хорошо известный нам облик В. В. Стасова, непримиримого и страстного борца за идейно-демократическое искусство, сыгравшего, в частности, столь значительную роль в развитии национальной школы русской реалистической живописи в качестве ее вдохновителя и критика.

Печатается по автографу ИРЛИ (5846. XXX б. 136).

С. П. Б. Надеждинская, д. Трофимова

30 марта 75.

Иван Сергеевич, угодно Вам оказать мне некоторую услугу? Если да, то вот о чем я попросил бы: спросите пожалуйста Zola, которого наверное видите (а я даже адреса его не знаю), хочет он завести со мною небольшую переписку о делах художественных? ¹ Быть может Вы припомните, еще в прошлом году я рассказывал Вам, как высоко ставлю его книжечку критических этюдов под заглавием «Mes haïnes» * и его брошюру о Мане, даром что кое с чем там и не согласен, а теперь, после его великолепного письма в «Вестнике Европы» про Дюма-фиса ² я еще более убедился, что он просто самый лучший художественный критик последнего времени. ³ Никто из немцев (мне очень твердо известных) не может сравниться с ним, а Тэн, хоть и блестящ, но близорук, мелок и ограничен. ⁴ Если бы это дело, которое я считаю для себя очень важным, удалось, я даже подумываю нынче летом приехать в Париж, месяца на 2, например на авг. и июль — так мне хотелось бы перетолковать с Zola о том и сем. Я теперь пишу одну большую книгу, художественной критики, и, признаться, никого почти не нахожу, с кем можно и стоило бы поговорить до корней дела. Есть, правда, один русский художник, выходящий из ряду вон по глубине и силе мысли, да и тот пожалуй не выдержит и сдаст, когда все умеренные и ретрограды, консерваторы и благоразумники залают. И так, вот моя просьба — что знаете, то с нею и сделайте. Позвольте надеяться на ответ от Вас. — А propos de Zola, ** скажу Вам, что не смотря на всеобщую, даже необыкновенную любовь всех у нас к Zola, почти все остались недовольны последним его романом «La faute de l'abbé Mouret». *** Может быть никто на свете так не любит и не

* «Ненавидимос» (здесь и ниже франц.). ** По поводу Зола. *** «Проступок аббата Муре».

ценит этого автора как я — на мои глаза он решительно выше всех нынешних романистов (кроме Виктора Гюго) — на мои глаза, ни у кого нет такого содержания как у него, это именно литература нашего века — и не смотря на все это, я читал новый его роман с досадой и скукой, принужден был пропускать по 5, по 10 страниц (не то что русского, а французского текста в корректурных листах), до того несносны и приторны все эти амурсы и самобичевания, сантиментальные, неестественные и невероятные. Если и могут быть такие уроды, как этот аббат, то черт бы их всех побрал, нет нам до них ни малейшего дела. Это что-то стариной и затхлым несет! ⁵ И эти глупости способна писать та самая рука, которая написала «*Ventre de Paris*»,* «*La fortune des Rougon*»** и «*La Curée*!»*** просто непостижимо. Конечно, талант был виден даже и в Аббате Мурé, на лицах второстепенных, каковы все без исключения крестьяне и крестьянки, но этот Мурé, но эта *Albine* — что это за невообразимая чепуха и неправда! Что это за идеализация безмозглое и безвкусное, и у кого? У самого что ни есть могучего реалиста и мыслителя! Я так был рад, что тотчас же после этого плохого романа прочитал чудесное его письмо про прием Дюма в Академию — а то я уже было подумал: Ну, и еще падение! Ну, и еще один провалился, не проделав даже и пол-дороги своей! — Теперь я снова смотрю на *Zola* с надеждой и ожиданием. — А что Вы скажете, Иван Сергеевич, про «*Анну Каренину*»? Ведь жидко и слабо, другими словами — плоховато! И таково здесь едва ли не всеобщее мнение. Нельзя, конечно, не любоваться на талантливость многих подробностей, но не те теперь времена пришли, чтобы по старинному радоваться, как бывало 20—30 лет назад, только на талантливость автора и красоту форм. Нет, нынче уже русская публика сильно выросла (быть может больше всех остальных европейских публик в отношении к литературе), и никакою талантливостью не удержишь ее все только на одних «амурах» и нежных чувствах кавалеров и дам.⁶ Изумителен право этот

* «Чрево Парижа». ** «Карьера Ругонов». *** «Добыча».

Лев Толстой: такой громадный талант скульптурной работы, и рисунок, и лепка, и типы, и красота, все есть у него во власти — и вечно из этого всего лепит такой вздор или мелочи!! Право, над русскими художниками тяготеет какая-то анафема: и могли бы кажется да не делают! Вот так-то и Вы сделали «Отцы и дети» и «Рудина», а все остальное — амуры да конфеты.⁷ Просто досадно, как счеты станешь сводить. Знаете-ли общее мнение против Толстого так сильно в настоящую минуту (по крайней мере на основании того, что напечатано в двух книжках «Русского Вестника»), что если и весь остальной роман такой же будет, никто не купит этого романа отдельным томом. Все жалуются. Ну-с, исполнил я Вашу инструкцию, и справился в Москве, у людей самых надежных, по моему разумению, на счет портрета Третьяковой, Харламова а.⁸ И объясняют мне, что-де скать нет тут ничего сколько-нибудь важного и примечательного. Французская манера и рутинà à la Вонпат,* как всегда — и больше ничего. Пятна приятные довольно — этого никогда никто не отрицал, но даже и эти пятна начинают переходить в заученный прием, и только. А что касается до способности истинно великого портретиста схватывать личность, характер, всего внутреннего человека — об этом у бедного этого Харламова, и помину не бывало. Куда ему! Когда он и с контурами не поспекает ладить. Из маленькой, сублиньенькой мадам Третьяковой состряпал вдруг какую-то бабелину с великолепными плечами, грудью и руками. На что это похоже! Даже и лицо, говорят меньше чем на половину передает сходство. Бог с ним, с этим французистым Харламовым, пусть себе живет в Париже и прельщает французов: здесь он не годится. Здесь требуется совсем другое. Надеюсь, Иван Сергеевич, Вы не будете на меня в претензии на все, что я Вам тут пишу: ведь я только продолжаю на письме точь в точь то самое, что не раз говаривал Вам лично — значит, мне кажется Вас ничто особенно не удивит. А как у нас тут скверно в художественном мире. Этот бездарный Ге притво-

* В духе Бонна⁹ (франц.).

ряется простаком и душой-человеком (как у Вас там в Париже Боголюбов¹⁰): написал преотвратную картинишку, где Пушкин (даже вовсе почти не похожий) размахивает рукой над какой-то рукописью — точь в точь Александринский театр, и находятся-же анти художественные Некрасовы, которые покупают эту дрянь!¹¹ Перов вдруг упал до такой степени, что просто невероятно, кто не видал, и вот объяснение той удивительной и тупой злобе, с которою он в Москве поднимал общий поход и звонил против Верещагина.¹² Просто злоба бессилия и чувство упавших сил работали в нем!¹ Так-то у нас и все прочие. — Есть таланты настоящие, но как их мало! Вот я бы хотел показать Вам картину Максимова: «Приход колдуна во время свадьбы».¹³ Эта картина просто что-то необыкновенное: ведь Максимов весь свой век был ordinarilyю посредственностью, и вдруг хлоп! прямо махнул орлиным почерком. Хорошего и талантливого пропасть, но если посмотреть на сюжеты, так этакое не скоро отыщешь во всей русской жизни. Тут на лицо все русское двоеверие народа, и наивность, и славянская бестолковая доброта, все голубиное сердце и доверчивость, и все отсутствие змеиной печени и крови — отчего вечно погибает русский народ. А типы, а взгляды, а мрачная изба, по необыкновенному вдруг освещенная сильными огарками — я вам скажу, глядел я и не нарадовался. Но что Академия в это время творит — насильственно, грубо, глупо — поминать скверно, одним словом как раз под стать тому, что делается и в литературе. Нечего сказать, мерзким духом тут везде несет. Вообразите, какие-то еще новые капканы мастерят и намордники на печать. Все, видно, мало!! Неправда-ли мило? — Так вот не напишите-ли Вы мне пару строк. Утешите

Ваш В. Стасов

А еще, какой тут поход на меня был, за то, что я напечатал выдержки из писем Репица в «Пчеле».¹¹ Все каплуны раскудахтались. Я только посмеивался.

¹ В ответном письме от 3/15 апреля 1875 г. Тургенев писал Стасову: «...не замедлю исполнить Ваше поручение насчет Золя, которого, действительно, довольно коротко знаю (его адрес — Paris, 21, rue St. Georges, Batignolles). За успех, однако, не ручаюсь. Работая с утра до вечера, как вол, он едва сводит концы с концами — и на безденежную корреспонденцию тратить время не станет. Если вы точно собираетесь в Париж, то вот вам самый удобный случай переговорить с ним» («Северный вестник», 1888, № 10, стр. 173). Знакомство Стасова с Золя, впрочем, состоялось в конце лета 1875 г., когда Стасов приехал в Париж на международную географическую выставку. Э. Золя подарил Стасову несколько своих статей, которые Стасов принес в дар Петербургской Публичной библиотеке.

² Стасов имеет в виду «пробный фельетон» Э. Золя в «Вестнике Европы», открывший серию его «Парижских писем», регулярно присылавшихся им затем в этот журнал: «Новый академик. Прием А. Дюма-сына во французскую академию» («Вестник Европы», 1875, кн. 3, стр. 441—459). Посылая эту статью Золя в рукописи в редакцию «Вестника Европы», Тургенев писал М. М. Стасюлевичу: «Я прочел этот фельетон и нахожу его в своем роде *chef d'oeuvre*» (М. М. Стасюлевич и его современники в их переписке, т. III, СПб., 1912, стр. 49).

³ Об отношении Стасова к Золя, как к крупнейшему мастеру реалистического романа, и о несогласиях с ним в оценке французской живописи (в частности, в оценке Э. Мане, роль которого была сильно преувеличена Золя), см. его статью 1886 г. «По поводу романа Золя *L'oeuvre*» (Собрание сочинений В. В. Стасова, т. II, СПб., 1894, стр. 377—392); С. Н. Гольдштейн. Комментарии к избранным сочинениям В. В. Стасова, М.—Л., 1938, стр. 115—116.

⁴ Ипполит Тэн (*Hippolyte Taine*) — французский критик-позитивист и историк искусства.

⁵ Роман Э. Золя «Проступок аббата Муре» только что закончен был печатанием в русском переводе в «Вестнике Европы» (1875, кн. 1, стр. 253—329; кн. 2, стр. 694—774; кн. 3, стр. 271—364), почти на месяц раньше, чем появился французский оригинал (около 10 апреля /н. с./ 1875 г.); поэтому Стасов и упоминает, что он читал еще не напечатанный французский текст. Рукопись романа Золя была переслана им в редакцию «Вестника Европы» через посредство Тургенева (М. М. Стасюлевич и его современники, т. III, стр. 51).

⁶ Этот отзыв Стасова об «Анне Карениной» был близок к отрицательным отзывам о романе Толстого и самого Тургенева (см. в настоящем издании, стр. 205), почему он и писал в ответном письме к Стасову: «Зная радикальное, можно сказать антиподное, противоречие наших воззрений в деле искусства и литературы, и я скорее удивился случайному их совпадению в отношении к роману Л. Толстого» («Северный вестник», 1888, № 10, стр. 173).

⁷ В позднейшей заметке «По поводу графа Льва Толстого» (1877), где проводится параллель между «Анной Карениной» и произведениями других «наших писателей, тех, что даже никогда не переставали быть идолами публики», Стасов писал: «Возьмите, например, хоть И. С. Тургенева: всю жизнь он не писал других романов и повестей, как на „амурные темы“ (исключений всего два), и что же? Что вышло из всех его любовных задач? Вы мне не укажете ни одного действующего лица этих повестей и романов, которые в своих „амурах“ поднялись бы выше состояния тепленькой водицы, кротости и смирения. В романах и повестях Тургенева никогда, нигде не бил ключ страсти и силы чувства» (В. В. Стасов. Собр. соч., т. III, 1894, стр. 1417—1419).

⁸ А. А. Харламов — художник-портретист, по окончании петербургской Академии художеств (в 1868 г.) посланный в Париж и здесь преимущественно работавший в последующие годы. Тургенев считал Харламова «величайшим современным портретистом» и неоднократно отстаивал это свое мнение перед В. В. Стасовым («Северный вестник», 1888, № 10, стр. 158, 169, 171—172; И. Зильберштейн. Репин и Тургенев, М.—Л., 1945, гл. 3: «Тургенев и художник Харламов», стр. 27—39; ср. в настоящем издании в письмах Тургенева к А. В. Плетневой, стр. 205). — В настоящем письме Стасов отвечает Тургеневу, писавшему еще 15 (27) января 1875 г.: «По вашему Харламов потому уже наверно плох, что пишет французской манерой, а именно французского то в нем ничего и нет — и в его правдивости, искренности и реалистическом писании сказывается русский человек и русский художник. Когда Вы съездите в Москву — посмотрите на недавно конченный и выставленный им портрет жены Третьякова (Сергея) — и скажите, было ли у нас что-либо подобное до сих пор?» («Северный вестник», 1888, № 10, стр. 172).

⁹ Бонна — французский художник, в мастерской которого Харламов продолжал учиться после своего отъезда из Петербурга и от которого он, действительно, усвоил «салонные» черты, столь возмущавшие Стасова.

¹⁰ Художник Алексей Петрович Боголюбов (1824—1896), живший в это время в Париже и близко знакомый с Тургеневым. С осени 1874 г. Тургенев начал бывать на «вторниках» Боголюбова, а затем деятельно работал вместе с ним в Обществе взаимопомощи русским художникам в Париже, учрежденном главным образом по инициативе Боголюбова.

¹¹ В. В. Стасов имеет в виду известную картину художника Н. Н. Ге «Пушкин в селе Михайловском», выставленную впервые на передвижной выставке в 1875 г. Опираясь на известный эпизод из биографии Пушкина, — приезд к опальному поэту в село Михайловское И. И. Пущина (зимой 1824/25 г.), художник изобразил на своей картине Пушкина читающим своему другу какую-то рукопись. Подробно рассказывая об этой картине в написанной много лет спустя книге «Николай Николаевич Ге, его жизнь и переписка» (М., 1904, стр. 251, 252), В. В. Стасов писал:

«Обыкновенно считают, что Н. Н. Ге изобразил Пушкина читающим своему приятелю Пушину, которого много лет не видал, свои стихотворения, а по другим рассказам, сцену из «Горя от ума». Но В. В. Лесевич, знакомый в 70-х годах с Ге и постоянно вращавшийся тогда в его кругу, сообщает мне, что в действительности Ге имел в виду представить в своей картине, что Пушкин читает «Устав Северного Общества», привезенный ему Пушиным. Но, невзирая на все старания, хлопоты и изучения, эту картину постигла та же участь, что и предыдущую. Никому она не понравилась, никого она не затронула, не восхитила, и «Голос» выразил только общее мнение (высказанное также почти в тех же словах во множестве других газет), когда напечатал: «Картина Ге имеет много достоинств, но не чужда и недостатков. Как всегда у Ге, она несравненно лучше задумана, чем исполнена. . . Картина никакого успеха не имела. Правда, Некрасов ее купил, но собственно из-за сюжета, а не из-за художества». Этот отзыв слишком суров. Картина быстро стала очень популярной, благодаря множеству воспроизведений (см. А. Сидоров. Проблемы иконографии Пушкина — в книге: Пушкин. Сборник статей, под ред. проф. А. М. Еголина, М., 1941, стр. 370—371). Картина Ге принадлежала Н. А. Некрасову и после смерти его продана (в 1879 г.) Борису Григорьевичу Филанову в Харькове, где и находилась до последнего времени (С. Либрович. Пушкин в портретах. История изображений поэта в живописи, гравюре и скульптуре, СПб., 1890, стр. 116—120). Авторская копия картины находится в Государственном Русском музее в Ленинграде.

¹² Речь идет о выставке картин и этюдов художника В. В. Верещагина (1842—1904) из его Туркестанской серии, впервые показанной в России в марте 1874 г. и затем приобретенной П. М. Третьяковым. Выставка эта вызвала горячий обмен мнений и споры в русской прессе и среди художников. Среди противников Верещагина оказался и художник В. Г. Перов (1833—1882), что еще долго огорчало Стасова, бывшего одним из защитников и пропагандистов Верещагина. В статье о Верещагине, напечатанной в «Вестнике изящных искусств» в 1883 г. (№ 1, 2), Стасов писал: «Перов, в начале 1874 г. принимавший такое горячее участие в судьбе Верещагинских картин, в конце того же года становится во враждебное отношение к нам. . . Перов, как мы знаем от очевидцев, знакомых его. . . до конца жизни не хотел признавать значительности Верещагина. Но в 70-х годах Перов был далеко не прежний Перов; его характер все более и более окислялся: он становился желчен и раздражителен, бросил всех прежних товарищей по искусству, вышел из „Товарищества передвижных выставок“, и все это одновременно со все большим и большим падением его таланта» (В. В. Стасов. Собр. соч., т. II, СПб., 1894, отд. 4, стб. 313; см. также: И. Е. Репин и В. В. Стасов. Переписка, т. I, М.—Л., 1948, стр. 140, 254; Переписка П. М. Третьякова и В. В. Стасова, 1874—1897, М.—Л., 1949, стр. 19).

¹³ Картина художника В. М. Максимова (1844—1911) «Приход колдуна на крестьянскую свадьбу» находилась на IV передвижной выставке 1875 г. и была куплена П. М. Третьяковым, которому В. В. Стасов писал по этому поводу (22 марта 1875 г.): «Поздравляю Вас с покупкой картины Максимова: по моему, это одна из примечательнейших русских картин, особенно по выбору сюжета» (Переписка П. М. Третьякова и В. В. Стасова. 1874—1897. М.—Л., 1949, стр. 14). Восторженно об этой картине отзывался В. В. Стасов также и в печати; он называл ее «полухристианской, полуязыческой», «вырванной прямо из недр России», «шедевром характеров и выражений»; в другой своей статье, называя «Приход колдуна на свадьбу» широкой «хоровой» картиной, Стасов подчеркивает, что она «полна национального, глубокого содержания и превосходных типов»; столь же высоко ставили ее и художники—Н. И. Крамской, И. Е. Репин (см. И. Е. Репин. Далекое близкое, М.—Л., 1944, стр. 366). Подробнее об этой картине см. А. И. Замошкин. В. М. Максимов, М., 1950, стр. 15—22.

¹⁴ «В январе 1875 г. в журнале „Пчела“ Стасов напечатал статью „Илья Ефимович Репин“. Это был первый биографический очерк о Репине, дававший к тому же восторженную характеристику его работ. В заключении статьи Стасов решил познакомить читателя с художественными воззрениями Репина: „как он смотрит на вещи, куда он идет, чего хочет и к чему стремится“—и с этой целью привел обширные выдержки из репинских зарубежных писем, обращенных лично к нему. Стасов не учел, что люди, воспитанные на классических образцах искусства, воспримут репинские оценки как неслыханную дерзость» (И. С. Зильберштейн. Репин и Тургенев, М.—Л., 1945, стр. 67). Публикуя резкий ответ Тургенева на эту приписку к своему письму (о Репине), сам Стасов пояснил: «По поводу многочисленных нападок на Репина, в Петербурге и Париже, за письма его ко мне о Рафаэле, о старом итальянском и новом французском искусстве» («Северный вестник», 1888, № 10, стр. 173).

С. А. РАЧИНСКОГО

Сергей Александрович Рачинский (1833—1902) происходил из дворянской семьи Бельского уезда, Смоленской губернии. Он приходился родным племянником поэту Е. А. Баратынскому; интересы к литературе и искусству возникли у него с ранних лет и были усилены семейными воспоминаниями о людях пушкинской поры и его последующим личным общением со многими выдающимися деятелями на поприще литературы, науки и искусства. В сельском архиве Рачинских в родовом имении Татеево Бельского уезда хранились письма Баратынских, В. А. Жуковского, И. В. Киреевского, А. А. Фета и многих других писателей, частично изданные самим С. А. Рачинским в конце его жизни (Татеевский сборник, СПб.,

1899), частично подготовленные им к изданию, систематизированные и переплетенные (о собрании автографов С. А. Рачинского см. в «Сборнике Отделения русского языка и литературы Академии Наук», т. 87, СПб., 1910, стр. 10, 11, и в книге Ю. Верховского: Е. А. Боратынский. Материалы к его биографии. Из Татевского архива Рачинских, СПб., 1916); в настоящее время весь Татевский архив Рачинских хранится в Центральном Государственном литературном архиве в Москве.

С. А. Рачинский окончил Московский университет по естественному отделению физико-математического факультета, но, готовя себя к научной деятельности, он столь же живо интересовался литературой и искусством, живописью и особенно музыкой. Рачинский был близок к В. Ф. Одоевскому в последние годы его жизни и вместе с С. А. Соболевским разбирал его библиотеку; дружеские отношения связывали его с Н. Рубинштейном, П. И. Чайковским (посвятившим ему свой первый квартет) и Ф. Листом, для кантаты которого он написал текст по-немецки; он перевел также на немецкий язык «Семейную хронику» С. Т. Аксакова (издана в Лейпциге в 1858 г.). Большую литературную заслугу Рачинского составляет напечатанный им первый на русском языке перевод сочинения Дарвина «О происхождении видов» (1864).

После защиты докторской диссертации «О некоторых химических превращениях растительных тканей» (1866), Рачинский состоял профессором Московского университета по кафедре ботаники, занимаясь, кроме того, и журнальной работой.

Но тяга в народ, характерная для интеллигенции 60—70-х годов, увлекла Рачинского и круто изменила его жизнь. Сестра его открыла в Татеве школу, и Рачинский решил, оставив профессуру (в 1867 г.), уйти в сельские учителя, что и осуществил в 1875 г. Как курьез прошлого, можно отметить, что учебная администрация препятствовала этому на том основании, что Рачинский не имел свидетельства на звание учителя начальной школы; и ему, профессору университета, пришлось держать элементарный экзамен по арифметике и русской грамматике для получения этого звания. «... Мы, — рассказывает об этом времени учитель А. Миловидов, — зачитывались Златовратским, Глебом Успенским, Левитовым. Призывы публицистов «в народ» поднимали стремление молодой, жаждавшей подвига души принести посильную помощь народу и прежде всего родной деревне. Небезызвестно было нам имя Рачинского. Помню наше возмущение, когда в газетах было сообщено, как он, бывший профессор, привлекался к сдаче экзамена на право преподавания в основанной им сельской школе» (А. Миловидов. Памяти С. А. Рачинского, Пгр., 1916, стр. 4).

Рачинский так отдался интересам школы, что даже поселился в ней с детьми. Так провел он двадцать один год, пока болезнь не принудила его оставить обучение. Умер он 69 лет.

Рачинский был глубоко убежден в высокой одаренности и скрытых, но неисчерпаемых творческих силах русского крестьянства, о чем он заявлял уже в изданной им в 1882 г. брошюре «Народное искусство и сельская школа». Как и в публикуемом письме к Тургеневу, Рачинский не раз особенно подчеркивал выдающиеся музыкальные способности русского народа. Любопытно, что еще в половине 70-х годов Рачинский занимался сборанием песен Смоленской губернии и что записи эти просил у него П. И. Чайковский, глубоко изучавший русские народные напевы (см. письмо Чайковского к Рачинскому, опубликованное в «Красном архиве», 1940, № 3 (100), стр. 246). «Количество дремлющих художественных сил, таящихся в нашем народе — громадно», — писал он (см. его книгу: Сельская школа, СПб., 1902, стр. 22). «...Уровень умственных способностей и нравственной силы между ними [крестьянскими детьми], — говорит Рачинский в письме к Л. Н. Толстому, — несравненно выше, чем между... мальчиками из наших высших сословий или между... крестьянскими мальчиками из самой образованной местности Германии» (Письма Толстого и к Толстому, М.—Л., 1928, стр. 228). Поэтому Рачинский требовал гораздо более широкой программы для начальной школы, чем та, которая являлась официальной программой того времени.

Особенно интересовал Рачинского вопрос о книгах для школьного чтения. В том, что сельская школа не давала такого развития, чтобы по выходе из нее человек мог понимать великие произведения русской и зарубежной художественной литературы, Рачинский видел «что-то уродливое» (Сельская школа, стр. 235). Его не удовлетворяли и существовавшие тогда книги для школьного чтения; единственным исключением Рачинский считал азбуку и книги для чтения Л. Н. Толстого: «Нет в мире литературы, которая могла бы похвалиться чем-либо подобным» (там же, стр. 216), — писал Рачинский. Надежда, что и Тургенев даст школе такую же книгу, вызвала публикуемое письмо к нему Рачинского.

Для полного освещения этого письма следует заметить, что, несмотря на свою веру в крестьянство и на свое стремление посвятить ему собственные силы, Рачинский не находился на уровне наиболее передовых просветительских задач, стоявших в то время перед русской интеллигенцией. Его идея о необходимости тесной связи народной школы с церковью в 70—80-е годы была реакционной и чуждой прогрессивным течениям, господствовавшим в современном ему обществе, и потому влияние Рачинского на педагогическую мысль было незначительным. Его деятельность оценивалась обществом главным образом как личное подвижничество.

Рачинский не имел обыкновения датировать свои письма. Но из того, что, по его словам, он уже шесть лет непрерывно обучает крестьянских ребят, можно заключить, что время написания письма к Тургеневу относится к 1881 году, так как началом педагогической работы Рачинского в деревне был 1875 год. Косвенным подтверждением такого предположения

может служить и то, что июль—август 1881 г. Тургенев жил в Спасском; в июле несколько дней в Спасском гостил Л. Н. Толстой, затем сюда приезжала М. Г. Савина и другие лица. Слухи о пребывании Тургенева в Спасском проникали и в газеты; мы не знаем, к сожалению, из какой газеты приводит выписку в своем письме С. А. Рачинский.

Ответное письмо Тургенева Рачинскому нам неизвестно; нет его, видимо, и среди «Писем к С. А. Рачинскому», им самим приведенных в порядок и переплетенных в десяти томах, насколько мы можем судить об этом из краткой описи этого интересного собрания, составленной Ю. Н. Верховским (в его книге: Е. А. Боратынский. Из Толстовского архива Рачинского, СПб., 1916, стр. XIV—XVIII; стоит, однако, отметить что в другом переплетенном томе «автографов» того же собрания Рачинского, как это отмечает Ю. Н. Верховский на стр. XIII, значатся два письма И. С. Тургенева к М. Н. Каткову без дат, вероятно неопубликованные). Возможно, впрочем, что ответное письмо Тургенева и вовсе не было написано, поскольку и сам Рачинский не настаивал на нем («Это письмо не требует ответа»). Не трудно, однако, догадаться, что мог ответить Тургенев на публикуемое письмо Рачинского, если он даже воспользовался разрешением своего корреспондента оставить его без всякого отклика. Еще в 1863 г., отвечая Е. Е. Ламберт на подобный же призыв — написать «простую и нравственную повесть для народа», Тургенев сообщал ей: «Я никогда не писал для народа. Я писал для того класса публики, которому я принадлежу, начиная с „Записок Охотника“ и кончая „Отцами и Детьми“... Но почему Вы знаете, что я двадцать раз не пытался что нибудь сделать в этом роде, и не бросил этого, наконец, потому, что убедился, что это не по моей части, что я этого не умею?.. я никогда не напишу повести для народа. Тут нужен совсем другой склад ума и характера» (Письма И. С. Тургенева к графине Е. Е. Ламберт, М., 1915, стр. 161, 162).

Напомним, однако, что и Тургеневу не были чужды интересы народной школы. Он подарил школу своей калужской деревне (текст адреса ему от крестьян напечатан в «Калужских губернских ведомостях», 1862, № 35, и перепечатан с пояснениями в статье Д. И. Малинина «Жиздринские деревни И. С. Тургенева». «Известия Калужской ученой архивной комиссии», т. XXII, 1914, стр. 1—10). В 1863 г. в с. Спасском-Лутовинове на средства И. С. Тургенева было построено и открыто частное сельское начальное училище, где учительские обязанности первоначально выполнял бывший «дворовый человек» Петр Михайлович Серебряков. В 1869 г. построено было новое здание для этой школы и приглашен более опытный учитель. В одном из писем к Н. А. Кишинскому Тургенев писал: «Невозможно допустить, чтобы в моем имени, в имени человека, который обязан всем своим значением перу, существовала плохая и неудовлетворительная школа... школа в Спасском не должна быть только подобием школы, над-

лежит поставить ее на высокую точку. Я готов определить 200 рублей в год жалования дельному учителю или учительнице». Во время приездов из-за границы Тургенев посещал школу и знакомился с учившимися в ней детьми. «Если в ней даже мало учеников, но эти хорошо учатся, то я в этом вижу положительный успех», — писал он своему управляющему. Стоит отметить, что Тургенев хорошо запоминал наиболее одаренных учеников своей школы и заботился о них: «Что сделалось с умным мальчиком Никитой, которого я видел третьего года в школе и который такие успехи делал? Жив ли он и хорошо ли продолжает учиться?» — спрашивал Тургенев Н. А. Кишинского (подробнее см.: М. Нарыков. Тургенев и крестьяне — в книге: И. С. Тургенев. Материалы и исследования. Сб. под ред. Н. Л. Бродского, Орел, 1940, стр. 61—68).

Еще в 1882 г. в своем письме «Крестьянам села Спасского-Лутовинова» Тургенев говорил, между прочим: «... жалею, что... по слухам, ваши дети мало посещают школу. Помните, что в наше время, безграмотный человек то же, что слепой или безрукий» (Первое собрание писем И. С. Тургенева, СПб., 1884, стр. 487).

С. Г. Щепкина в своих интересных воспоминаниях «И. С. Тургенев в Спасском-Лутовинове» посвятила несколько страниц описанию Спасской школы и состоянию ее в 1877 г.; здесь она писала, между прочим, об этой школе, что Тургенев, «давая свои средства на ее содержание, не желал передавать ее в ведение земства, чтобы иметь возможность распоряжаться ею по своему усмотрению» («Красный архив», 1940, № 3 (100), стр. 214—215).

Печатается по автографу ИРЛИ (5764. XXX б. 54).

Татеево, 6 Августа <1881?>

Многоуважаемый Иван Сергеевич.

В газетах появилось следующее известие:

«И. С. Тургенев проводит конец лета в своем имении, Орловской губернии. По слухам, он намерен впредь посвятить свою творческую деятельность исключительно народной детской литературе...».

Нельзя придавать особенного значения газетным слухам о намерениях частных лиц, тем более о их художественных замыслах. Но есть известия, которым хочется верить. Пишу к Вам в предположении, что известие это не ложно. Пишу к Вам не в качестве знакомого (мы встречались когда-то но это поверхностное знакомство не дает мне права обращаться к Вам пись-

менно) — а в качестве читателя и школьного учителя (я уже шесть лет непрерывно, зимою и летом, обучаю крестьянских ребят и живу в моей школе). Это письмо не требует ответа.

Вы имеете понятие о нашей детской народной литературе. Вы заглядывали в эту лужу пошлости, недобросовестности и фальши. Вы можете себе представить радость школьного учителя при надежде на Ваше содействие этому кровному для него делу.

Но имеете-ли Вы понятие о той публике, для которой Вам предстоит писать? Вопрос дерзкий — ведь я говорю с автором «Бежина Луга»! Ради бога, выслушайте меня с терпением.

Да, крестьянские ребята все те-же, как в «Бежином Луге», но также и не те. Боже мой, не конец лета нужно Вам провести в деревне, а целую зиму. Нужно Вам побывать в сельских школах, не в усовершенствованных, министерских, откуда гонят ребят по окончании уроков — а в тех бедных школах, куда ребята приходят за пятнадцать верст на целую неделю с куском хлеба в кармане, чтобы проучиться краткие часы зимнего дня, а остальное время просидеть в потемках. Вам нужно посидеть с ними в этих потемках. Вы тогда увидите — не нашим тусклым зрением, а ясновидением художника, что в самой душе народа готовится нечто, нечто громадное и неизмеримое, назовите это нечто по имени, и укажите нам, чем идти ему на встречу.

Я не ясновидящий, я не пророк — я просто школьный учитель. Могу сообщать Вам только наблюдения над тем, что ныне творится в детском крестьянском мире — а творится нечто необычайное и новое. Я это вижу, потому что Татевская школа существует двадцать лет, и в ней теперь обучается второе поколение.

Прежде всего в них поражает могучее пробуждение умственной жажды, разумной пытливости. Тесные рамки элементарного обучения трещат и раздаются. Избегая многопредметности, невозможной при краткости учебного срока, я с каждым годом вынужден придавать бóльшую интенсивность преподаванию предметов элементарных. Механическое преподавание русского языка становится невозможным. Грамматика стала предметом

животрепещущего интереса, и нужно иметь постоянно под руками Буслаева, Грота, Даля, чтобы сколько-нибудь удовлетворить ненасытное любопытство по этому предмету.

То-же самое с арифметикою. Мои ученики насильно вогнали меня в теорию чисел, вынудили меня (буквально) дойти собственным умом до разных теорем Фермата и Эйлера, дойти до некоторых выводов, совершенно новых. Вы видите, что мне приходится более учиться, чем учить. Результаты получаются поразительные — не благодаря мне (я учитель очень плохой), но благодаря ученикам и содействию моих помощников из крестьян, гениальному умению которых я не могу надивиться.

О законе божием и говорить нечего. Ко всегдашнему интересу ко всем подробностям богослужения присоединилась страстная привязанность к священному Писанию, и именно к Новому завету — в яркую противоположность симпатиям германских народов — и возрастающий интерес к вопросам догматическим.

Но что еще знаменательнее, еще ближе к предмету моего письма, это внезапное пробуждение интересов художественных. Пение сделалось положительною потребностью. Музыкальных способностей — множество. Верность вкуса — изумительная. Я стараюсь о том, чтобы мои ученики слышали музыку, — всякую музыку — выбор едва возможен — случаи редки — мы живем в глуши. Что их поражает, что их приводит в восторг? Не певучие мелодии новейших итальянцев, не подделки под русские песни, не бойкие танцы — а псалмы Марчелло, хоралы Баха, отрывки из Моцарта и Бетховена. . .

Еще труднее обстоит дело с рисованием, но и тут являются таланты, и тут любовь к делу выражается железным терпением, изумительными успехами. . .

Что касается до литературы, поверите-ли, что могу читать, не краснея, с моими учениками только священное Писание, Четьи-Минеи (в славянском подлиннике), Пушкина, Гомера, и (с старшими) Шекспира. (Необходим хороший перевод «Потерянного Рая» — это вещь любимая всеми, несмотря на ужасную форму, в которой она им доступна). Только творения вполне

искренние доходят до их понимания. Весь хлам нашей детской и народной литературы служит только для механического чтения, и может быть заменен с успехом поваренными книгами, газетными объявлениями, преёскурантами, всем, что вам угодно. Единственное исключение составляют «Книги для Чтения» Толстого. Эти книги — перл. Перечтите их. Хороши они потому, что Толстой в них весь, как есть и что Толстой — великий писатель.

Такую-же книгу должны написать и Вы. Дайте нам всего себя, не умалчивайте, не смягчайте. Узнайте крестьянских ребят и Вы увидите, что они достойнее нас грешных того, чтобы Вы думали при них вслух. Вас будут читать и перечитывать с жадностью, — и все будет оценено: и дивная гармония Вашей прозы (единственной, после Пушкина!), и волшебная точность Вашего художественного зрения, и то чутье «соразмерностей прекрасных», которое у нас потеряно всеми, кроме Вас, — и то, что Вы человек добра и правды — и прежде всего то, что Вы говорите от души, говорите те вещи, которые для Вас самого и боль сердца, и задача ума. . .

Извините поспешность и беспорядочность этого письма. Переписывать его некогда: я болен и завален работой. Да хранит Вас бог. Куда-бы не направилась Ваша художественная деятельность, знайте, что за тенденционным шумом порицаний и похвал, возбуждаемым каждым новым Вашим произведением, кроется глубокое, молчаливое сочувствие к Вам всего, что есть в России читающего и мыслящего. И бранят Вас, потому что Вас любят, что всякий хочет Вас иметь с собою. . .

С. Рачинский.

А. Н. ОСТРОВСКИЙ

ДРАМАТИЧЕСКАЯ СКАЗКА «ИВАН-ЦАРЕВИЧ»

В Рукописном отделе Института русской литературы Академии Наук СССР среди автографов А. Н. Островского под шифром: ф. 218, оп. 1, №№ 22, 23, 24 хранится ряд материалов, относящихся к не законченной нашим великим драматургом работе над драматической сказкой «Иван-Царевич». К этим материалам принадлежат: черновой набросок списка действующих лиц и начальных ремарок сказки в 5 действиях в стихах «Осиновый дух» (1 л.), сценарий и карандашный черновик текста семи картин «Ивана-Царевича», писанные рукою драматурга (40 л.), и, наконец, перебеленная по черновику рукопись сказки, обрывающаяся на середине четвертой картины (24 л., из них четыре неполных первых принадлежат руке А. Н. Островского). За исключением перебеленной рукописи, 24 листа которой писаны чернилами, и 5—13 листов черновика сценария, все остальные черновики «Ивана-Царевича» писаны карандашом и в ряде случаев представляют уже значительные трудности для прочтения. «Рукопись А. Н. Островского, — отмечал в свое время П. В. Безобразов, — писаны почти все карандашом, а потому недолговечны; следовательно, надо спешить их изучением» («Исторический вестник», 1890, № 2, стр. 344). Замечание это в полной мере применимо к рукописным материалам «Ивана-Царевича», оправдывая, помимо иных соображений, его предлагаемую публикацию. Публикуемый текст представляет собой воспроизведение перебеленной части черновой рукописи и — с середины четвертой картины сказки — ее чернового текста, начинающегося на 22-м листе оригинала и заканчивающегося восьмой картиной пьесы.

Текст публикуется в последней авторской редакции, т. е. без воспроизведения немногих зачеркнутых слов и фраз.

«Иван-Царевич» является наиболее крупным по своим размерам из недовершенных замыслов Островского. Работа над этой драматической сказкой относится к 1867—1868 гг.

В письме к директору имп. театров А. С. Гедеенову Островский довольно подробно останавливается на своей работе над «волшебной сказкой»,

сообщая о том, что он «недоволен» ее сценарием, и подвергает его коренной переработке: «Теперь я работаю, не стесняясь прежним планом, и смею уверить Вас, употребляю все силы, чтобы сделать чтонибудь порядочное». Обещая выслать Гедеенову «образчик» своей работы, драматург признается, что пишет он «довольно эскизно», но постарается «особо отделать сцены две-три» для представления их вниманию театрального начальства. В успешном завершении своей работы Островский при всем том не был вполне уверен: «Я теперь оставил все другие дела, исключительно занимаюсь этой пьесой; если она мне удастся, я буду очень рад, — если не удастся, я буду, по крайней мере, тем утешен, что трудился добросовестно» («Русский архив», 1915, вып. 1, стр. 25—26).

Вероятнее всего, Гедеенову был переслан сценарий сказки «Осиновый дух». Отрицательное суждение о ней директора имп. театров побудило Островского к переработке замысла драматической сказки, в результате которой и была начата работа над «Иваном-Царевичем».

Публикуемый ниже текст свидетельствует о том, что, уточняя и работывая довольно подробно зафиксированный им сценарий своей драматической сказки, Островский в черновой композиции текста и содержании отдельных картин еще расхотелся с определившимся в результате его «недовольства» поздним сценарным планом пьесы. Имеющийся в Рукописном отделе ИРЛИ среди бумаг Островского недатированный черновик письма к Н. С. (Петрову?) свидетельствует, однако, о том, что драматург представлял себе возможность постановки своей сказки на сцене и даже намечал примерное распределение ее ролей.

Интерес Островского к жанру сказки-феерии засвидетельствован уже в последний период его жизни в переписке с нижегородской поэтессой А. Д. Мыссовской (см.: «Русская мысль», 1890, кн. 12, стр. 1—12). Работа над «Иваном-Царевичем» была наиболее ранним из обращений писателя к драматизации русского фольклорного материала, шедевром которой в его наследии осталась «Снегурочка».

«Иван-Царевич» не может быть отнесен к числу бесспорных удач великого драматурга. Сценарий и текст этой «волшебной сказки» страдают рядом существенных недостатков, в том числе механическим соединением разнородных сказочных мотивов, загроможденностью действия, явными влияниями вошедшей в моду в 60-е годы оперетты и т. д. Однако на некоторых страницах его можно различить руку Островского — мастера сатирической комедии.

Без обозначения принадлежности их к вариантам текста «Ивана-Царевича» несколько арий и куплетов сказки, содержащихся в одной из записных книжек Островского (из собрания Государственного центрального театрального музея им. А. Бахрушина) были опубликованы в издании: А. Н. Островский. Дневники и письма. М.—Л., 1937, стр. 257—258.

ИВАН-ЦАРЕВИЧ

Волшебная сказка в пяти действиях и 16 картинах.^а

Лица: б

Царь Аггей.

Иван-Царевич. [Царицын сын, Царицын, Иван средний]

Иван-Старухин. [Иван-Царевич]

Иван-Девкин. [Девкин сын, Девкин, Иван бóльший]

Иван-Кошкин. [Кошкин сын, Кошкин, Иван меньший]

Карга-старуха, царская ключница.

Мельник.

Кошка.

Баба-Яга.

Кашей Бессмертный.

Царевна Милолика. [Милолика, Царевна]

Дворецкий Кашея.

Девка-Чернавка. [Чернавка]

Царь Калин-Гирей. [Калин-царь]

Калга, министр. [Бабадур, визир]

Евнух. [Юсуф]

Царь Додон.

Царевна индейская.

Кошки, работники на мельнице, крестьяне, свита Кашея, свита Калина-царя, свита Додона, татары, конюхи, индейские жрецы, брамины, стража и народ.

Картина 1. Мельница.

Картина 2. Избушка на курьих ножках. |

Картина 3. Кашеев дворец.

Картина 4. Сад Кашея.

Картина 5. Терем Царь-девицы.

Картина 6. Бахчисарайский дворец.

Картина 7. Конюшня Калин-Гирея.

Картина 8. Индия. Тропический лес.

Картина 9. Индейский храм.

Картина 10. Зала во дворце Кашея.

Картина 11. Дикая местность, развалины старой башни.

^а По черновой рукописи. (А. О.) ^б В квадратных скобках приведены встречающиеся в тексте варианты наименований действующих лиц. (Здесь и дальше примечания К. Н. Державина).

Картина 12. Мельница.

Картина 13. Светлица во дворце царя Аггя.

Картина 14. Столовая зала (гридница).

Картина 15. Царство кошек.

Картина 16. Апофеоз. |

〈СЦЕНАРИЙ СКАЗКИ〉

2

ДЕЙСТВИЕ 1-е

Картина 1

Мельница. В глубине видна верхняя часть большого наливного колеса и провод, по которому бежит вода; над ними просвет. Направо наружная дверь, над ней окно без рамы. Среди пола западня в подполье. Налево дверь в чулан.

Явление 1

Работники, между которыми Иван-Царевич, Иван-Девкин и Иван-Кошкин, убирают мешки с мукой (хор).

Явление 2

Входит старая нищенка — Баба-Яга; работники окружают ее. Она им поет (баллада). В некотором царстве жил царь с царицей. У них не было детей. Долго они плакали. Как-то раз царица сидит у окна и плачет; подходит к окну старуха нищенка, — вот как я, — и спрашивает ее, о чем она плачет. Та ей сказала. Старуха дала ей рыбку, велела сварить и съесть одной. Царица велела сварить рыбку, поела ее, остаточки попробовала сенная девушка и старуха Карга мамка, косточки отдала кошке. Вот, проходит время, сколько нужно, все четыре родили по сыну, назвали их Иванами и были все дети похожи. Царь велел позвать старую старуху-нищенку, которая дала царице рыбку, |
2 об. чтобы она пожелала детям счастья, а мамка Карга позвала своего брата мельника-колдуна. Вот, стала нищенка говорить, а колдун про себя переговаривать, а в этом деле что скажет последний, так и сбудется. Говорит нищенка царицыну сыну: «будешь ты счастлив», а мельник говорит: «не вовсе». Говорит

нищенка: «будешь ты умен»; а мельник: «да задним умом». Говорит старуха девкину сыну: «будешь ты добрый старательный слуга», а мельник: «да невпопад». Говорит нищенка старухину сыну: «будешь ты глуп», а мельник: «да богат».^a А кошку сыну ничего не сказали. Стали дети расти не по дням, а по часам; стала Каргу брать злоба, что царицыну сыну больше почета. Вот, и придумала она погубить всех ребят, кроме своего. Стала говорить царю: «Все ребята похожи, злых людей много, пожалуй, — подменят царевича; надо его одного оставить, а других трех погубить; я говорит, и своего не пожалею». Царь согласился, только не велел их убивать, а отдать комунибудь на воспитание, чтобы они не знали, чьи они дети. Карга подменила своего сына царице, а царицына сына, девкина и кошкина велела отнести к своему брату мельнику. И растут эти дети у мельника у колдуна в великой нужде, и всякую обиду и побои терпят, а Каргин сын живет заместо царевича, и сокрушается царь, что он круглый дурак. Теперь все они уж выросли и приходит им время.

Явление 3

Входит мельник из чулана, прислушивается, прогоняет нищенку, бранит работников за леность и заставляет их работать. Все, кроме кошкина сына, берут по мешку и уходят. Мельник — за ними.

Явление 4

Кошкин сын один, в раздумье; между прочим, говорит, | что ³ ему иногда мяукать хочется; начинает мяукать. В окне появляется кошка, его мать, и тоже мяукает, потом спрыгивает с окна, превращается в женщину (дуэт). Дает сыну платок, на котором они, как на ковре-самолете, могут улететь от мельника: когда им надо лететь куданибудь, чтоб они развернули платок и сели, а как прилетят, чтобы не забыли свернуть его и спрятать за пазуху, а то он попадет к мельнику, и он тогда везде

^a На этом заканчивается текст, написанный рукой А. Н. Островского. Далее следует текст, принадлежащий руке переписчика.

за ними поспеет. Потом кошка дает сыну кольцо, с которым он может принимать какой угодно вид, и говорит сыну, что пока у него будет это кольцо, то мельник никакой власти над ним иметь не может, а если оно попадет к мельнику, то вся сила его исчезнет и он опять попадет в работники к мельнику. Кошка уходит.

Явление 5

Приходят Иван-Царевич и Иван-Девкин и другие работники. Иван-Кошкин им рассказывает про все, что слышал от матери; они его просят попробовать талисман; он перекидывает кольцо с руки на руку, — на царевиче является царское платье, а на нем и на девкином сыне — придворное. Заслышав шаги хозяина, все разбегаются, а братья прячутся в подполье.

Явление 6

Входят мельник и Карга. Карга говорит, что царь стал сомневаться, не подменили-ли Ивана-Царевича, что он признает своим сыном того, кто приведет ему Царевну-Милолику, золотогривого коня и Жар-птицу, что она своего сына послала свататься за Царевну-Милолику. Мельник с Каргой уговариваются погубить соперников. Мельник спускает плотину, вода затопляет подполье. Из подполья, по колесу, в золотой раковине выезжают на лебедях Иван-Царевич, Иван-Девкин и Иван-Кошкин. Мельник садится с Каргой на метлу и улетают за ними в догонку. (Перемена).

Картина 2

Явление 1

Избушка на курьих ножках в лесу. Колодец с журавлем и 3 об. конура с цепью. Из лесу выходят: Иван-Царевич, Иван-Девкин и Иван-Кошкин. Кошкин их спрашивает, как попали они в лес. Они отвечают, что когда кошкин сын улетел от них, чтобы повидаться с матерью, они вышли на берег погулять. — «А где ж ковер-самолет?» Иван-Царевич (указывая на девкина сына):

«Он позабыл свернуть, а я позабыл приказать; и вспомнил, да поздно: пошли к реке, да и заблудились в этом лесу, и очень проголодались». Кошкин сын велит им подождать, а сам уходит искать коврик.

Явление 2

Иван-Царевич и девкин сын. Комическая сцена. Иван-Царевич попадает в бадью и поднимается кверху (куплеты о высоте), а девкин сын — на цепь (куплеты о собачьей службе).

Явление 3

Приходит кошкин сын, освобождает их и говорит, что коврик не нашел, что мельник теперь догонит их и будет преследовать всюду. Кошкин сын велит оборотиться избушке к лесу задом, а к ним передом. Все трое садятся на крылечко; по их желанию, является им из избы обед.

Явление 4

Баба-Яга едет в ступе, пестом погоняет, помелом след замечает. «Фу-фу! Прежде русского духу слышать не слышать, русской костки видом не видать, а теперь русский дух воочию совершается, русская костка сама во двор зашла. Здравствуйте, добрые молодцы!» — «Здравствуй бабушка». — «Поели?» — «Спасибо, бабушка». Баба-Яга говорит им, что Ивану-Царевичу нужно жениться на Царевне-Милолике; что царица у Кощея Бессмертного в заключении; что Кощей всех обманывает, обирает у женихов деньги, а царевну не отдает; что Кощей никого не боится, а боится только своей смерти. Смерть его спрятана далеко, оттого он и не умирает. Что Иван-Царевич может увести царевну, но что | если он ее поцелует, так его поймают; что если 4 им случится доставать златогривого коня, чтоб не трогали уздечки; а если Жар-птицу, так не брали бы клетки. Дает им клубок, который будет им указывать дорогу и служить вместо ковра-самолета. Слышна погоня. По знаку Бабы-Яги, все трое превращаются: один — в верстовой столб, другой — в камень, третий — в нищего с кошельком на палочке.

Явление 5

Карга и мельник входят, осматриваются, спрашивают у Бабы-Яги, не видала ли прохожих; она отвечает, что нет; они идут дальше. Баба-Яга оборачивает молодцов в прежний вид и велит им войти в хижину, потому что Карга и мельник непременно воротятся. Они входят. Карга и мельник возвращаются, подходят к избушке; избушка превращается в стог сена, сверху стога сваливается веревочная сетка, накрывает мельника и Каргу. Стог превращается в карету с лошадьми; в карете сидят Иван-Царевич и Баба-Яга, на козлах — кошкин сын, на запятках — девкин сын. Карета уезжает.

Конец 1-го действия.

ДЕЙСТВИЕ 2

Картина 3

Открытая галерея Кашеева дома на Кавказских горах.

Явление 1

Слуги Кашея (хор о взятках).

Явление 2

Подъезжает карета, входят Иваны. Из дворца выходит дворецкий Кашея. Они дают ему взятку, и он им рассказывает все порядки, указывает им место, где поместиться, и говорит, что Кашей скоро станет принимать всех женихов. Они уходят.

Явление 3

Выход Кашея.

Явление 4

Выход женихов: Иван — старухин сын с матерью и со свитой. |

Явление 5

Калин-Гирей татарский со свитой.

какою, вероятно из стихов, напечатанных в журнале Казань
Этот превращенный Царевич и названный Царевичем
супругом Царевича и Царь-деи, со временем кончает свой, на
замечает гласит счаст. - Царевич упрямый -

Конец 1-го действия

Действие II

Купина 3

Открытие занавеса Казань дома на Кавказском походе

Дей. 1 Царевич Казань - (хочет описать) - Дей. 2 Царевич

Казань, вводит Царевич. Царевич и Царь-деи - (царевич

обращается к Царевичу Казань - они говорят ему великую вещь

и он рассказывает все подробно, - упрямый ищет счастья, что

может случиться и говорит, что Царевич скоро изменит направление

своего движения. Они уходят Дей. 3 Царевич Казань - Царевич

сказывает: Дей. 4 Царевич говорит счастливый и счастливы.

Дей. 5 Царевич Царевич со своим. - Дей. 6 Царевич Царевич

слова с Царевичем и со своим. - Дей. 7 Царевич и Царь-деи и Царь-деи

Дей. 8 Царевич Царевич (сказывает) Царевич Казань

сам, который говорит Царевичу, что Царевич, Царевич

Царевич с Царевичем. Царевич Казань знает манер Царевича

Царевич Казань знает Царевич. - Ее рассказывает Царевич об изменении,

что он за него отвечает, что прибавляет ему до конца

со своим и Царевичу Царевич. - Царевич и Царевич Дей. 9

Дей. 10 Царевич Царевич Царевич Царевич Царевич

Царевич, что Царевич его рассказывает. Царевич Царевич Царевич

Царевич Царевич Царевич Царевич Царевич Царевич Царевич

Царевич Царевич Царевич Царевич Царевич Царевич Царевич

Царевич Царевич Царевич Царевич Царевич Царевич Царевич

Драматическая сказка А. Н. Островского «Иван-Царевич». 1867—1878 гг.

Шестая страница.

Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Академии Наук СССР.

lib.pushkinskiydom.ru

Явление 6

Додон-царь, в платье мага, с браминами и со свитой.

Явление 7

Иван-Царевич с Девкиным и Кошкиным.

Явление 8

Выход Царевны-Милолики (марш). Кашей собирает с женихов деньги за показ. Открывают покрывало, которым закрыта царевна, делается светлее, все поражены ее красотой. Царь Калин поет татарскую песню (сердится: как он меня обидел!). Царевна поет арию. Ее закрывают. Кашей объявляет, что он за того отдаст, кто доставит ему златогривого коня и Жарптицу. Калин и Додон с гневом уходят.

Явление 9

Входит мельник, в богатом персидском платье, и указывая на Ивана-Царевича и его свиту, говорит, что это его работники. Кашей велит дворецкому и слугам схватить их. Дворецкий и слуги подбегают к ним и вдруг превращаются: дворецкий — в осла, а слуги — в разных животных. У старухина сына вырастают уши. Иван-Царевич, Девкин и Кошкин уходят. Кашей, пересчитав деньги, уходит в покои царевны, и свита — за ним. (Перемена).

Картина 4

Сад Кашея. Ночь.

Явление 1

У ворот — стража. Кошкин сын, в виде дворецкого Кашея, отпускает стражу и выпускает Ивана-Царевича и девкина сына, а сам уходит отыскивать потерянный клубок.

Явление 2

Иван-Царевич и девкин сын.

Явление 3

Выходят: Царевна и Девка-Чернавка. Иван-Царевич и девкин сын прячутся. Сцена между Царевной и Девкой-Чернавкой. Выходят | Иван-Царевич и девкин сын (дуэт). Сцена между 5 четверыми. Иван-Царевич, забывшись, целует Царевну. Музыка во всех кустах.

Явление 4

Выходят: Кашей со всем двором, мельник и старуха с сыном. Ловят Ивана-Царевича и Ивана-Девкина. Является кошкин сын. Кашей, по совету мельника и старухи, хочет их казнить; но они обещают достать ему златогривого коня и Жар-птицу и оставить у него одного заложником. Мельник советует ему взять Царевича. Кошкин сын отдает клубок Ивану-Царевичу, сам превращается в царевича, его уводят, а те улетают.

Картина 5

Терем Царевны-Милолики. Посередине — большое открытое окно с занавеской.

Явление 1

Кошкин сын и Девка-Чернавка. Она прячет его за занавеску.

Явление 2

Приходит Царевна (ария). Кошкин сын с ней объясняется, просит ее выведать у Кашея, где его смерть, и говорит ей, чтоб, если он (Кошкин) превратится в горох, она наступила на одну горошину. Прячется опять.

Явление 3

Кашей и Царевна. Он ей объясняется в любви, она у него выведывает хитростью, где его смерть (за тридцать семь лет — стоит дуб, на дубу — сундук, в сундуке — заяц, в зайце — утка, в утке — яйцо, в яйце — смерть).

Явление 4

Приходит мельник, сходятся все придворные. Мельник предлагает выкупить Царевича. Кашей его продает. Мельник хочет взять Царевича из-за занавески, Царевна его защищает. Кошкин сын превращается в перстень; мельник и его покупает. Царевна бросает перстень, он превращается в жемчуг, мельник — в петуха, клюет все жемчужины; одна жемчужина катится за занавеску, Царевна наступает на нее ногой. Мельник, склевавши все жемчужины, хлопает | крыльями, поет петухом, потом кричит: «Кошкин сын, где ты?» и взлетает. Кошкин сын, который был обращен в жемчужину, под ногой царевны, за занавеской, превращается в ястреба и отвечает: «Я здесь!» Взлетает над петухом и начинает его клевать. Тот опускается на землю, прячется между слугами Кашея, те его защищают, начинают махать платьем и чем ни попало и кричат: «Шу! шу!». Кошкин сын улетает в окно.

Конец 2-го действия.

ДЕЙСТВИЕ 3

Картина 6

Маленький внутренний дворик Бахчисарайского дворца (с натуры).

Явление 1

Калга и евнух горюют о том, что без Калина убежали два конюха и украли двух жен из гарема, и придумывают, как об этом доложить Калин-Гирею. Калга уходит.

Явление 2

Входит Калин. Евнух, чтоб развеселить его, вводит жен.

Явление 3

Балет. Калин говорит, что после той красавицы, которую он видел, ни одна жена ему не нравится, и велит прогнать их.

Жены уходят. Евнух докладывает, что пропали две жены и два конюха. Калин говорит, что за жен он не сердится, а если конюхов не найдут, то к вечеру Калге и всем дворцовым служителям головы отрубят.

Явление 4

При последних словах входит Калга, падает со страха на землю и говорит, что явился купец и желает продать ему двух конюхов. Калин приказывает ввести.

Явление 5

Входят: кошкин сын в виде пирата (турецкого), Царевич и девкин сын в виде пленников. Калин у него покупает пленников. Все уходят. Девкин сын остается. |

Явление 6

6

Выбегают жены. Комическая сцена. Показывается евнух с бичем; все разбегаются.

Явление 7

Входит Калин и мельник (в виде старого грека) и предлагает за невольников выкуп. Тот берет и зелит ему придти за ними на следующий день. (Перемена).

Картина 7

Конюшня Калин-Гирея.

Явление 1

Конюхи. Царевич, девкин сын и кошкин сын рассуждают о златогривом коне. Кошкин сын дает наставление своим товарищам, как украсть златогривого коня, и уходит.

Явление 2

Иван-Царевич тоскует о Царевне (ария). Девкин сын угощает конюхов вином; они засыпают. Девкин сын хочет украсть

коня, но, забывшись, берет уздечку. Шум; все просыпаются. Ивана-Царевича и девкина сына приковывают к столбу.

Явление 3

Входят: царь Калин, Калга, мельник и кошкин сын. Калин и мельник торгуются. Иван-Царевич и девкин сын улетают на златогривом коне, кошкин сын превращается в златогривого коня. Калин, Калга и мельник подходят к нему, — он превращается в чорта. Все разбегаются. (Перемена).

Картина 8

Индия. Густой тропический лес.

Явление 1

Выходят: Иван-Царевич, девкин сын и кошкин сын. Кошкин сын говорит, что насилиу их догнал; спрашивает, где конь. Они отвечают, что привязали его в кустах. Он говорит им, что возьмет коня и поедет за смертью Кашея. Учит их, как вести себя (чтобы не сходили с места; а если сойдут с места, то натерпятя много страха, потому что лес заколдованный). Говорит Ивану-Царевичу, | что индейская царица влюбится в него, чтобы он согласился жениться на ней, иначе нельзя будет достать Жар-птицу, которая повешена в клетке в главном храме. Учит, как достать ее, не велит брать клетки. Уходит.

Явление 2

Иван-Царевич и девкин сын, заглядевшись на обезьян, сходят с места. Комическая сцена: являются разные животные, — львы, слоны, тигры, змеи. Иван-Царевич и девкин сын залезают на деревья.

Явление 3

Охота на зверей. Входят: Додон, дочь его и свита. Они располагаются для отдыха. Дочь Додона говорит отцу, что непременно хочет замуж как можно скорее, и непременно — за европейца. Ей привязывают койку к дереву, она ложится и видит

на дереве Ивана-Царевича, влюбляется и объявляет, что хочет непременно за него замуж. Иван-Царевич соглашается, его снимают с дерева и с церемонией отправляют во дворец.

Конец 3-го действия.

ДЕЙСТВИЕ 4

Картина 9

Двор большой индейской пагоды. В глубине — вход в храм. Закат солнца.

Явление 1

Свадебная процессия. Входят: царь Додон, дочь его, Иван-Царевич, девкин сын. Жрецы, баядеры, воины. Хор жрецов, танцы баядер.

Явление 2

Входит мельник, в богатом платье раджи, и объявляет, что он приехал на свадьбу. Иван-царевич с девкиным сыном удаляются в храм для молитвы. Шум, музыка.

Явление 3

Из храма выбегает жрец и объявляет, что Иван-Царевич хотел украсть Жар-птицу. Выводят Ивана-Царевича и девкина сына. Иван-Царевич упрекает девкина сына за то, что тот взялся за клетку. Мельник объявляет, что они самозванцы. |

Явление 4

7

Входит кошкин сын, в виде дервиша, и объявляет, что по воле богов, преступников надо казнить слонами; подходит к Ивану-Царевичу, упрекает его в забывчивости; превращается в Ивана-Царевича, а его превращает в дервиша; велит ему идти в храм, унести Жар-птицу, садиться на златогривого коня, который спрятан за храмом, и лететь, а он с девкиным сыном его догонит. Объявляет ему, что достал смерть Кашея. Иван-Царе-

вич уходит в храм. Кошкина сына связывают, кладут на землю и выпускают слона. В это время Иван-Царевич улетает на золотогривом коне с Жар-птицей. Сцена освещается. Кошкин сын превращается в огромного слона. Все в ужасе разбегаются. (Перемена).

Картина 10

Зала во дворце Кашея.

Явление 1

Кашей любезничает с Царевной-Милоликой, прельщает ее своими сокровищами, показывает горы золота и драгоценных камней.

Явление 2

Входит дворецкий и объявляет, что прибыл Иван-царевич.

Явление 3

Входят: Иван-Царевич, Иван — девкин сын и Иван — кошкин сын. Иван-царевич объявляет, что привел золотогривого коня, что он стоит у крыльца. Кашей смотрит в окно и велит его поставить в свою конюшню. Девкин сын объявляет, что принес Жар-птицу. Кашей велит взять у него и объявляет им, что Царевны он им не отдаст. Спрашивает кошкина сына, что тот ему принес; тот вынимает смерть Кашееву, перекидывает с руки на руку, — Кашей начинает шататься, принимает разные виды и умирает в мучениях. Дворец разваливается. Иван-Царевич, кошкин сын и девкин сын берут Царевну, Девку-Чернавку, золотогривого коня, Жар-птицу и удаляются. (Перемена). |

7 об.

Картина 11

Дикая местность, лес, скалы, водопады, развалины старой башни. Ночь. На деревьях светляки освещают сцену, летают совы и летучие мыши.

Явление 1

Входит Карга с сыном и говорит, что мельник велел им здесь дожидаться. Прячутся в башню.

Явление 2

Входят: Иван-Царевич, Иван-Девкин, Иван-Кошкин, Царевна-Милолика, Девка-Чернавка. Вносят Жар-птицу. Садятся в развалинах башни ужинать; им прислуживают летучие мыши, по приказанию кошкина сына. Кошкин сын объявляет, что он полетит предупредить царя Аггея. Царевна выпрашивает у него кольцо; он отдает, но просит никому не давать, и уходит. Царевна и Иван-Царевич жалеют, что у кошкина сына нет невесты. К ним подходит летучая мышь и говорит, что она — принцесса, влюбленная в кошкина сына, но обращенная мельником в мышь; что если ей наденут на палец кольцо, то она превратится в принцессу. Царевна надевает ей кольцо, — мышь превращается в мельника.

Явление 3

Мельник вызывает кошкина сына, который со слезами упрекает Ивана-Царевича и Царевну.

Явление 4

Выходят Карга и ее сын. Мельник отдает им царевну, золотогривого коня и Жар-птицу. Они улетают. Иван-Царевич, Кошкин и Девкин принимают, по приказанию мельника, вид его работников и проваливаются вместе с ним.

Конец 4-го действия.

ДЕЙСТВИЕ 5

Картина 12

Мельница. |

Явление 1

8

Работники горюют.

Явление 2

Приходит Девка-Чернавка и рассказывает, что делается у царя: что Царевна-Милолика плачет и не хочет идти за старухина сына, что Жар-птица не светит, что грива у коня полняла, что царь Аггей сердится.

Явление 3

Входят старуха и сын ее. Сын ее издевается над работниками, говорит, что ум, красота ничего не значат, а все значат деньги. Они ему отвечают, что с деньгами нельзя изменить ослиных ушей и уходят.

Явление 4

Приходит мельник. Старуха просит у мельника кольцо, чтобы превратить своего сына в Ивана-Царевича. Кошка прокрадывается и подслушивает. Мельник отдает кольцо, только не велит никому передавать. Старуха и мельник уходят.

Явление 5

Выходят работники и Девка-Чернавка. Кошка передает им разговор мельника и старухи. Они учат Девку-Чернавку передать Царевне, чтобы она выманила кольцо у старухина сына. Приходит мельник и разгоняет их. (Перемена).

Картина 13

Светлица Царевны-Милолики.

Явление 1

Царевна (ария). Девка-Чернавка передает разговор работников. Та не слушает.

Явление 2

Входит старухин сын в виде Ивана-Царевича. Царевна ему обрадовалась, ласкает его, снимает кольцо и уходит с ним к царю Аггею объявить, что согласна за него замуж. (Перемена).

Картина 14

Столовая зала во дворце царя Аггея. |

Явление 1

Большой выход: царь Аггей, Карга (великолепно одетая), старухин сын, Царевна-Милолика, мельник и свита. Садятся за стол.

Явление 2

Является Баба-Яга в ступе. Старуха и мельник велят ее гнать. Царевна-Милолика заступается, перекидывает перстень с руки на руку.

Явление 3

Является Иван-Царевич и девкин сын. У старухина сына вырастают уши. Иван-Царевич объясняет все дело; царь велит старуху Каргу и мельника выгнать из царства, а старухина сына определить в шуты. Все замечают, что нет кошкина сына. Баба-Яга объявляет, что он с матерью у невесты, княжны Мяу, обращенной мельником в кошку со всем своим княжеством. По ее велению задняя занавесь раздвигается и открывается.

Картина 15

Царство кошек.

Явление 1

Кошкин сын стоит на коленях перед княжной Мяу и целует ее лапку. Мать стоит подле них. Их окружают кошки и коты. По приказанию Бабы-Яги все принимают человеческий образ. Всеобщая радость.

Картина 16

Апофеоз. Вся сцена превращается в светлый храм, Баба-Яга — в молодую, блестящую волшебницу. Над ней Жар-птица, от которой разливается свет. Все преклоняются.

К о н е ц . |

Картина I

Водяная мельница.

Лица:

Мельник.

Карга, мамка.

Иван-Царицын.

Иван-Девкин.

Иван-Кошкин.

Один из работников.

Нищая.

Работники на мельнице.

} работники на мельнице.

Явление 1

Царицын сын, Девкин сын, Кошкин сын (в платье работников на мельнице) и несколько работников (все — с мешками муки на плечах). Мельница в полном ходу: гром, стук, от жерновов летит белая пыль.

Царицын (*заглянув в чулан*). Шабаш! Бросай работу! хозяин спит. Запирай жернова!

(*Жернова запирают, стук прекращается. Все работники бросают мешки и садятся на них*).

Девкин. Вы отдыхайте, а я... вот что... Прощайте, братцы! (*Хочет уйти*).

Все. Ты, Иван, куда?

Девкин. Я на плотину.

Кошкин. Зачем? рыбу ловить?

Девкин. Нет, не рыбу ловить, а я... вот что... я — туда в омут...

Царицын. Купаться, что-ли идешь?

Девкин. Нет, не купаться, а я совсем туда... с камнем. Вот что. Прощайте! (*Идет*).

Все. Постой! постой! (*Девкин останавливается*). |

9 об. Царицын. Ведь это, брат Иван, по русски значит, что ты топиться идешь?

Девкин. Да, топиться, — уж там по русски-ли, по татарски-ли это выйдет, — мне что за дело?

Кошкин (*вставая*). А что, брат Иван, — ведь, право, ты недурно придумал. Я одному только удивляюсь: как это мне до сих пор самому в голову не пришло? Вот, правда пословица-то: ум — хорошо, а два — лучше. Спасибо! Коли мельник нас хватится, — скажите ему...

Девкин. Что мы его не боимся: взяли, да и поставили на своем, — пошли, да и утопились.

Царицын. Что-ж, топиться, так топиться, — и я не прочь... Только вот что, ребята: я сегодня что-то не в расположении... утопимся завтра все вместе!

Кошкин. Ну, один день — куда ни шло!

Девкин. Я что-ж? Я, пожалуй, один день подожду. (*Садится*).

Один из работников. Придумали такую глупость непростительную, — топиться, да и толкуют, точно дело какое собираются делать!

Кошкин. А что-ж не толковать-то? Вам хорошо: вы — люди свободные; нынче ты здесь, а завтра пошел, куда захотел; а мы — люди подневольные, сироты без роду, без племени, родителей своих не помним; отдали нас, трех Иванов, мельнику в кабалу еще с малолетства, а что мы за люди, — мы сами не знаем. Нам уйти от мельника некуда, — так ты сам посуди, сладко ли нам жить на свете, терпеть всякую муку и конца не видать?

Царицын. Он точно по заказу взялся нас мучить всячески.

Девкин. Да, вот что: заставляет работать 25 часов в сутки, да еще не кормит. Что за жизнь!

Работник. Что правда, то правда: заморил он нас работой; а вам, трем Иванам, больше всех достается.

Х о р

И день, и ночь шумят колеса,
Волчком вертятся жернова,

Дрожит плотина, стонет плесо, }
И ходит кругом голова. | } bis

10 Девкин. Да еще понукает, поталкивает в шею, да подстегивает плетью. Вот оно что!

Одна у мельника забота:
Спорится-ль в закроме мука?
Ох, тяжела его работа
И тяжела его рука!

Хор

И тяжела его работа,
И тяжела его рука.

Царицын. Да еще и не кормит: таскай мешки с мукой натошак!

Таскаешь ноши пудовые,
А брюхо вечно налегке...
Не по нутру мне щи пустые,
И ноша мне не по руке!

Хор

Не по нутру нам щи пустые,
И ноша нам не по руке.

Кошкин. Что ни говорите, а наш хозяин непременно с чортом в дружбе. Засыплет пшеницы немного: а муки не оберешься. Оттого и мешки-то таскать тяжело, что в них чортова мука. Видимое дело, что ему нечистый помогает: у других плотины сносит, а у него — никогда. Он в омуте как дома распоряжается.

Он в близкой дружбе с сатаной
Живет без горя и беды;

Он лазит в омут головою
И сух выходит из воды.

Х о р

Он лазит в омут головою
И сух выходит из воды.

Ц а р и ц ы н. Нет! Что за жизнь! Надоело быть мельником!
К о ш к и н. И мне.

Д е в к и н. И мне.

Р а б о т н и к. В мельниках тебе надоело; а чем же тебе
быть-то? |

Ц а р и ц ы н. Кому? Мне-то? — Царевичем. *(Все хохочут)*. 10 об.
Чему вы смеетесь?

Р а б о т н и к. Из мельников-то, брат, долго ли? Пожалуй,
и будешь. Ты со щуками когданибудь разговаривал?

Ц а р и ц ы н. Нет.

Р а б о т н и к. Ну, так ты спроси прежде у щуки, хочет ли
она, чтоб ты был царевичем? Если захочет, так по щучьему
велению быть тебе царевичем, а если не захочет, так оставайся,
брат, мельником! *(Все смеются)*.

Д е в к и н. Нет, что царевичем! Этому никогда не бывать.
А я вот что... я бы...

В с е. Ты что же?

Д е в к и н. Да вот что я... коли бог даст... холопом бы...

В с е. Вот это дело! Ты, Иван, высоко не лезешь; холоп —
чин не важный; пожалуй, когданибудь ты до него и дослу-
жишься.

Ц а р и ц ы н. Да кто-ж тебе мешает? Холопом можно-быть
на всяком месте, во всяком звании и во всяком чине.

Иной — из под палки на барской работе,

Другой — так в холопы идет по охоте.

Породой холопы различны на свете:

Одни — за каретой, другие — в карете.

Души благородство сквозит и в отрепье;
 Хоть бархат на плечах, — да рожа холопья.
 Кто гнуться способен и шаркать в прихожей,
 Тот будет холопом, родись хоть вельможей.

Работник. (*Кошкину*). А ты, Иван, чем бы хотел быть?

Кошкин. Чем придется. Мне все равно: я на все горазд, только бы не работать.

Работник. Не работают только скоморохи.

Кошкин. А скоморохом, так скоморохом.

(*Входит старая нищая*).

Явление 2

Те же и Нищая.

Все. Здравствуй, бабушка!

Нищая. Здравствуйте, молодцы!

Девкин. Дали бы тебе хлебушка, да у самих нет. Вот что!

Нищая. Мне от вас и не надо. Что вы призадумались? |

11 Царицын. Скучно, бабушка, на свете жить.

Нищая. А если скучно, — я вас сказочкой потешу. Слушайте:

Рассмешу вас баяльню
 Или небылицей:
 В некотором царстве
 Жили царь с царицей.
 Жили — поживали
 Счастливо богато...
 Да случилась притча...
 Слушайте, ребята!

Все. Слушаем, слушаем, бабушка!

Нищая. Все бы хорошо, — да вот беда: не было у них детей. И стало им все не мило. Раз, вечером, сидит красавица-царица у окошечка и плачет о своем горе. Вдруг, откуда ни возь-

мись, — старая нищенка, вот, как я: «Не тужи, — говорит, — царица-красавица; я твоему горю помогу. Вели закинуть невод в пруд: поймают золотую рыбку; вели ее сварить и скушай одна».

Вот, сварили рыбку,
Кушала царица,
После ней поела
Сѣнная девица.
Да старуха-мамка
Скушала немножко;
Голову да хвостик
Отглодала кошка.
Месяцы проходят,
Наступил десятый, —
И случилось чудо:
Слушайте, ребята!

В с е. Слушаем, слушаем, бабушка!

Д е в к и н. И сенная девушка попробовала рыбки?

В с е. Молчи ты! Не перебивай!

Н и щ а я. Вот, и родилось у них у всех по сыну, и назвали их Иванами: Иван-Царицын, Иван-Девкин, Иван-Кошкин и Иван-Старухин. Возрадовался царь, — велит позвать ту старую нищую, которая дала царице рыбку, и приказывает ей, чтоб она сказала, какое детям будет счастье. Принесли четыре колыбели; вот, нищенка поглядела на детей и говорит царицычу сыну: «Будешь ты умен и счастлив!»

Ц а р и ц ы н. Кабы это мне!

Н и щ а я. Девкину сыну говорит: «Будешь ты слуга проворный!»

Д е в к и н. Вот, кабы это мне!

Н и щ а я. А кошкину сыну говорит: «Будешь ты тем, чем хочешь!»

К о ш к и н. Ну, уж это мне как раз впору!

Н и щ а я. Старухину сыну говорит: «Будешь ты глуп всю свою жизнь!»

Девкин. Ну, а это уж никому не надо.

Нищая. Старуха-мамка Карга так вся и позеленела от злости! Пришла ночь, все няньки уснули; она позвала своего брата, колдуна, чтоб он поворожил над ребятами, а ворожбу нищей снял. Колдун говорит: «Я чужой ворожбы снять не могу: столько силы не имею; а испортить — могу». — Ну говорит, порти. — Вот, он и говорит царицыну сыну: «Будешь ты, счастлив, — да не совсем; будешь ты умен, — да задним умом!»

Царицын. Задним умом! Да мы все задним умом умны; тут еще обиды не много.

Нищая. Девкину сыну говорит: «Будешь ты старательный слуга, да все невпопад и некстати».

Девкин. Испортил!.. Все дело испортил... вот что!

Нищая. Кошкину сыну ничего не сумел сказать, — так он и остался; а старухину сыну сказал: «Будешь ты глуп, да зато — богат и знатен». Стали ребята расти не по дням, а по часам, и взяла Карга зависть, что царицыну сыну больше почета, чем ее; идет к царю и говорит: «Все ребята похожи, — злых людей много, пожалуй, подменят царевича; надобно его одного оставить, а других трех погубить. Я, говорит, и своего не пожалею». Царь согласился, только не велел их убивать, а отдать кому-нибудь на воспитание, чтобы они не знали, чьи они дети. Карга подменила своего сына царице, а царицына сына, девкина и кошкина велела отнести к своему брату, колдуну-мельнику. Долго-ли, коротко-ли, померла царица, царь состарился, Карга стала ¹² заправлять всем, а | сын ее во дворце вырос дурак-дураком.

(Мельник выходит из чулина и прислушивается).

И смеются люди,
 Что велик он вырос,
 Хоть женить, так в пору,
 А ума не вынес.
 А другие дети
 Подросли уж тоже,

И умом не глупы,
И собой пригожи.
Отданы бессрочно
К мельнику в науку,
В каторжной работе
Терпят злую муку.
Но придет их время,
Заживут богато,
Коль за ум возьмутся...
Слушайте, ребята!

Все. Слушаем, слушаем, бабушка!

Мельник. И я слушаю. Что ж ты, старая ведьма, моих работников от дела отрываешь? Знаю я тебя давно. Мы еще с тобой сочтемся!

Нищая. Я считаться не прочь; только останешься ли ты в барышах?

Девкин. О, чтоб тебе провалиться! (*Нищая проваливается*). Постой, постой! Не тебе, бабушка, а мельнику...

Мельник. А вы что уши-то развесили? Аль спины чешутся? Так у меня плеть-то недалеко. Носите мешки в сарай, я принимать буду. (*Уходит*).

Работники (*взяв мешки на плечи*).

Одна у мельника забота:
Спорится-ль чортова мука?
Ох, тяжела его работа
И тяжела его рука!

(*Уходят все, кроме кошкина сына*).

Явление 3

Кошкин сын, потом Кошка.

Кошкин. Что за чудеса со мной делаются? Когда человеку скучно, — он или плачет, или с горя песню затянет, а мне...

это так странно! Мне... чорт знает, что такое! Мне... нет,
 12 об. право, это | так удивительно! Мне... мяукать хочется... Мяу-
 кать... да, просто мяукать! Вот так: Мяу! Мяу! Мяу! (В окне
 показывается Кошка и мяучит: «Мяу! Мяу!» Соскакивает за
 мешки, из за мешков выходит большая Кошка в женском
 платье).

Кошка. Мяу! Мяу!

Кошкин.

Мяу! Мяу!

Кошка. Милый сын мой!

Из окошка

Кошкин. Что за чудо вижу я!

Кошка. Не пугайся!

Кошкин.

Кто ты, кошка?

Кошка. Перед тобою — мать твоя!

Кошкин (падая на колени):

Ма...менька! Кошачьи речи

Мне приятны с малых лет!

Маменька! Для первой встречи

Мы споем с тобой дуэт!

Мяу! Мяу!

Кошка.

Мяу! Мяу!

Кошкин. Так это правда? Я — твой сын? Значит, мы —
 те самые Иваны, про которых говорится в сказке: я — Иван-
 Кошкин, а другой Иван-Царицын, а третий Иван-Девкин;
 а старухин сын — во дворце?

Кошка. Да, это правда.

Кошкин. И нам весь век жить и мучиться у мельника?

Кошка. Нет.

И для вас пора настанет

Погулять и видеть свет...

Кошкин. Ах, родная! так и тянет

Спеть на радости дуэт!

Мяу! Мяу!

Кошка.

Мяу! Мяу!

Кошкин. Как же нам избавиться от мельника?

Кошка. Вот тебе коврик: разверни его, садись и поезжай хоть за тридевять земель. Только ты не забывай одного: как прилетишь на место, — сверни коврик и спрячь у себя, а то он пропадет и может попасть к мельнику. (Отдает ему коврик).

Кошкин. Ах, как я рад! Мяу! Мяу!

Кошка. Вот тебе еще кольцо. С ним ты можешь принимать какой угодно | вид: стоит только перекинуть его с руки ¹⁵ на руку. С этим кольцом ты не бойся никаких чар: оно сильнее всякого волшебства; но помни тоже, что если оно попадет в руки к мельнику, — он будет иметь власть над тобой, и ты опять попадешь к нему в работу; а потому береги кольцо пуще глаза. Ну, прощай, до свиданья!

Кошкин. До свиданья, до свиданья!

Кошка. Скоро свидимся, мой свет!

Кошкин. Маменька! На расставанье
Мы споем с тобой дуэт!

Мяу! Мяу!

Кошка. Мяу! Мяу!

(Уходит).

Явление 4

Кошкин, Царицын и Девкин.

Кошкин (у двери). Эй! где вы? Бегите скорее! (Входят Царицын и Девкин). Ну, братцы, — мельник нам теперь не страшен, и томиться нет никакой надобности.

Царицын. Что-ж случилось?

Кошкин. Всё, что говорила нищенка, — правда: ты — царицын сын, ты — девкин, я — кошкин.

Царицын. Почему ты это знаешь?

Кошкин. Сейчас приходила ко мне моя мать.

Царицын. Кошка?

Кошкин. Да, кошка; и дала мне ковер-самолет и кольцо.

Царицын. Не может быть! ты шутишь?

Девкин. Вот что... ты перестань врать-то...

Кошкин. А вот, сейчас увидите. Берите кольцо, перекидывайте с руки на руку. *(Царицын, Девкин и Кошкин перекидывают кольцо с руки на руку. На Царицыном является царское платье, на Девкином — платье слуги, на Кошкином — скоморошье).*

Царицын. Ах, я царевич, ты — слуга, а ты — скоморох!

Девкин *(берет щетку)*. Позвольте, я почищу вашу милость!

Кошкин. Ну, теперь вы верите? |

13 об. Царицын. Верим, верим!

Девкин. Нельзя, сударь, не верить!

Кошкин. Теперь нам нужно уговориться, куда бежать от мельника и что делать; а чтоб люди нас не слышали и не видали, пойдемте в подполье. *(Поднимают западню и уходят в подполье. Входят мельник и Карга).*

Явление 5

Мельник и Карга.

Карга. Брат, где твои работники Иваны?

Мельник. Они — там, в подполье; я слышал как они туда пошли.

Карга. Запри их там. Оттуда нет другого выхода?

Мельник *(запирая западню)*. Нет.

Карга. Слушай, брат. Я не понимаю, что с нашим царем Аггеем сделалось: отдает такие странные приказания, что мы все не надивимся. Вчера велел объявить всенародно, что кто привезет ему Царевну-Милолику, Жар-птицу и златогривого коня, того он назначит своим наследником, — слышишь, брат: наследником! У него есть законный наследник, родной его сын, т. е. мой сын, но мы его так ловко подменили, что он должен считать его своим... Брат, успокой ты меня!

Мельник. Чем же мне тебя успокоить?

Карга. Мало-ли ловких людей: кто-нибудь същется, достанет и Царевну-Милолику, и Жар-птицу, и златогривого коня,

и еще что-нибудь; причем же останется мой сын? Больше всего я боюсь этих Иванов — Царицына и Кошкина: они такие ловкие, и к тому же, им эта старая ведьма может помочь. Брат, успокой ты меня!

Мельник. Чего-ж тебе хочется?

Карга. Они в таком возрасте... Успокой ты меня!

Мельник. Что же мне делать? Говори прямо.

Карга. Мое дело женское, я не могу говорить прямо. Довольно с тебя: успокой меня!

Мельник. Убить, что-ли, их?

Карга. Мое дело женское... я, при моем нежном сердце, не могу сказать, — убей; а ты делай так, чтоб уж я их не боялась: пока они живы, я все буду их бояться. Успокой ты меня!

Мельник. Ну, хорошо. Они в подполье; я пушу туда воду и потоплю их.

Карга. Делай, братец, как тебе угодно, — мое дело женское...

(Мельник опускает плотину, вода в большом количестве бежит по колесу и через колесо, затопляет подполье и начичает разливаться по полу мельницы. Из подполья вверх по колесу, в золотой раковине, выезжают на лебедях Иван-Царицын, Иван-Девкин и Иван-Кошкин, — выплывают в реку).

Карга. Ах! они уехали!.. Успокой ты меня!

Мельник. Успокойся! Я, может быть, еще их и догоню. *(Садится на метлу верхом)*. А если и не догоню, — все таки успокойся: твой сын — дурак, а дуракам счастье. *(Улетает. Карга уходит)*.

Картина II

Зала во дворце царя Аггея.

Лица:

Царь Аггей.

Иван-Царевич (старухин сын).

Карга.

Ближний боярин.

Дядька царевича.

Иван-Царицын.

Иван-Девкин.
Иван-Кошкин.
Мельник.
Витязи, придворные. слуги.

Явление 1

Выходят с одной стороны: витязи, ближний боярин, Царицын, Девкин, Кошкин; с другой—царь Аггей, Иван-Царевич, Карга, дядька и придворные

Ближний боярин. Премудрый царь Аггей! По твоему приказу, бирючи и глашатаые по площадям и базарам три дня кликали храбрых витязей на твой широкий двор, выслушать твою волю царскую. Набралось богатырей могучих числа-сметы нет, и не столько их здесь, сколько круг двора стоит, и не столько в них похвальбы, сколько силы-удали, сколько охоты служить тебе премудрый царь Аггей! *(Кланяется)*. |

14 об.

Царь

Богатыри! Вы — чудо света,
Краса и честь земли моей!

Витязи

Да здравствует на многи лета }
Великий, мудрый царь Аггей! } bis

(2-й раз — все).

Царь. Дело, которое я хочу предложить вам, очень важно. Слушайте со всем вниманием и всячески остерегайтесь каким бы то ни было образом прервать нить моих мыслей.

Ближний боярин. Слушайте и остерегай...

Царь. А вот, ты первый перебиваешь меня. Благодарю тебя, мой друг, за усердие; но если ты будешь повторять каждое мое слово, то мы никогда не кончим. Еще раз повторяю: слу-

шайте внимательнее! Друзья мои, прежде я не верил ничему фантастическому. Вам это удизительно? Ну, так я вам скажу, что я и теперь не очень верю, но жизнь так пошла, жить так скучно, все вы, друзья мои, так глупы и надоели мне до такой степени, что никаких моих средств нет; поэтому я, для разнообразия, желал бы... то есть, я не прочь...

К а р г а (*увидав Царицына, Кошкина и Девкина*). Ах, это они!

Ц а р ь. Мамка моего царского сына и ключница отца его! О чем я сейчас просил, что я приказывал? Ты — старая женщина или лучше сказать, старая карга; я одно могу полагать, — что тебя укусил ктонибудь; иначе ты таким образом не осмелилась бы перебивать царя Аггея.

К а р г а. Премудрый царь Аггей, прости меня...

Ц а р ь. Довольно! прощаю и приказываю тебе молчать. Продолжаю: для разнообразия, я не прочь, чтобы иногда, хоть изредка, было у нас кое-что чудесное.

Б л и ж н и й б о я р и н. Мы будем стараться, премудрый царь Аггей!

Ц а р ь (*Карге и дядьке*). Он ужасно глуп! Ну, как он будет стараться делать чудеса? (*Ближнему боярину*). Благодарю тебя, друг мой, за твою готовность делать чудеса, но позволь мне думать, что из твоего старания ничего не выйдет. Ну, какое чудо ты можешь сделать?

Б л и ж н и й б о я р и н. Конечно, премудрый царь Аггей, я никакого чуда не сделаю; но могу выписать для этого знаменитых профессоров белой магии.

Ц а р ь (*Карге и дядьке*). Еще глупее! (*Боярину*). То есть, фокусников на картах? Нет уж, покорно благодарю. Нынче гимназисты чище ваших | профессоров делают фокусы; а что 15 касается картежных игроков, — так те, наверное, обыгрывают и Боско и Германа. Вот, кстати, мой совет вам, мои придворные, и вам, витязи и богатыри: никогда не садитесь в большую игру, если не умеете передергивать. Да не о том речь. (*Боярину*). Поди сюда поближе! (*Тихо*). Сделай милость, не мешай мне, не перебивай меня. Ну, я тебя прошу. (*Громко*). Слушайте вни-

мательнее! Недавно я прочел в одной не заслуживающей никакого вероятия газете совершенно невероятное известие: Царевна-Милолика, знаменитая своими несравненными прелестями и приятностью разговора, похищена Кашеем Бессмертным, из корыстных видов. Это ужасно!

Несколько голосов. Это ужасно!

Царь. Без восклицаний!.. Я понимаю: похитить девушку для себя, — это извинительно и понятно. Но похитить красавицу с целью взять за нее большой выкуп, — продавать тому, кто больше даст, — это безнравственно!

Несколько голосов. Это безнравственно!

Царь. Молчать, наконец!.. К этому Кашею со всего света съезжаются теперь принцы и королевичи искать руки очаровательной Милолики; он только водит женихов за нос, берет с них взятки, обещает всем и никому не отдает царевну. Единственно из участия к несчастной жертве я желаю, чтобы кто-нибудь из вас, моих витязей, освободил ее от Кашея и доставил ко мне. Читал я еще в той же газете известие о Жар-птице и златогривом коне; но так как эти предметы не представляют ничего важного в политическом отношении, то если их достанут, — хорошо, а не достанут, так и не надо: мне нужна Царевна-Милолика.

Карга. Премудрый царь Аггей! Угодать и служить тебе есть прямая обязанность твоего единственного сына.

Царь. Я так и думаю. Любезный сын мой Иван! Пойдешь ли ты освободить царевну Милолику?

Иван-Царевич.^a Нет, не пойду. Вот еще! очень нужно!

Царь. Я так и ожидал.

Дядька. Иван-Царевич не так выразился, он не то хотел сказать; он хотел сказать, что пойдет с охотою.

Карга. Он сказал, не подумавши; он, вот, подумает и пойдет.

Царь. Ну, так думай, сын мой! |

15 об. Карга (Ивану-Царевичу). Скажи, что пойдешь с охотою!

^a Под этим именем здесь фигурирует Иван-Старухин.

Иван-Царевич. Я пойду.

Дядька. Вот, что значит — подумать!

Иван-Царевич. Нет, я так пойду, не думавши.

Царь. И прекрасно.

Карга. Мы его будем сопровождать, — я и его достопо-
чтенный учитель.

Царь. Благодарю вас, друзья мои; но я имею очень осно-
вательные причины предполагать, что из вашего путешествия
ничего не выйдет путного. Потому желаю, чтоб мои витязи
попробовали свои силы в борьбе с Кашеем Бессмертным. За
освобождение Царевны-Милолики я предлагаю большую на-
граду: я предлагаю полцарства моего. Руки царевны я не обе-
щаю: я — человек новых правил, и предоставляю ей самой
выбрать себе жениха.

Ближний боярин. Твои витязи сгорают от нетерпе-
ния показать тебе, премудрый царь Аггей, свое усердие.

Царь. Я так и думаю. С Кашеем надо или биться оружием,
или торговаться на деньги: он — известный кулак и барышник
и, вероятно, по происхождению — из цыган. Я жду от вас от-
вета, мои витязи. Вы так давно не упражнялись в богатырских
делах; вам нужна практика. Вы все поженились, растолстели,
завели фабрики, занялись торговлей, толкаетесь на бирже и со-
вершенно забыли о богатырских подвигах...

Ближний боярин. Они пойдут, премудрый царь
Аггей!

Царь. Я так и думаю. Богатыри, надо вам сказать, что вы
не очень учтивы: вы заставляете меня ждать; впрочем, ради
вашей необыкновенной силы и храбрости, невежество вам можно
простить. Что же вы мне ответите?

Ближний боярин. Они пойдут, премудрый царь
Аггей!

Царь. Я так и думаю.

Богатыри. Мы не пойдём, премудрый царь Аггей!

Царь. Я так и ожидал.

Царицын. Я пойду, премудрый царь Аггей!

Царь. Ты пойдешь? А кто ты такой и откуда взялся?

Ц а р и ц ы н. Хорошенько-то я и сам не знаю. Я прилетел сюда...

Ц а р ь. Что такое? Как — прилетел? Что ты врешь?

Ц а р и ц ы н. На ковре-самолете... |

16 Ц а р ь. Ну, так бы и говорил! Теперь это всякий поймет; это очень просто; я понимаю: сел и прилетел.

Ц а р и ц ы н. Прежде чем откроется мое происхождение, я обязан совершить несколько подвигов. Я ищу себе занятие по способностям и хочу составить себе имя своими делами. Самое пламенное желание мое — служить тебе, премудрый царь Аггей, и исполнить твою волю.

(Куплеты)

Ц а р ь. Прекрасно! Я принимаю тебя на службу и жалую витезем. (*Мельник летит на метле*). Это еще что такое?

К а р г а. Это мой брат, мельник; он летит за своими беглыми работниками.

Б л и ж н и й б о я р и н. Премудрый царь Аггей! Ты сам желал чудесного...

Ц а р ь. Что-же тут чудесного, что мельник летит по воздуху? Это очень естественно: все мельники — колдуны. Кроме того, в настоящее время в торгующем сословии воздухоплавание вошло в моду, что меня начинает сильно беспокоить. Купцы торгуют и пируют на счет кредиторов, нисколько не жалея чужих денег.

Позабыв о ближнем,
И в Москве, и в Нижнем
Заведет гульбу,
А потом вдруг, сразу,
Без паров, без газу,
Вылетит в трубу.

Ну, что хорошего! (*Мельнику*). Тебе что нужно?

М е л ь н и к. Премудрый царь Аггей! Мои беглые работники осмелились явиться к тебе...

Ц а р ь. Они теперь — мои витязи, а не работники твои.

М е л ь н и к. Премудрый царь Аггей! Они — известные обманщики. . . Они и работники-то плохие; где же им совершать геройские подвиги? Они — бродяги, не помнящие родства. . .

В и т я з и

Для поручений благородных
Не ставят податных людей;
Богатырей своих природных
Ты обижаешь, царь Аггей! |

К а р г а. Премудрый царь Аггей! За всю мою службу, я *16 об.* прошу у тебя только справедливости: вели связать обманщикам руки и посадить их в полицию, пока разберут, что они за люди.

Ц а р ь. Мельник, слушай. Я их сделал моими витязями и не могу изменить своего слова; но, в виде особой милости к сестре твоей, я позволю тебе взять их опять в работники, если они не свершат обещанных мне подвигов. Теперь ты можешь убираться. (*Иванам*). Вы отправляйтесь к Бессмертному Кащею. (*Витязям*). А вы. . . вы ступайте, куда хотите. Больше мне с вами разговаривать не о чем, да и видеть вас не желаю. Если вы уж растолстели для богатырских дел, так запишитесь лучше в гильдию.

Вам не по нраву служба эта,
Вам скучно жить без барышей! (*Уходит*).

В и т я з и

Да здравствует на многи лета
Великий, мудрый царь Аггей!

(*Все уходят*)

ДЕЙСТВИЕ II

Картина III

Дикая местность в лесу. Избушка на курьих ножках.

Лица:

Царицын.
Девкин.
Кошкин.
Баба-Яга.
Карга.
Иван-Царевич.^a
Дядька.

Явление 1

Царицын, Девкин и Кошкин прилетают на ковре-самолете.

Царицын. Довольно летать, пора завтракать!

Кошкин (*Девкину*). Мы пойдем, поищем, нет ли тут по близости чего-нибудь съестного; а ты береги ковер пуще глаза: если ты его потеряешь, — мы погибли. }

17

Не хитра твоя работа,
Уберечь его легко;
Помни, что без самолета
Улетишь недалеко.
Без ковра мы как же сладим
Заграничный наш поход?
Мы как раки на мель сядем,
Как на Волге пароход!

Так смотри же береги ковер!

Девкин. А я, вот, не буду с него вставать, так он целее будет. Хоть весь лес кругом загорись, а уж я не встану... вот что!

Царицын. Ну, и сиди. (*Уходит*).

Девкин. Однако, мы залетели в глушь порядочную. Если они не скоро воротятся, — тут либо волки тебя съедят, либо сам

^a Под именем Ивана-Царевича здесь фигурирует Иван-Старухин

умрешь с тоски. . . вот что. Нет ничего хуже на свете, как дожидаться, особенно, — когда голоден. (*Запеваает*). «Во лесах было, во дремучих. . .» Да, сиди вот тут один, во лесах во дремучих! . . . (*Запеваает*). «Скучно, матушка, весною жить одной. . .» Натощак и песни-же приходят в голову все скучные! (*Осматривается. Увидав избушку на курьих ножках*). Это что за хижина убогая? Кто тут живет, любопытно бы узнать? Некому другому и быть: либо лесник, либо леший. . . вот что. Как эта изба чудно выстроена: я сроду таких не видывал. . . На чем она держится? Надо поглядеть хорошенько, а то, пожалуй, такого чуда всю жизнь не увидишь. (*Встает с ковра и подходит к избушке*). Батюшки мои! На курьих ножках! Тут не леший живет, а Баба-Яга! Ай, ай, ай! Что она теперь со мной сделает? Съест живого! да еще это милость будет, коли только съест; как бы чего хуже не было! . . . Ай, ай, ай! . . . Садиться на ковер-самолет, да лететь, куда глаза глядят. . . вот что! (*Подходит к коврику, ковер улетает*). Постой, постой! . . . Улетел! Что же мне делать? Ай, ай, ай! Пушусь во все лопатки! (*Бежит и встречается с Царицыным и Кошкиным*).

Ц а р и ц ы н. Куда ты?

Д е в к и н. Вот она!

Ц а р и ц ы н. Кто — она? !

Д е в к и н. Баба.

17 об.

Ц а р и ц ы н. Ну, так что ж, что баба? Мы теперь — витязи на службе царя Аггея; первое дело для богатыря — не бояться баб.

Д е в к и н. Да ведь какая баба-то? Баба бабе рознь: Баба-Яга!

К о ш к и н. Ну, все равно: все-таки баба. А где ковер?

Д е в к и н. Улетел.

К о ш к и н. Улетел? Что же ты с нами сделал? Как же нам быть в такой трущобе без ковра? Не то, что лететь, — теперь и сесть не на чем!

Д е в к и н. Вон избушка. . .

К о ш к и н. Какая избушка?

Д е в к и н. На курьих ножках.

Служит приметой
 Курья нога:
 В хижине этой —
 Баба-Яга.

К о ш к и н.

Слушай, избушка,
 Бабушкин дом!
 Стань к лесу задом,
 К нам передом!

(Избушка повертывается).

Девкин. Так-то лучше. Нет ли тут чего съестного?

Царицын. Без спросу-то брать не годится.

Девкин. Спросить-то не у кого: никого в избе нет.

Царицын. Так посидим, да подождем хозяина. *(Садятся на крыльцо избушки).*

Девкин. Хорошо бы теперь кашки, вот что.

Царицын. Вот кушанье! Кабы жареной баранины! *(Из избушки является скатерть, приборы, каша и жареная баранина).*

Девкин. Ай, бабушка! Вот спасибо! Сытому все не так страшно, — а то я боялся, что меня съедят голодного. *(Шум).*

Кошкин. Что за шум? Поди посмотри. *(Девкин уходит. Скатерть и приборы исчезают. Девкин вбегает с криком и отмахивается руками; за ним — Баба-Яга в ступе).* |

18

Явление 2

Те же и Баба-Яга.

Баба-Яга.

В нашей сторонке
 Прежде, бывало,
 Русского духу

Слыхóm не слыхать,
Косточки русской
Видóm не видать.
А нынче дух русский
По волюшке ходит,
В-очью является,
В нос бросается.

Здравствуйте, молодцы!

Девкин. Здравствуй, бабушка! *(Все трое кланяются).*

Баба-Яга. Сытно-ли поели?

Девкин. Спасибо, бабушка!

Баба-Яга. Дёла пытаете, аль от дела лытаете?

Царицын. Дёла пытаем, бабушка: Кашея Бессмертного
ищем.

Баба-Яга. Что же вы даром время тратите?

Кошкин. Козер-самолет потеряли.

Баба-Яга. Жаль мне вас, а делать нечего! Или вы меня
не узнали?

Девкин. Мы, бабушка, до нынешнего дня ни одной ведьмы
не видали. Вот что!

Царицын и Кошкин. Молчи ты!

Баба-Яга. Я об вас забочусь, а вы сами себя не бережете.

Царицын. Ах, бабушка, — уж не ты ли нам сказку рас-
сказывала?

Кошкин. Да она и есть.

Девкин *(кланяясь в ноги)*. Прости меня, бабушка! Я один
виноват.

Баба-Яга. Ну, одна вина — не вина, только вперед будьте
умнее. Вот вам клубок: он вас прямо доведет до Кашея Бес-
смертного. На сухом пути он вам — карета, на воде — корабль.

Кошкин. Так мы поедем.

Баба-Яга. Погодите: Карга с сыном и с учителем непо-
далеку остановились | отдохнуть; я на них напустила туман, — *18 об.*
они теперь бродят по лесу; мы над ними пошутим. Идите
в избушку. *(Царицын, Девкин и Кошкин входят в избу. Баба-
Яга уезжает за избу).*

Явление 3

Избушка превращается в гостиницу; над дверью: «Гостиница для проезжающих». Входят: Карга, Иван-Царевич и учитель.

Учитель (*Карге*). Ты говоришь о воспитании царевича; да о чем же я и забочусь, как не о воспитании? Для чего воспитывают человека? Для того, чтоб умел жить. А что значит — уметь жить? Уметь самому хорошо поесть и выпить и других угостить. Вот про каких людей говорят, что они умеют жить.

Карга. Нет, уж какое же это воспитание, когда ты целый день ешь да пьешь, да и царевича тому же учишь?

Учитель.

Что такое воспитанье?

В самом слове — указанье,

Что вся сущность воспитанья

Заключается в питанье.

Науки юношей питают, — я с этим не спорю; плоды учения сладки, — я и с этим согласен; но, все-таки, это — плоды, фрукты, десерт, так сказать, а одним десертом сыт не будешь.

Знаю, — сладок плод ученья;

Но нельзя ж без исключенья

Кушать пищу фруктовую,

Забывая про мясную.

Вот, когда царевич поймет хороший ростбиф с трюфелями, -- можно будет ему давать дальнейшее воспитание.

Иван-Царевич. Сам-то ты старый трюфель! Я давно лучше тебя все понимаю.

Карга. Все есть, да есть; когда же наукам учиться?

Учитель. За хорошим обедом можно всем наукам выучиться. Особенно география преподается скоро и легко: швейцарский сыр — из Швейцарии, голландский — из Голландии, бри — из Бри, пармезан из Пармезании. История, — да не то,

что история, а целые истории рассказываются после обеда, за чашкой кофе, о разных лицах мужского и женского пола.

Карга. Знаю я, какие это истории! |

Иван-Царевич. И я их все знаю.

19

Учитель. Математике легко выучиться по трактирным счетам... Вообще, наука воспитания довольно легка, когда есть средства, но в дороге, — например, здесь, в этом лесу, — как и чем я стану воспитывать моего воспитанника?

Иван-Царевич. Ты не мели пустого; есть чем меня воспитывать: вот гостиница.

Учитель. Это — другое дело! Примемся за воспитание. Эй, малый! (*Входит Девкин*). Я хочу обедать.

Девкин. Это как вам угодно.

Учитель. Что у вас готовлено к обеду?

Девкин. Все, что вам угодно.

Учитель. Есть у вас рыба, — стерляди, например? Говядина? Дичь?

Девкин. Все есть.

Учитель. Ты накрой стол здесь и подай всего этого. Видишь ты, — нас трое... так подай, на пятерых.

Девкин. Я так и подам: вас трое, да еще есть двое проезжающих; у нас общий стол, и на пятерых готовлено.

Учитель. Нет, ты нам подай на пятерых, а те пускай голодают, — мне что за дело?

Иван-Царевич. Да вина подай.

Девкин. Какого прикажете?

Иван-Царевич. Когда говорят: «вина», — значит: «шампанского»; «вино», это — шампанское; а то — мадера, херес, лафит... понимаешь? (*Девкин уходит*).

Учитель. Он совсем не так глуп, как о нем говорят.

Карга. Ну, для этого не много ума нужно. (*Вносят стол, накрытый на 5 приборов, и 5 стульев*).

Иван-Царевич. Отец, должно быть, с ума сошел на старости лет: посылает искать какую-то Царевну-Милолику; вероятно, эта Милолика бела, румяна и толста, как русская купчиха. Эта Милолика годится какому-нибудь лавочнику, а не мне.

Учитель. Да и Кашей, говорят, очень скуп: ни стола хорошего, ни вина не держит.

Карга. А все-таки, ты должен исполнить волю отца.

(Выходят: Царицын, Кошкин и Девкин, который ставит посередине стола кушанье и вино).

Учитель. Кушанье на столе: мы можем позабыть о будущем и наслаждаться настоящим. (Все садятся. Царицыну и Кошкину). Это кушанье для нас; а вы можете глядеть, как мы будем кушать. |

19 об. Кошкин. Кушайте на здоровье...^a

Картина IV

Зала во дворце Кашея.

Лица:

Кашей.
Дворецкий Кашея.
Царевна-Милолика.
Калин-Гирей.
Царь Додон.
Иван-Царевич.
Карга.
Учитель.
Мельник.
Царицын.
Девкин.
Кошкин.

Явление 1

Дворецкий Кашея и слуги.

Слуги.

Мы Кашею служим честно;
Не легóк лакейский труд,

^a Сцена осталась недописанной.

За труды же, вам известно,
Нам копейки не дают.
Трудовая жизнь лакея,
Не лёгок лакейский труд, —
За труды же у Кащея
Нам копейки не дают.
Мы обтерлись, оборвались,
Обносились так, что срам:
Вы-б с Кащеём догадались, —
Дали жалованье нам!
Мы как псы проголодались,
Отощали так, что срам; |
Вы-б с Кащеём догадались, —
Дали жалованье нам!

20

Дворецкий. Как глупо вы рассуждаете! Ловкие слуги ищут мест без жалованья, а вы жалованья просите. Где жалованья нет, или очень мало, там служить выгоднее: там на слуг смотрят сквозь пальцы, и разные поборы им дозволяются, взятки, и даже не очень значительное воровство. Сам Кащей составил себе состояние таким способом. К нам съезжается много королевичей, царевичей и разных принцев, — умеете поживиться от них и их свиты. Поздравление с приездом, с отъездом, с праздником, если случится с добрым утром, с приятным вечером, с хорошим аппетитом. . . ну, а где плохо лежит, — так никто «не» виноват. . . воруи, только не попадайся.

С л у г и.

Мы согласны за служенье
Ничего от вас не брать,
Только б вышло дозволенье
Нам на службе воровать!

Д в о р е ц к и й.

В воровстве нужна сноровка:
Чтоб себя не уронить,

Вы концы умеете ловко
И подальше хоронить.

А то, вот, один воровал, да и попался; ну, и нехорошо. Однако, тише: Бессмертный выходит.

Явление 2

Входит Кашей. Слуги уходят.

Кашей. (*Дворецкому, таинственно*). Я сегодня видел страшный сон, ужасный сон: я видел, что у меня украли Царевну-Милолику! Украсть ее нельзя, но, все-таки, я решился усилить присмотр за ней: увеличить стражу, удвоить число замков и привязать на цепь еще несколько драконов.

Дворецкий. К чему эти старания, Бессмертный Кашей, когда сегодня ты должен расстаться с Царевной?

Кашей.

Мне — расстаться с Милоликой?
Не держать ее в плену? |
От потери столь великой
Я и ножки протяну!
Магометовского рая
Мне не надо за нее;
Нет, умру я, — не взирая
На бессмертие мое!

2) об

Дворецкий. Но ты сам обещал отдать ее сегодня Калингирею?

Кашей. Я обещал ее также и царю Додону. Видишь, в каком я затруднительном положении: во всяком случае, я должен одного из них обмануть. Я много думал об этом сегодня ночью и решился обмануть их обоих.

Дворецкий. В таком случае ты должен будешь возвратить деньги, которые взял от них.

Кашей. Что поступает в сундуки Кашея, то назад не возвращается. Притом же, я тебе скажу по секрету, мне отдавать

царевну Додону или Гирею — не расчет: хоть я с них и много взял денег, но, может быть, явится принц, который даст больше. Кроме того, я знаю, что у Гирея есть златогривый конь, а у Додона — Жар-птица; может быть, я успею выманить у них эти две редкости.

Дворецкий. Но ты и принцу не отдашь?
Кашей. Не отдам.

Мне расстаться с Милоликой, и пр.

Не приехал-ли кто еще из королей или принцев?

Дворецкий. Приехал Иван-Царевич; с ним большая свита и живет он очень богато; по всему заметно, что это — настоящий принц, получивший отличное воспитание: все приемы его величественны; он ничего сам не делает, ничего сам не говорит и ничего сам не думает; старый учитель учит его, что говорить, а старая нянька учит, что делать.

Кашей (*потирая руки*). Это очень хорошо. Я давно жду Ивана-Царевича: от него мне будет пожива большая. Еще кто?

Дворецкий. Еще трое — неизвестного происхождения.

Кашей. Неизвестного? Это нехорошо.

Дворецкий. Один, должно быть, принц, а те двое — его служители. Все отлично одеты, платят деньги щедро.

Кашей. Нехорошо, нехорошо.

Дворецкий. Принц красив собой, очень умен и ловок. }

Кашей. Еще хуже. 27

Дворецкий. Отчего-же, Бессмертный Кашей?

Кашей. Я думаю, что они мошенники. Нынче эта наука доведена до тонкости. Самые лютые мошенники всегда прикидываются важными господами.

Знай: мошенник бедный
Стянет грошик медный,
Да и след простыл,
А мошенник с тоном,
Глядь, — за миллионом
Лапу запустил!

Наблюдай за ними хорошенько; а главное, не фальшивые-ли у них деньги.

Дворецкий. Приезжие принцы желают сегодня видеть Царевну-Милолику.

Кашей. Скажи, чтоб Царевну-Милолику приготовили к смотру и поставили под балдахин. Вели отпереть ворота и двери и скажи служителям, чтобы никого не пускали даром; у ворот и каждой двери поставь по двое с мешками и прикажи брать двойную плату за вход. (*Дворецкий уходит*). По случаю большого съезда я решился удвоить пошлину за любопытство.

(*Входит Калин-Гирей со свитой. За ним несут ковер, подушку и кальян*).

Явление 3^а

Кашей, Калин-Гирей и свита.

Калин (*саясь на ковер*). Пожалуйста, садись. (*Кашей садится*). Какой нынче день?

Кашей. Я знаю.

Калин. Пожалуйста, давай расчет.

Кашей. Погоди.

Калин. Чего годить? Давай расчет, давай девку Милолику, пора в Крым ходить.

Кашей. У тебя в Крыму и без нее жен много.

Калин. Тебе что за дело? Я не простой татарин, я Гирей: я могу еще больше. (*Куплеты*). Пожалуйста, давай расчет. |

21 об. **Кашей.** Вот, видишь ты, Калин-Гирей: мне не расчет отдавать тебе Царевну-Милолику.

Калин. Как не расчет? Ты слово дал?

Кашей. Дал. Но я также дал слово и царю Додону, и кроме того, приехали и другие принцы, которые, может быть, дадут за нее больше.

Калин. Зачем слово дал? Слово дал, держи слово. Сделай так: у меня татарин в Крыму, я ему велью голову рубить

^а У Островского ошибочно: 2; исправляем эту и последующие ошибки в нумерации явлений.

совсем прочь. Хо, хо, хо! Слово дал, слово не держит. Кто так делает?

К а щ е й. Калин-Гирей, ты пойми: мне могут дать за нее дороже.

К а л и н. Да, я понимаю... Кашей, душа моя, ты плут.

К а щ е й. А если мне будут давать за нее дороже, — что ж, мне удавиться что-ли от госки?

К а л и н. Кто так делает? Скажи, пожалуй, кто так делает? О, хо, хо! Я видел девку, мне девка понравил, я спрашивал, что стоит девка, ты сказал, я деньги давал, а ты девку не даешь! Хорош человек, хорош Кашей! Какой ты человек, какой ты Кашей!

(Входит царь Додон со свитой магов. Кашей подходит к нему).

Я в л е н и е 4

К а щ е й, К а л и н, Д о д о н и и х с в и т ы.

К а л и н (свите). Ах, как он меня обидел! Как он меня обидел! Ох, какой он, Кашей, обманщик! Его надо резать так мелко мелко, как пильмень!

Д о д о н. Кашей! Назначенный день настал!

К а щ е й. Царь Додон! Ты человек старый, человек ученый, — для чего тебе Царевна-Милолика?

Д о д о н. Разумеется, я ни по своим летам, ни по своим занятиям жениться на Милолике не могу; но я — известный естествоиспытатель, у меня знаменитый кабинет редкостей, в котором все чудеса природы; Милолика, по своей красоте, принадлежит к самым редким явлениям естественного мира и потому должна поступить в мою коллекцию. †

К а щ е й. Царь Додон, мои намерения теперь несколько изме- 22
нились.

Д о д о н. Я так и ожидал:

Всю ночь я течение светил наблюдал,
Своей озабочен судьбою,

И ясно из хода планет увидал,
Что буду обманут тобою.

Особенно редким стеченьем планет
Начертано в звездном эфире,
Что плута Кашею подобного нет,
Что первый мошенник ты в мире!

Явление 5

(Входят: Карга, Иван-Царевич, учитель, мельник и дворецкий).

Карга. Здравствуй, Кашей... как по батюшке, позволь тебя спросить?

Кашей. Мой отец был такой же Кашей, как и я.

Карга. Так вот что, Кашей Кашеич: нам бы теперь невесту посмотреть, да и за сватовство приняться. За деньгами мы не постоим. Только я слышала, что ты скупой человек, алчный; так уж ты, Кашей Кашеич, пожалуйста, с нами будь на чести, без прижимки, лишнего не бери, чтобы и впредь были знакомы.

Иван-Царевич. Эй, ты, старый хрен! Показывай свою Милолику, да говори скорей, что стоит, — я с вашим братом никогда не торгуюсь.

Кашей (дворецкому). Какие прекрасные манеры! сейчас видно, что человек хорошего происхождения и с большими средствами. Как приятно с такими людьми иметь дело! (С поклоном). Дорогой мой царевич, я весь к твоим услугам.

Учитель (Карге). Кажется, мы будем смотреть Царевну Милолику натошак: я боюсь, что Кашей, по своей скупости, позабудет предложить нам хороший завтрак, приличный такому блестящему обществу.

Карга. Ну, а как же насчет приданого, Кашей Кашеич? Деньги мы тебе за невесту отдадим, а приданое — уж твое дело, да что-бы было хорошее! !

22 об. Кашей. Я не дам никакого приданого, ни хорошего, ни дурного.

К а р г а. Нет, уж это ты как хочешь. Без этого нельзя. Нам будет стыдно: скажут, что мы взяли невесту ни с чем. Ты нам напиши всё, что даешь за ней, а мы посмотрим, да поторгуюсь; хоть и побранимся, может быть, — так что ж за беда? Брань на вороту не виснет, это уж всегда так бывает, ни одной хорошей свадьбы без брани не обходится.

К а щ е й (дворецкому). Готово-ли?

Д в о р е ц к и й. Всё готово.^a !

К а щ е й. Откройте занавес. (Входят Иван Царевич, Иван-Девкин и Иван-Кошкин. Слуги открывают занавес; под балдахинном — Царевна-Милолика, подле нее Девка-Чернавка, кругом прислужницы).

Явление 6

Все. Какая красота! (Все в удивлении).

И в а н - Ц а р е в и ч. Ах! Она моя. Судьба моя решена. За нее я пойду на тысячу смертей. Никакие колдуны, никакие волшебники мне не страшны.

Ц а р е в н а - М и л о л и к а (Девке-Чернавке). Ах! Судьба моя решена. Кто этот прекрасный принц? Я ни за кого не пойду, кроме его.

И в а н - Д е в к и н. Ах, и я влюблен в служанку. И я готов умереть за нее, вот что.

Д е в к а - Ч е р н а в к а. Ах, и я влюбилась, как кошка, в его слугу.

К а л и н - Г и р е й (вскочив с ковра). Ай, ай, ай! Милая моя! Милая царевна моя! Поди, поди, поди сюда! (Свита его удерживает. Все поражены красотой Милолики).

И в а н - Ц а р е в и ч
и М и л о л и к а

Прелестные очи,
В них неба сапфир,

И в а н - Д е в к и н

Служанкины очи
Лазури ясней,

^a На этом заканчивается текст, писанный рукою переписчика. Далее следует карандашный черновой автограф А. Н. Островского. На полях далее указаны номера листов черного автографа.

Mi manca la voce,
Mi sento morir! *

К а щ е й.

Прелестные очи
Лазури ясней,
Ты с ними короче
Торгуйся Кашей!

Когда б покороче
Мне сблизиться с ней!

К а л и н - Г и р е й.

Прелестные очи,
Вы радостней дня,
Терпеть мне нет мочи,
Держите меня! |

22

К а л и н - Г и р е й
(Татарская мелодия)

Мила моя,
Люблю тебя.
Люби меня,
Как я тебя!

Поди со мной
В Бахчисарай,
Мы там с тобой
Увидим рай!

Ты будешь кушать шашлык, фисташки, халва, рахат-лукум, я тебе куплю атласные шаровары и сафьяновые башмаки. Поди, поди ко мне! (*Его удерживают. По знаку Кашея занавес закрывают.*)

К а щ е й (*Гирею*). Я вижу, что тебе Царевна нравится. Хочешь, чтобы она была твоя?

К а л и н - Г и р е й. Как не хотеть. Если бы не хотел, я бы к тебе не ходил. Она моя! Ты просил деньги, я тебе давал деньги.

К а щ е й. Ну так если хочешь, чтобы она была твоя, отдай мне своего златогривого коня и достань у Царя Додоно Жарптицу.

* Мне нехватает голоса,
Я чувствую что умираю! (*итал.*).

К а л и н - Г и р е й. Кто тебе поверит, ты раз обманул и другой обманешь. Ах, какой человек! Какой конь! Какая птица! Ты просил деньги, я деньги давал. Я пойду домой, возьму ногайских татар десять тысяч, двадцать тысяч, пятьдесят тысяч. Ногайский татарин сядет на ногайского коня, возьмет в руки ногайскую плеть. Когда хороший человек — плеть не надо; ты обманщик, тебе надо плеть. Тридцать тысяч татар, тридцать тысяч плетей. Вот тебе! (*Уходит*).

К а щ е й (*Додону*). Додон-царь, если ты хочешь, чтобы Царевна была твоя, отдай мне за нее Жар-птицу и достань *22 об.* у Калин-Гирея златогривого коня.

Д о д о н (*торжественно*). Ты меня уже больше не обманешь! Довольно ты набрал с нас денег, довольно посмеялся над царями и магами! Звезды мне сказали судьбу твою, час твой близок. Придет за нас отмститель, он найдет смерть твою, и этот отмститель — вот он! (*Указывает на Ивана-Царевича*).

К а щ е й (*в ужасе*). Этот принц!

К а р г а. Это не принц, он работник с мельницы.

У ч и т е л ь. Это великие колдуны.

К а щ е й (*слугам*). Связать их и запереть в самой глубокой тюрьме.

И в а н - Ц а р е в и ч. Погоди ты, филин старый. Для того, чтобы Царевна-Милолика, в которую я влюблен с нынешнего дня, знала, кто из нас царевич, а кто работник, я обрублю ему уши (*вынимает саблю*).

И в а н - К о ш к и н. Для того, чтобы Царевна-Милолика знала, кто из вас умен, а кто глуп, у тебя вырастут ослиные уши (*у Ивана-Царевича вырастают ослиные уши*).^а

К а щ е й (*слугам*). Берите их. (*Слуги бросаются на «пропуск в рукописи» и превращаются в разных животных. Все разбегаются*).

^а Имеется в виду Иван-Старухин.

Картина V

Сад Кащея. Терем Царевны-Милолики.

Лица:

Иван-Царевич.
 Иван-Девкин.
 Иван-Кошкин.
 Царевна-Милолика.
 Девка-Чернавка.
 Кащей.
 Стража.
 Драконы.

〈Явление 1〉

Входят Иван-Царевич, Иван-Кошкин и Иван-Девкин, который машет платком. Стража и драконы зевают и потом засыпают.

Иван-Кошкин. Старухин платок действует. Страшные драконы заснули. Этот платок дорогая вещь для нашего брата. Иной ревнивый муж страшнее драконов; с таким платком он зазевает, раззевается и прозевает. Берите своих любезных и вы-
 23 летайте из сада проворней. | Я буду вас ждать с лошадьми. Помни одно, Иван-Царевич, не целовать Царевну-Милолику, пока не освободишь ее от Кащея, а то беда, тогда от Кащея не уйдешь, или всех, или когонибудь из нас он поймают.

Иван-Царевич. Ты не бойся, еще до поцелуя далеко; я боюсь, что она на меня и не взглянет. *(Иван-Кошкин уходит).*

Иван-Царевич *(поет)*

Счастье велико
 Судьба мне обещает,
 О, Милолика, ты достанешься мне!
 Счастье велико
 Меня здесь ожидает,
 О, Милолика,
 Появись предо мной!

Иван-Девкин. Вот страсти, так страсти!

Иван-Царевич. Кажется, кто-то идет. Спрячемся за куст. (Иван-Девкин прячется за куст, задевает дракона, тот зевает).

Иван-Девкин. Ай! Разбудили, попались! (Дракон зевает, засыпая). Ну, ничего, спи, спи, я тебе не мешаю.

(Из терема выходят Царевна-Милолика и Девка-Чернавка).

Явление 2

Иван-Царевич, Иван-Девкин, Царевна-Милолика,
Девка-Чернавка.

Царевна-Милолика. С нынешнего утра жизнь для меня несносна; пока я не видала его, я терпеливо переносила все страдания; я готова была выдти за первого жениха, только бы избавиться от Кашея, а теперь или он или смерть. Где он? Что он делает?

Девка-Чернавка. Прекрасная царевна, они уехали.

Царевна-Милолика. Кто они?

Девка-Чернавка. Твой царевич и его слуга — красавец писанный. Кашей хотел их связать и запереть в пустой подвал.

Царевна-Милолика. Это ужасно! Нет ли у тебя чегонибудь острого, я лишу себя жизни.

Иван-Девкин. Погоди, мы здесь.

Иван-Царевич. Тише!

Иван-Девкин. А ну, как они заколются.

Иван-Царевич. Чем? У нее, кроме булавок, нет ничего. |

Царевна-Милолика. Чернавка, я слышу разговор! 23об.

Девка-Чернавка. Кто может войти сюда, кроме Кашея? Бессменная стража и страшные драконы стерегут наш терем и сад.

Царевна-Милолика. Посмотри, Чернавка: стража спит, драконы дремлют! Ах, какое счастье! Бежим, бежим, милая Чернавка.

Девка-Чернавка. Куда бежать? Нас мигом догонят и запрут хуже прежнего.

Царевна-Милолика. Но кто же усыпил наших драконов? Кто отпер нашу мрачную тюрьму?

Девка-Чернавка. Ах, если б это были они! Прекрасная царевна, что б ты сделала, если бы царевич и его слуга вдруг явились перед нами?

Царевна-Милолика. Не знаю, что ты, а я бы прямо кинулась на шею к моему избавителю, нисколько не думая, что это неприлично.

Девка-Чернавка. И я тоже. До того ли нам теперь, прекрасная царевна, чтобы думать о приличии? Нам бы только ухватиться за них крепче, да и бежать, куда глаза глядят.

Иван-Девкин. Ну, как не полюбить такую девушку! Как она умно рассуждает! Мы здесь, прекрасная Царевна-Милолика!

(Иван-Царевич и Иван-Девкин выходят из кустов).

Царевна-Милолика. Ах это они! *(Хочет уйти).*
Ах, ах! |

24

Иван-Царевич. Ах, как глупо откровенно
Вслух о милом рассуждать.
Иван-Царевич. Несравненная царевна,
Стыдно слова не держать.

Царевна-Милолика. Неужель ты сдержишь слово,
Не сгоришь ты от стыда?

Девка-Чернавка. Ах, царевна, я готова
Исполнять его всегда.

(Обнимает Ивана-Девкина).

Иван-Девкин. Пусть же будет им завидно,
Ты меня не обмани.

Царевна-Милолика. Ах, как стыдно, ах как стыдно!
Ах, что делают они!

Девка-Чернавка и Иван-Девкин.
Пусть же будет им завидно
На любовь мою глядеть!

Царевна - Милолика.

Иван - Царевич.

Ах, как стыдно, ах,
как стыдно

Ах, и вправду мне
завидно

Не могу на них глядеть

Не могу я утерпеть.

(Шум, [не разобр.] стража и драконы просыпаются. Являются Иван-Кошкин,
потом Кашей).

Явление 3

Те же, Иван-Кошкин и Кашей.

Иван-Кошкин. Что вы наделали!

Стража. Воры, воры! (Входит Кашей). | ^a

Кашей. Вот вы и попались! У меня суд короткий. Сколько 24 об.
вору не воровать, а кнута не миновать. До сих пор чужая нога
не бывала в моем заповедном саду. Вы прокрались сюда или
волшебством или хитростью; чтобы другим было неповадно, на-
казание будет примерное. Я вас запру в такую темницу, откуда
вы не выберетесь всю жизнь!

(По знаку Кашей открывается гора).

Иван-Кошкин. Кашей Бессмертный! Какая тебе польза
запирать нас? Ты видишь, какие мы ловкие люди. Мы можем
сослужить тебе большую службу, если будем все здесь; мы мо-
жем достать, то есть украсть для тебя Жар-птицу и златогри-
вого коня. Ты их продашь с большим барышом, потому что они
достанутся тебе совсем даром.

Кашей. Жар-птицу и златогривого коня? Это хорошо; но
кто мне поручится за вас, что вы не обманете? Вы обманщики
и вам верить нельзя. Я отпущу твоих товарищей, а тебя оставляю
в закладе. Освободите их.

Иван-Кошкин. Бегите скорее, я вас догоню.

(Иван-Царевич и Иван-Девкин убегают).

^a На полях 24-й стр. приписано: Хорошо тому жить, кому бабушка
ворожит. Ключ, который отпирает все двери, и платок.

К а щ е й. Ты будешь сидеть в яме всю жизнь, если они меня обманут, разве уже за тебя дадут очень большой выкуп. Найдёте на него цепи и посадите в тюрьму. (Ивана-Кошкина запирают в тюрьму, гора заваливает дверь. Все уходят). |

25

Картина VI

Комната в тереме Милолики. Большое окно с занавеской.

Лица:

Царевна-Милолика.

Девка-Чернавка.

Кашей.

Иван-Кошкин.

Мельник.

Слуги Кашея.

Явление 1

Царевна-Милолика и Девка-Чернавка (пачугт).

Царевна-Милолика. Ах, Чернавка, мы были счастливы один миг.

Девка-Чернавка. Да, один миг, да и то не совсем

Царевна-Милолика. Кому мы теперь достанемся?

Девка-Чернавка. Я думаю, Калин-Гирею.

Царевна-Милолика. Это ужасно! Он татарин, он такой бешеный, у него тысяча злых жен, и по твоему разве приятно поступить под команду внуха?

Девка-Чернавка. Ты будешь сидеть в Бахчисарае, в саду, у фонтана.

Царевна-Милолика. Это хорошо только в стихах, а на деле в саду у фонтана жены целый день бранятся и дерутся туфлями.

Девка-Чернавка. Может быть ты достанешься царю Додону?

Царевна-Милолика. Это еще хуже. У Калина я буду женой, а Додон будет только любоваться на меня, как на ред-

кость; я не хочу быть редкостью, я хочу быть обыкновенной женщиной.

(Входит Иван-Кошкин).

Явление 2

Царевна-Милолика, Девка-Чернавка, Иван-Кошкин.

Царевна-Милолика. Как ты выбрался из тюрьмы и попал сюда? |

Иван-Кошкин. Прекрасная царевна, благодаря Бабы-25 об. Яги у меня есть ключ, который отпирает все замки.

Царевна-Милолика. Зачем же ты остаешься здесь? Беги за Иваном-Царевичем.

Иван-Кошкин. Прекрасная царевна, я должен поговорить с тобой наедине.

Царевна-Милолика. Моя скромность, которая у меня врожденная, и которой я отличаюсь с малолетства, запрещает мне оставаться наедине с мужчиной... А впрочем... Чернавка, поди отсюда. (*Девка-Чернавка уходит*).

Иван-Кошкин. Несравненная Царевна-Милолика, если ты любишь Ивана-Царевича и желаешь освободиться от Кощея Бессмертного, помоги нам узнать, где смерть его. Он только оттого и бессмертен, что не знают, где его смерть.

Царевна-Милолика. Чем же я могу помочь вам?

Иван-Кошкин. Для этого нужна хитрость с твоей стороны.

Царевна-Милолика. Я не умею хитрить.

Иван-Кошкин. Небольшая хитрость, — только притворись, что ты влюблена в Кощея.

Царевна-Милолика. Ах, нет, я не умею, не умею.

Иван-Кошкин. Это так нетрудно; только притворись, его еще никто не любил, он так будет рад, что выскажет тебе все свои тайны, он скажет тебе, где спрятана его смерть.

Царевна-Милолика. Ах, я не могу, я не знаю, как притворяться. |

26 Иван-Кошкин. Решайся скорей, царевна. Побег мой замечен, меня ищут. Мой враг мельник, приятель с Кашеем и предлагает за меня большой выкуп.

Царевна-Милолика. Спрячься куданибудь, но хитрить я не могу.

Иван-Кошкин. Царевна, когда меня станут искать у тебя, ты зажми у себя на руке кольцо, — я, благодаря моей матери, могу принимать разные виды. Мельник подумает, что я превратился в кольцо и станет покупать его у тебя; когда он купит, — ты брось его на пол. *(Идет Кашей)*.

Царевна-Милолика. Спрячься за занавес! *(Иван-Кошкин прячется за занавес)*. А притворяться я все таки не умею.

(Входит Кашей).

Явление 3

Царевна-Милолика и Кашей.

Царевна-Милолика. Добро пожаловать.

Кашей. Здесь русским духом пахнет.

Царевна-Милолика. Мы русского духу слыхом не слышали; это ты летаешь по крещеным землям и к нам русского духу заносишь.

Кашей. Правду ли ты говоришь?

Царевна-Милолика. Разве ты не знаешь, что я несчастная девушка, мне никак нельзя солгать, у меня это сейчас заметно. Я как только солгу, так и покраснею. Вот выйду замуж, может быть и краснеть перестану. Ты устал, Бессмертный Кашей, — отдохни ! успокойся!

Кашей. Мне некогда отдыхать; у меня теперь очень важное дело. Один мусульманский государь просит у меня большой заем и предоставляет мне выручить эту сумму у его христианских подданных.

Царевна-Милолика. Ах, как мне тебя жаль, бедный Кашей. Я слыхала, что нет ничего трудней на свете, как

вымучивать деньги у людей, у которых нет ни копейки. Сколько тебе, бедному, будет хлопот. Я и так вижу тебя очень редко, а теперь буду видеть еще реже! Как ты жесток к своей пленнице.

К а щ е й. Милолика! Что это за речи! Я их прежде не слышал от тебя.

Ц а р е в н а - М и л о л и к а. Ах, Кащей Бессмертный! Где же тебе замечать мои речи, мои чувства; ты летаешь по всему свету, видишь красавиц не чета бедной Милолике.

К а щ е й. Царевна-Милолика, я летаю по всей земле, но красавицы, подобной тебе, не видывал.

Ц а р е в н а - М и л о л и к а. Женское сердце чутко. |

Ты знаешь девушку красивей меня.

К а щ е й. Царевна Милолика...

Ц а р е в н а - М и л о л и к а. Женское сердце чутко. !

К а щ е й. Клянусь тебе.

27

Ц а р е в н а - М и л о л и к а. Не клянись, иначе ты бы...

К а щ е й. Милолика!

Ц а р е в н а - М и л о л и к а. Ты бы...

К а щ е й. О, говори, говори...

Ц а р е в н а - М и л о л и к а. Ты бы заметил любовь мою.

К а щ е й. Что я слышу! Верить ли мне ушам своим!

Ц а р е в н а - М и л о л и к а. Чему же ты так удивляешься?

К а щ е й. Как же мне не удивляться? Я люблю тебя давно, люблю тебя больше, — нет не больше, а почти так же, как золото. И я, и я, Кащей Бессмертный, не смел намекнуть тебе о моей любви... мои уста немели... и вдруг я слышу...

Ц а р е в н а - М и л о л и к а. Ты не знаешь цены себе. Каждая девушка должна гордиться твоей любовью. Нынче мода на красоту прошла... ты... ты бессмертен.

К а щ е й. Ах, Милолика, я бессмертен, но только до тех пор, пока не найдут смерть мою. |

Ц а р е в н а - М и л о л и к а. Ах, ты меня убиваешь! Не ли- 27 об. шай меня последней надежды, скажи мне, — кроме тебя никто не знает, где твоя смерть?

К а щ е й. Конечно.

Царевна-Милолика. И ты никому не скажешь?

Кашей. Никому.

Царевна-Милолика. Ах, я боюсь, что ты проговоришься. Ах, Кашей Бессмертный, ради меня, береги эту тайну, не говори даже и мне, если бы я попросила.

Кашей. Отчего же не сказать тебе; я знаю, что ты меня любишь.

Царевна-Милолика *(в сторону)*. Он меня испытывает. — Нет, нет, не говори! Я не стану, я не хочу слушать.

Кашей *(показывая кольцо)*. Так знай же: моя смерть в этом кольце.

Царевна-Милолика *(отнимая кольцо)*. Дай, дай его мне! Я его вложу в медальон и сохраню на своей груди; никто не коснется до него до самой моей смерти *(вкладывает кольцо в медальон)*.

Кашей. Прекрасная Милолика, теперь я вижу любовь твою, но ты напрасно хлопчешь; я обманул тебя. Отдай мне кольцо.

Царевна-Милолика. Нет, я его тебе не отдам, пусть оно напоминает мне тебя в твоём отсутствии. Не будем говорить о смерти, это очень грустно; мне бы хотелось развлечь тебя чемнибудь веселым. Хочешь я спою тебе песню или скажу сказку.

Кашей. Прекрасная Милолика, самые страшные, самые |
28 занимательные сказки рассказывают про меня. Какую же ты мне расскажешь?

Царевна-Милолика. За тридцать земель, в тридесят-
том царстве, за морем, за океаном...

Кашей *(грозно)*. Замолчи!

Царевна-Милолика. Ах!

Кашей. Я не люблю этого начала.

Царевна-Милолика. Виновата, Кашей Бессмертный. Я не знала, что ты не любишь, я никогда больше не скажу, я выкину из головы, забуду эти слова. Как бы мне хотелось знать, что ты не любишь, чтобы не напоминать тебе никогда про то. Какое ты дерево не любишь?

К а щ е й. Дуб.

Ц а р е в н а - М и л о л и к а. Как же ты не любишь дуб, какие же у тебя сундуки?

К а щ е й. Я не люблю сундуков; я слышать не могу этого слова; у меня золото в подвалах насыпано в мешки.

Ц а р е в н а - М и л о л и к а. Я теперь знаю, ты никогда от меня этого слова не услышишь. Мой милый Кашей, каких зверей или птиц ты не любишь?

К а щ е й. Утку, только утку, больше ничего.

Ц а р е в н а - М и л о л и к а. Нет ли кушанья скольконибудь неприятного для тебя?

К а щ е й. Яичница. |

Ц а р е в н а - М и л о л и к а. Милый мой Кашей, ты не только 28 об. не услышишь от меня об этих вещах, но я постараюсь, чтобы тебе ничто их не напоминало даже.

К а щ е й. Прекрасная Милолика, много говорить мне некогда; я тебя люблю, ты меня любишь; когда же ты будешь моею женою?

Ц а р е в н а - М и л о л и к а. Ровно через десять дней.

К а щ е й. Кольцо?

Ц а р е в н а - М и л о л и к а. Ты его получишь вместе со мною через десять дней.

К а щ е й. Прощай, красавица. Я каждый день буду навещать тебя.

Ц а р е в н а - М и л о л и к а. Прощай, Кашей Бессмертный! Я каждый день буду ожидать тебя с нетерпением. (Кашей уходит). Выходи! (Подает кольцо). Вот тебе кольцо.

И в а н - К о ш к и н. Благодарю тебя, царевна, с этим кольцом он возвращает нам жизнь. Жаль только, что нам не удалось узнать, где смерть Кашея.

Ц а р е в н а - М и л о л и к а. Ну, я думала, что ты умнее. Чего Кашей не любит, чего он боится? Он не любит сказки, не любит дуба, не любит сундуки, не любит утку и яичницу. Значит, за тридевять | земель, в тридесятом царстве, за морем, 29 за океаном стоит дуб, на дубу сундук, в сундуке утка, в утке яйцо, в яйце смерть Кашея.

Иван-Кошкин. Ах, я осел! И я еще думал учить тебя, как притворяться!

Царевна-Милолика. Теперь кольцо у вас, вы свободны. Кашей не имеет над вами никакой власти. Иван-Царевич может ехать куда ему угодно, может найти другую царевну, жениться на ней, я ему помешать не могу; но ты скажи ему, что если через десять дней вы сюда не воротитесь и не приведете златогривого коня и Жар-птицу и еще кой что, я выйду замуж за Кашея Бессмертного. Прощай. *(Уходит)*.

Иван-Кошкин. Прощай, прекрасная царевна. Через десять дней ты увидишь Ивана-Царевича. *(Убегает)*.

ДЕЙСТВИЕ III

〈Картина VII〉

Лица:

Иван-Царевич.

Иван-Кошкин.

Бабадур.

Юсуф.

Калин-Гирей.

Татары. |

Дворик Калина-Гирея.

31^а

Иван-Царевич. Кажется нам златогривый конь дешево достанется.

Иван-Кошкин. С этим народом хитрости не много нужно. Судя по тому, что мы прошли в заповедный сад Гирея, не встретив ни одного человека из стражи, можно пройти не только в конюшню, но и в самую спальню Гирея. Гирей теперь в отсутствии, и весь двор пьет напропалую.

Иван-Царевич. Я никак не мог понять, зачем ты покупаешь такую пропасть чихирю.

Иван-Кошкин. Теперь ты понимаешь. Покупать дорогие вина для этих «пропуск в рукописи» не стоит. Я купил на Волге целую барку чихиря, московский лавочник наделал мне из него

^а В автографе у А. Н. Островского стр. 29 (с об.) и 30 (с об.) остались чистыми.

лафиту, рейнвейну, бургонского, шампанского, наклеил золоченые ярлыки, зоколотил пробки и готово.

Он им придал разные букеты,
 Наклеил на счастье приметы,
 И над смесью вроде купоросу
 Он поставил цены без запросу,
 И божился все за цену ту же,
 Что вино из заграницы хуже,
 А его, чем надо, тем и пахнет,
 Что знаток попробует и ахнет.

Ну а потом уж дело просто, — я погрузил вино на корабль, бурей выкинуло его к самым воротам дворца Калин-Гирея, и весь груз достался | придворным служителям. Так случилось, — 31 об. так и должно было случиться. Вот уже третий день во дворце идет пьянство, шум-гам и ужасный беспорядок. Два конюха бежали и увели двух жен из гарема Калин-Гирея.

Иван-Царевич. Что же нам теперь нужно делать?

Иван-Кошкин. Нам нужно определиться в конюхи на место бежавших и сегодня вечером, когда все сопьются окончательно, увести златогривого коня.

Иван-Царевич. А Милолика, Милолика?

Иван-Кошкин. Не отчаивайся! Верь в могущество нашего талисмана! Пока у нас это кольцо, Милолика не попадет в чужие руки. Если она у Калин-Гирея, мы ее увезем так же как и златогривого коня, а если она у Кашея, нам нужно торопиться достать Жар-птицу и кашееву смерть, — тогда она наша. Кто то идет. Это Бабадур Калга, то есть главный визирь Гирея; скроемся теперь, а потом представимся ему и попросим определить нас в конюхи.

(Уходят. Выходят из дворца Бабадур и Юсуф, евнух).

Явление 2

Бабадур и евнух.

Бабадур. Ах, Юсуф, у меня болит голова.

Юсуф. А у меня болит сердце, Бабадур. †

32 Баба дур. Ай, вай! Я знаю, чем лечить мою голову, я ее вылечу, она опять заболит, и я опять ее вылечу, а чем лечить твоё сердце, я не знаю.

Юсуф. Да я думаю, тем же. Хвала Аллаху! Корабль гяуров разбился и лекарства, которые они везли неверным собакам, достались на пользу и утешение правоверным.

Баба дур. Да, Юсуф, мы с тобой очень нуждаемся в утешении; над нашими бритыми головами висит беда. Вот и мне вторую ночь снится веревка.

Юсуф. И мне тоже.

Баба дур. И шея чешется.

Юсуф. И у меня тоже.

Баба дур. А это недобрый знак для нас с тобой. У меня убежали два лучших конюха и увели у тебя из под носу двух любимых невольниц султана.

Юсуф. Вай, вай! Наше дело никуда не годится. Приедет Калин-Гирей и нас с тобой повесят так скоро, что не успеем и глазом моргнуть.

Баба дур. «Пропуск в рукописи» и Магомет пророк его. Чему быть, тому не миновать. Положимся, душа моя Юсуф, как настоящие мусульмане, на власть Аллаха. Одно будет жаль, если нас с тобой повесят прежде чем мы успеем выпить этот напиток неверных.

Юсуф. Надо торопиться. |

32 об. Баба дур. Надо торопиться, душа моя Юсуф! Что ты шарить в своих карманах?

Юсуф. Я на всякий случай ношу с собой напиток, который я называю «утешение в скорбях», а как называют этот напиток французы, я разобрать не умею, — вероятно, так же, если они не полные дураки.

Баба дур. Покажи-ка! Я прежде был переводчиком, так немного разумею язык франков (*берет бутылку*) Шато Лафит, Дюфур де Бер. Бордо.

Юсуф. Какое длинное название для объяснения такой простой вещи!

Бабадур. Нет, это не утешение в скорбях! Это разве только развлечение в скуке. Вот настоящее утешение в скорбях (*вынимает бутылку*).

Юсуф. А как это по франкски называется?

Бабадур. Коньяк, самый старый.

Юсуф. Это проще и несколько понятнее. Так мы отставим в сторону развлечение в скуке и примемся прямо за утешение в скорбях.

Бабадур. Примемся. (*Пьют*). Что ты скажешь, Юсуф?

Юсуф. Этот напиток истинно бальзам души. Я чувствую, как утешение проникает в каждую мою жилу. |

Татарин. Франки, которых корабль потерпел крушение, ³³ просят позволения коснуться праха ног вашей высокостепенности.

Бабадур. Вот, какова наша жизнь, какова наша служба, Юсуф. Минуты нет покойной. Со всякими пустяками лезут к визирю. Только что займешься каким нибудь важным делом, вдруг тебя. . .

Юсуф. Они должно быть пришли требовать деньги за свой товар.

Бабадур. А вот ты увидишь, посмеют ли они рот разинуть о деньгах. (*Татарину*). Веди сюда франков. (*Татарин уходит и потом возвращается с Иваном средним и Иваном меньшим*).

Явление 4

Те же. Иван средний *<Иван-Царевич>* и Иван меньший *<Иван-Кошкин>*.

Бабадур. Вы собаки из каких собак? И какой вас шайтан занес сюда?

Иван средний. Мы греки.

Бабадур. Я так и думал. По милости Аллаха милосердного, милостивого, корабль ваш разбился вдребезги. Чего же вам еще нужно?

Иван средний. Эфенди! Мы лишились всего состояния.

Бабадур. Так и должно было случиться. Аллах правосуден, человек! Это все наказание за то, что вы торгуете всякой дрянью.^а |

33 об. Иван средний. Эфенди, твои уста открываются только для того, чтобы сыпать перлы мудрости! Мы точно торгуем дрянью, но за эту дрянь мы очень дорого платили и надеялись взять еще дороже. Мы покупали вина на самом месте рождения.

Бабадур. Вина! Валах, биллях! Ты врешь!

Иван средний. Смею ли я лгать! Смею ли я [не разобр.] грязь в твоём присутствии.

Бабадур. В таком случае вы виноваты еще более. Ваше проклятое вино, по вашей неосмотрительности, попало в руки правоверных, осквернило их утробы и отуманило головы. По вашей милости бежали у нас два конюха и две невольницы.

Иван меньший. Сам пророк дозволяет вино в небольшом количестве в виде лекарства, — не наша вина, что правоверные так на него нажились.

Бабадур. Ты глуп, человек. Вино есть зло, а зло чем скорее уничтожить, тем лучше.

Иван средний. Что мы за собаки, чтобы сметь спорить против твоей мудрости и справедливости. Скажешь ты, что мы правы — и мы правы, скажешь ты, что мы виноваты, — мы виноваты.

Бабадур. Хотя все без исключения франки мошенники, а вы кроме того соблазнитель и отравитель и потому заслуживаете немедленной смертной казни, но я сегодня так милостив, что отпускаю вас на все четыре стороны. Подите вон! И благодарите Аллаха!

Иван средний. На что нам жизнь, когда мы не знаем, где преклонить голову и не имеем куска насущного хлеба.

Бабадур. Чего же ты хочешь, человек? |

^а На полях стр. 33 приписано: Кровь моя превратилась в воду, человек? — Верблюдицей пророка — Да не войдет душа раба твоего в магометов рай — Эфенди — Ваше благополучие. — Что я за собака — Пыль туфель твоих — Смеет ли [не разобр.] грязь в твоём присутствии

Иван средний. Эфенди, я прах твоих туфлей. Мы не ³⁴ гнушаемся никакой работой на службе непобедимого Калин-Гирея. Хотя до сей поры мы были богатыми купцами, но теперь узнав превратности счастья мы охотно пошли бы даже в конюхи.

Бабадур. В конюхи? Изволь, только с условием, если у меня выйдет весь этот напиток...

Иван средний. Достать тебе еще... Эфенди, тебе стоит только приказать и к твоим услугам будет сейчас же самый настоящий коньяк прямо с Нижегородской ярмарки, то есть я хотел сказать из Бордо.

Бабадур. Ну уж там откуда хочешь, только чтобы точно такой же. (*Офицеру*). Отведи их в конюшню и скажи, что я их назначаю главными конюхами, чтобы все им повиновались. Да прикажи страже, чтобы ворота заперли и чтобы ко дворцу на полверсты никого не подпускали. (*Уходит*). Вот, Юсуф, как обделываются дела... Ну теперь мы можем на свободе заняться утешением. Помеха отравляет всякое удовольствие, сказал пророк. (*Пьют*).

Юсуф. И давно бы так. То ли дело, когда ворота заперты, двери заперты... Налей ка мне еще... Сидишь, занимаешься мудрой беседой и никто-то тебя...

Бабадур. Что за удивительный напиток!

Юсуф. И никто-то тебе не мешает.

Бабадур. Что пьешь, то больше хочется.

Юсуф. И никто не мешает.

(*Слышны крики: «Гирей!»*) |

Бабадур. Что за крики?

34 об.

Юсуф. Ай, вай! Прибирай посуду! Побежим ему навстречу. Азраил летает над нашими головами. (*Бегут к дверям. Навстречу им Калин-Гирей со свитой*).

Явление 5

Калин-Гирей, Бабадур, Юсуф и свита.

Калин-Гирей. Бабадур, что же ты, забрал бы ад твою душу, не встретил меня, твоего повелителя?

Бабадур. Племянник солнца и двоюродный брат луны, клянусь верблюдицей пророка, мы не ждали так рано твоей непобедимости.

Калин-Гирей. Не ждали! Аллах, биллях! Как же ты смел не ждать? Не ждали! То есть, ты сидел запершись и пьянствовал.

Бабадур. Да не войдет душа раба твоего в магометов рай, если я...

Калин-Гирей. Да и так не войдет.

Бабадур. Моя голова — подножие твоих туфель.

Калин-Гирей. Вставай, старый мешок, до верху набитый грехами! Докладывай, что делал без меня и все ли благополучно.

Бабадур. Без тебя я делал то же, что и в присутствии твоей непобедимости, неустанно следил за порядком и правосудием, а что касается благополучия, так на грех спасения нет, сказал пророк. !

35 Калин-Гирей. Ты врешь, никогда пророк этого не говорил.

Бабадур. Аман, аман! Виноват, я хотел сказать, на всякого мудреца бывает довольно простоты.

Калин-Гирей. Какого же роду простота напала на тебя, говори скорее! Не принял ли ты спроста казенные деньги за свои, это за тобой водится.

Бабадур. Нет, мой повелитель, на этот раз все казенные деньги целы, хотя враг силен, как сказал пророк.

Калин-Гирей. Машаллах, иншаллах! Оставь пророка в покое! Говори, что случилось.

Бабадур. Из твоих конюшен бежали две невольницы!

Калин-Гирей. Как попали в конюшни невольницы, шайтан «возьми» твою душу?

Бабадур. Аман! Виноват. Из твоего гарема бежали два конюха.

Калин-Гирей. Валлах, таллах! Ты ком грязи!

Бабадур. Виноват, мой повелитель, слово не воробей, сказал пророк.

К а л и н - Г и р е й. Ты опять за пророка? Молчи! Юсуф, что этот старый кабан бормочет про мой гарем?

Ю с у ф. Племянник солнца! Бежали два конюха и увели...

К а л и н - Г и р е й. Коня? Погублю я ваши души!

Ю с у ф. Нет, мой повелитель! Да будет всегда твоя туфля моей шапкою, — двух невольниц.

К а л и н - Г и р е й. Ну это еще беда не велика, если бы они и все разбежались, мне горя мало. Я привез такую жемчужину, какой ни один хан востока не видывал в своем гареме.

Б а б а д у р. Повелитель мой, и малое твое неудовольствие для меня такое великое горе, что кровь наша превратилась в воду. |

К а л и н - Г и р е й. Не в воду, а в вино, — вы так им про- 35 об. питались, как старые армянские бурдюки. (Бабадуру). Поди и благодари Аллаха, что я тебя сегодня не повесил, а завтра не ручаюсь. (Бабадур уходит). Юсуф, подползи к порогу двери Царевны-Милолики и с самым подлейшим унижением, к которому только ты способен, спроси у ее рабыни, что угодно ее ханым? (Юсуф уходит и возвращается, держась за шеку).

К а л и н - Г и р е й. Что ты держишься за шеку?

Ю с у ф. Туфлей...

К а л и н - Г и р е й. Молча? Ну так иди и спроси в другой раз.

Ю с у ф. Опять, по другой.

К а л и н - Г и р е й. И ничего не сказала?

Ю с у ф. Моя повелительница сказала, что желает видеть танцы невольниц.

К а л и н - Г и р е й. Живее! Подними на ноги весь гарем! А ты убирайся с глаз моих. И если за вами нет больше вины, кроме вашего пьянства и нерадения, я вас прощаю на радости.^a |

^a К а л и н - Г и р е й. Милолика! Звезда души моей! Мой дворец — твой дворец! Я, гарем мой и все мы татары — твои рабы. Войди со своей рабыней в эти покои и отдохни от трудного пути. Все наряды, все драгоценности, какие найдешь ты там — твои. Только люби меня, люби так, как я тебя. (Вставка в текст, не относящаяся к данному диалогу).

36 (Юсуф растворяет дверь в сад гарема. Оттуда выходят невольницы, некоторые с инструментами. Царевна-Милолика и служанка выходят из своих покоев. Калин-Гирей провожает их до скамьи. Танцы. Невольницы во время танцев, когда Калин-Гирей этого не замечает, делают Царевне-Милолике разные гримасы и жесты, она отвечает им тем же).

К а л и н - Г и р е й. Прекрасная Милолика, теперь, когда я посмотрел на своих жен, ты мне кажешься еще прекраснее; сними свое покрывало, покажи им свое лицо, пусть они пожелтеют от зависти.

Ж е н ы. Ну как же! Вот еще! Еще было бы чему завидовать!

К а л и н - Г и р е й. Покажи им лицо свое и пусть они умрут, глядя на свое безобразие. (Снимает покрывало и видит Чернавку). Ай, вай! Что за изваяние! (Жены молчат). О, ты пошутила. Вы переменялись платьем. (Снимает покрывало со служанки, перед ним Иван бóльший <Иван-Девкин> в женском платье). Аллах, биллях, таллах! Это что за рожа! Бабадур! Коня, златогривого коня! Сбирать татар! Все за мной, ногайцы!

(Вбегает Бабадур).

Б а б а д у р. Аман, аман! Пощади! Франки, которых я взял в конюхи. . .

К а л и н - Г и р е й. Ну!

Б а б а д у р. Наплевали мне в бороду! |

36 об. К а л и н - Г и р е й. Ну?

Б а б а д у р. Бежали и увели коня.

К а л и н - Г и р е й. Повесить его. А мне другого коня.

Б а б а д у р. Помилуй, помилуй!

К а л и н - Г и р е й. Какая милость! Какая тебе милость? Вот тебе милость: повесь себя сам.

(По знаку Калин-Гирея Бабадура уводят).

Ю с у ф. Повелитель, что прикажешь делать с твоей новой женой?

К а л и н - Г и р е й. Что хочешь. Смотри в оба за женами и не жалея холщевых мешков.

Т а т а р ы.

Точи, татарин, нож острей,
Мы в путь собираемся недаром.
Седлай коня, Калинин-Гирей,
И путь кажи своим татарам.
Мы гладь широкою степей
Покроем пылью и пожаром,
Мы рвемся в бой, веди скорей,
Мы грянем громовым ударом.

К а л и н - Г и р е й.

Гайда за мной!

Т а т а р ы.

Калин-Гирей,
Кажу врага своим татарам.
Гайда! Гайда! *(Убегают все, сцена пуста).* !

Я в л е н и е 6

37

Девка-Чернавка и Иван бóльший.

Девка-Чернавка. Кажется, никого нет; как бы нам выбраться отсюда поскорее.

Иван бóльший. Да, уйдем поскорее, а то я боюсь.

Девка-Чернавка. Чего ты боишься?

Иван-бóльший. Здесь так много хорошеньких женщин.

Девка-Чернавка. Ты боишься женщин. Ах, бедный!

Иван бóльший. Я не женщин боюсь, я боюсь самого себя.

Девка - Чернавка. Это как же?

Иван б ó л ь ш и й. А так же. Долго ли до греха; влюбись в какуюнибудь, вот тебе и раз.

Девка - Чернавка. А как же ты смеешь?

Иван б ó л ь ш и й. Отчего же не сметь? Сердце то не спрашивается.

Девка - Чернавка. Ты и думать не смей! И не заикайся!

Иван б ó л ь ш и й. Вот ты какая! А сама поехала к Калину. Что если б ты ему понравилась?

Девка - Чернавка. Что же! Я стала бы его женой, ханшей. Это очень хорошо, и мне очень жаль...

Иван б ó л ь ш и й. А я то при чем же бы остался? Ну
37 об. так вот | и я ж теперь...

Девка - Чернавка. Ты? Ну так хорошо же. Я хотела найти случай убежать с тобой отсюда, теперь я останусь здесь, подожду Гирея, может быть он...

Иван б ó л ь ш и й. Так и я останусь. Ты жди, когда еще твой Гирей приедет, а красавицы то у меня все здесь под руками. Вот ты и знай!

Девка - Чернавка. Есть негодяи на свете, да все уж не такие.

Казался он сначала
Покорен мне и тих,
На белом свете мало
Бесстыдников таких!
<пропуск в рукописи>

Иван б ó л ь ш и й. Вот они идут, мои красавицы. (Подходит к одной). Какая ты хорошенькая.

1-я невольница. А тебе что за дело?

Иван б ó л ь ш и й. Как, что за дело? Я в тебя влюблен.

1-я невольница. А разве ты мужчина?

Иван б ó л ь ш и й. Мужчина. Только ты никому не говори. |

1-я невольница. Ни за что на свете не скажу, только *38*
уж ты...

Иван бóльший. Постой-ка, постой-ка! Вот эта, кажется,
будет получше тебя. (*Идет к другой*).

1-я невольница (*за ним*). Что ж ты смеяться что ли
надо мной вздумал?

Иван бóльший (*2-й невольнице*). Какая ты хорошень-
кая!

2-я невольница. Что это тебе вздумалось хвалить меня?

Иван бóльший. Что вздумалось? Я в тебя влюблен без
памяти.

2-я невольница. Разве ты мужчина?

Иван бóльший. Мужчина. Только ты никому не ска-
зывай.

2-я невольница. Разве мне жизнь-то не мила! Особенно
теперь с тобой, милый мой. (*Обнимая его*).

Иван бóльший (*освобождаясь*). Ах, я дурак! Вот эта,
кажется, лучше всех!

2-я невольница. погоди же ты! Я с тобой разделаюсь
туфлями.

Иван бóльший (*3-й невольнице*). Ты такая красавица,
что...

3-я невольница. Поди ты прочь. Калин-Гирей не заме-
чает моей красоты, так на что она мне.

Иван бóльший. А я вот сейчас заметил.

3-я невольница. Заметил? Да ты разве мужчина?

Иван бóльший. Мужчина и в тебя влюблен до смерти,
только | ты никому не рассказывай. *38 об.*

3-я невольница. Нет, не скажу, и с тобой теперь не
расстанусь. Ты мой!

Другие невольницы. Нет мой, мой!

Иван бóльший. Постойте. Не шумите. Погодите не-
много. Я сам вам скажу, чей я.

Невольницы. Нет, нет, ты мой! (*Шум. Входит Юсуф*).

Явление <7>

Юсуф, Иван бóльший, Девка-Чернавка, невольницы.

Юсуф. Это что за безобразие?

Невольницы. Здесь мужчина, мужчина!

Юсуф. Как мужчина, где мужчина, кто мужчина?

Невольницы. Вот он! Вот он!

Юсуф (*берет Ивана*). Как ты сюда попал и к кому?

Невольницы (*указывая на Чернавку*). Он пришел с ней вместе.

Юсуф. Нет уж вы мне вот где сидите. Меня за вас чуть было не повесили. (*Хлопает в ладоши, входят евнухи*). Подайте два мешка! (*Евнухи уходят. Пролетают на златогривом коне Иван <Кошкин> и Иван-Царевич*).

Иван бóльший. Эй, братцы! Захватите меня с собой! Я здесь!

Юсуф. А так ты из одной шайки! Нет, уж теперь брат не увернешься! (*Евнухи приносят два мешка*). Сажайте их в мешки, да с башни в море! (*Евнухи уводят на башню Ивана и Чернавку*). | А вы смотрите, да казнитесь! (*Евнухи бросают мешки в воду*). Так погибают неверные жены и их верные любовники!

Картина <VIII>

Лица:

<пропуск в рукописи>

Индийский лес на берегу моря.^a

^a На этом автограф «Ивана-Царевича» обрывается.

А. МИЦКЕВИЧ

ПИСЬМА

В. А. ЖУКОВСКОМУ

Mon cher Monsieur. Ce billet me devancera à Pavlosk de quelques heures seulement, car j'espère avoir demain le plaisir de vous voir. M. Cheviroff de Moscou, dont le nom du moins vous est connu arrive dans ce moment à Petersbourg. Il est jeune, poète et russe, vous pouvez donc figurer facilement son impatience de voir Joukowsky.

J'ajoute ici les données historiques que vous m'avez demandées.

Je quittai Vilna l'an 1824 par ordre de la police pour attendre à Petersbourg les décisions du gouvernement. Nous apprîmes alors de la bouche du ministre de l'instruction (M. Schyschkoff) que la volonté de Sa Majesté fut, que nous nous choisissions dans l'intérieur de la Russie le lieu de résidence et le genre de service. La même année je partis pour Odessa pour y servir près S. E. le comte de Vitte. L'an 1828 un nouvel ordre m'obligea de rebrousser le chemin et j'obtins une place dans la chancellerie du prince Galitzin, à laquelle j'appartiens jusqu'au jour d'aujourd'hui.

Voilà mon cher Monsieur la seconde parti de mon histoire, comprenant le voyage. C'est mon Odyssée, quant à l'Iliade où je décrirai les fureurs de notre Achille lithuanien, qui affligea de tant de maux les écoliers, vous ne lirez pas encore. Je vous épargne pour aujourd'hui cet ennui, mais en revanche je vous prépare une longue missive.

Tout à vous

Mickiewicz

Petersbourg, ce samedi

Nous comptons venir à Pavlosk vers le soir. Aurez vous quelques minutes libres?

Перевод

Милостивый государь. Эта записка лишь на несколько часов раньше меня прибудет в Павловск, ибо я надеюсь завтра иметь удовольствие видеть вас. Г. Шевырев из Москвы, имя коего во всяком случае вам известно, только что прибыл в Петербург. Он молод, поэт и русский, вы можете, следовательно, легко представить себе его нетерпение увидеть Жуковского.

Присоединяю к этому те исторические данные, которые вы у меня запросили.

Я покинул Вильно в 1824 году по приказу полиции, чтобы ожидать в Петербурге решений правительства. Тогда мы узнали из уст министра просвещения (г. Шишкова), что его величеству было угодно, чтобы мы избрали во внутренних областях России место пребывания и род службы. В том же году я отправился в Одессу, дабы служить там при его превосходительстве графе Витте. В 1828 году новый приказ заставил меня пуститься в обратный путь и я получил место в канцелярии князя Голицына, к которой принадлежу и по сей день.

Вот, милостивый государь, вторая часть моей истории, включая путешествие. Это моя Одиссея, что же касается Илиады, в которой я опишу неистовства нашего литовского Ахиллеса, причинившего столь много страданий школьникам, пока еще вы ее не прочтете. На сегодняшний день я избавляю вас от этой неприятности, но взамен готовлю вам длинное послание.

Преданный вам

Мицкевич

Петербург, суббота

Мы рассчитываем приехать в Павловск к вечеру. Найдется ли у вас несколько свободных минут?

Письмо, в переводе на польский язык и в сноске к переводу, во французском оригинале опубликовано впервые сыном поэта Владиславом Мицкевичем в варшавском журнале «Ziarno» (1910, п. 48, р. 944—945). Вслед

за тем опубликовано в польском переводе в газете «Kurjer Warszawski», 1910, п. 328 и в издании: Adama Mickiewicza dzieła wszystkie... t. XIII, Warszawa, 1936, s. 483—484. Автограф хранился в собрании А. Ф. Онегина в Париже. Ныне принадлежит Институту русской литературы Академии Наук СССР (28156. СС II 6. 58).

В конце апреля 1828 г. Мицкевич покинул Москву и прожил в Петербурге с 22 апреля 1828 г. по 15 мая 1829 г., когда выехал из Кронштадта в Гамбург. Именно к этому последнему периоду жизни Мицкевича в России и относится публикуемое письмо, связанное, повидимому, с возобновлением хлопот, — на этот раз при содействии Жуковского, — о выезде за границу. Прибыв в Петербург вместе с кн. З. Волконской 16 февраля 1829 г., Шевырев покинул столицу 28 февраля. Публикуемое письмо помечено субботой, приходившейся как раз на 16-е число, которое, повидимому, и является датой его написания. Упомянутый в последних строках письма «литовский Ахиллес» — это сенатор Новосильцев, печально прославившийся разгромом студенческих патриотических обществ в Вильно в 1823 г. Под «Илиадой» Мицкевич подразумевает, повидимому, III часть своей поэмы «Дзяды», в значительной степени посвященную виленским событиям 1823 г. Фраза «причинившего столь много страданий школьникам» восходит к начальным стихам «Илиады» («Гнев, о, богиня, воспой Ахиллеса Пелеева сына, Гибельный гнев, причинивший ахейцам страданья без счета»...).

Граф И. О. Витт управлял в 1824 г. Одесским Ришельевским лицеем, в который Мицкевич изъявил желание определиться на службу.

А. Х. БЕНКЕНДОРФУ (?)

Le soussigné encouragé par M. Joukowsky de recourir à la protection de Votre Excellence, prend la liberté de s'annoncer chez Elle en qualité de solliciteur. Il prie humblement Votre Excellence de vouloir bien fixer l'heure où il pourrait venir Lui rendre ses devoirs et présenter ses sollicitations.

De Votre Excellence
le très humble et très obéissant
serviteur

Adam Mickiewicz

St. Petersbourg Rue Grande Meschichanskoi
Maison Jochim

Перевод

Нижеподписавшийся, поощренный г. Жуковским прибегнуть к покровительству Вашего Превосходительства, берет на себя смелость предстать пред Вами в качестве ходатая. Он покорно просит Ваше Превосходительство соблагovolить назначить час, когда он мог бы явиться засвидетельствовать Ему свое почтение и представить свои просьбы.

Вашего Превосходительства
нижайший и покорнейший
слуга

Адам Мицкевич

С.-Петербург. Большая Мещанская улица
Дом Иохима.

Публикуется впервые. Оригинал хранится в Рукописном отделе Института русской литературы Академии Наук СССР (Р. I, оп. 41, № 51). Качество бумаги и чернил (туши?) позволяет предполагать, что мы имеем дело с факсимиле подлинного документа. На правой стороне листа, над текстом — пометка: «Понедельник, 12 часов».

Документ относится, повидимому, к последнему периоду пребывания Мицкевича в России (см. публикацию № 1), когда после неудачи предшествовавших ходатайств о выезде за границу, в которых, как известно, принимал участие Пушкин (Б. Модзалевский. Пушкин, ходатай за Мицкевича. «Пушкин и его современники», вып. XXXVI, стр. 26—33), польский поэт возобновил их, опираясь на советы и поддержку Жуковского. Просьба об аудиенции могла быть направлена, скорее всего, к А. Х. Бенкендорфу, от которого в значительной мере зависело разрешение волновавшего Мицкевича вопроса.

В. Н. ЦАСТНОМУ

Posyłam Panu obadwa tomiki. Racz mi dziś zwrócić paryskie wydanie, gdyż ii wyprawiam na poczcie jutro lub po jutro.

Adam Mickiewicz.

Роман-Рами абДва Гамки: Паш ми Ди'и мовари'
 Речни м'Дани, ади и шуроман на мурта жиро кал
 по жиро Адам Мицкевич

Письмо Адама Мицкевича к В. Н. Щастному. <1829 г.?.
 Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Академии Наук СССР.

Перевод

Посылаю Пану оба томика. Соболаговолите мне сегодня вернуть парижское издание, так как я отправляю его на почту завтра или послезавтра.

Адам Мицкевич.

Публикуемый автограф Адама Мицкевича, хранящийся в Рукописном отделе Института русской литературы Академии Наук СССР (ф. 274. оп. 3, № 68), извлечен из собрания рукописей редактора-издателя «Русской старины» М. И. Семевского, которым был приобретен в 1884 г. вместе с другими рукописями от вдовы В. Н. Щастного.

Василий Николаевич Щастный принадлежит к поэтам пушкинской эпохи; он оставил по себе очень небольшое литературное наследие, и упоминания о нем в литературе прошлого встречаются лишь в связи с другими более заметными писателями. (В печатных источниках нет даже сведений об основных датах его жизни. По данным «Адрес-календаря», В. Н. Щастный служил правителем канцелярии и дел общего присутствия 3-го округа Главного управления путей сообщения и публичных зданий. После 1849 г. его имя исчезает из «Календаря»).

Щастный происходил из Волынской губернии; учился он в иезуитском коллегииуме, где основательно усвоил языки: латинский, немецкий и французский. Можно полагать, что польский язык для Щастного, как уроженца Волыни, был так же близок с детства, как и русский.

Он был секретарем «Литературной газеты», издававшейся А. А. Дельвигом. П. Н. Полевой в статье «Листки из архива» («Литературная газета») сообщает о Щастном: «С особенным тщанием, даже с некоторым благоговением, собирал он все, что касалось его литературных связей, и каждый автограф, каждую рукопись или записку, проходившую через его секретарские руки, хранил он, как святыню» («Исторический вестник», 1886, ноябрь, стр. 371). Большая часть архива Щастного пропала, часть

оказалась в руках П. Н. Полевого, некоторые автографы были куплены М. И. Семевским.

Современники ценили Щастного как переводчика Мицкевича. «...Услуга его литературе русской, — писал В. П. Бурнашев, — состоит в том, что он перевел на русский язык очень успешно поэму знаменитого польского поэта Мицкевича „Фарис“, которую в его переводе, истинно изящном, можно не без удовольствия прочесть и нынче...» (В. П. Бурнашев. Мое знакомство с Воейковым в 1830 году и его пятничные литературные собрания. «Русский вестник», 1871, № 10, стр. 629).

А. П. Керн вспоминала, что у Дельвига «Щастный читал „Фариса“, переведенного им тогда, и заслужил всеобщее одобрение. За этот перевод Дельвиг очень благоволил к нему, хотя вообще Щастный, как поэт, был гораздо ниже других второстепенных писателей» (Пушкин и его современники, вып. XXI—XXII, 1915, стр. 253).

Перевод «Фариса» был напечатан в альманахе «Подснежник» 1829 г. с таким примечанием: «Стихотворение сие, недавно написанное г. Мицкевичем, до напечатания на польском языке, переведено по желанию почтенного поэта с его рукописи».

Очевидно, к тому же времени личных отношений Мицкевича и Щастного, у которого, по свидетельству А. И. Подолинского, польский поэт бывал в доме («Русский архив», 1872, стб. 860), принадлежит и настоящий автограф.

Ф. ШИЛЛЕР

ПИСЬМА И СТИХОТВОРЕНИЯ

В Рукописном отделе Института русской литературы (Пушкинский Дом) Академии Наук СССР сохранилось три автографа Шиллера: два письма и беловая запись двух небольших стихотворений. Мы печатаем эти документы как неопубликованный материал для истории жизни и творчества великого немецкого поэта.

1

Hochgeehrtester Herr,

Ich bin so frei auf Ihre gütige Erlaubni Ihnen gegenwärtiges an Ihren Herrn Bruder in England zur Besorgung zu überschicken, mit der Bitte, solches sobald als möglich an ihn zu befördern, da ihm sowohl als mir an der Sache gelegen ist. Auch erbitte mir, vor Ihrer Abreise, die Adresse Ihres Herrn Bruder gütigst mitzuteilen.

D<e>r ich mit Hochachtung

Ihr

ergebenster

Schiller

Jena 6 Jun.

1799.

Перевод

Милостивый Государь,

Пользуюсь Вашим любезным разрешением, чтобы переслать Вам настоящее письмо для г. брата Вашего в Англии, с прось-

Fortgesetztes Brief,

Ich bin so froh und Ihnen gütigen
 Freundschaft Ihnen gegenwärtig in Ihnen
 von Ende in England zu? Ludwig
 zu übersetzen, mit der Liebe, selbst
 sobald als möglich an ihr zu übersetzen.
 Da ihr sowohl als mir an der Sache
 gelegen ist. Auch würde ich, wenn
 Ihr Almise, eine Adresse in Ihnen,
 von Ende gütigen und zu Ihnen.
 Ich bin mit Verfassung verbunden

Den 6 Jun.
 1799.

Ihr
 ergebener
 Schiller.

Письмо Ф. Шиллера к Адольфу Нёдену. 6 июня 1799 г.

Первая страница.

Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Академии Наук СССР.

бой доставить его как можно скорее, так как для него, как и
 для меня, это имеет большое значение. Прошу Вас также, до
 Вашего отъезда любезно сообщить мне адрес г. Вашего брата.

С глубоким уважением
 преданный Вам
 Шиллер.

Иена, 6 июня 1799.

Печатается по автографу ИРЛИ (9790. LIX б. 39).

Настоящее письмо не вошло ни в полное собрание писем Шиллера (Schillers Briefe, herausgegeben von Fritz Jonas. Kritische Gesamtausgabe. 6 Bde. Deutsche Verlagsanstalt. s. a.), ни в дополнительные к нему публикации. Адресат письма не обозначен. По содержанию — это сопроводительная записка к письму, которое Шиллер направляет неизвестному нам корреспонденту, проживающему в Англии, через его брата, по какому-то важному для него делу. Можно предположить, что дело это было литературное. В 1790-х годах, под влиянием английского романтизма, драматургия Шиллера начинает вызывать к себе интерес в Англии (см. Thomas Rea. Schiller's Dramas and Poems in England, London, 1906). Пьесы Шиллера переводятся на английский язык почти сразу после выхода в свет, в ряде случаев — двумя конкурирующими издательствами одновременно. При отсутствии в то время международных соглашений по авторскому праву, Шиллер, существовавший на достаточно скромный литературный заработок, был заинтересован в том, чтобы урегулировать материальные отношения со своими английскими издателями, заранее предоставив в их распоряжение рукопись своей новой пьесы для авторизованного перевода.

Из ранних переводчиков Шиллера в деловую переписку вступил с ним проживавший в Лондоне немецкий учитель Георг Генрих Нёден (Georg Heinrich Nöhden, 1770—1826). Уроженец Геттингена и воспитанник Геттингенского университета, филолог и историк по образованию, Нёден с 1793 г. служил домашним учителем в Лондоне и воспитателем в старинном аристократическом колледже в Итоне. Вместе со своим другом, англичанином Джоном Стоддартом (John Stoddart, 1773—1856), в то время — воспитателем в том же колледже, впоследствии — известным адвокатом и журналистом, Нёден перевел на английский язык драму Шиллера «Заговор Фиеско» (Fiesco, or the Genuese Conspiracy, a Tragedy, Translated from the German of Fr. Schiller by G. H. N. and S., London, 1796, ed. L. Miller). Тем же авторам принадлежит прозаический перевод «Дон Карлоса» (Don Carlos, Prince Royal of Spain, from the German of Fr Schiller, by the Translator of Fiesco, London, 1798, ed. L. Miller).

В 1796—1797 годах Нёден, сопровождая своего воспитанника, совершил поездку в Германию и в это время завязал переписку с Шиллером (9 декабря 1796 г.), которая продолжалась и после его возвращения в Англию (с 1796 по 1799 г.). Сохранилось 6 писем Нёдена к Шиллеру (см. Briefwechsel zwischen Schiller und Cotta, herausg. von Wilhelm Vollmer, Stuttgart 1876, стр. 208—219, 229—230, 236, 262, 305—306, 345—346), а также два ответных письма Шиллера от 5 апреля и 24 июля 1799 г. (Jonas, VI, стр. 39—40 и 76—77).

Получив в конце 1796 г. присланный ему перевод «Фиеско», Шиллер предложил своему корреспонденту взять на себя перевод новой пьесы, над

которой он в то время работал («Валленштейн»), обещав выслать ему рукопись.

Нёден с радостью согласился выполнить эту почетную задачу в сотрудничестве со своим другом Стоддартом и неоднократно напоминал Шиллеру в последующих письмах о его обещании. Но окончание «Валленштейна» вследствие болезни Шиллера задержалось до 1799 г. Сам Нёден к этому времени, как он сообщил Шиллеру (24 июля 1799 г.), уже не располагал досугом для переводческой работы. Кроме того, издатель Шиллера Котта (Cotta) получил предложение от лондонского издательства Белл (Bell) оплачивать гонораром в 60 фунтов каждую драму Шиллера, присланную ему в рукописи для перевода. Белл неоднократно издавал пьесы популярного в Англии Коцебу и готовил к печати целую серию переводов современных немецких драматургов; в 1797 г. в его издательстве появилась драма Шиллера «Коварство и любовь» в переводе М. Г. Льюиса (M. G. Lewis, автор известного «готического» романа «Монах») под заглавием «Министр» («The Minister», London, 1797).

Издатель Нёдена Миллер соглашался предоставить Шиллеру такой же гонорар, как и Белл, однако, чтобы обеспечить себя от английских конкурентов, он выставлял условие, чтобы немецкий оригинал вышел в свет не ранее, чем через 14 дней после английского перевода. Поскольку Белл подобного условия не ставил и задерживать печатание «Валленштейна» было не в интересах ни самого Шиллера, ни его издателя, Шиллер, посоветовавшись с Котта (письмо от 10 августа 1799 г.), предоставил авторизованную рукопись «Валленштейна» издательству Белл, одновременно известив об этом Нёдена письмом.

В дальнейшем Белл, потерпев банкротство, перепродал рукопись Шиллера лондонскому издательству Longman and Rees, не уведомив о том автора, и отказался на этом основании от оплаты обещанного гонорара. К великому удивлению самого Шиллера, две части его трилогии («The Piccolomini» и «The Death of Wallenstein») вышли в свет в 1800 г. в издательстве Лонгмана, «по авторизованной рукописи», в переводе поэта-романтика Кольриджа (несомненно лучшим из всех английских переводов Шиллера). С большим трудом, при участии Котта, Шиллеру удалось добиться материальной компенсации своих авторских прав (Briefwechsel mit Cotta, стр. 687).

Два сохранившихся письма Шиллера к Нёдену касаются вопросов, связанных с будущим переводом «Валленштейна» и возможностей его издания. Из них первое помечено 5 июня 1799 г., т. е. написано днем раньше, чем публикуемая сопроводительная записка, датированная 6 июня.

Уезжая из Германии, в письме из Берлина от 7 октября 1797 года, Георг Нёден сообщил Шиллеру адрес своего брата, доктора медицины Адольфа Нёдена в Геттингене, который имеет возможность пересылать ему корреспонденцию из Германии (Briefwechsel mit Cotta, стр. 262). Шиллер, действительно, воспользовался услугами доктора Нёдена и уже 26 января.

1798 г. написал ему, обещая вскоре переслать через него его брату Генриху рукопись своего нового произведения (Jonas, V, стр. 332). Позднее, 13 сентября 1801 г., Адольф Нёден переслал Шиллеру, по просьбе своего брата, его учебник немецкой грамматики, написанный на английском языке (German Grammar, London 1800) (см. Briefwechsel mit Cotta, стр. 349, прим. 2).

Отправка писем братьям Нёден помечена в календаре Шиллера 7 июня (Schillers Calender vom 18. Juli 1795 bis 1805, herausg. vom Gleichen-Ruswurm, Stuttgart, 1865, стр. 77).

Несомненно, что публикуемая записка адресована доктору медицины Адольфу Нёдену в Геттингене и сопровождала письмо к его брату от 5 июня 1799 г.

2

Weimar 2 Jul. 1800

Empfangen Sie meinen schönsten Dank für die überschickten Lilien, meine theure Freundin, und für Ihre freundschaftliche Sorge um meine Kleinen. Mit diesen geht es jetzt beßer und es fehlt nur Beßeres Wetter, so würde es sich mit dem Ausschlag bald geben.

Meine Frau hat noch nichts von sich wißen lassen, ich erwarte alle Tage einen Brief von ihr, bin aber ihretwegen und des Ernsts so ganz beruhigt, weil ich sie gut aufgehoben weiß

Sagen Sie Grießbach recht viel Schönes von mir. Wie sehr hätte ich ihm nach diesen mühseligen vier Wochen, die er hier zugebracht Ruhe gewünscht! Aber er hat einmal die Leute verwöhnt und sie haben sich bei seinem Rath zu gut befunden, daß sie Seiner nicht mehr entbehren können.

Ich freue mich recht darauf, in Jena einmal wieder einige heitre Stunden mit Ihnen beiden zu verleben.

Die Schusterin kann wohl warten, bis meine Frau zurückkommt, da sie solange gewartet hat. Mir ist nichts von einer solchen Rechnung bekannt die noch nicht bezahlt wäre.

Leben Sie recht wohl und seien Sie meiner herzlichen Freundschaft versichert

Адрес:

Schiller

Ан Frau

Geheime Kirchenrätthin Grießbach

in

fr<ei>

Jena

Alber so. Ich einmal die Luft vermöge
sind sie haben sich in seiner Kraft
zu sein bekunden, daß sie nicht mehr
mehr entbehren können.

Ich bin' mich sehr daran, in
Jena einmal nicht einige frische
Pflanz, und Jenseits Liden zu
verleben.

Die Pflanz, Linn. noch weiter
ist meine Frau zum Bekommen,
da sie schon gewarnt hat. Mir
ist nichts von einer goldenen Pflanz
bekannt die auf mich bezogen
sind.

Ich bin' mich noch und noch
zu meiner Lieblings, Pflanz
verführt
F. Schiller

Письмо Ф. Шиллера к Ф.-Ю. Грисбах. 2 июля 1800 г. Последняя страница.
Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Академии Наук СССР.

Перевод

Веймар, 2 июля 1800

Примите мою наилучшую благодарность за присланные лилии, мой дорогой друг, и за Вашу дружескую заботу о моих малышах. Последним теперь уже лучше, и недостает только хорошей погоды, чтобы сыпь совсем исчезла.

Жена моя еще не дала ничего знать о себе, я каждый день жду от нее письма, но теперь вполне спокоен за нее и за Эрнста, так как знаю, что они в хороших условиях.

Передайте Грисбаху от меня всего наилучшего. Как бы мне хотелось пожелать ему покоя после тех трудных четырех недель, которые он здесь провел! Но он уж так избаловал людей, и его советы были им так полезны, что они не могут больше обходиться без него.

Я радуюсь тому, что когда-нибудь снова проведу в Иене несколько приятных часов с вами обоими.

Сапожница может, вероятно, подождать, пока моя жена не вернется, раз уже она так долго ждала. Мне ничего не известно о таком счете, который был бы не оплачен.

Всего Вам хорошего, будьте уверены в моей сердечной дружбе.

Шиллер

Печатается по автографу ИРЛИ (ф. 137, оп. 1, № 127—10).

Письмо адресовано Фридерике Юлиане Грисбах (Friederike Juliana Griebach), жене известного иенского профессора, теолога Иоганна Якоба Грисбаха (Johann Jakob Griebach, 1745—1812). Гостеприимно принятый Грисбахом и его женой после своего переезда в Иену в качестве профессора университета (1789), Шиллер стал частым гостем в доме Грисбахов и поддерживал с супругами, которые были значительно старше его, интимные дружеские отношения. Жена Грисбаха заботилась не только о самом поэте, но обо всей его семье, о его хозяйственных и материальных делах. Шиллер посвятил ей в 1797 г. стихотворение «Zum Geburtstage der Frau Griebach», в котором он в шуточной форме благодарит ее за эти хозяйственные заботы. После смерти Шиллера Фридерика Грисбах говорила друзьям: «За исключением родных Шиллера, мало людей знали его так, как мы; правда, тысячи будут жалеть о нем и оплакивать его, но большинство при»

этом думает о великом человеке, мы же оплакиваем доброго (хорошего) человека (den guten Mann)» (K. Berger. Schiller, В. II, 1910, стр. 749—750).

Письмо написано из Веймара, куда Шиллер вместе с семьей переехал из Иены в конце 1799 г., намереваясь в сотрудничестве с Гёте участвовать в работе веймарского театра, где ставились его новые трагедии. Грисбах в течение четырех недель находился в Веймаре, повидимому участвуя, как депутат, в сессии веймарского ландтага (Jonas, VI, примеч., стр. 475). Дети Шиллера болели ветреной оспой (письмо жене от 29 июня 1799 г. — там же, стр. 165). Жена Шиллера, вместе со вторым сыном Эрнстом, упоминаемыми в письме, гостила, как обычно, у своей матери в Рудольштаде (там же, стр. 475).

Неоплаченный счет «сапожницы» — одно из многочисленных свидетельств той материальной нужды, с которой Шиллеру, жившему литературным трудом, приходилось бороться всю жизнь, несмотря на временную, впрочем, весьма скудную, поддержку «меценатствующего» веймарского двора.

Из настоящего письма в собраниях писем Шиллера (Jonas, VI, стр. 165) воспроизводится только третий абзац («Sagen Sie Griefßbach... entbehren können»), который был впервые напечатан в одной из ранних публикаций писем Шиллера: H. Döring. Fr. Schillers auserlesene Briefe in den Jahren 1781 bis 1805 (Zeitz, 1834). Все последующие издания писем воспроизводят публикацию Дёринга, отмечая, что оригинал письма не сохранился (см. там же, примечание, стр. 475). Дёринг, очевидно, имел в свое время под руками автограф, находящийся ныне в Рукописном отделе Пушкинского Дома, но ограничился извлечением из него одного абзаца.

3

Das eigne Ideal

Allen gehört, was du denkst, dir eigen ist nur, was du fühlst,
Soll er dein Eigenthum seyn, fühle den Gott, den du denkst.

Schöne Individualität

Einig sollst du zwar seyn, doch Eines nicht mit dem Ganzen,
Durch die Vernunft bist du eins, einig mit ihm durch das Herz.
Stimme des Ganzen ist deine Vernunft, dein Herz bist du selber,
Wohl dir, wenn die Vernunft immer im Herzen dir wohnt.

Schiller.

Перевод

Свой собственный идеал

Мысль — достижение всех, своим только чувство считаю,
 Чтобы своим его звать, бога и чувством пойми.

Прекрасная индивидуальность

Быть в единении с целым — не значит быть с целым
 в единстве;
 Ты с ним един через ум, с ним соединишься душой.
 Целого голос — пылливый твой ум, ты сам — твоё сердце
 Благо тебе, коль ум сердце жилищем избрал.

(Шиллер. Собр. соч., т. I, изд. «Academia», стр. 147
 и 149. Перевод Н. Вильям-Вильмонта).

Печатается по автографу ИРЛИ (28689. ССV б. 48).

Два стихотворения, объединенные в этом автографе, впервые напечатаны в шиллеровском «Альманахе Муз на 1797 год» (*Musenalmanach für das Jahr 1797, herausgegeben von Schiller*). Они входят в состав цикла эпиграмматических стихотворений, в античной форме элегических двустушии, которые были опубликованы совместно Шиллером и Гёте за подписью обоих авторов (G. und S.) под заглавием «*Tabulae votivae*» (в позднейших собраниях стихотворений Шиллера — «*Votivtafeln*») — в буквальном переводе «Дарственные таблицы» (согласно обычаю древности — посвящаемые боже-ству в благодарность за спасение от смертельной опасности). По своему происхождению и содержанию «Дарственные таблицы» тесно связаны с помещенными в том же альманахе «Ксениями» («*Xenien*») — циклом эпиграмм обоих поэтов, представляющим полемический смотр всей современной Гёте и Шиллеру немецкой литературы с позиций веймарского классицизма. При окончательном редактировании Шиллер выделил из «Ксений» эпиграммы более общего, философского, морального и эстетического содержания, объединив их в самостоятельный цикл, получивший новое заглавие.

В «Альманахе Муз» оба стихотворения помещены рядом (№№ 58—59). В собрании стихотворений, вышедшем при жизни Шиллера (*Gedichte von Friedrich Schiller, Erster Teil, Leipzig, 1800; изд. 2-е, 1805*), из 103 стихотворений цикла автор перепечатал только 40, в новой группировке, при которой означенные два стихотворения оказались разделенными значительным расстоянием (№№ 17 и 34). Этому порядку следуют и все позднейшие собрания сочинений Шиллера. Автограф воспроизводит стихотворения в их

первоначальной связанности и тем самым с бóльшим вероятием может быть отнесен ко времени, предшествующему первому собранию стихотворений (между 1797 и 1800 гг.).

По своей основной мысли обе эпиграммы тесно связаны между собой и образуют единое целое. Разум, по Шиллеру, есть начало общее, чувство — основа индивидуальности. Через посредство чувства общий закон разума становится органической частью человеческой личности. «Прекрасная индивидуальность» гармонически объединяет чувство и разум, индивидуальное и общее. Это понятие тесно связано с учением о «прекрасной душе» (*schöne Seele*), которое Шиллер выдвигает, полемизируя с дуализмом Канта, в особенности — в статье «О грации и достоинстве» («*Über Anmut und Würde*», 1793). Дуалистическому разрыву между абстрактным моральным долгом (общим законом) и чувственным влечением (индивидуальным чувством), характерному для Канта, Шиллер противопоставляет свой морально-эстетический идеал гармонической личности, «прекрасной души» (или «прекрасной индивидуальности»), творящей добро по склонности.

Таким образом, обе эпиграммы тесно связаны с философско-эстетическими статьями Шиллера 90-х годов, с его полемикой против Канта, нашедшей отражение, в частности, и в «Ксениях». Можно предположить, что беловой автограф был подарен поэтом кому-нибудь из его друзей или почитателей как своего рода поэтическая декларация его мировоззрения.

Ч. ДИККЕНС

ПИСЬМА

ЧАРЛЬЗУ ЛИВЕРУ

Office of All the Year Round
A Weekly Journal conducted by Charles Dickens

№ 11 Wellington St. North, London W. C.

Tuesday, eighth November 1859.

My dear Lever

I really cannot tell you how cordially I thank you for your handsome and truly friendly letter. I assure you that I feel its generosity and consideration deeply.

The article is a very curious and suggestive one, I have called it Italian Distrust and have placed it with great satisfaction in the № made up to day published on the 23rd.

My dear fellow, the book that I want to send you is the completed «Tale of Two Cities», and it is not yet ready. But woe to the Frederick of Picadilly if he delay posting it an hour after he has one complete copy in his house!

— I have been thinking: It is not a very remarkable thing that this same Distrust coupled with the inseparable companion, an admiration of over-reaching, should be the master Kie of the United States — under the extreme opposite system of Government?

Jago would have been «a smart man» in New York and any conspicuous american will believe ill of any other.

Believe me ever

Heartily yours

Charles Dickens.

Перевод

Контора «All the Year Round»

Еженедельного журнала под редакцией Чарльза Дикенса

№ 11 *Wellington St. North, Strand, London W. C.*

Вторник, восьмого ноября 1859.

Мой дорогой Ливер,

Я, право, не могу выразить, сколь сердечно я благодарен вам за ваше прекрасное, по настоящему дружеское письмо. Смею вас уверить, что я глубоко чувствую все выраженное в нем великодушие и внимание. Статья очень любопытна и многозначительна. Я озаглавил ее «Итальянская недоверчивость» и с большим удовлетворением поместил в тот № журнала, который составлен сегодня и будет напечатан 23-го числа.

Дорогой друг, книга, которую я хочу вам послать, это полная «Повесть о двух городах», но она еще не совсем готова. И горе Фредерику из Пикадилли, если он хотя бы на час задержит ее отправку, после того как полный экземпляр ее будет лежать у него на дому.

Я все думаю, не удивителен ли тот факт, что эта самая недоверчивость в соединении с ее постоянным спутником — восхищением перед преуспеванием, — являются главным стимулом в Соединенных Штатах, с их государственной системой, диаметрально противоположной нашей.

Яго был бы «модным человеком» в Нью-Йорке, а всякий сколько-нибудь заметный американец готов поверить всему дурному, что говорится о любом его соотечественнике.

Всегда искренне ваш

Чарльз Диккенс.

В Рукописном отделе Пушкинского Дома хранится несколько писем Дикенса к разным лицам, еще не бывших в печати. В настоящем издании мы публикуем два письма Дикенса: к Чарльзу Ливеру (ф. 137, оп. 1, № 37) и к Вильяму Рольстону (28661. ССV 6. 22).

Первое из этих писем обнаружено было в архиве О А Новиковой, рожд. Киреевой (1840—1925), среди многих других находящихся здесь

Office of All the Year Round,

A WEEKLY JOURNAL CONDUCTED BY CHARLES DICKENS.

No. 11 Wellington St. North, Strand, London W.C.

Tuesday Eighth November. 1859.

My dear Sir

I really cannot tell you how cordial I thank you for your handsome and kind friendly letter. I am sure that I feel its generous and consideration deep.

The article is a very curious and suggestive one. I have called it 'Italian Disturb' and have placed it, with great gratification in the N^o. made up to day — published on the 23rd.

My dear fellow, the book that I want to take and send you, is the completed Tale of Two Cities, and it is not yet ready. But was to the Frederick of

Письмо Ч Дикенса к Ч Ливеру 8 ноября 1859 г. Первая страница
Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Академии Наук СССР

писем и бумаг английских писателей, политических деятелей и журналистов, преимущественно последней четверти XIX века, очевидно, это письмо было подарено О А Новиковой кем-либо из ее английских друзей в период

ее жизни в Лондоне (с 1876 г.), так как она уже не застала в живых ни Диккенса, ни его корреспондента.

Письмо адресовано к Чарльзу Ливеру (Charles Lever, 1806—1872), второстепенному английскому писателю-реалисту и журналисту, с которым Диккенс поддерживал дружеские связи до конца своей жизни. Ирландец по рождению, Ливер по окончании университета в Дублине занимался врачебной практикой в Ирландии (1832—1839), а затем в Бельгии, состоя врачом при английском консульстве в г. Брюсселе (1839—1842). В 1842 г. Ливер вернулся на родину. Его повести и критические статьи начали появляться с 30-х годов в английских периодических изданиях и пользовались некоторым успехом. Теккерей (посвятивший Ч. Ливеру свою «Ирландскую книгу очерков») советовал ему перебраться в Лондон и серьезно отдаться литературной деятельности, но Ливер предпочел продолжительное путешествие на европейский континент; два года он странствовал по Германии и Италии, посылая на родину корреспонденции в журналы и в то же время быстро выпуская один роман за другим, преимущественно из ирландской жизни («The Martins of Cro'Martin», «The Dodd Family Abroad», «Maurice Tiernay», «Sir Jasper Carew» и др.). Некоторые из этих романов были известны К. Марксу, который, впрочем, — насколько об этом можно судить из его переписки с Ф. Энгельсом (К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XXIV, стр. 505), — не причислял Ливера к крупным английским писателям того времени. Некоторый интерес проявил к Ч. Ливеру и Н. Г. Чернышевский; он перевел и напечатал (в «Отечественных записках» 1854—1855 гг.) упомянутый выше его роман «Семейство Доддов за границей». Н. Ф. Даниэльсон сообщил об этом К. Марксу в письме от 20 марта (1 апреля) 1873 г., в справке о жизни и литературной деятельности Чернышевского (Переписка К. Маркса и Ф. Энгельса с русскими политическими деятелями, М., 1947, стр. 74). Один из романов Ливера («A Day's Ride, a Life's Romance») был напечатан Диккенсом в его журнале «Круглый год» («All the Year Round», vol. III—IV), однако он столь мало удовлетворил его своей рыхлой композицией, что Диккенс принужден был сделать в заключительных частях этого произведения сокращения после того, как в своей значительной части оно уже было напечатано в его журнале.

В 1857 г. Ч. Ливер был назначен британским консулом в приморский городок северной Италии неподалеку от Генуи, Спеццию, получивший в это время большое значение в качестве военного порта, и прожил здесь ряд лет (несколько отрывочных данных о Ч. Ливере в период его жизни в Спецции см. у Е. Ф. Юнге. Из моих воспоминаний. «Вестник Европы», 1911, № 9, стр. 116—117). Служба не отнимала у него много времени, и он продолжал совмещать ее с литературными занятиями. Здесь, в Спецции, Ливером были написаны несколько романов («The Fortunes of Glen-coke», 1857; «Davenport Dunn», 1859) и ряд публицистических статей.

К этому же времени относится и публикуемое ниже письмо Диккенса к Ливеру.

Ближайшим поводом для этого письма явилась статья Ливера, напечатанная Диккенсом под заглавием, данным им самим («Итальянская недовержчивость»), в его новом журнале «Круглый год». Этот журнал Диккенс начал выпускать в 1859 г. вместо прекратившего свое существование журнала «Вседневные слова» («Household Words», 1850—1859). Статья Ливера находится в № 31 этого журнала от 26 ноября; она не подписана (как, впрочем, и другие материалы, печатавшиеся здесь Диккенсом) и, следовательно, публикуемое письмо решает вопрос об ее авторе («Ch. Lever». Italian Distrust. «All the Year Round», November, 26, 1859, No 31, p. 105—106). В том же номере журнала помещено окончание известного романа Диккенса «Повесть о двух городах», упоминаемого и в публикуемом письме к Ливеру: экземпляр этого романа, после выхода в свет, Диккенс предполагал, с помощью экспедитора редакции (Фредерика), отправить Ливеру в Спеццию.

Время, когда появилась статья Ливера, было весьма важным в истории итальянского национально-освободительного движения. Вся европейская пресса продолжала широко обсуждать события 1859 г. — войну, которая велась Италией в союзе с Францией Наполеона III, позорный Виллафранкский мир, сепаратно заключенный императором французов без ведома его сардинского союзника ради приобщения к Франции двух исконных итальянских провинций и с тайным расчетом спасти австрийский абсолютизм и власть папы, либерально-соглашательскую политику Кавура, закончившуюся его падением в июне 1859 г., и т. д. Вся Италия находилась в то время в брожении; в ряде итальянских провинций начались революционные выступления, национальные итальянские отряды становились под знамена Гарибальди; временные правительства центрально-итальянских государств требовали присоединения к Пьемонту, ввиду открывшихся перспектив для создания объединенной Италии, которая могла бы обойтись без помощи иностранных «союзников». Неудивительно, что и Диккенс, пристально приглядывавшийся к политическому положению в Европе, и по своему обыкновению, и как редактор журнала, с интересом прочел присланную ему итальянскую корреспонденцию Ливера. Диккенс всегда интересовался Италией, сам посвятил этой стране книгу своих путевых наблюдений («Картины из Италии», 1845), а в 1859 г. следил за итальянскими событиями особенно внимательно. Статья Ливера не отличалась ни особой глубиной в анализе этих событий, ни оценкой того освещения, которое они получали в устах итальянцев, но она была написана на месте действия и заключала в себе ряд материалов, имевших злободневный интерес. Диккенс нашел ее содержательной и любопытной. Для понимания приводимого ниже письма Диккенса укажем, что в своей статье Ливер, начав с выдержек из новейшей итальянской книги о Пьемонте (Галленга) и цитат из речей Кавура,

пытается дать характеристику политической ситуации в Италии и приходит к заключению, что новейшие события сделали итальянцев особо подозрительными. «Из всех народов Европы, — пишет он, — итальянцы самый недоверчивый народ», и это «недоверие», по его мнению, «фатально». Здесь, в Италии, «ни один человек не верит своему соседу, никто не испытывает полного доверия даже к самому себе. Каждое утверждение, каждое заявление, независимо от того, какие доказательства ни приводил бы в его защиту произносящий его человек, как бы ни была незапятнана слава этого человека, чиста его жизнь, как бы ни был ответственен занимаемый им пост, — все это принимается так, как если бы это могло быть, но не является правдой». Эти слова, составляющие центральный тезис статьи Ливера, и дали Диккенсу право дать ей собственное заглавие. Между прочим, в конце своей статьи Ливер вспоминает слова, сказанные Маколеем после того, как он увидел гастролировавшего в Англии знаменитого итальянского артиста Сальвини в трагедии Шекспира «Отелло». «Если бы Отелло, — говорит Маколей, — появился перед итальянской аудиторией, то симпатии всей публики были бы на стороне Яго; обманутый человек, по их мнению, достоин лишь презрительного сожаления». Эти слова объясняют заключительные строки письма Диккенса к Ливеру. Вспоминая о своих американских впечатлениях, в свое время получавших выражение в резко обличительных «Американских заметках» и сатирических эпизодах романа «Мартин Чезальвит», Диккенс хочет, очевидно, сказать, что наблюдение Маколея над итальянской театральной аудиторией и размышления об «итальянской недоверчивости» у Ливера в такой же степени применимы и к жителям Нью-Йорка: и здесь клеветник нашел бы себе полное сочувствие и привлек бы к себе всеобщее внимание, потому что «всякий сколько-нибудь заметный американец» всегда готов будет поверить «всему дурному», что рассказывается об его соотечественниках. Эта фраза лишний раз подтверждает ироническое, порою даже гневное отношение Диккенса к сфере хваленной заокеанской «демократии».

ВИЛЬЯМУ РОЛЬСТОНУ

Cads Hill Place
Higham by Rochester, Kent
Monday, Fifteenth October, 1866

Dear Sir

I beg you to accept my thanks for your obliging letter and also for the interesting paper on the Russian poet — which I have read with much pleasure.

Gads Hill Place.
Higham by Rochester, Kent.

Monday, Fifteenth October, 1866

Dear Sir

I beg you to accept my
thanks for your obliging letter, and also
for the interesting paper on the Russian
poet - which I have read with much
pleasure.

It would be exceedingly
agreeable were to accept any suitable
Russian papers from your pen, for All
the Year Round. I think it right to
lay stress on the word "suitable," because
because both in Household Words and
in All the Year Round, several
Russian papers have already appeared.
In the former case, the writer was
a visitor merely; in the latter case,
an old resident, well acquainted
with the wilder parts of the
country, and deriving from the

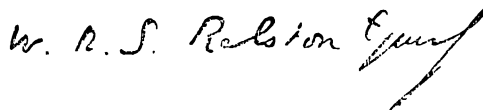
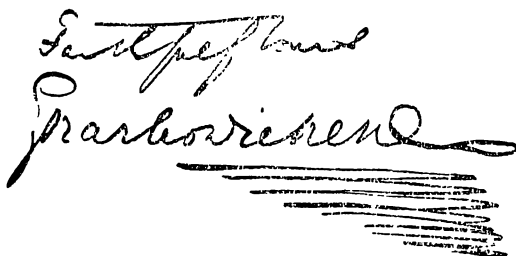
Письмо Ч. Диккенса к В. Рольстону. 15 октября 1866 г. Первая страница.
Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Академии Наук СССР.

It would be exceedingly agreeable to me to accept any suitable Russian papers from your pen for All the Year Round. I think it right to lay stress on the word «suitable», because both in Household Words and in All the Year Round, several Russian papers have already appeared. In the former case, the writer was a visitor merely, in the later case an old resident, well acquainted with the wilder parts of the country, and deriving from the Emperor himself, certain facilities and experiences

Faithfully yours

Charles Dickens

W. R. S. Ralston, esq.

Письмо Ч. Диккенса к В. Рольстону. 15 октября 1866 г.

Последняя страница.

Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Академии Наук СССР.

Перевод

Gads Hill Place
Хайгем возле Рочестера, Кент
Понедельник, пятнадцатого октября, 1866

Милостивый государь,

Прошу Вас принять мою благодарность за Ваше обязательное письмо, а также за интересную статью о русском поэте, которую я прочел с большим удовольствием.

Мне было бы чрезвычайно приятно получить какие либо подходы, написанные Вами, статьи на русские темы для журнала «All the Year Round». Я считаю правильным сделать ударение на слове «подходящие», так как в обоих журналах, — как в «Household Words», так и в «All the Year Round», уже появились некоторые русские статьи. В первом случае писатель являлся лишь посетителем, во втором же — коренным жителем, хорошо знакомым с самыми глухими углами страны, пользующимся, кроме того, известными рода льготами и от самого императора

Искренне Ваш
Чарльз Диккенс

В. Р. С. Рольстону, эсквайру

Вильям Рольстон (W. R. S. Ralston, 1829—1889) — один из первых английских славистов, в третьей четверти XIX в. составивший себе в Англии имя как переводчик с русского языка и неутомимый пропагандист русской литературы. (Имя Рольстона транскрибируется у нас различно: Ральстон, Ролстон и т. д.; мы предпочитаем то написание, которого придерживался он сам, подписываясь Рольстон Вильям Вильямович в письмах, писанных им на русском языке). Между 1853—1875 гг. Рольстон служил в Британском музее в Лондоне, а затем всецело отдался журнальной деятельности. Хорошо изучив русский язык, Рольстон с середины 60-х до конца 80-х годов непрерывно трудился над изучением русской литературы как современной ему, так и более ранних периодов, памятников русской истории и быта, народной словесности и языка. Плодами этих работ Рольстона явилось большое количество книг и статей, напечатанных им в различных английских изданиях и посвященных весьма много-

образным вопросам русской культуры и искусства. Отдельными книгами вышли его переводы «Басен» Крылова (1868), «Дворянского гнезда» И. С. Тургенева (1870), русских народных песен (1872), сказок (1874), изложенная по русским источникам «Ранняя русская история» (1874) и др. В 1875 г. Рольстон был избран членом-корреспондентом петербургской Академии Наук и около того же времени — ряда других русских ученых обществ (Географического, Исторического, «Общества любителей российской словесности» и т. д.). Рольстон четыре раза приезжал в Россию и состоял в деятельной переписке и живом общении со многими крупнейшими русскими писателями, учеными, журналистами и общественными деятелями, прежде всего с И. С. Тургеневым, с которым он был связан многолетними дружескими отношениями.

В конце 70-х и начале 80-х годов, вероятно при посредстве Тургенева, Рольстон познакомился и сблизился с А. Ф. Отто-Онегиным (1845—1925), поселившимся в Париже. Приятельская переписка Онегина и Рольстона продолжалась до смерти последнего. В архиве Онегина, находящемся в настоящее время в Пушкинском Доме, сохранилось 52 неопубликованных письма к нему Рольстона на английском языке (за 1881—1889 г.). Когда в начале 80-х годов Онегин начал собирать свою коллекцию автографов и документов, имеющих отношение к русской литературе, он, между прочим, обратился за содействием к Рольстону. Дружбе и регулярной переписке Рольстона с Онегиным мы, в частности, обязаны тем, что Онегину удалось сохранить в своем собрании все письма к Рольстону Тургенева (они опубликованы в русских переводах, к сожалению, с большим количеством ошибок и опечаток, в третьей и четвертой книжках сборников «Недра», М., 1923—1924; оригиналы писем Тургенева, на французском и английском языках, находятся ныне в Пушкинском Доме). К сожалению, ему не удалось спасти от гибели множество других, несомненно весьма замечательных литературных документов из архива Рольстона, так как они были уничтожены самим их владельцем. На склоне лет, удрученный болезнями, одиночеством и крайней материальной необеспеченностью, Рольстон предал огню почти все свои бумаги. 19 апреля 1887 г. Рольстон писал Онегину: «Я провел много часов, просматривая мою огромную коллекцию писем. Но я нашел только два письма Тургенева, которые Вам и посылаю. <Остальные были пересланы Рольстоном Онегину еще в 1883 г., вскоре после смерти Тургенева>. Разбирая их, я постепенно сжигал почти все остальные письма и таким образом, рискуя произвести пожар из своего камина, я уничтожил около четырех больших корзин, наполненных письмами». В письме Рольстона к Онегину от 4 мая 1887 г. вновь идет речь о том же: «Среди писем, которые я сжег, не было писем Тургенева; то были письма друзей и литературных знакомых, которые я сохранял, как воспоминание о прошлом. Я уничтожаю также свои дневники, и стараюсь отделаться от всяких сувениров...» (ИРЛИ, 29065. ССVII б. 25). Из

этого уничтоженного в 1887 г. архива Рольстона и происходит приведенное выше письмо к нему Ч. Диккенса, переданное Онегину еще за пять лет до гибели архива.

Рольстон писал Онегину (16 октября 1882 г.): «Разыскивая автографы для Вашей коллекции, я перебрал вчера несколько ящиков с письмами. Я нашел немного, но зато посылаю Вам четыре очень хороших — Диккенса, Литтона, Рескина и Теннисона». Все эти еще неизданные письма английских писателей, адресованные Рольстону, сохранились в собрании Онегина и представляют интерес, так как они заключают в себе отзывы о переводах его из русских писателей (Крылова, Кольцова) или о его критических статьях о русской литературе. Особый интерес представляет в этом отношении публикуемое ниже письмо к Рольстону Чарльза Диккенса.

В 1866 г. Рольстон послал Диккенсу оттиск одной из своих ранних статей о русской поэзии. Это была, несомненно, статья о Кольцове, озаглавленная «Русский поэт» и напечатанная в журнале «Фортнайтли Ревью» (*A Russian Poet. «Fortnightly Review», 1866, № 6, стр. 272—288; об этой статье см. корреспонденцию в «Русском инвалиде», 1867, № 232; статья Рольстона была переведена и на французский язык — «Revue Britannique», 1867, № 8, стр. 361—378), та самая, за присылку которой И. С. Тургенев благодарил Рольстона в письме от 19 октября 1866 г., при начале их знакомства: «С живейшим интересом прочел Вашу статью о Кольцове... У Кольцова есть штук двадцать маленьких поэм, которые будут жить, пока жив русский язык» (сб. «Недра», кн. 3, М., 1924, стр. 179, 180).*

Диккенс также откликнулся благодарственным письмом к Рольстону, писанным в то же время. Редактируя собственный журнал «Круглый год» («*All the Year Round*») и с давних пор интересуюсь Россией и русской литературой, Диккенс воспользовался случаем, чтобы привлечь Рольстона к сотрудничеству в этом журнале. Предлагая Рольстону написать серию «подходящих» статей на русские темы, Диккенс, однако, обратил его внимание на то, что подобные темы уже освещались в обоих редактированных им журналах. Очевидно, Диккенс хотел, чтобы Рольстон, прежде чем взяться для него за перо, ознакомился с ранее напечатанными им статьями о России и обратил внимание на их содержание и на характер их изложения. Необходимо указать, что такое пожелание ставило Рольстона, в известном смысле, в затруднительное положение, так как подобных статей Диккенс напечатал не две, а гораздо больше, и поэтому трудно решить, какие именно «два случая» он имеет в виду.

В первом своем журнале «Вседневные слова» (*Household Words, 1850—1859*) Диккенс поместил прежде всего статью «Молодая Россия», являвшуюся обширной рецензией на «Тарантас» гр. В. А. Соллогуба, вышедший в английском переводе (Лондон, 1850); статья не имеет подписи..

как, впрочем, и все остальные статьи журнала. В том же журнале помещена корреспонденция из Петербурга с рассказом о некоторых свадебных обычаях в русском обществе; она столь же близко подходит к «первому случаю», который имеет в виду Диккенс (противопоставляя иностранного путешественника, попавшего в Россию, ее «постоянному жителю»), как и печатавшаяся в «Household Words» с октября 1856 г. серия довольно легкомысленных заметок о посещении России, принадлежавшая перу приятеля Диккенса, Джорджа Сейла (George Augustus Sala, 1828—1896). Стоит отметить также тот мало известный у нас факт, что годом раньше (1855) Диккенс напечатал в своем журнале четыре извлечения из «Записок охотника» И. С. Тургенева, с именем автора и со своим примечанием от редактора, где он с негодованием говорит о крепостном праве в России и о «злейшем враге человечества» (world's arch-enemy) императоре Николае I, но хвалит «правдивость и свежесть» очерков русского писателя.

Диккенс напечатал рассказы Тургенева в четырех номерах своего журнала, вышедших 3 марта, 7 апреля, 21 апреля и 24 ноября 1855 г. (т. XI, стр. 108—114, 227—232, 286—288; т. XII, стр. 402—405). Остается пока неизвестным, каким текстом «Записок охотника» Диккенс пользовался при этом, во всяком случае, не французским переводом Шаррьера и не английским переводом, вышедшим в Эдинбурге в том же 1855 г. (Russian Life in the interior or the Experiences of a Sportsman, by Ivan Tourghenieff of Moscow, Edited by James D. Meiklejohn), т. е. не теми двумя переводами, которые вызвали печатные протесты Тургенева. Тем не менее Диккенс дал рассказам Тургенева собственные заглавия и сделал в них довольно большие сокращения; им напечатаны: «Бурмистр», «Петр Петрович Каратаев», «Льгов» и «Певцы».

Если на этот раз в журнале Диккенса речь, действительно, идет о впечатлениях «постоянного жителя» России, а не иноземного путешественника, то едва ли к Тургеневу приложимы слова, которыми Диккенс характеризует подобного своего корреспондента в публикуемом выше письме. «Записки охотника» Диккенс заинтересовался не через посредство их автора: с Тургеневым он познакомился лично только в 1857 г., а их последующие встречи относятся к 60-м годам.

Интерес публикуемого письма Диккенса не ослабляется тем обстоятельством, что некоторые его намеки раскрыты еще не до конца; оно лишь раз свидетельствует о том, что Диккенс, читавший Гоголя в 40-х годах (во французском переводе Тургенева) и воскищавшийся «Тарасом Бульбой» настолько, что не задумался однажды рекомендовать эту повесть Бульверу для переделки в драму, печатавший затем под своей редакцией страницы из «Записок охотника», слушавший в личной беседе с другом Чернышевского И. И. Введенским его рассказ о положении русских писателей и характере русской литературы, мог с интересом прочесть

также статью Рольстона о поэзии Кольцова, так как она была написана со знанием дела. Именно поэтому Диккенс и предложил Рольстону написать ряд статей на «русские темы». Привлечь Рольстона в качестве постоянного сотрудника журнала Диккенсу, однако, не удалось; почему это не состоялось, мы не знаем; во всяком случае принадлежащих Рольстону статей в журнале Диккенса «Круглый год» не имеется, и Рольстон нигде не говорит о своей дальнейшей с ним переписке.

УКАЗАТЕЛЬ ЛИЧНЫХ ИМЕН

- А. А., см. Козлакова А. А.
Абаза Ю. Ф., рожд. Штуббе 220,
221
Абрамович Д. И. 105
Аввакум, протопоп 101
Авдеев М. В. 193
Авдеева Е. А. 103
Акрейц, см. Окрейц С. С.
Аксаков И. С. 196
Аксаков С. Т. 152, 159, 161, 250
Александр II 44, 79
Алексеев М. П. 3, 8, 233
Алексеева Н. В. 8
Альберт Т., см. Тургенев А. Н.
Аникиева В. 241
Анненков П. В. 11, 94, 95, 150, 161,
186, 188, 192, 198, 199, 208,
209, 228, 231
Аполлон, см. Майков А. Н.
Ахматов, цензор 103
- Бабушкина А. П. 104
Багалий Д. И. 14
Багратион П. Р. 163, 165
Бажина С. Н. 227
Байрон Дж. 106
Балухатый С. Д. 5
Бантыш-Каменский Д. Н. 26
Баратынский Е. А. 184, 249, 250 и
252 (Баратынский)
Бартнев П. И. 198, 199
- Барышов Е. Е. 102, 106, 108, 110,
112, 123, 135, 136, 140
Бах С. 255
Бахрушин А. 260
Бахрушин Ю. А. 193
Безобразов В. П. 118, 124, 187, 188
Безобразов П. В. 259
Безобразова Е. Д., урожд. Маслова
118, 124
Бейсов П. С. 124
Белавина Э. А. 142
Белинский В. Г. 80, 81, 111, 130, 161
Белл (Bell), издатель 348
Бенедиктов В. Г. 110
Бензо К.-К. 79, 81, 361
Бенкендорф А. Х. 339, 340
Бенни А. 232, 233
Бергер К. (K. Berger) 351
Бертенсон Л. Б. 214
Бестужев М. А. 15
Бетховен Л. 255
Благосветлов Г. Е. 161
Блан Л. 118, 124
Боголюбов А. П. 205, 245, 247
Боденштедт Ф. 214, 216, 217
Бонна́ Л.-Ж. 244, 247
Борисов И. П. 199
Бороздна И. П. 110
Боткин В. П. 127, 129, 130, 141,
150
Боткина М. П., см. Шеншина М. П.

- Бродский Н. Л. 170, 190, 192, 193, 204, 209, 222, 234, 237, 253
Брюллов К. П. 180, 218
Буало Н. 41
Булгарин Ф. В. 25—27
Бульвер (Литтон) Э.-Дж. 367, 368
Буонаротти, см. Микель-Анджело
Бурнашев В. П. 342
Буслаев Ф. И. 255
Буш В. В. 206, 229
Бюрк, доктор 213
- Вагнер, берлинский книгопродавец 72
Ваксель П. Л. 14
Валериян, см. Майков В. В.
Вальтер Г. 72
Василий Иванович, см. Добролюбов В. И.
Введенский И. И. 368
Великий князь, см. Консгантин Николаевич
Венгеров С. А. 14
Верещагин В. В. 245, 248
Верленков В. 28, 29
Верховский Ю. Н. 250, 252
Ветринский Ч., см. Чешихин-Ветринский В. Е.
Виардо К., в замуж. Шамеро 202, 203
Виардо Л. 208
Виардо П. 127, 130, 205, 206, 208, 210, 220
Виктор Михайлович, см. Кирмалов В. М.
Вильям-Вильмонт Н. 353
Витт И. О. 337—339
Воейков А. Ф. 18, 342
Волжин, помещик 122
Волжины 122
Волконская Э. А. 339
Вольтер М.-Ф. 12
Вольховский В. Д. 16, 17, 23
Врангель, корпусной командир 79
Врангель Ф. П. 20, 22
Вревская Ю. П. 203, 209, 210
Вронченко М. П. 185
Вульф (М-г Wulf) 174, 175
Вульф (М-те Wulf) 174, 175
Вырубов Г. Н. 206
Вяземский П. А. 41, 200
- Г. Д., см. Дестунис Г. С.
Гаевский В. П. 11, 12
Гаевский С. Ф. 26
Галленга А. 361
Гарднер Р. А. 47
Гарибальди Дж. 233, 361
Гармашова Т. В. 8
Гарсиа М. 220, 221
Гаршин В. М. 170, 223, 224, 228, 229, 230 (сын), 231—237
Гаршин Е. М. 230, 235—237, 235—237
Гаршина Е. С. 170, 229—235
Гастфрейд Н. А. 15—17
Ге Н. Н. 244, 247, 248
Гедеонов А. С. 259, 260
Георгиевский А. И. 221
Георгиевский Г. П. 190, 193
Геродот 181
Герцен А. И. 7, 33—44, 74, 192
Герцен Н. А. 209
Гёте В. 106, 352, 353
Глазунов А. И. 112, 115, 123
Гоголь Н. В. 53, 146, 161, 170, 182—184, 196, 210, 368
Голицын Д. В. (Galitzin) 337, 338
Головнин А. В. 133, 139—141
Головнин В. М. 19
Гольдштейн С. Н. 246
Гомер 255
Гончаров И. А. 7, 83, 85—164, 197
Гончаров Н. А. 95, 102, 124, 153
Гончарова А. А. 124
Горадий 180, 181
Горький А. М. 171

- Граменицкая Г. Ф. 8
 Грефе Ф. Б. 180, 181
 Греч Н. И. 24—27
 Грибоедов А. С. 88
 Григ., см. Григорович Д. В.
 Григорович Д. В. 96, 110, 136, 137, 139, 141, 142, 150, 152, 153, 158, 160, 170, 214, 237, 238
 Григорьев В. В. 179, 180, 191, 192
 Григорьян К. Н. 8, 66
 Грисбах И. Я. (J.-J. Griesbach) 349, 352
 Грисбах Ф. Ю. (F.-J. Griesbach) 349—351
 Грот К. Я. 16
 Грот Я. К. 18, 184—186, 190, 199, 200, 255
 Груздев А. И. 8
 Гуно Ш. 221
 Гутьяр Н. 187, 192, 208
 Гюго В. 130, 243
- Давыдов А. И. 80, 81
 Давыдов К. Ю. 205, 206
 Давыдов Ю. В. 20, 22
 Даль В. И. 255
 Данилов А. Д. 7, 47—67
 Данилов В. В. 8
 Даниэльсон Н. Ф. 360
 Данте А. 193
 Дарвин Ч. 250
 Дашков П. Я. 217
 Декарт 40
 Дельвиг А. А. 16, 341, 342
 Демут, владелец гостиницы 218
 Державин Г. Р. 110
 Державин К. Н. 8, 261
 Дериңг Г. (H. Döring) 352
 Дестунис Г. С. 169, 176, 179—182, 218
 Диккенс Ч. 8, 355, 357—369
 Добровольская А. Р. 133, 140, 146, 152, 158, 160
- Добровольский В. М. 7, 71, 74, 76—81
 Добровольский Л. М. 8, 89, 169, 187
 Добролюбов В. А. (Володя) 80, 81
 Добролюбов В. И. 80, 81
 Добролюбов Н. А. 7, 69, 71—81, 94, 95, 103, 140, 158, 161
 Долганов Н. А. 206
 Донон, владелец ресторана 163, 165
 Достоевский Ф. М. 111, 119, 224
 Дружинин А. В. 94, 102—104, 130, 134, 139, 140, 142, 147, 150, 155 (редактор), 157, 160, 161
 Дудышкин С. С. 106, 110, 111, 123, 145, 146
 Дудышкины 109
 Дюма А. (сын) 242, 243, 246
 Дюпень Ш. 38, 41
 Дюпре Ж. 207, 208
 Дюран Э. 232
- Е. В., см. Мусина-Пушкина Е. В.
 Е. П., см. Майкова Евг. Петр.
 Еголин А. М. 248
 Екатерина II 35, 87
 Екатерина Федоровна 150, 152, 157, 160
 Елагин Н. В. 98, 103
 Елизавета Петровна, имп. 87
 Елисеев Г. Э. 224
 Есипова А. Н. 205, 206
 Ефремов А. П. 109, 111, 138, 141, 142, 150, 152
 Ефремов П. А. 14
 Ефремова Ю. Д., рожд. Гусятникова (Юнинька) 92, 93, 96, 101, 105, 107, 109, 111, 116, 117, 119, 120, 122, 123, 125, 128, 130, 131, 137, 138, 140—142, 148—150, 158, 160, 161
 Ефремовы 93

- Жади́мировский**, купец 28—32
Жемчужников В. М. 76, 77
Женичка 122, 138, 156
Жерар 41
Жирмунский В. М. 8
Жуковская Е. И. 71
Жуковский В. А. 170, 183—185, 196, 197, 200 (отец), 249, 337—340
Жуковский П. В. (художн.) 200, 202—208, 210—212
Журавлев И. Г. 73
- З.**, см. **Зотов** Р. М.
Зайцевский Е. П. 25, 26
Замошкин А. И. 249
Засодимский П. В. 223, 228
Зильберштейн И. С. 205, 208, 241, 247, 249
Златковский М. Л. 142
Златовратский Н. Н. 223, 228, 250
Злобин В. Н. 89
Золя Э. 241—243, 246
Зот., см. **Зотов** В. Р. или Р. М.
Зотов В. Р. 136, 140, 141
Зотов Р. М. 119, 125, 131, 136, 140, 141
- Иван Гаврилович** 73, 75
Иван Иванович, см. **Панаев** И. И.
Иван Сергеевич, см. **Тургенев** И. С.
Иванов А. А. 180, 217, 218
Иванова П. И. (Полина) 190, 191
Ивановский И. И. 181, 182
Илинский Г. П. 239
Илинский П. А. 239
Илличевский А. Д. 11, 16
Иордан Ф. И. 196
Ирецкая Н. А. 220, 221
Истомин, капитан 142
Ионас Ф. (F. Ionas) 347
Иохим, домовладелец 340
- К.** 49
Кавур, см. **Бензо**
Казанович Е. П. 47, 48, 66, 67
Казанский П. Н. 71, 72
Каменский А. В. 222, 229
Кант Э. 39, 354
Капелюш Б. М. 8
Карамзин Н. М. 197
Каренин В., см. **Комарова** В. Д.
Карл-Альберт, король 192
Кармалин 78, 79
Каролина 154, 157
Катков М. Н. 252
Керн А. П. 342
Кигн В. Л. 222
Киреевский И. В. 249
Кирмалов В. М. 138, 142, 149, 152, 159, 161
Кирмалова А. А. 153
Кишинский Н. А. 252, 253
Кладель Л. 229
Клеман М. К. 160, 183, 187, 189, 206, 209, 213, 229, 241
Клочкова Л. П. 8
Княжнин В. Н. 71, 73
Кобержский Ф. Ф. 162, 165
Коберский, см. **Кобержский**
Кобылин, работник типографии 117, 123
Кожанчиков Д. Е. 193
Козьмин Б. П. 67, 76, 105
Колзаков А. А. 104, 142
Колзакова А. А. 99, 104, 111, 119, 125, 139, 142, 145, 146
Колмаков Н. М. 179
Кольридж С.-Т. 348
Кольцов А. В. 183, 367, 369
Комарова-Стасова В. Д. (В. Каренин) 43, 44, 241
Комовский С. Д. 16
Кондрашка, вольноотпущенный человек Писаревых 50, 51
Кони А. Ф. 96, 197, 238

- Константин Николаевич, вел. князь
 133, 140, 155, 159
 Коренев А. П. 128, 130
 Коренева Р. А., в замуж. Гарднер
 (кузина) 59—61, 63—65, 67
 Корнель П. 106
 Корнилов А. А. 15, 16
 Короленко В. Г. 229
 Корф М. А. 16
 Котта И. Ф. (Cotta) 348
 Коцебу А.-Ф. 348
 Кошкаров М. В. 122, 123, 125, 133,
 158, 160
 Кошкарова Ю. П. 125, 133, 150, 152,
 158, 160
 Краббе Н. К. 136, 141, 155, 157
 Краевский А. А. 106, 139, 142, 145,
 146, 155
 Крамской Н. И. 249
 Крашевский И. 79, 81
 Крестова Л. В. 211
 Кривенко С. Н. 223—225, 227
 Крылов И. А. 197, 366, 367
 Курочкин Н. С. 205, 206
 Куторга М. С. 182
 Кюхельбекер В. К. 14, 16—20

 Л. В., см. Мусина-Пушкина Е. В.
 Лавров П. Л. 80, 81
 Лакиер А. Б. 155, 157
 Ламберт Е. Е. 190, 193, 252
 Левитов А. И. 250
 Лейхтенбергский М., герцог 102
 Лемке М. К. 43, 44, 86
 Ленин В. И. 74, 124, 161, 192, 193,
 204
 Лернер Н. О. 14
 Лесевич В. В. 248
 Либрович С. 248
 Ливер Ч. 357—362
 Лисовский Н. М. 179, 181
 Лист Ф. 221, 250
 Литтон, см. Бульвер Э.-Дж.
 Лихачев В. И. 218, 219
 Ломоносов М. В. 110
 Лонгинов М. Н. 103
 Лонгман и Рис (Longman and Rees),
 издатели 348
 Лопатин Г. А. 222
 Луиза, горничная 108, 116, 120, 121
 Лунин М. С. 196
 Льховская (маменька) 137, 149
 Льховский И. И. 7, 91—165
 Льюис М. Г. (M. G. Lewis) 348
 Любошинский М. Н. 151, 153

 Мазон А. 110, 217
 Майер Ф. Х. 47, 48, 55, 56, 66
 Майков А. Н. 103, 109, 110, 123,
 126, 135, 137, 139—142, 150,
 152, 158, 160
 Майков В. В. 149, 152
 Майков В. Н. (старик) 92, 99, 101—
 105, 107, 109, 126, 128, 130,
 133, 138—140, 146, 147, 152,
 153, 155—158, 160, 161
 Майков Валериан Н. 103, 109—111,
 160
 Майков Л. Н. 103, 109, 123 (Бурь-
 ка), 126, 142
 Майков Н. А. 92, 107, 109, 110,
 123, 137, 138, 146, 150, 152,
 158, 160
 Майкова А. И. 123, 126, 150, 152,
 158
 Майкова Евгения Петровна, рожд.
 Гусятникова (Е. М-ва и Е. По-
 дольская) 92, 93, 105, 107, 109,
 117, 123, 125, 135, 137, 141,
 150, 152, 153, 158, 160
 Майкова Екатерина Павловна, рожд.
 Калита (старушка) 101, 104, 105,
 107, 109, 122, 125, 133, 137,
 138, 140, 145—147, 149, 150,
 152, 153, 156, 157, 159—161

- Майковы 92—94, 96, 103—105, 110,
124, 126
Маколей Т.-Б. 362
Максимов В. М. 245, 249
Малеин А. 181
Малинин Д. И. 252
Малиновский И. В. 15, 16
Малова М. И. 8
Мане Э. 241, 242, 246
Маркелов Д. Д. 122, 126, 128
Маркович М. А. (Марко Вовчок) 216
Маркс А. Ф. 141
Маркс К. 124, 360
Мартынов А. И. 16
Марчелло Б. 255
Матюшкин Ф. Ф. 15, 18—22
М-ва Е., см. Майкова Евгения Петровна
Межев В. И. 217, 218
Мельгунов Н. А. 192
Меншиков П. Н. 128, 130
Мещерский В. П. 211
Микель-Анджело Б. 193
Миллер Л. (L. Miller) 347, 348
Миловидов А. 250
Михайловский Н. К. 206
Мицкевич А. 8, 335, 337—342
Мицкевич В. 338
Модзалевский Б. Л. 14, 96, 105,
130, 340
Мопассан Ги 233
Моцарт В. 255
Муравьев М. Н. 76
Мусина-Пушкина Е. В., рожд. Толстая 93, 103, 119, 122, 124, 125,
145, 146
Мыссовская А. Д. 260
Н. А., см. Майков Н. А.
Надеждин Н. И. 42
Найдич Э. Э. 8
Наполеон I 40, 41
Наполеон III 361
Нарыков М. 253
Наумов Н. И. 223, 228
Нахимов П. С. 126
Нёден А. (A. Nöhden) 346, 348, 349
Нёден Г.-Г. (G.-G. Nöhden) 346—
349
Некрасов Н. А. 6, 48, 96, 130, 131,
134, 218, 245 (Некрасовы), 248
Нелидов А. И. 214
Никитенко А. В. 24, 26, 89, 95, 128,
130, 145, 146, 160, 161, 164,
165, 176, 183
Николаев А. С. 197
Николай I 171, 368
Ниссен-Саломон Г. 221
Новикова О. А., рожд. Киреева 359,
360
Новосильцев Н. Н. 339
Оболенский Л. Е. 228
Обручев Н. Н. 71, 74, 79, 81
Овен Р. (Оуен) 78, 80
Огарев Н. П. 37, 43, 44
Огаревы 122
Одоевская О. С. 192
Одоевские 185
Одоевский В. Ф. 25, 26, 250
Озеров В. А. 110
Окрейц С. С. (Акрейц) 74, 77, 79
Оксман Ю. Г. 179, 184, 197
Ольга Николаевна, вел. кн. 184
Ольденбургский П. А.. принц 20, 22
Ольденбургский С., принц 20
Онегин А. Ф. (Отто) 203, 205, 206,
208, 209, 239, 339, 366, 367
Основский Н. А. 189
Островский А. Н. 7, 103, 183, 193,
257—334
Панаев И. И. 80, 81, 96, 110, 131—
134, 139, 141, 143, 147
Пантелеев Л. 191

- Панфилов А. И. 122, 126
 Паскевич Е. А. 97
 Паскевич И. Ф. 102
 Пасовыева М. Ф. 152
 Паспати, археолог 220, 221
 Перов В. Г. 245, 248
 Перозио Н. И. 76, 77
 Петрарка Ф. 193
 Петров Н. С. 260
 Пиксанов Н. К. 5, 47, 96
 Пинто М.-А. 191—193
 Пирогов Н. И. 78
 Писарев Д. И. 7, 45, 47—67
 Писарев И. И. (papa) 50, 55, 56
 (отец), 66
 Писарев С. И. 52, 53, 59, 66
 Писарева В. Д. (mama) 47, 50, 54,
 55, 60, 64
 Писемский А. Ф. 93, 96, 142, 147
 Пич Л. 203, 217
 Платон 39
 Плетнев Александр П. 186, 201
 Плетнев Алексей П. 186, 201
 Плетнев П. А. 18, 25, 169, 170,
 183—191, 193—201
 Плетнева А. В. 169, 186, 188—190,
 193—213, 222, 247
 Плюшар А. А. 24—26
 Подолинский А. И. 342
 Подольская Е., см. Майкова Евгения
 Петровна
 Полевой Н. А. 26, 103
 Полевой П. Н. 341, 342
 Поленов В. Д. 208
 Полина, см. Иванова П. И.
 Полонская Ж. А. 214, 237
 Полонские 236, 237
 Полонский Я. П. 205, 206, 208, 213,
 214, 222, 226, 236, 237
 Полякова А. А. (Хвостова) 220, 221
 Попов А. 152
 Попов А. А. 136, 141
 Попов А. П. 138, 150, 153
 Потемкин Г. А. 36
 Потехин А. А. 93
 Прохоров Г. В. 237
 Прыгунов М. Д. 193
 Пудревич, владеец гостиницы 164
 Пуле-де М. Ф. 152
 Путятин Е. В. 136, 141
 Пухальская Ю. А., рожд. Ефремова
 (Ляля) 138, 142
 Пушкин А. С. 5—7, 9, 11—32, 94,
 95, 104, 112, 115, 170, 183—185,
 195—197, 228, 245, 247, 248,
 255, 256, 340, 342
 Пушкины, дети 32
 Пущин И. И. 13, 14, 16—18, 20, 23,
 247, 248
 Пущина В. И. 196
 Пыпин А. Н. 71
 Радецкий И. 102
 Радецкий И. М. 97, 102
 Рафаэль 249
 Рачинский С. А. 8, 170, 249—256
 Рейсер С. А. 8, 233
 Рейхель М. К. 192
 Репин И. Е. 203, 205, 208, 241,
 245, 247—249
 Рескин Дж. 367
 Родосский А. С. 73
 Рока-ди, герцог 122
 Рольстон В. В. 358, 362—367, 369
 Ростопчина Е. П. 196
 Рубинштейн А. Г. 221
 Рубинштейн Н. Г. 250
 Русанов Н. С. 222—224
 Руссо Т. 207, 208
 Савина М. Г. 237, 238, 252
 Савич Н. 227
 Сакс Н. Э. 234
 Сакулин П. Н. 124, 125
 Салаев, книгоиздатель 217, 218
 Салтыков-Щедрин М. Е. 14, 20, 21,

- 28, 81, 124, 188, 204, 211, 218,
231
- Сальвини Т. 362
- Сахарова Е. В. 208
- Свиньин П. П. 25, 26
- Сейла Д. 368
- Семевский М. И. 214, 341, 342
- Сенковский, помещик 78
- Сенковский О. И. 24—26
- Сераковский С. И. 74, 76, 79
- Сервантес М. 119
- Серебряков П. М. 252
- Серно-Соловьевич Н. А. 76
- Серов А. Н. 221
- Сибиряков К. М. 223, 224
- Сидоров А. 248
- Синявский Н. 14
- Скабичевский А. М. 103, 105, 110,
223, 226, 228
- Смирнов 76, 77
- Смирнов Н. М. 210
- Смирнова А. О. (Россет) 196, 210,
211
- Смирнова О. Н. 210, 211
- Соболевский В. М. 225
- Соболевский С. А. 250
- Соллогуб В. А. 367
- Солоницын Вл. Андреевич 160
- Солоницын Вл. Аполлонович 158, 160
- Соф. Ос. 100
- Софокл 181
- Соханская Н. С. (Кохановская) 196
- Станевич О. Ф. 76, 79
- Станкевич Н. В. 94
- Старчевский А. В. 104, 110
- Стасов В. В. 8, 43, 44, 170, 241—249
- Стасюлевич Л. И. 86
- Стасюлевич М. М. 48, 66, 85, 86,
106, 200, 209, 212, 213, 218,
222, 226, 246
- Стивен Ф.-Х. 16
- Стодарт Джон (John Stoddart) 347,
348
- Суворин А. С. 205, 218, 219
- Султан-Шах М. П. 8
- Суперанский М. 124
- Сухомлинов М. И. 179
- Твердомед Ф. И. 123, 126
- Теккерей В. 360
- Теннер Дж. 115
- Теннисон А. 367
- Теплов 173
- Тернер Ф. Г. 221
- Толстая Е. В., см. Мусина-Пушкина
- Толстая Н. И. 152
- Толстой А. К. 85, 86
- Толстой Д. А. 221
- Толстой Л. Н. 160, 204, 205, 244.,
246, 247, 251, 252, 256
- Толстой Ф. П. 152
- Толстые Н. И. и Ф. П. 150, 152
- Томашевский Б. В. 8
- Топоров А. В. 206
- Тортони, владелец ресторана 127
- Трескин Н. А. (Т.) 57, 60, 61, 67
- Третьяков П. М. 248, 249
- Третьяков С. М. 247
- Третьякова, жена С. М. Третьякова
244, 247
- Трофимов, домовладелец 242
- Тургенев А. Н. 208, 209
- Тургенев Алекс. Н. 236, 237
- Тургенев И. С. 7, 8, 93, 95, 96, 115,
116, 120, 123, 124, 126—131,
134, 141, 142, 147, 152, 153,
158, 160, 161, 167, 169—256,
366—368
- Тургенев Н. И. 190, 209
- Тургенева В. П. (маменька) 171, 174.,
175
- Тхоржевский С. 43, 44
- Тырков А. Д. 15, 16
- Тэн И. 242, 246
- Тютчев Ф. И. 196

- Уварова Е. С., рожд. Лунина 196
 Урусова, кн. 212
 Усов П. С. 233
 Успенская А. В. 206, 222, 227, 229
 Успенский Г. И. 170, 205, 206, 221—229, 250
 Успенский Н. В. 226
 Устинов, домовладелец 159
 Утевский Л. С. 91, 109
- Ф**
 Фадеев, матрос 112, 115
 Федор, слуга И. А. Гончарова 99, 100, 104
 Ферма П. (Фермат) 255
 Фет А. А. (Шеншин) 127, 129, 130, 249
 Фетисов Н. 11
 Фиглев М. С. (Миша) 169—172, 174, 176, 177
 Фиглев С. М. 169—176
 Фиглева А. Я. 171, 172
 Фиглевы 171
 Филанов Б. Г. 248
 Филиппов Н. Н. 135, 140, 150, 153
 Филиппов Т. И. 219, 220
 Фольмер В. (Vollmer W.) 347
 Фортунатов Ф. 181
 Фрадкина Э. Л. 217
 Франкль, доктор 120, 122
 Фрейганг А. И. 159, 161
 Фрейтаг Ф. К. 180, 181
- Харламов А. А. 204, 205, 207, 208, 244, 247
 Хилков А. Д. 216
 Хилков Г. Д. 216
 Хилков Д. А. 214
 Хилкова Е. Г. (Волконская) 214, 215
 Хилкова О. Д. 214—216
 Хилкова П. Д. 214—216
 Хитрово Е. М. 14, 23
 Хмелевская Е. М. 8
- Ц**
 Цейтлин А. Г. 89
 Цехновицер О. В. 5, 47
 Цицерон 180, 181
 Цявловский М. А. 14, 141
- Ч**, см. Чернышевский Н. Г.
 Чайковский П. И. 250, 251
 Черкасский В. А. 192
 Чернышевский Н. Г. (Ч.) 53, 67, 71, 74, 76—80, 140, 360, 368
 Чешихин-Ветринский В. Е. 43, 206
 Чириков С. Г. 11
 Чиркин 79, 81
 Чуковский К. И. 160, 203
- Ш**
 Шамеро Ж. 203
 Шаррьер Э. 368
 Шатиловы 66
 Шевырев С. П. (Chaviroff) 337—339
 Шекспир В. 124, 255, 362
 Шеншин В. А. 127
 Шеншина М. П. 127, 129
 Шенье А. 18
 Шиллер Ф. (Schiller) 8, 343, 345—354
 Шиллер Ш. (Frau) 349, 351, 352
 Шиллер Э. 349, 351, 352
 Шимановский М. И. 72
 Шихматова, кн. 174
 Шишков А. С. (Schyschkoff) 337, 338
 Штакеншнейдер Е. А. 104, 110, 125, 126, 139, 141, 142, 152, 153
 Штакеншнейдер М. Ф. 141, 152
 Штакеншнейдеры 150, 152
 Штрайх С. Я. 14
- Щ**, см. Щербина Н.
 Щастный В. Н. 340—342
 Щеголев П. Е. 18, 28, 30
 Щепин-Ростовский Д. А. 15
 Щепкин М. А. 185, 238
 Щепкина С. Г. 253

- Щербань Н. В. 194
Щербина Н. Ф. 94, 131, 136, 139—
141
- Эверарди Ж. 220, 221
Эйлер Л. 255
Энгальчева, кн. 163
Энгельгардт Б. М. 91, 126, 157,
161
Энгельгардт Е. А. 14—20, 23
Энгельс Ф. 360
Эртель А. И. 223
- Юнге Е. Ф. 360
- Языков Д. Д. 104
Языков М. А. 104, 109, 111, 118,
124, 130, 150
Языкова А. А., в замуж. Колзакова
104
Языкова А. М. 152
Языкова Е. А. 111
Языковы М. А. и Е. А. 92, 93
Яковлев М. Л. 16
Яковлев Н. В. 232
Яковлева А. М. 117, 122, 123
Якушкин П. И. 73, 75
Ямпольский И. Г. 110
Яновский С. Д. 109, 111
Ярославцов А. К. 159, 161
Ясинский И. И. 224
-

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИИ

	Стр.
Автограф стихотворения А. С. Пушкина «19 октября 1827». Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Академии Наук СССР	14—15
Письмо Ф. Ф. Матюшкина к товарищам-лицейстам. 19 октября 1820 г. Ленинград. Государственная Публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина	21
Записка А. С. Пушкина. 1834 г. Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Академии Наук СССР	24
Окончание расписки А. С. Пушкина в судебном деле. 26 августа 1835 г. Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Академии Наук СССР	29
Расписка А. С. Пушкина в судебном деле. 6 марта 1836 г. Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Академии Наук СССР	31
Отрывок из начатой повести А. И. Герцена. 1833 г. Последняя страница. Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Академии Наук СССР	40—41
Письмо Н. А. Добролюбова к неизвестному. 14 октября 1861 г. Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Академии Наук СССР	75
Письмо И. А. Гончарова к И. И. Льховскому. 1 (13) августа 1858 г. Двадцать вторая страница. Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Академии Наук СССР	136—137
Письмо И. С. Тургенева к С. М. Фиглеву. 26 марта 1838 г. Вторая страница. Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Академии Наук СССР	175
Шуточная характеристика М. Фиглева, написанная И. С. Тургеневым. <1835—1836 гг.?.>. Первая страница. Институт русской лите- ратуры (Пушкинский Дом) Академии Наук СССР	177
Драматическая сказка А. Н. Островского «Иван-Царевич». 1867— 1878 гг. Шестая страница. Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Академии Наук СССР	267

	Стр.
Письмо Адама Мицкевича к В. Н. Щастному. <1829 г.>. Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Академии Наук СССР	341
Письмо Ф. Шиллера к Адольфу Нёдену. 6 июня 1799 г. Первая страница. Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Академии Наук СССР	346
Письмо Ф. Шиллера к Ф.-Ю. Грисбах. 2 июля 1800 г. Последняя страница. Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Академии Наук СССР	350
Письмо Ч. Диккенса к Ч. Ливеру. 8 ноября 1859 г. Первая страница. Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Академии Наук СССР	359
Письмо Ч. Диккенса к В. Рольстону. 15 октября 1866 г. Первая страница. Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Академии Наук СССР	363
Письмо Ч. Диккенса к В. Рольстону. 15 октября 1866 г. Последняя страница. Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Академии Наук СССР	364

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
Предисловие	5
А. С. ПУШКИН	
〈Лицейское четверостишие〉 (Б. В. Томашевский)	11
〈Стихотворение «19 октября 1827»〉 (Э. Э. Найдич)	13
〈Записка〉 (Е. М. Хмелевская)	24
〈Расписки в судебном деле〉 (Э. Э. Найдич)	28
А. И. ГЕРЦЕН	
Неизданные страницы и письма (К. Н. Григорьян)	35
〈Отрывок из начатой повести〉	35
〈Отрывок критической статьи〉	38
〈Второй вариант той же статьи〉	41
Письмо В. В. Стасову	43
Д. И. ПИСАРЕВ	
«Несколько отрывочных воспоминаний о Д. И. Писареве» А. Д. Данилова (К. Н. Григорьян)	48
Н. А. ДОБРОЛЮБОВ	
Письма (С. А. Рейсер)	71
Н. А. Добролюбов — П. Н. Казанскому	71
Н. А. Добролюбов — Неизвестному	73
В. М. Добровольский — Н. А. Добролюбову	74
И. А. ГОНЧАРОВ	
〈Набросок неосуществленного продолжения романа «Обрыв»〉 (А. И. Груздев, Л. М. Добровольский)	85
Письма к И. И. Лиховскому (1857—1860) (А. И. Груздев)	91

	Стр.
И. С. ТУРГЕНЕВ	
Письма И. С. Тургенева	169
С. М. Фиглеву (<i>В. В. Данилов</i>)	170
〈Характеристика М. С. Фиглева (1835—1836 гг.?)〉 (<i>В. В. Данилов</i>)	176
Г. С. Дестунису (<i>М. П. Султан-Шах</i>)	179
П. А. Плетневу (<i>М. П. Алексеев</i>)	183
А. В. Плетневой (<i>М. П. Алексеев</i>)	195
О. Д. Хилковой (<i>Б. Н. Капельюш</i>)	214
В. И. Межову (<i>Л. П. Клочкова</i>)	217
В. И. Лихачеву (<i>М. П. Султан-Шах</i>)	218
Т. И. Филиппову (<i>Г. Ф. Граменицкая</i>)	219
Г. И. Успенскому (<i>Н. В. Алексеева</i>)	221
Е. С. Гаршиной (<i>М. И. Малова</i>)	229
Е. М. Гаршину (<i>М. И. Малова</i>)	235
Д. В. Григоровичу (<i>Т. В. Гармашева</i>)	237
П. А. Илинскому (<i>Т. В. Гармашева</i>)	239
Письма к И. С. Тургеневу	241
В. В. Стасова (<i>М. П. Алексеев</i>)	241
С. А. Рачинского (<i>В. В. Данилов</i>)	249
А. Н. ОСТРОВСКИЙ	
Драматическая сказка «Иван-Царевич» (<i>К. Н. Державин</i>)	259
А. МИЦКЕВИЧ	
Письма	337
В. А. Жуковскому (<i>К. Н. Державин</i>)	337
А. Х. Бенкендорфу (?) (<i>К. Н. Державин</i>)	339
В. Н. Цастному (<i>В. В. Данилов</i>)	340
Ф. ШИЛЛЕР	
Письма и стихотворения (<i>В. М. Жирмунский</i>)	345
А. Нёдену	345
Ф.-Ю. Грисбах	349
Стихотворения	352
Ч. ДИККЕНС	
Письма (<i>М. П. Алексеев</i>)	357
Чарльзу Ливеру	357
Вильяму Рольстону	362
Указатель личных имен	370
Список иллюстраций	380

*Печатается по постановлению
Редакционно-издательского совета
Академии Наук СССР*

*

Редактор издательства *М. М. Смирнов*
Технический редактор *Р. А. Аронс*
Корректоры *В. К. Загорская* и *Э. Г. Сегаль*

*

РИСО АН СССР № 4440. М-37542
Подписано к печати 15 X 1951 г. Бумага
60 × 92/16. Бум. л. 12. Печ. листов 24 +
3 вклейки. Уч.-изд. л. 20.1. Тираж 5000.
Зак. 122. Цена в переплете 19 руб.

1-я типография Издательства АН СССР.
Ленинград, В. О., 9 лин., д. 12.